

КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Перевод
с санскрита и пракритов

ЛЕНИНГРАД
«Художественная литература»
Ленинградское отделение

1984

ББК 84. 5 Ид
К 47

Составление и редакция переводов
Г. ЗОГРАФА

Предисловие
В. ЭРМАНА

Комментарий
М. ВОРОБЬЕВОЙ-ДЕСЯТОВСКОЙ,
Г. ЗОГРАФА, В. ЭРМАНА

Оформление художника
П. ТАТАРНИКОВА

Классическая драма древней Индии: Пер.
К 47 с санскр. и пракритов /Под редакцией, сост.
Г. Зографа; Предисл. В. Эрмана; Комм. М. Во-
робьевой-Десятовской, Г. Зографа, В. Эрма-
на. — Л.: Худож. лит., 1984. — 336 с.

В сборник входят четыре классические древнеиндийские дра-
мы: «Обет Яугандхараяны» Бхасы, «Перстень Ракшасы» Виша-
кхадатты, «Глиняная повозка» Шудраки и «Хмельные забавы»
Махендравикрамавармана в переводе с санскрита и пракритов.

К 4703000000-065
028(01)-84 175-84

ББК 84. 5 Ид

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти двести лет тому назад, в 1789 г., вышел в свет в Калькутте, а через год был переиздан в Лондоне английский перевод «Шакунталы», драмы Калидасы. Это был первый перевод санскритской классической драмы и вообще один из первых переводов на европейский язык произведения древнеиндийской литературы непосредственно с оригинала; и это знакомство с памятником почти неведомой до той поры литературы явилось своего рода откровением для европейского читателя, узнавшего о существовании за пределами воспитавшей его культурной традиции, у народов дальних стран Востока, высочайших духовных ценностей, не уступающих тем, что составляли гордость его собственной культуры. Известны восторженные отзывы об этой замечательной драме таких выдающихся писателей и мыслителей того времени, как Гёте, Шиллер, Гердер, Карамзин (переведший два акта из нее на русский язык). «Шакунтале» Калидасы суждено было играть особенно яркую роль в том пробуждении интереса к культуре Востока, которым ознаменована была эпоха европейского романтизма.

Но в этой роли она осталась своего рода исключением среди других произведений древнеиндийской драматургии, ибо ни одно из них уже не произвело, даже отдаленно, подобного впечатления на Западе. Более того, по мере дальнейшего ознакомления с санскритской драматической литературой, стало проявляться здесь определенное разочарование. Слишком своеобразным и далеким от привычных представлений о драме показалось это примечательное явление древнеиндийской культуры западным исследователям и читателям. С начала XIX в. интерес к нему постепенно падает, а когда вновь пробуждается на рубеже нашего столетия, то именно как к явлению экзотическому, способному привлечь внимание пресыщенных эстетов, но лишенному, в сущности, глубокого художественного содержания.

Именно в это время утверждается на Западе мнение о древнеиндийском классическом театре как об искусстве утонченном и изысканном, но бесконечно далеком от жизни и от народа, предназначенном для

избранных, и в то же время глубоко религиозном по духу — последняя черта признавалась характерной вообще для индийской культуры. Сравнивая санскритскую драму с прославленной древнегреческой трагедией, европейские критики подчеркивали обычно несовершенство индийского драматического искусства, недостаточно на их вкус «драматичного». В своем капитальном труде, посвященном индийскому театру, известный французский востоковед С. Леви отмечал в свое время как определяющие черты его: «любовь к чудесному, презрение к действию, однообразие интриги, боязнь трагических катастроф, вкус к приглушенным эмоциям»¹. Немногочисленные попытки представления древнеиндийских пьес на западной сцене, как правило, не имели прочного успеха; казалось, ни одно из этих произведений, исключая гениальное творение Калидасы, не пережило своей эпохи и в наше время может интересовать только исследователей-специалистов да любителей литературных редкостей.

Только в относительно недавние годы наметился существенный поворот во взглядах на древнеиндийскую драму. За последние два десятилетия на Западе и в самой Индии появился ряд работ, по-новому оценивающих это явление древней культуры. В них преодолевается то непонимание своеобразия индийского классического театра, которое обусловило в прошлом ложные европоцентристские концепции, применение к произведениям древней литературы привычных критериев, выработанных драматургией нового времени. И в некогда высокомерно осужденной санскритской драме выявляются черты, предвосхищающие более полное раскрытие художественных возможностей театрального искусства уже и для нашей эпохи. Знаменателен в этом отношении успех некоторых современных постановок древнеиндийских пьес (в частности, постановки «Перстня Ракшасы» Вишакхадатты в Немецком национальном театре в Веймаре, осуществленной индийским режиссером В. Мехта в 1977 г.).

Обращаясь к истории древнеиндийского драматического театра, мы сталкиваемся с рядом трудных проблем, донные еще не разрешенных полностью. Происхождение его возводят к народным обрядовым играм и пантомимам; однако проследить стадию раннего становления драматического искусства древней Индии непосредственно по текстам мы не имеем возможности. Самые ранние из дошедших до нас произведений индийской драматической литературы принадлежат к относительно позднему времени (I — II вв.) и свидетельствуют о сложившейся уже в своих основных чертах форме санскритской классической драмы; мы как бы сразу вступаем в эпоху расцвета, между тем как подготовивший его период остается для нас белым пятном.

«Драматическая поэзия, — говорит Белинский, — является у народа уже с созревшей цивилизацией в эпоху пышного цвета его истории»

¹ L é v i S. Le théâtre indien. Paris, 1890, p. 8.

ческого развития»¹. Предполагаемое время создания драматического театра ознаменовано было в истории Индии значительными социальными сдвигами и политическими потрясениями. В середине первого тысячелетия до н. э. подъем производительных сил, сопровождавшийся ростом городов, укреплением экономических связей между разрозненными ранее областями, постепенной ликвидацией племенной раздробленности, создал условия для объединения страны, для создания сильного централизованного государства. Вторжение Александра Македонского в IV в. до н. э. было внешним толчком, способствовавшим сплочению внутренних сил и первому объединению Индии под властью династии Маурья. Возникновение могущественной империи сопровождалось и высоким расцветом культуры.

Драматическое творчество в Индии начинается, по-видимому, несколько позднее, чем в древней Греции, — около IV—III вв. до н. э. Это была вторая в истории страна, создавшая самобытное искусство драматического театра. Но процесс его развития был здесь более длительным и сложным, чем в античном мире.

В эпоху расцвета классической культуры в Индии складывается высокоразвитая теория драматического искусства; она запечатлена в знаменитом санскритском трактате «Натьяшастра» («Наука о театре»), созданном около III—IV вв., но свидетельствующем уже о продолжительной предшествующей традиции развития теоретической мысли в этой области. К этому времени разработаны были законы построения драматического действия, классификация традиционных жанров и персонажей, оригинальная и глубокая эстетическая концепция «раса» («настроения»), определяющего эмоциональное воздействие драматического произведения. Форма санскритской классической драмы, по существу, уже ближе европейской драме нового времени, чем античной трагедии.

Сходство это наблюдается в композиции драмы, в делении на акты, в достаточно сложной обычно интриге, вовлекающей в действие большое число персонажей, в нередком включении эпизодов, параллельных линий действия. Иногда акты разделяются интермедиями; действие не ограничивается условиями единства места и времени.

Своеобразной чертой санскритской драмы является традиционный пролог, в котором на сцене появляются руководитель труппы («сутрадхара» — иногда этот термин переводят: «хозяин» или «директор театра»), он же ведущий актер и режиссер спектакля, и ведущая актриса. В непринужденном диалоге — бытовой сценке — они «представляют» пьесу и ее автора зрителям; заключительная реплика «сутрадхары» в прологе возглашает появление на сцене первого персонажа, с которого начинается собственно действие пьесы. Прологу же предшествует «благословение» («нанди»), читаемое обычно тем же руководителем труппы; в нем призывается покровительство божества, дабы охранить зрителя (и

¹ Белинский В. Г. Собр. соч., т. V. М., 1954, с. 58.

очевидно, актеров) от вмешательства злых сил в представление. Это «благословение» — пережиток длительного ритуала, предшествовавшего некогда представлению, напоминающий об обрядовых корнях театрального искусства.

Любопытно, что этот традиционный пролог древнеиндийской драмы нашел отражение в композиции одного из величайших творений европейской драматической литературы; именно знакомство с «Шакунталой» навело Гёте на мысль предпослать своему «Фаусту» известный «Пролог в театре»; и можно полагать, что вступительное благословение в той же пьесе подсказало ему идею «Пролога на небесах».

Завершается санскритская пьеса «последним словом» («бхаратавакья», букв.: «актерским словом»), которое произносит кто-либо из главных действующих лиц; оно содержит обычно пожелание благоденствия стране и ее правителю.

«Благословение» и «Последнее слово» составляются в стихах. В санскритской драме, как и в повествовательной литературе классического периода, проза чередуется со стихами. Стихотворные реплики обычно заключают в себе либо сентенции, либо описания, которые в тексте санскритской драмы занимают немало места (особенно в литературе позднеклассического периода). Характерной чертой древнеиндийской классической драмы является ее многоязычие. Определение «санскритская» в применении к ней в известной степени условно, так как на санскрите, языке образованных кругов общества, говорят в ней лишь действующие лица благородного происхождения и высокого социального статуса — брахманы, аристократы. Лица, занимающие более скромное положение в обществе, говорят на пракритах, стилизованных народных языках, — любопытный пример своего рода социальной речевой характеристики (при всей ее условности) в древней литературе. На пракритах также, как правило, говорят женщины, хотя царицы, ученые монахини и т. п. могут говорить и на санскрите.

В классическом театре наряду со словом очень важную роль играл язык жестов, в котором отразилось происхождение этого искусства из древней пантомимы. Традицией разработан был довольно сложный условный код жестов, который был понятен искушенному зрителю. С его помощью преодолевались всякого рода сценические трудности; определенные условные знаки говорили, например, о появлении на сцене воображаемого коня или слона, о стремительном проезде на колеснице, сообщали зрителям, что действующее лицо входит в дом, поднимается по ступеням и т. п. Многие условности такого рода отмечаются ремарками в тексте пьесы. Например: «обходит сцену» означает более или менее далекий переход, перемену места действия (акт в санскритской пьесе не разбивался на сцены или картины). Другая условность относится к временной протяженности действия: нередко персонаж, покинувший сцену с каким-либо поручением, требующим, очевидно, более или менее длительного его отсутствия, тут же появляется вновь («уходит

и возвращается», — гласит ремарка); перерыв в действии в пределах акта как бы игнорируется в этом случае актерами и зрителями. Общей для индийской и для европейской сцены условностью являются ремарки: «про себя» (соответствующая нашей «в сторону») и «вслух». Особая ремарка обозначает речь, обращенную к одному из присутствующих на сцене втихомолку от других (актер в этом случае загибает большой и безымянный пальцы). Наконец, о весьма любопытной условности древнеиндийского театра говорит ремарка «в пространство», означающая обращение к невидимому для зрителя собеседнику, присутствие которого на сцене, опять-таки, подразумевается. Ответные реплики за этого собеседника актер произносит сам под видом повтора их при переспрашивании. (Этот прием, очевидно, помогал экономить силы актерской труппы, обходиться без исполнителей эпизодических ролей и статистов.)

И отмеченное выше обилие описаний в санскритской пьесе (сравнительно с современной драмой) — описаний природы, городского пейзажа, окружающей действующих лиц обстановки — также определяется в известной мере условиями сцены древнеиндийского театра, не знавшего, подобно шекспировскому «Глобусу», декораций, сводившего к минимуму сценические аксессуары. Слово в устах актера приобретало здесь больше значения, поскольку на него возлагалась еще и задача подсказать воображению зрителя картину места действия.

Правда, в поздней санскритской драме описательный элемент начинает временно преобладать, тормозя действие, и звучные строфы, демонстрирующие искусство автора в употреблении традиционных поэтических фигур, нередко становятся для него самоцелью. Вообще в санскритской классической поэтике не проводится резкой грани между драмой и поэмой. Та и другая могут обозначаться одним термином («кавья»); драма определяется как «поэзия для слуха и для взора». Это пренебрежение собственно драматическим элементом и ставят в вину древнеиндийскому классическому театру западные критики, противопоставляя его более динамической по своей природе греческой драме.

В «Натьяшастре» мы находим своеобразную систему запретов, изгоняющих со сцены некоторые как раз наиболее драматические, с европейской точки зрения, моменты. Запрещается показывать на сцене борьбу, мятежи, свержение царя, смерть. Трагедия решительно исключается из древнеиндийского классического театра; пьеса должна иметь благополучный конец.

Если мы обратимся к пьесам Калидасы — в которых справедливо видят вершину древнеиндийской драматургии, — мы действительно не найдем в них напряженного конфликта характеров, бурных страстей, динамического развития действия — того, что привык ожидать от драмы европейский читатель и зритель. Действие играет здесь скорее подчиненную роль. Калидаса, один из величайших лириков мировой литера-

туры, сосредоточивает внимание на внутреннем мире своих героев, более на развитии чувства, чем на развитии внешних событий

Европейская критика прошла в свое время мимо тех новых возможностей драматической формы, которые открывал ей индийский театр в творчестве Калидасы и которые западная драма начала осваивать, по существу, только в нашем столетии. Ориентируясь на позднюю санскритскую драматургию, в которой угасание внешнего действия уже не оправдывалось художественным содержанием, не искупалось высокой поэзией, искренностью, неподдельностью чувства, разочарованные критики приписали это «презрение к действию» некоей врожденной неполноценности индийского драматического искусства, коренящейся в самом народном характере, созерцательном и пассивном, сформировавшемся таким якобы под влиянием изнеживающего жаркого климата.

В основе подобных суждений заключается, однако, определенная aberrация, обусловленная отчасти тем обстоятельством, что от эпохи расцвета до нас дошли только немногие произведения, которые и заслонила позднейшая эпигонская драматическая литература, сохранившаяся в наибольшем объеме; потому черты, характерные для периода упадка, приписываются древнеиндийской драме в целом. Между тем в золотой век классической культуры древней Индии, когда драма становится ведущим литературным жанром, как наиболее общественно значимым (традиция называет ее «прекраснейшим» из видов поэзии, и «натака», собственно драма, все-таки выделяется как особый жанр), ей свойственны и иные черты, и творчество Калидасы отнюдь не исчерпывает достоинств санскритской драматургии эпохи расцвета.

В настоящий сборник входит перевод четырех санскритских пьес, созданных в эту эпоху. В них нашло яркое художественное выражение индийское мировоззрение, широко отразились жизнь и исторические судьбы древнеиндийского общества. Каждая из пьес наделена своими чертами; и каждая опровергает особенно убедительно упомянутые определения — ни пренебрежения действием, ни пристрастия к фантастическому мы не обнаружим в них даже при желании. Они написаны на санскрите и пракритах, в двух из них действующими лицами выступают цари, царям приписывается авторство двух других, но никак не отвечают они и представлению о классической драме как об искусстве аристократическом и наглухо отгороженном от народа и народной жизни. Без них же представление о древнеиндийской драме эпохи расцвета, основанное только на произведениях Калидасы, остается неполным.

Исследователям донны очень мало известно о предшественниках Калидасы. История древнеиндийской литературы вообще изобилует белыми пятнами и почти все датировки и хронологические рамки и отношения в ней приблизительны и условны. Но в одной из своих пьес Калидаса сам называет в числе своих прославленных предшественников Бхасу, имя которого встречается позднее и у других санскритских

авторов. Долгое время для нас оно оставалось только именем, пока в начале XX в. в Южной Индии не обнаружены были рукописи тринадцати анонимных пьес, которые, по некоторым косвенным свидетельствам, были приписаны Бхасе. Проблема авторства этих пьес доныне не решена окончательно. Но независимо от этого нельзя отрицать, что упомянутые произведения в большинстве отмечены определенными художественными достоинствами, и очевидно, что они принадлежат к относительно раннему периоду истории санскритской драмы. Особенности представляют в этом собрании две пьесы, составляющие своего рода драматическую дилогию: «Обет Яугандхараяны» и «Пригрезившаяся Васавадатта»; в отношении их авторство Бхасы кажется наиболее вероятным.

Пьеса «Обет Яугандхараяны», если она действительно принадлежит Бхасе, может датироваться приблизительно III—IV вв. Сюжет ее был заимствован автором из цикла популярных в ту эпоху в Индии сказаний о царе Удайне (возможно, из пракритской повествовательной литературы) и переработан им для театра. Царь Удайна — по-видимому, историческое лицо, правитель небольшого государства Ватса в Северной Индии. Возможно, что внешняя политика исторического Удайна (VI в. до н. э.), искусно лавировавшего между двумя могущественными соседями — царством Аванти на юго-западе и Магадхой на востоке, — и нашла отражение в преданиях о брачных союзах, заключенных им с царскими домами этих стран. В народных сказаниях, однако, судя по всему, на первый план выступила не политическая история, а романтическая сторона сюжета. Царь Удайна остался в повествовательной традиции как образ отважного рыцаря, покорителя женских сердец (своего рода индийского Дон Жуана), соединяющего в себе талант музыканта с блестящим владением воинскими искусствами, особенно искусством укрощения и выездки слонов.

Таким он предстает и в пьесах Бхасы. Но в обеих частях дилогии драматург искусно объединяет и сплетает любовную интригу с политической; главные роли в той и в другой он разделяет при этом между двумя героями; для ведения политической интриги он вводит образ хитроумного царского советника Яугандхараяны (не исключено, что это тоже историческое лицо). И если лирическое начало преобладает в «Пригрезившейся Васавадатте», лучшей из пьес, приписываемых Бхасе, предвосхищающей во многом драматургию Калидасы¹, в «Обете Яугандхараяны» политическая интрига выступает на первый план, о чем свидетельствуют и названия этих пьес (согласно теории, в заглавие пьесы выносятся имя героя или героини). Впрочем, понятие «политическая» достаточно условно в применении к драме, вносящей сюжет древней легенды.

¹ С этой пьесой читатель может познакомиться в русском переводе в приложении к книге: Гринцер П. А. Бхаса. М., 1979, с. 213—245.

В сказаниях, как и в пьесах Бхасы, Удайна, царь маленькой страны, виушает тем не менее своими воинскими доблестями тревогу своим сильным соседям. Прадхота Махасена («Могущественный»), царь Аванты, в «Обете Яугандхараяны» хитростью заманивает отважного Удайна в засаду на границе его владений; как почетного пленника героя увозят в Уджайини, столицу Прадхоты, — такова завязка пьесы.

Яугандхараяна и его друзья и агенты, переодетые, проникают в Уджайини и устраивают побег Удайна. Замысел мудрого советника строится на использовании искусства Удайна в укрощении слонов, то есть некоторым образом на том самом его увлечении, которое враг перед этим использовал в своих интересах. Сюжет, собственно, можно назвать скорее авантурным, чем политическим. Но в развитие его включается здесь еще параллельная линия: Удайна бежит не один, он бежит с дочерью своего врага, царевной Васавадаттой, в которую он успел влюбиться во время своего пленения.

Нельзя не отметить любопытную черту пьесы: герой и героиня так ни разу и не появляются на сцене. Характеры их вырисовываются исключительно из речей действующих лиц, из них же зритель узнает об их действиях. На сцене главную роль играет энергичный и изобретательный Яугандхараяна; подлинный герой пьесы, он и является в развитии ее действия движущей силой (во второй части дилогии, напротив, в соответствии с выдвигаемым на первый план любовной линией, действие на сцене ведут именно Васавадатта и Удайна, Яугандхараяна же появляется ненадолго лишь в начале и в конце пьесы).

Впрочем, обстоятельства бегства Удайна и Васавадатты, о котором читатель узнает как уже о свершившемся событии в последнем акте пьесы, не совсем ясны; и высказывалось обоснованное предположение, что драма эта дошла до нас не в полном виде. Вероятно, один акт был утрачен, а именно предпоследний, четвертый, перед последним, пятым, который числится четвертым в дошедшей версии. В этом утраченном акте и раскрывалась, видимо, полностью интрига (но возможно, что и в нем Удайна и Васавадатта не появлялись перед зрителем).

Но и без этого акта (существование которого пока не доказано) пьеса воспринимается как достаточно цельное произведение и представляет несомненный интерес искусным претворением в драматической форме сюжета популярного сказания. Действие ее развивается свободно и целеустремленно; живые, непринужденно разворачивающиеся сценки, его отмечавшие, часто окрашены мягким юмором — беседа царя Прадхоты с супругой во втором акте, комическая притворная перебранка переодетых друзей Удайна в третьем, диалог воина и погонщика слонов в интермедии перед четвертым актом. Живо обрисованы характеры Яугандхараяны и его антагониста Прадхоты; соперничество их в интриге не переходит, однако, в драматический конфликт; добродушие Прадхоты, отца героини, напоминающего более фольклорного мягкосердечного старого царя, чем коварного политика, приводит действие в финале

к благополучной развязке, к характерному для древнеиндийской драмы примирению противоборствующих сил.

Пьеса «Обет Яугандхараяны», по всей вероятности, оказала влияние на одно из самых замечательных произведений санскритской классической драматургии — «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты. Эта драма, созданная, видимо, значительно позднее, существенно отличается от пьесы, приписываемой Бхасе.

Время жизни Вишакхадатты датируется приблизительно концом VI — началом VII в.; некоторые исследователи, правда, относят его к более раннему периоду и допускают, что он мог быть младшим современником Калидасы, то есть жить в V в. Как и о Бхасе и о подавляющем большинстве древнеиндийских писателей (не исключая и великого Калидасы), о личности и жизни Вишакхадатты мы ничего не знаем. Известно только из пролога к его драме, что он был сыном махараджи, то есть аристократом по рождению, и можно предположить, что он сам был знаком с придворной жизнью и государственной деятельностью, и это отразилось в содержании его произведений.

«Перстень Ракшасы» — единственное из них, дошедшее до нас полностью. К этой семиактной драме в гораздо большей мере, чем к «Обету Яугандхараяны», применимо определение «политической»; в известном смысле ее даже можно назвать исторической пьесой, единственной в своем роде в древнеиндийской литературе.

Действие в ней происходит в более позднюю эпоху, чем времена легендарного царя Удаяны, — в IV в. до н. э. Это была та самая поворотная эпоха в истории Индии, которая знаменовалась и подъемом государственного могущества, и культурным расцветом; эпоха, с которой и начинается становление классической литературы, рождение новых жанров, новых видов искусства. Действующие в пьесе Вишакхадатты царь Чандрагупта, основатель империи Маурья, и его министр Чанакья, он же Клаутилья, являются, бесспорно, историческими лицами; с их деятельностью связаны важнейшие исторические события, приведшие в конечном итоге к первому объединению страны. Не исключено, что историческими личностями являются также Ракшаса, министр свергнутой Чандрагуптой династии Нанда, и царевич Малаякегу, хотя имена их до пьесы Вишакхадатты в литературе не встречаются.

Действие этой драмы совершенно лишено романтического элемента, свойственного «Обету Яугандхараяны»; в основе сюжета здесь действительно политическая интрига, политическая борьба. (Знаменательно, что в пьесе совсем нет женских ролей, кроме эпизодических.) «Перстень Ракшасы» отличается более суровой и более близкой к реальности атмосферой действия, гораздо большей сложностью интриги и более глубокой разработкой драматических характеров. Ракшаса, о судьбе которого рассказывает пьеса, — благородный и отважный воин, беззаветно преданный памяти своего погибшего государя, посвятивший свою жизнь мести за него. Но он плохой политик; увлекающийся,

доверчивый, душевно ранимый, он становится жертвой задуманной с адской изобретательностью интриги Чанакья, которая с неотвратимостью рока ведет его к крушению. Пьеса Вишакхадатты имеет все черты трагедии, фактически запрещенной, как было отмечено, традиционной санскритской теорией драматического жанра. Но противник героя не хочет его гибели; милость Чанакья, ставившего своей задачей привлечь честного и способного деятеля на сторону Чандрагупты, обеспечивает обязательную счастливую развязку.

Всемогущий брахман Чанакья — столь же убедительно воплощенный в драме жизненный образ; то же можно сказать и относительно образов обоих монархов, противостоящих друг другу в политической борьбе. Чандрагупта, объединяющий юношескую энергию и отвагу с трезвым умом государственного деятеля, представляет собой очевидный контраст варвару Малаякету, взбалмошному, подозрительному и жестокому деспоту. Последний не лишен и некоторых привлекательных черт, его преданность памяти погубленного врагами отца привлекает к этой жертве интриги Чанакья, как и к Ракшасе, сочувствие зрителя.

И коварный Чанакья — отнюдь не злодей, хотя так называют его в пьесе его противники. Хладнокровный и расчетливый, истинный гений политической интриги, он превыше всего ставит интересы государства. Правда, действует он, на первый взгляд, как и Ракшаса, руководимый прежде всего личным чувством, жадной мести оскорбителю. Но чувствуется, что за этими личными страстями кроется нечто большее. Конечно, трудно было бы ожидать от драматурга древней эпохи осознанного понимания закономерностей исторического процесса, но из всего содержания драмы мы видим: Ракшаса терпит поражение в борьбе с Чанакьей не только потому, что уступает ему как политический деятель. Автор явно сочувствует своему благородному герою: но чем дальше, тем яснее становится обреченность дела, которому он служит. Могущество государства, объединяющего страну, могут укрепить только Чанакья и Чандрагупта; Ракшаса с Малаякету подрывают его.

Как и в «Обете Яугандхараяны», в драме Вишакхадатты все нити государственной политики сосредоточены в руках всемогущего министра; монарх, всецело полагаясь на него, в основном, можно сказать, только представляет. В известной степени это отвечает установкам традиционной политики, как излагается она в теоретических трактатах. Наука о государственной политике была высоко развита в древней Индии; самому Чанакье Каутилье приписывается авторство наиболее авторитетного в этой области трактата «Артхашастра» (букв.: «Наука о пользе») — в действительности, правда, этот памятник в целом сложился позднее той эпохи. Но, безусловно, только предвзятостью можно объяснить попытки некоторых европейских исследователей свести художественное содержание драмы Вишакхадатты к иллюстрации, к популяризации некоторых положений упомянутой традиционной

науки. Пьеса наполнена жизненным содержанием; нельзя отрицать в ней и содержание историческое, хотя мы теперь не можем определить, насколько изображение борьбы Чанакьи и Ракшасы у Вишакхадатты отвечает действительным событиям той эпохи и на каких источниках основывался драматург. Конечно, прямого отражения исторической действительности мы не можем ожидать от драмы, написанной почти тысячелетием позднее. Пьеса Вишакхадатты — истинно художественное произведение, в котором правда характеров важнее строгого следования историческим фактам — это тоже нужно иметь в виду. Тем не менее вполне вероятно, что драматург опирался, по крайней мере частично, на какие-то исторические документы, ему доступные, но не сохранившиеся до нашего времени.

В заключение следует отметить, что в пьесе мастерски обрисованы и второстепенные персонажи; среди них выделяется образ Чанданадасы, честного ремесленника, самоотверженного друга Ракшасы. Даже почти эпизодические фигуры агентов Чанакьи и Ракшасы драматург умел наделить характерными чертами, показать за этими слепыми орудиями политической интриги живых людей, со своими индивидуальными стремлениями и наклонностями.

И мы угадываем глубокую связь драмы Вишакхадатты с современной ей действительностью. В годы участвовавших вражеских нашествий, становившихся серьезной угрозой самой независимости индийского государства (в VI в. набеги белых гуннов и феодальные распри приводят к крушению империи Гупта, с которой связывают расцвет классической культуры), своей драмой Вишакхадатта напоминал современникам о славном прошлом, о предках, боровшихся успешно за единство страны.

«Обет Яугандхараяны» и «Перстень Ракшасы» очень различны по характеру изображения политической борьбы, как мы отмечали; однако их можно отнести к развитию одной жанровой линии в санскритской драматургии. Иной жанр представляют другие две пьесы данного сборника.

Среди пьес, приписываемых Бхасе, есть одна, стоящая несколько особняком, хотя сюжет ее заимствован, по-видимому, из того же повествовательного цикла, что и сюжет дилогии о царе Удайяне. Пьеса эта — «Бедный Чарудатта» — дошла до нас неполностью, сохранились только первые четыре акта. Возможно, она вообще осталась незаконченной. Но позднее она послужила основой для одного из замечательнейших творений древнеиндийской драматургии — пьесы Шудраки «Глиняная повозка», автор которой, как можно предположить, и завершил прерванное действие драмы и, во всяком случае, значительно его расширил.

О времени жизни этого автора, как и о его личности, нам тоже ничего определенного неизвестно (кроме того, что он, очевидно, жил позднее Бхасы). Более того, нам, в сущности, неизвестно и само имя его, поскольку Шудрака — имя мифического царя, о смерти которого в столь юном возрасте сообщается в прологе к пьесе, — можно понимать

только как псевдоним. Некоторые исследователи датируют «Глиняную повозку» послекалидасовским периодом (но не позднее VII—VIII вв.), хотя вполне возможно, что автор ее жил раньше Калидасы или был его современником. Определенное сходство усматривается в прологах к «Глиняной повозке» и к «Перстню Ракшасы», причем заимствование со стороны Вишакхадатты представляется более вероятным. Во всяком случае, творчество Шудраки относится к близкому Калидасе времени; и оно тоже может быть отнесено к высшим художественным достижениям древнеиндийской классической литературы.

Калидасу нередко называют индийским Шекспиром. Но, пожалуй, с большим основанием определение это применимо к Шудраке, драматургия которого, не уступая в художественной силе, носит совсем иной характер, свидетельствуя о богатстве и разносторонности древнеиндийского драматического творчества классической эпохи. С возвышенной и, действительно, как бы отрешенной от повседневности атмосферой драм Калидасы контрастирует у Шудраки динамическая смена разнообразных сцен, исполненных движения и ярких, по-шекспировски щедрых и сочных красок, сцен, явно выхваченных из жизни, выводящих целую галерею характерных типов из различных слоев общества.

Действие «Глиняной повозки» происходит в Удджайини, который в классическую эпоху был одним из крупнейших политических и культурных центров Индии. В «Обете Яугандхараяны» упоминается мимоходом младший сын царя Прадьюты Палака. В правление этого Палаки, узурпировавшего власть в Удджайини у законного наследника, своего старшего брата, и происходит действие пьесы Шудраки; хотя реально в ней отразилась, по всей видимости, жизнь современного автору индийского города.

Сам царь Палака не появляется на сцене на всем протяжении пьесы (как Удайна в «Обете Яугандхараяны»), но он никоим образом и не герой ее. Здесь это, напротив, злая сила, угнетающая положительных персонажей драмы, угрожающая их счастью и самой жизни. Власть Палаки противостоит смелый Арьяка, сын его брата, наследующий законное право на престол и вынужденный скрываться; он готовит переворот с помощью своих сторонников. В пьесе Шудраки, таким образом, тоже развивается политическая интрига, но не она определяет ее главное содержание. Заметим, что в пьесе «Бедный Чарудатта» она вообще отсутствовала и в новую версию введена была, видимо, самим Шудракой, искусно вплетающим ее в основное действие, строящееся на истории любви. И не сильные мира сего, но значительно более скромные герои занимают центральное место в этой драме — разорившийся купец и гетера.

Бедный, но благородный Чарудатта, купец, разорившийся вследствие своей щедрости и покинутый неблагодарными друзьями, — образ, восходящий к фольклору. Контраст ему представляет главный злодей пьесы, царский родич Самстханака, бесчестный, трусливый, невежест-

венный, использующий свое богатство и связи и ни перед чем не останавливающийся ради удовлетворения своих низменных страстей. Предмет соперничества героя и его антагониста — прекрасная гетера Васантасена, высокообразованная и богатая (своего рода индийская параллель знаменитым гетерам Эллады). Она-то и является подлинной героиней драмы и, несомненно, затмевает несколько пассивного и дидактически суховатого добродетельного Чарудатту; ее борьба за свою любовь и человеческое достоинство, унижаемое древним законом, вдохновляет действие пьесы, движет им.

Тяжкие испытания выпадают на долю Васантасены и Чарудатты, но в драме торжествует светлое, жизнеутверждающее настроение, и традиционная счастливая развязка представляется здесь более естественной, чем в сумрачной пьесе Вишакхадатты. Знаменательно, что возможность счастливого окончания «Глиняной повозки» обуславливается только благополучным разрешением параллельной политической интриги — свержением деспота.

Замечательной чертой драмы Шудраки, определяющей ее особое место в древней литературе, является гуманистическое звучание ее художественного содержания. В ней утверждается личное достоинство человека независимо от его происхождения и места в социальной иерархии. В глиняную повозку — игрушку бедного ребенка — Васантасена вкладывает свои драгоценности; так в скромном облике бедняка могут скрываться драгоценные внутренние достоинства — этот символ можно усмотреть в самом заглавии пьесы.

Драма Шудраки воспекает высокие душевные качества своих героев, далеких от блеска царского двора, бескорыстную любовь, бескорыстную дружбу. К наиболее выразительным в драме относится образ Майтреи, нищего брахмана, простодушного, но верного друга героя. Майтрея «Глиняной повозки» — одно из самых ярких воплощений традиционного амплуа шута («видушаки») в санскритской драматургии. Шут — друг и наперсник героя, образ, очевидно, пришедший в классическую драму из народного театра, — вносит комический элемент в самые серьезные пьесы. Правда, в драме Вишакхадатты эта роль отсутствует (что, естественно, обусловлено характером содержания произведения); в «Обете Яугандхараяны» шут не играет заметной роли. В «Глиняной повозке» в этом образе наиболее сосредоточивается окрашивающий всю пьесу мягкий юмор, типичный для индийского мирозерцания.

К традиционным принадлежит и сатирический образ Самстханаки, «шурина» (царского), а также образ его «приживала» — оба относятся к самым ярким и жизненным в пьесе. «Приживал», существующий за счет богатого патрона, которого он втайне презирает, но вынужден развлекать и ублажать, — образованный человек, любезный и остроумный. В нем усматривали черты сходства с «паразитом» поздней аттической комедии, и высказывалось предположение о заимствовании этого образа индийцами из греческого театра. Но сходство здесь порождено,

очевидно, общими чертами быта и культуры античной и древнеиндийской городской жизни. (Гипотеза о происхождении санскритского театра из древнегреческого достаточно убедительно опровергнута.)

Связь с реальной действительностью эпохи очевидна и в пестрой череде других второстепенных и третьестепенных персонажей, проходящей перед читателем и зрителем «Глиняной повозки»: царские чиновники и полицейские, воры, нищие, игроки, слуги и служанки, даже представители низшей неприкасаемой касты, исполняющие обязанности палачей, — все они создают выразительный и живописный фон действия драмы.

Нельзя отказать Шудраке и в незаурядном мастерстве в создании живого и занимательного драматического действия. Недаром его пьеса больше других привлекала внимание европейского театра как наиболее, по-видимому, благодарный материал для современного сценического воплощения. Наиболее известна обработка Л. Фейхтвангера на немецком языке, первая версия которой была опубликована под заглавием «Васантасена» в 1916 г. На советской сцене в 1957 г. с успехом было поставлено переложение драмы Шудраки под заглавием «Белый лотос».

Близка по духу творчеству Шудраки одноактная пьеса-фарс «Хмельные забавы», авторство которой тоже приписывается царю, но на этот раз бесспорно исторической личности, а именно царю Махендравикрамаварману из династии Паллава, правившему в Южной Индии в VI в., известному покровителю литературы и искусств. Но и здесь мы можем усомниться в соответствии приведенного имени действительному имени автора пьесы; можно предположить, что безвестный драматург преподнес авторство своего произведения своему царственному патрону.

Обращает на себя внимание сходство между этой пьесой и третьим актом «Обета Яугандхараяны»: такая же встреча нищих на городской улице, тот же мотив ссоры из-за якобы украденной у одного из них чаши для сбора подаяния. Возможно, автор «Хмельных забав» использовал сценку-эпизод из «Обета Яугандхараяны», превратив ее в самостоятельное произведение. Он увеличивает число участников, добавляя женскую роль, из переодетых царедворцев обращает их в настоящих нищенствующих монахов и создает яркую и остроумную сатиру на индийское духовенство своей эпохи, развертывающуюся на фоне красочных картин городской жизни.

Монашество разнообразнейших толков наводняло тогда страну, составляя весьма значительный класс населения, паразитирующий на обществе. Разоблачение его порочности и никчемности в пьесе еще раз опровергает мнение об отрыве санскритского театра от жизни. Особенно достается в фарсе шиваитскому сектантству с его аморальной проповедью и оргиастическим культом в лице ведущего «героя» пьесы, капалина. Но недалеко ушли от него и буддийский монах, и представитель уважаемой шиваитской общины пашупатов; все они под личинами «святых людей», под благочестивыми речами скрывают низменные сво-

корыстные побуждения. Пьеса эта, приписываемая царю; представляется особенно близкой народному искусству.

Любопытна легенда о создании искусства театра, которая излагается в «Натьяшастре». В ней рассказывается, что создано оно было на небесах, но предназначено для людей как «пятая веда» в отличие от четырех канонических вед доступная для всех сословий общества, не исключая и низшее. Но далее в «Натьяшастре» приводится рассказ о том, как первые актеры на земле были прокляты жрецами за то, что осмеливались высмеивать последних в своих представлениях, и это обрекло их на низкое положение в обществе. В этих легендах, несомненно, отразились действительные исторические условия становления драматического театра в древней Индии. Сложилось это искусство и развивалось на народной почве, в самом возникновении своем предназначенное для народа. Что же касается низкого социального положения актеров в древней и средневековой Индии, неоднократные подтверждения этому мы находим в литературе, и характерный конфликт искусства театра с церковью является, видимо, общей чертой древнеиндийской и европейских культур, причем существенную роль здесь играет именно сатирический элемент в драматическом творчестве, восходящий к народному театру. С другой стороны, воспитательное значение театрального искусства с самого начала отчетливо осознается в индийской традиции, что находит отражение в упомянутой легенде, приравнивающей его к книгам священного знания.

В эпоху расцвета литературы и искусства, в условиях подъема городской культуры, драматический театр, по-видимому, все же завоевывал себе достаточно высокий статус в обществе вопреки оппозиции консервативного жречества; тому тоже можно найти свидетельства в текстах. Этому возвышению способствует покровительство просвещенных монархов и аристократии; уже происходит отдаление классической драмы от народа; но в то же время средние, а отчасти и низшие слои городского населения еще составляют ту почву, которая питает прогрессивные тенденции в этой культуре, идеологические течения, отмеченные определенным демократизмом, критическим отношением к социальной несправедливости, освобождением мысли от гнета религиозных догм и предрассудков. Эти тенденции находят выражение в повествовательной литературе, в знаменитой «Панчатантре» («Пятикнижии»), в пракритском сказочном эпосе «Великий сказ» Гунадхьи (последний, дошедший до нас лишь в поздних санскритских версиях, мог послужить источником сюжетов для драматической дилогии Бхасы и для «Глиняной повозки» Шудраки); и в классической драматургии они нашли особенно яркое художественное воплощение в тех пьесах, которые входят в настоящий сборник.

Богатство художественного содержания древнеиндийской драматургии не исчерпывается тем не менее этими пьесами. Кроме них, кроме поэтических драм Калидасы, уже известных русскому читателю, заслуживает внимания и ряд других, представляющих различные жанры. Так, сатира представлена, помимо «Хмельных забав», многими другими одноактными фарсами (этот жанр долее всего сохраняет жизненный элемент и в литературе позднелатинского периода), в числе которых можно назвать пьесу Шудраки «Лотос в подарок». Обширный цикл в санскритской драматургии составляют пьесы героического содержания на сюжеты из эпоса; несколько таких пьес входит в собрание, приписываемое Бхасе, известна драма Вишакхадатты на сюжет из «Рамаяны», до нас, однако, не дошедшая (во фрагментах сохранилась близкая по жанру «Перстню Ракшасы» другая его драма историко-романтического содержания из эпохи империи Гупта). Значительными художественными достоинствами языка и поэтического стиля выделяются инсценирующие сюжет «Рамаяны» пьесы драматурга VIII в. Бхавабхутти; они, однако, уже отмечены чертами упадка классического театра, признаками разложения драматической формы.

До недавнего времени классическая драма древней Индии была очень мало представлена в русских переводах. «Глиняная повозка» Шудраки и «Перстень Ракшасы» Вишакхадатты уже издавались у нас, соответственно, в 1956 и 1959 гг.; перевод последней пьесы для настоящего издания значительно переработан. Две другие пьесы публикуются на русском языке впервые.

Перевод «Обета Яугандхараяны» сделан по критическому изданию Ч. Р. Девадхара 1951 г.; в основе перевода «Перстня Ракшасы» — издание К. Т. Теланга 1918 г.; в основе перевода «Глиняной повозки» — издание Х. М. Шарма Шастри и К. П. Параба 1910 г.; перевод «Хмельных забав» сделан по изданию Ганапати Шастри 1917 г.

В. Эрман

Бхаса

ОБЕТ
ЯУГАНДХАРАЯНЫ

Драма
в четырех действиях

Перевод В. Эрмана

Стихи в переводе Н. Голя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.

Актриса.

В ДРАМЕ:

Яугандхараяна, главный советник царя ватсов, он же Юродивый в третьем действии.

Руманват, второй советник царя ватсов, он же Буддийский монах в третьем действии.

Васантака, шут.

Салака
Хансакка } слуги царя ватсов.

Нирмундака, слуга Яугандхараяны.

Прадьюта Могущественный, царь Удджайини.

Бхаратарохака, советник царя Удджайини.

Бадараяна, дворецкий царя Удджайини.

Брахман.

Воин.

Погонщик слонов, переодетый агент Яугандхараяны.

Первый служитель
Второй служитель } во дворце царя Удджайини.

Ангаравати, супруга Прадьюты, царица Удджайини.

Виджая, привратница во дворце царя ватсов.

Действие 1-е происходит во дворце царя ватсов в Каушамби, действие 2-е — во дворце царя Прадьюты в Удджайини, действие 3-е — на улице и в храме огня в Удджайини, действие 4-е — на улице и в арсенале царя Прадьюты в Удджайини.

ПРОЛОГ

По окончании Благословения входит
руководитель труппы.

Руководитель труппы.

Да охранит вас тот, кто дал победу Индре,

Могущественный смелый полководец,

Он, сын Югáндхары, он, Царь-Дитя!

(Обходит сцену и заглядывает за кулисы.)

Госпожа! Пожалуй сюда.

Входит актриса.

Актриса. Я здесь, господин.

Руководитель труппы. Спой нам что-нибудь, госпожа. И когда пение твое ублаготворит зрителей, мы начнем представление пьесы. Госпожа, о чем ты задумалась? Сейчас тебе петь.

Актриса. Сегодня я видела во сне, будто в доме у моих родных неблагополучно. И я хочу, чтобы господин послал кого-нибудь узнать, все ли там здоровы.

Руководитель труппы. Обязательно.

Я пошлю человека, способного справиться с делом...

Голос за сценой. Сáлака! Готов ли ты?

Руководитель труппы.

...как сейчас посылает гонца Яугандхарáяна!

Оба уходят.

Конец пролога

Я у г а н д х а р а я н а. Салака! Готов ли ты?

Я у г а н д х а р а я н а. Путь предстоит тебе далекий.

Я у г а н д х а р а я н а. Истинно, дружба придает силы.

Принимаясь за трудное дело,

Их достоинства и пороки

оцени по достоинству прежде,

А потом судьба, от которой

все успехи наши зависят,

Сможет выбор твой оценить.

Завтра государь выступит из Венуваны, направляясь к Слоновьему лесу, что в трех йоджанах оттуда, и ты должен быть при нем прежде, чем он тронется в путь.

С а л а к а. Господин, но мне нужно еще письмо, в котором излагалась бы суть данного мне поручения.

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая!

Входит В и д ж а я.

В и д ж а я. Я здесь, господин.

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая, скорей письмо и ленту для гонца.

В и д ж а я. Слушаюсь, господин. *(Уходит.)*

Я угандхараяна. Случалось ли уже тебе ездить этой дорогой?

С а л а к а. Нет, я только разузнал о ней от других.

Я у г а н д х а р а я н а. Что ж, хорошо уже, что это догадался сделать. Внемли же. Мы получили известие, что Прадьюта задумал заманить нашего государя в ловушку.

Для этого он спрячет в чаще, где бродят лесные слоны, чучело голубого слона. Нужно теперь, чтобы наш государь не дал себя обмануть. О, как, однако, страшится Прадьюта царя ватсов! Вижу, что только на войско свое он не может положиться. Ибо

Его войско велико, но не спаянно,
Его воины храбры, но не преданны,
Оттого и прибегает он к хитрости,—
Ведь идти в сражение с ратью неверною —
Все равно что жить с неверной супругой.

Входит Виджая.

Виджая. Вот письмо. Царица-мать говорит, что все жены государя спешно готовят ленту для гонца.

Яугандхараяна. Виджая, передай государыне мою просьбу — да пришлет она скорей ленту, все равно — приготовленную ли царскими женами или простую.

Виджая. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Входит Нирмундака.

Нирмундака. Счастья господину.

Яугандхараяна. В чем дело, Нирмундака?

Нирмундака. Господин, от государя прибыл Хансака.

Яугандхараяна. Как, Хансака вернулся один? Салака, ты можешь пока немного отдохнуть. Либо тебе придется мчаться во весь дух, либо отпадет нужда торопиться.

Салака. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Яугандхараяна. Введи Хансаку, Нирмундака.

Нирмундака. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Яугандхараяна. На душе у меня тревога — почему Хансака, всегда неотлучно состоящий при государе, вернулся один?

Как человек, вернувшийся домой,
где в час невзгод семью свою оставил,
Я сердцем трепещу: какие вести
услышу ныне — добрые иль злые?

Входят Хансака и Нирмундака.

Нирмундака. Входи, входи, господин.

Хансака. Где, где советник?

Нирмундака. Вот советник, подойди к нему. (*Уходит.*)

Хансака (*приближаясь*). Счастья господину.

Я у г а н д х а р а я н а. Хансака, я надеюсь, государь еще не отбыл в Слоновий лес?

Х а н с а к а. Напротив, господин. Владыка уже отбыл.

Я у г а н д х а р а я н а. Увы, теперь уже бесполезно посылать к нему кого-нибудь. Нас перехитрили. Но есть ли еще надежда или сегодня всем нам пришла гибель?

Х а н с а к а. Жив пока наш владыка.

Я у г а н д х а р а я н а. Ты говоришь: «Жив пока» — значит, несчастье еще не столь велико. Должно быть, государя взяли в плен?

Х а н с а к а. Господин угадал верно. Владыка попал в плен.

Я у г а н д х а р а я н а. Как, государь в плену? Увы! Великий успех даровала Прадхоте его счастливая судьба! Отныне для всех очевидно стала неспособность советников Ватсийского царя, очевидно и бесславие их. Где же был в это время мудрый и предусмотрительный Руманват? Где была царская конница? Как же так?

Конники верны царю и высокородны,

И проверено не раз их искусство в битве.

Может, враг их подкупил? Лес дороги спутал?

Или в битве превзошел силою противник?

Х а н с а к а. Если бы весь отряд сопровождал владыку, этого несчастья не случилось бы.

Я у г а н д х а р а я н а. Как, разве не весь отряд сопровождал государя?

Х а н с а к а. Да выслушает меня господин.

Я у г а н д х а р а я н а. Ты утомился в дороге, садись.

Х а н с а к а. Слушаюсь, господин. (*Садится.*) Да выслушает меня господин. Этой ночью, незадолго до рассвета, в час, благоприятный для путешествия, владыка по песчаной отмели переправился через Нармаду. Он оставил женщин в Венуване, а сам, взяв с собой лишь царский балдахин и столько людей, сколько потребно для облавы на стадо слонов, звериными тропами пустился к Слоновьему лесу.

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Х а н с а к а. Когда солнце поднялось над землею на высоту полета стрелы и мы прошли несколько йоджан и были еще за крошу до горы Мадагандхира, мы увидели стадо слонов; покрытые болотной грязью, они казались издали замшелыми каменными глыбами — остатками недостроенной крепостной стены.

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Х а н с а к а. И вот, когда, завидев наш отряд, всполошилось слоновье стадо, приблизился к владыке некий пеший воин; из-за него-то и стряслась эта беда.

Я у г а н д х а р а я н а. Стой! Не сказал ли он, что видел не дальше чем в кроше от тех мест слона, всего голубого за исключением бивней и ногтей на ногах, скрытого в зарослях жасмина и салы?

Х а н с а к а. Как, господин уже знает об этом? Значит, поистине, с открытыми глазами попали мы в беду!

Я у г а н д х а р а я н а. И бодрствующий, Хансака, может стать игрушкой судьбы. Продолжай.

Х а н с а к а. И вот владыка наградил его, злодея, сотней золотых и сказал такие слова: «Это царственный слон по прозванию Голубой Лотос, о коем можно прочесть в «Книге о слонах». Вы не упускайте это стадо. Я же отправлюсь один, взяв с собою только лютную, и приведу голубого слона».

Я у г а н д х а р а я н а. Но как же Руманват отпустил тогда государя одного?

Х а н с а к а. О нет, нет! Советник покорнейше увещевал владыку. «Ты можешь изловить самих вселенских слонов во главе с Айраваную, — говорил он ему. — Но опасны пограничные области, не охраняемые из-за своей отдаленности. Живут там люди без роду, без племени, лишённые совести. Пусть пешие воины без нас загоняют это стадо. Мы же на конях отправимся вместе с тобою; негоже государю идти в одиночку».

Я у г а н д х а р а я н а. Так и сказал Руманват государю в присутствии свиты? Более преданного слуги нельзя пожелать государю. Что было потом?

Х а н с а к а. Государь, однако, прервал речь советника ужасным проклятием, сошел со своего слона, что зовется Синей Тучей, и сел на коня по кличке Розоцвет. И прежде чем солнце достигло зенита, он уже пустился в путь в сопровождении всего двадцати воинов...

Я у г а н д х а р а я н а. За победой! Ах нет! Чувство преданности увлекло меня, и я забыл о том, что поведал ты мне раньше. Продолжай.

Х а н с а к а. И когда мы углубились в лес еще вдвое дальше против прежнего, мы увидели в ста саженях от нас то чучело чудесного слона. Оно скрывалось в тени дерева салы, сливаясь с ней своею синевой, и только пара бивней сверкала из темноты, словно висящая в воздухе, а тела не было видно.

Я у г а н д х а р а я н а. Хансака! Скажи лучше, что вы увидели нашу погибель! Продолжай.

Х а н с а к а. Тогда владыка сошел с коня и, восславив божества, приблизился к слону с лютней в руках. И тут позади нас раздался громкий рев. Казалось, еще кто-то явился в тот лес оспаривать у нас нашу добычу.

Я у г а н д х а р а я н а. Раздался рев, ты говоришь? Продолжай.

Х а н с а к а. Мы обернулись, чтобы узнать, кто это ревет. И тут фальшивый слон двинулся на нас, а на нем вместе с погонщиками сидели воины.

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Х а н с а к а. Тогда владыка воззвал к сыновьям знатных родов и ободрял их, называя по именам и готрам. «Это хитрость Прад्योंты, — сказал он. — Следуйте за мной, ныне я сокрошу своей отвагой коварные замыслы врага». И с этими словами он устремился на вражеское войско.

Я у г а н д х а р а я н а. Он устремился на врага? Но так и следовало.

Оскорбленный низменным обманом,
как еще мог поступить герой?

Гордый, он один вступает в битву,
полагаясь на свою отвагу.

Продолжай.

Х а н с а к а. Он скакал на коне своем Розоцвете, повиновавшемся воле его неукоснительно, и, словно играючи, разил врагов еще более рьяно, чем хотел того сам, но напрягая все силы, ибо противник намного превосходил нас числом. И когда все наши воины пали, раненые или убитые, и я один остался защищать его... нет, нет, это он защищал меня... изнуренный битвой, длившейся весь день, и израненный, владыка в тот мрачный час, когда угасало утомленное солнце, упал с коня и лишился чувств.

Я у г а н д х а р а я н а. Государь лишился чувств?! Что же было потом?

Х а н с а к а. Потом владыка подвергся предерзкому обращению. Его связали, словно простолюдина, жесткими лианами невесть какой породы, сорванными в ближайшей чаще, и затянули их на нем, сколько хватало силы.

Я у г а н д х а р а я н а. Так дерзко обошлись с государем?!

На руках его, мощных, как хоботы диких слонсз,
На руках, посылавших разящие стрелы из лука,
На руках, раздававших дары, обнимавших друзей,
Нынче вместо браслетов — постыдные тяжкие путы!

Когда же государь пришел в себя?

Х а н с а к а. Господин! Уже после того, как эти него-
дзя нанесли ему оскорбление.

Я у г а н д х а р а я н а. Благодаренье судьбе, они ос-
корбили лишь его тело, но не затронули чести. Продол-
жай

Х а н с а к а. Увидев, что владыка пришел в себя, зло-
деи вновь накинулись на него со всех сторон. Один кри-
чал: «Он убил моего брата!», другой: «моего отца!», третий:
«моего сына!», четвертый: «моего друга!» — такими и подоб-
ными криками они возвещали о его отваге

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Х а н с а к а. Тут случилось настоящее чудо. Долго
они так подстрекали друг друга, и вот наконец один из
них решился на злое дело. Дерзко схватил он владыку за
волосы, растрепанные в пылу битвы, повернул его лицом
к югу, а потом, сжимая в руке меч, разбежался, чтобы на-
нести удар с размаху...

Я у г а н д х а р а я н а. Хансака! Погоди рассказы-
вать, дай мне перевести дух.

Х а н с а к а. Но второпях негодзя поскользнулся
в луже крови, пролитой обильно в той битве на землю,
и упал, не исполнив того, что задумал.

Я у г а н д х а р а я н а. Злодей упал! О, поистине

От войска противника ограждена,
незыблема в верности древним законам,
Земля, защищенная славным царем,
сама защищает владыку в несчастье.

Х а н с а к а. Тем временем подоспел советник Пра-
дъоты по имени Шаланкаяна, которого владыка перед тем
оглушил ударом копья. Он подбежал, восклицая: «Не надо
насилия, не надо!»

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Х а н с а к а. Потом он, чего трудно было ожидать в та-
кое время, почтил поклоном нашего владыку и приказал
снять с него путы.

Я у г а н д х а р а я н а. Значит, государя освободили
от уз. Славно, Шаланкаяна, славно! Бывают времена, что
и враг оборачивается другом. Ах, Хансака, на душе у меня
как будто немного полегчало. Но что же сделал дальше
этот достойный человек?

Х а н с а к а. Владыка был изранен слишком сильно, чтобы сесть снова на коня; и этот господин, заверив его неоднократно в самых почтительных выражениях, что ему нечего опасаться, повелел подать носилки. На них владыку унесли в Удджайини.

Я у г а н д х а р а я н а. Так, значит, государя унесли. О, какое несчастье!

Наш государь увлекся чересчур
И обманулся хитростью Прад्योंты.

И теперь

Как будет он глядеть в глаза тому,
кто раньше встретить взор царя боялся?
Как сможет, искушенный в красноречье,
внимать простым и грубым разговорам?
Как сможет он сдержать негодование,
когда нельзя не сдерживать его?
Пускай встречаются пленника почетом —
он все равно не более чем пленник.

Входит привратница.

П р и в р а т н и ц а. Господин, вот лента.

Я у г а н д х а р а я н а.

Счастливые амулеты, доставленные, когда
несчастье уже случилось и надобность в них отпала,
Подобны пустым заботам об освященье коня,
когда наступило время мирно пасться стадам.

П р и в р а т н и ц а. Господин, вот эта лента.

Я у г а н д х а р а я н а. Оставь ее, Виджая.

П р и в р а т н и ц а. А что мне сказать царице-матери?

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая! Так уж оно случилось...

П р и в р а т н и ц а. Что именно?

Я у г а н д х а р а я н а. То самое.

П р и в р а т н и ц а. Говори, говори, господин! Говори!

Я у г а н д х а р а я н а. Что ж, этого не избежать.
Я должен поведать обо всем государыне. Виджая! Крепись.
(Шепчет ей на ухо.) Вот что произошло.

П р и в р а т н и ц а. Увы!

Я у г а н д х а р а я н а. Но тебя недаром же зовут Виджая!

П р и в р а т н и ц а. Что ж, пойду я, несчастная.

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая! Не надо говорить государыне сразу, что царь взят в плен. Нужно пощадить

материнское сердце, которое любовь делает таким уязвимым.

П р и в р а т н и ц а. Как же мне ей сказать?

Я у г а н д х а р а я н а. Послушай.

Упомяни для начала о тяжких невзгодах войны
и обрати ее мысли к превратностям грозного рока.
Когда ж она станет думать о гибели и о горе,
тогда ты ей и расскажешь о том, что произошло.

П р и в р а т н и ц а. Я так и сделаю. (*Уходит.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Хансак! Почему же ты не поехал с государем?

Х а н с а к а. Господин, я надеялся, что мне позволят сопровождать его, но Шаланкаяна велел мне ехать в Кау шамби и рассказать здесь о случившемся.

Я у г а н д х а р а я н а. Хотел ли он тем ввергнуть нас в отчаяние или целью его было отдалить от пленника преданного слугу?

Х а н с а к а. Наверное, так.

Я у г а н д х а р а я н а. То ли он хотел на всякий случай показать себя нашим благожелателем, то ли просто был рад успешному завершению дела. Ну, а обо мне государь разве ничего не сказал?

Х а н с а к а. Сказал, господин. Когда я, заливаясь слезами, почтительно прощался с владыкой, он молвил мне с таким видом, словно хотел поведать о многом: «Ступай к Яугандха...» (*Останавливается на полуслове.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Говори, не стесняйся, это ведь слова государя.

Х а н с а к а. Он сказал: «Повидай Яугандхараяну».

Я у г а н д х а р а я н а. Не может быть. Он сказал только, чтобы ты повидал Яугандхараяну, и не упомянул при этом больше ни об одном члене совета?

Х а н с а к а. Именно так.

Я у г а н д х а р а я н а. Если государь повелел тебе повидать только меня, значит, он считает, что это я не принял нужных мер, чтобы предотвратить беду, не заслужил хлеб, который ем, не воздал за царскую милость.

Х а н с а к а. Конечно, так.

Я у г а н д х а р а я н а. Государь убедится, что я не таков.

Где бы он ни был: во вражьей столице, в плену,

Или в лесу — я останусь по-прежнему верен

И живому, и мертвому. Зря торжествует Прадьюта:

Я врага обхитрю, и оценит меня государь.

Г о л о с (*за сценой*). Увы, увy, владыка наш!

Я у г а н д х а р а я н а.

Так женский плач — бессильный, бесполезный —
Изобличает слабого министра,
Бессильного несчастье отвести.

Входит привратница.

П р и в р а т н и ц а. Господин! Царица-мать...

Я у г а н д х а р а я н а. Что, что она?..

П р и в р а т н и ц а. Сказала...

Я у г а н д х а р а я н а. Что она сказала?

П р и в р а т н и ц а. «С таким царем, как владыка ватсов, окруженным верными друзьями, — и такое случилось! — сказала она. — Можно ли идти против судьбы? Но мы должны воздать должное его друзьям и укрепиться духом. Где же он, тот человек, который и в невзгодах не упадет в уныние, не растеряется в трудном положении, не придет в отчаяние, потерпев поражение, и, получив отпор, не сдастся? К нему, мудрому, я взываю, прежде всего как к другу царя ватсов, а уже потом как к советнику: верни мне сына, о сын мой!»

Я у г а н д х а р а я н а. О, слова эти достойны государыни, достойны ее славного царского рода! Я глубоко благодарен ей за честь, которую она мне оказала. Виджая! Принеси воды.

П р и в р а т н и ц а. Слушаюсь, господин. (*Выходит и возвращается.*) Вот вода.

Я у г а н д х а р а я н а. Подай сюда. (*Пьет.*) Так что сказала государыня, Виджая?

П р и в р а т н и ц а. Она сказала: «Верни мне сына, о сын мой!»

Я у г а н д х а р а я н а. А что сказал царь, Хансака?

Х а н с а к а. «Повидай Яугандхараяну».

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая!

Царь в плену врага. Так демон Раху

Полонит на время светлый месяц.

Да не будь я Яугандхараяна,

Ежели не вызволю его!

П р и в р а т н и ц а. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Входит Нирмундака.

Н и р м у н д а к а. Господин! Случилось нечто удивительное! Там собрались жрецы для трапезы — они справляли для государя обряд предотвращения зла. И вот не-

кий брахман в одеянии юродивого, увидев их, громко рассмеялся и сказал: «Ешьте, ешьте вволю, почтенные. Этот царский дом ждет возвышение!» И только он это сказал, как тут же на глазах исчез.

Я у г а н д х а р а я н а. Правда ли это?

Входит брахман.

Б р а х м а н. Вот одежды, которые были на том почтенном человеке и которые он зачем-то нам оставил. В этих одеждах явился нам блаженный Двайпаяна.

Я у г а н д х а р а я н а. Так это был Двайпаяна!

Б р а х м а н. Несомненно.

Я у г а н д х а р а я н а. Так рассмотрим эти одежды.

Б р а х м а н. Смотри, почтенный.

Я у г а н д х а р а я н а. Что это? Я чувствую, как будто я преобразился. Смотри-ка! Я словно уже перенесся к государю. Эти одежды, видно, оставлены мне в назидание.

Одежда безумца, в которой укрылся мудрец,
Мой облик сокроет и волю вернет государю.

Входит привратница.

П р и в р а т н и ц а. Господин! Царица-мать передает: «Я хочу видеть моего сына».

Я у г а н д х а р а я н а. Сейчас, сейчас иду. Господин! Жди меня в молельне.

Б р а х м а н. Хорошо. (*Уходит.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Хансака! Теперь иди, отдыхай.

Х а н с а к а. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Виджая! Ступай вперед.

В и д ж а я. Слушаюсь, господин. (*Уходит.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Поистине!

Трешь щепку о щепку — добудешь огонь,

Копаешь колодец — и воду добудешь.

Упорный достигнет того, чего хочет:

Усердье и разум к успеху ведут.

Все уходят.

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

Входит дворецкий.

Д в о р е ц к и й. Абхирака! Абхирака! Ступай и передай привратнику слова Могущественного: «Благородный Джайванти, наставник царя страны Каши, прибыл к нам сегодня с посольством. Пусть примут его не как обычного посла, но поместят во дворце со всеми удобствами. Пусть приложат все старания, чтобы он остался доволен нашим гостеприимством». Ах! Вот так-то изо дня в день приходят посольства от царских домов, коих готра благоприятствует бракосочетанию, и сватают нашу царевну. Но Могущественный и не отвергает никого, и никому не дает согласия. В чем же дело? Видно, уж судьба позаботится о замужестве нашей царевны. Почему?

Нет, пока не прибудет посол от того,
с кем супружество ей суждено,
Наш владыка, других уважая царей,
не отдаст предпочтения им.

О, слуги женских покоев жмутся по углам, видно, явился сюда сам хозяин. О, это Могущественный, у него

На мощных руках браслеты, сверкающие огнями
Топазов и изумрудов, подобных внешней траве.
Стремительно он явился из рощи пальм золотистых,
Словно бог Картикея из зарослей тростника.
(Уходит.)

Конец интермедии.

Входит царь со свитой.

Ц а р ь.

Пылью, поднятой моими скакунами,
Припорошены короны мне подвластных.
Но покоя нет; пред мною не склонился
Гордый знанием слонов владыка ватсов.

Бадараяна!

Входит дворецкий.

Д в о р е ц к и й. Да побеждает Могуущественный!

Ц а р ь. Уже отвели покои Джайванти?

Д в о р е ц к и й. Отвели покои и воздали должные почести.

Ц а р ь. Ты хорошо сделал; ты всегда заботишься о поддержании чести царского дома. Всем прибывающим должно оказывать почетный прием. Но почему никто не решается высказать свое мнение касательно замужества царевны? (Глядя на дворецкого.) Бадараяна! Ты, как будто, хочешь что-то сказать?

Д в о р е ц к и й. Да ничего существенного. Что касается замужества царевны, мне одно неясно.

Ц а р ь. Ну, говори без утайки. Ведь это дело наше общее. Выскажись.

Д в о р е ц к и й. О Могуущественный, вот что я хотел бы понять. Изю дня в день приходят посольства от царских домов, коих готра благоприятствует бракосочетанию, и сватают нашу царевну. Могуущественный же и не отвергает никого, и никому не дает согласия. Почему это?

Ц а р ь. Бадараяна, вот в чем тут дело. Я слишком забочусь о достоинствах будущего мужа Васавадатты и слишком люблю ее; потому-то я не могу принять решение. Прежде всего я желаю, чтоб зять мой был славного рода. Также, чтоб был милосерд, ибо в этом великая сила.

Также — красив; не важна миловидность для дела,

Но для женитьбы важна. Также желаю, чтоб он

В будущем был для супруги надежной защитой.

Д в о р е ц к и й. Но, пожалуй, не найдется ныне никого, кроме разве самого Могуущественного, кто соединял бы в себе все эти достоинства.

Ц а р ь. Это и заставляет меня колебаться.

Найти для дочери мужа — вот забота отца.

Все остальные заботы берет на себя судьба.

Но матери всегда печалятся, отдавая дочерей замуж. Попроси-ка царицу пожаловать сюда.

Д в о р е ц к и й. Слушаюсь, государь. (Уходит.)

Ц а р ь. О! Это посольство от царя Каши напомнило мне о Шаланкаяне, которого я послал взять в плен царя ватсов. Вот уже второй день нет вестей от благородного брахмана.

Расчет наш основан на знанье пристрастий врага,

Но как бы министры его этот план не раскрыли!

Входит царица со свитой.

Ц а р и ц а. Победа Могущественному!

Ц а р ь. Садись, пожалуйста.

Ц а р и ц а. Как повелит Могущественный. (*Садится.*)

Ц а р ь. Где сейчас Васавадатта?

Ц а р и ц а. Она пошла к Уттаре, искусной в музыке, чтобы поучиться у нее игре на лютне Нарады.

Ц а р ь. Откуда вдруг эта страсть к музыке?

Ц а р и ц а. Однажды она услышала, как играет Канчанамала, и пожелала сама научиться.

Ц а р ь. Уж такова молодежь!

Ц а р и ц а. И еще о чем-то я хочу сказать тебе.

Ц а р ь. О чем же?

Ц а р и ц а. Она хотела бы взять учителя.

Ц а р ь. К чему ей учитель сейчас, когда ей время выходить замуж? Муж ее научит.

Ц а р и ц а. Ох, неужто и в самом деле пришло это время?

Ц а р ь. Ну вот! Сама ты ко мне постоянно с этим приставала: «Надо будет ее выдать». О чем же ты теперь убиваешься?

Ц а р и ц а. Конечно, я хочу, чтобы она вышла замуж, но мысль о разлуке с нею меня печалит. За кого же мы ее выдаем?

Ц а р ь. Этого мы еще не решили.

Ц а р и ц а. До сих пор?

Ц а р ь.

Позор, когда не замужем девица,

а как отдашь ее в чужие руки?

Метанья между долгом и любовью —

вот истинное горе матерей.

Во всяком случае, Васавадатта уже достигла того возраста, когда ей пора подчиняться свекру, а не отцу. И сегодня прибыл еще один посол, благородный Джайванти, наставник царя Каши, чья добрая слава прельщает меня. (*Про себя.*) Она не говорит ни слова. Но глаза ее полны слез, она взволнована — как ей на что-нибудь решиться? Ладно, скажу ей. (*Вслух.*) Известно, что брачного союза с нами ищут цари...

Ц а р и ц а. Что толку распространяться об этом? Выдай ее за такого человека, чтобы после нам не пришлось жалеть о том.

Ц а р ь. Да, легко сказать, а если теперь просчитаемся, мне же придется потом выслушивать от тебя упреки. Поэтому, государыня, ты уж сама решай. Послушай.

Владыки Каши, Ванги, Саураштры,

Магадхи, Шурасены и Митхилы —

Все обладают множеством достоинств,
но кто из них, скажи, достойней всех?

Входит дворецкий.

Дворецкий. Царь ватсов!..

Царь. Что царь ватсов?

Дворецкий (*падает ему в ноги*). О, прости, прости меня, Могуущественный! Поспешая сообщить тебе радостную весть, я забыл порядок возглашений.

Царь. Ты сказал: радостную весть?

Царица (*встает*). Победа Могуущественному!

Царь (*весело*). Государыня уходит, чтобы не услышать радостной вести? Останься.

Царица. Как прикажет Могуущественный. (*Садится.*)

Царь (*дворецкому*). Вставай, вставай и говори без боязни.

Дворецкий (*встает*). Высокочитимым советником Шаланкающей взят в плен царь ватсов.

Царь (*радостно*). Что ты говоришь?

Дворецкий. Высокочитимым советником Шаланкающей взят в плен царь ватсов.

Царь. Удаяна?

Дворецкий. Да, он.

Царь. Сын Стосильного?

Дворецкий. Конечно.

Царь. Внук Тысячесильного?

Дворецкий. Он самый.

Царь. Властитель Каушамби?

Дворецкий. Несомненно, он.

Царь. Знаменитый музыкант?

Дворецкий. Так говорят.

Царь. Действительно царь ватсов?

Дворецкий. Ну конечно же, царь ватсов!

Царь. Значит, нет больше Яугандхараяны?

Дворецкий. Да нет же, он в Каушамби.

Царь. Если так, царь ватсов не может быть в плену.

Дворецкий. Да поверит мне Могуущественный.

Царь.

Так же трудно убедить нас, что Удаяна пленен,
Как уверить, что из почвы гору Мандару ты вырвал:
Как бесстрашен он в сражение, знают все его враги,
А его советник мудрый славен разумом повсюду.

Дворецкий. Да смилуется Могуущественный. Я — старый брахман, и никогда еще не вымолвил перед Могуущественным ни слова лжи.

Ц а р ь. Да, это так. Но кто тот вестник радости, которого прислал сюда Шаланкаяна?

Д в о р е ц к и й. Он никого не присылал. Советник был сам на колеснице, запряженной самыми быстрыми конями, и привез с собою царя ватсов.

Ц а р ь. Так он прибыл? Ах, как хорошо! Сегодня пусть воины снимут боевые доспехи и отдыхают в мире. Отныне раджи могут не утруждать себя отсылкою гонцов с тайными поручениями. Короче говоря, сегодня я — поистине Могуущественный!

Ц а р и ц а. Значит, советник привез его?

Ц а р ь. Ну конечно.

Ц а р и ц а. В таком случае мы сейчас ни за кого не будем выдавать Васавадатту.

Ц а р ь. Но он для меня — враг, плененный в бою. Бада-раяна! Где сейчас Шаланкаяна?

Д в о р е ц к и й. Он остановился у Счастливых ворот.

Ц а р ь. Ступай и скажи Бхаратарохаке, чтобы советника ввели с почестями, какие оказывают царевичу, и чтобы доставили вместе с ним царя ватсов.

Д в о р е ц к и й. Как повелит Могущественный.

Ц а р ь. Погоди.

Д в о р е ц к и й. Я здесь.

Ц а р ь. Всем, кто пожелает посмотреть на царя ватсов, препятствий не чинить!

Пусть горожане смотрят на него,

прославленного сотнями побед,

Как на исполненного гневом льва,

пленного для жертвы божествам.

Д в о р е ц к и й. Как повелит Могущественный. (*Уходит.*)

Ц а р и ц а. Многие торжества видел этот царский дом. Но я не помню, чтобы Могущественный когда-нибудь так ликовал.

Ц а р ь. А я не помню, чтобы когда-нибудь был повод для ликования, подобный вести о плененье царя ватсов.

Ц а р и ц а. И это вправду царь ватсов?

Ц а р ь. Ну конечно.

Ц а р и ц а. Я слыхала тут имена многих царских домов, приславших нам предложения брачного союза. Но этот еще никого не присылал.

Ц а р ь. Государыня, он даже имя Могущественного ни во что не ставит. Зачем ему искать союза с нами?

Ц а р и ц а. Ни во что не ставит? Что он, ребенок или глупец?

Ц а р ь. Пусть себе покуда играет. В доме свекра ей будет не до того. Бадараяна! Где сейчас царевна?

Д в о р е ц к и й. Она у советника.

Ц а р ь. А правитель ватсов?

Д в о р е ц к и й. Он вел себя смирно, у него много ран на ногах и на теле, и потому его отнесли на носилках в Средний дворец.

Ц а р ь. Увы, у него много ран! Но виною тому его же неукротимый дух. Однако оставить его в небрежении в такое время было бы жестоко. Бадараяна! Ступай и скажи Бхаратарохаке — пусть перевяжут его раны.

Д в о р е ц к и й. Как повелит Могуущественный.

Ц а р ь. Однако погоди еще.

Д в о р е ц к и й. Я здесь.

Ц а р ь. Пусть следят с неослабным вниманием за каждым его движением и по выражению лица почтительно угадывают его желания. Пусть не рассказывают в его присутствии о проигранных сражениях. Чихнет ли он или что другое — пусть поздравляют. И слова хвалы ему должны всегда быть уместны.

Д в о р е ц к и й. Как повелит Могуущественный. (*Уходит и возвращается.*) Победа Могуущественному! Уже по дороге сюда царю ватсов перевязали раны; для новой перевязки время еще не наступило. Солнце полуденное стоит в зените.

Ц а р ь. А где теперь этот гордый герой?

Д в о р е ц к и й. У Павлиньего нашеста.

Ц а р ь. О, нехорошо! Это совсем неподходящее место. Распорядись, чтобы его поместили в Самоцветной комнате, где он не будет страдать от солнечного зноя.

Д в о р е ц к и й. Как повелит Могуущественный. (*Уходит и возвращается.*) Все исполнено по велению Могуущественного. Но Могуущественного хочет видеть советник Бхаратарохака.

Ц а р ь. Очевидно, ему не нравится прием, который мы оказываем царю ватсов; это противоречит его политике. Я постараюсь переубедить его.

Ц а р и ц а. Так решен ли вопрос о замужестве царевны?

Ц а р ь. Нет, пока еще не решен.

Ц а р и ц а. Не нужно с этим спешить. Дочь моя — еще дитя.

Ц а р ь. Как угодно госпоже. Ты можешь теперь удалиться во внутренние покои.

Ц а р и ц а. Как повелит Могуущественный. (*Уходит со свитой.*)

Ц а р ь (*задумчиво*).

Вражде, которую я ранее питал
в душе к владыке ватсов за надменность,
С его пленением не осталось места.
Теперь же, слыша о царе несчастном,
нежданно потерпевшем поражение,
Я сам не знаю, как с ним поступлю.

Оба уходят.

Конец второго действия

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

Входит ш у т, переодетый нищим.

Ш у т (*жестикулирует*). О! Только я поставил свой горшок со сладостями на ступени храма, чтобы подсчитать вырученные деньги и завязать их в узелок, обернулся — а горшка уже нет! (*Размышляет*.) Приставал тут ко мне один — я ему дал одно печенье, и он дальше за мною не пошел. Стена тут высока — собаке сюда не забраться. И сласти-то недопеченные, так что прохожие не могли на них позариться. Быть может, я их сам съел? Ну, тогда я их сейчас отрыгну. Ох, ох!словно из старого свиного пузыря, ничего не выходит из меня, кроме воздуха. Или, может быть, Шива наложил на них руку: мол, что принадлежит Красной Катьяни, принадлежит и ему. (*Жестикулирует*.) Хотя этот брахмачарин всяческие проказы творит! Ладно, посмотрю сам. О! Да это же мой горшок со сладостями стоит у ног Шивы! Ну, так я его заберу. Отдай, владыка! Отдай мой горшок со сладостями! Владыка! Это же ты меня обокрал! Ах, беда! Горшок-то мой нарисован на стене, а я и не разглядел, так помрачен рассудок мой от горя. Ладно же. Я его сотру.

Ох, ох, ну и молодец ты, художник! Искусник! Молодец! Так сумел наложить краски, что сколько я ни тру, они только ярче становятся. Ну хорошо же, я их смою водой. А где же здесь вода? Вот прекрасный пруд с чистой водою. Пусть же Шива, как и я, погорюет о горшке со сладостями.

Г о л о с (за сценой). Сласти! Сласти! Эге-ге!

Ш у т. Ахти, это юродивый бежит сюда с моим горшком и хохочет — словно поток грязной воды бежит, пенясь, по уличной канаве. Стой, юродивый, стой! Остановись, не то я проломлю тебе череп этой дубиной!

Входит ю р о д и в ы й.

Ю р о д и в ы й. Сласти! Сласти! Эге-ге!

Ш у т. Эй, юродивый! Отдавай мой горшок со сладостями!

Ю р о д и в ы й. Какие сласти? Где сласти? Чьи сласти? Чтó, эти сласти выброшены, или припрятаны, или же съедены?

Ш у т. Да не съедены, не съедены и не выброшены.

Ю р о д и в ы й. Но у меня слюнки текут, значит, их надо съесть.

Ш у т. О юродивый! Отдай мой горшок со сладостями! Не зарься на чужое, не то тебя свяжут.

Ю р о д и в ы й. Кто это меня свяжет? Сласти охранят меня.

Выдывали их за сценой, они даны на радость нам, Их оценили в доме царском, но аромат уж выдохся немного.

Ш у т. О юродивый, отдай мой горшок со сладостями. Я должен отнести эти припасы в дом моего наставника.

Ю р о д и в ы й. Этих припасов мне хватит на сто йоджан пути.

Ш у т. А ты что, не сам ли Айравана?

Ю р о д и в ы й. Да, я — Айравана, но царь богов на меня уже не садится. И я слышал, что Индру заключили в оковы. Но, хлеща молнией-плетью, поглощающей ливни, и крутясь в вихре, он разорвет сковавшие его тучи.

Ш у т. О юродивый, если ты не отдашь мне сласти, я буду звать на помощь!

Ю р о д и в ы й. Зови, зови, пожалуй, вопи, зови!

Ш у т. На помощь! Эй, караул, грабеж!

Ю р о д и в ы й. Я тоже буду звать на помощь. Индра в оковах, эй, Индра в оковах!

Ш у т. На помощь, на помощь! Грабеж!

Г о л о с (за сценой). Не бойся, не бойся, благочестивый брат! Не бойся.

Ш у т (*радостно*). Когда месяц восходит, все звезды сходятся вместе. Брахманство пришло в упадок. Буддийский монах охранит нас, насколько хватит его усердия.

Входит буддийский монах.

М о н а х. Не бойся, благочестивый брат, не бойся! Кто это здесь? В чем дело? Почему зовут на помощь?

Ш у т. Беда! Монах берет на себя дело стражника. О монах, о преподобный, этот юродивый забрал мой горшок со сладостями и не хочет его отдавать.

М о н а х. Со сладостями? Дайте-ка мне взглянуть.

Ю р о д и в ы й. Посмотри, посмотри, почтенный монах.

М о н а х. Тьфу! Тьфу!

Ш у т. Увы! Только что я увидел свои сласти в руках у юродивого, а теперь на них плюет этот исполненный рвения монах!

М о н а х. О благочестивый юродивый! Верни, верни эти сласти, золотистые, как мускусная пена, нежные, всячески припудренные и приправленные, сладкие, как вино. Не ешь их, они тебя погубят.

Ш у т. О горе, вместо сладостей мне всучили гороховые лепешки!

М о н а х. О благочестивый юродивый! Верни, верни их! Если не вернешь, я тебя прокляну.

Ю р о д и в ы й. Смилуйся, смилуйся, о монах! Преподобный! Пожалуйста, пожалуйста, не проклинай меня! Возьми, возьми эти сласти.

М о н а х. О благочестивый брат, узри мое могущество!

Ш у т. Юродивый-то видит, что этот исполненный рвения монах готов изречь проклятие, перепугался, стоит и дрожащими руками протягивает ему горшок со сладостями. Эй, юродивый, подай мне мой горшок!

М о н а х. Подойди, подойди, почтенный! Угости меня своими сладостями.

Ш у т. Ох, ох, я должен угощать тебя своими, но эти я ведь получил в подарок от домохозяина. Ну, да пусть они будут подарком тебе. Будь и ты счастлив. А этот юродивый отправился к святилищу огня. Сейчас полдень. Здесь до вечера будет безлюдно. Пойду отнесу золотые, которые получил я сегодня как даяние брахману, в этот дом у дороги. Одному я должен платье, другому — деньги.

Все входят в храм огня.

Я у г а н д х а р а я н а. Васантака! Никого нет в этом храме?

Ш у т. Да, конечно, здесь никого нет.

Я у г а н д х а р а я н а. Ну, так обнимитесь вы, двое.

О б а. Непременно. (*Обнимаются.*)

Я у г а н д х а р а я н а. Хорошо, хорошо. Оба вы равно усердны. Садись, пожалуйста. И ты, почтенный, садись тоже.

О б а. Ладно.

Все садятся.

Я у г а н д х а р а я н а. Видел ли ты государя, Васан-така?

Ш у т. О да! Я видел господина.

Я у г а н д х а р а я н а. Ночью, к сожалению, ходить небезопасно. Подождем следующего дня.

Когда приходит день, мы ночи ждем,

а на рассвете новый день торопим.

Мудрец не зарекается от бед,

но знает: ждет со временем удача.

Р у м а н в а т. Ты верно сказал. Хотя время всегда течет одинаково, ночь особенно полна опасностей. Ибо

Потерпевшим неудачу в деле или в жизни

Ночь страшна: ведь только утром явным станет промах.

Я у г а н д х а р а я н а. Говорил ли ты с государем, Васантака?

Ш у т. О да! Господин долго не отпускал меня. Сегодня, на четырнадцатый день, он совершил омовение, и я прислуживал ему.

Я у г а н д х а р а я н а. Государь совершил омовение?

Ш у т. Господин совершил омовение.

Я у г а н д х а р а я н а. Исполнил ли он обряды почитания богов?

Ш у т. О да! Он почтил богов, хотя одним лишь поклонением.

Я у г а н д х а р а я н а. Сколь почетного положения достиг государь! Почему?

Раньше, когда, совершив омовенье,

он обращался к богам,

Бой барабанов сменял

молкнувший хор поздравлений.

Ныне, когда по утрам царь приступает к обряду,

Только оковы гремят на его изможденных руках.

Р у м а н в а т. Благодаря твоим усилиям государь скоро сможет совершить обряд благого дня должным образом.

Я у г а н д х а р а я н а. Васантака, ступай и еще раз повидай государя. Да ведает гсударь: завтра настанет

время осуществить то, что мы замыслили здесь ради избавления его от плена. А именно — слона Налагири надо будет одурманить древним способом — заклинаниями и травами; для этого мы уже ухитрились подложить всякие зелья в те места, где он отдыхает, где купается, где спит и где кормится, и устроили так, чтобы, когда придет время, дым относил ветром в нужную сторону. Подготовили и другого слона, который будет разъярен и заразит его своим бешенством. Дом близ его стояла, почти пустой, нужно будет поджечь — слоны ведь боятся огня. Чтобы возбудить слонов-вожаков, в храмах заранее запасены барабаны и трубы. И вот завтра тот шум, который мы с помощью всего этого подыдем, заставит Прадхоту прибегнуть к искусству нашего государя в укрощении слонов. Тогда с разрешения врага государь выйдет из темницы, держа в руках лютную Звонкую, которая делила с ним его невзгоды, и укротит Налагири. А затем государь вскочит на Налагири и

Так заставит он мчаться слона, что враги
даже в мыслях его не догонят;
Не успеют опомниться львы, как уже
чащи Виндхьев минует владыка.

За день в трех он успеет местах побывать:
в заточенье, в лесу и в столице.

Раз уж слон оказался причиной невзгод,
слон и станет орудьем спасенья!

Р у м а н в а т. Васантака! О чем ты задумался?

Ш у т. Думаю о том, что все наши великие труды пойдут прахом.

О б а. Мы не понимаем.

Ш у т. Я уже понял, а вы поймете после.

Я у г а н д х а р а я н а. Но отчего же наш замысел может пойти прахом?

Ш у т. Оттого, что у царя ватсов замысел другой.

Я у г а н д х а р а я н а. Какой же?

Ш у т. Выслушайте меня, почтенные.

О б а. Мы внимаем тебе.

Ш у т. Когда минул восьмой день темной половины месяца, царская дочь, благородная Васавадатта, отправилась со своею нянькой в святилище благой Якшини совершить поклонение богам. В то время большую дорогу залило водой из запруженного канала, и им пришлось избрать окольный путь мимо ворот тюрьмы. На паланкине царевны покров был тогда откинут; ведь нет греха в том, чтобы лицезреть девицу...

Я у г а н д х а р а я н а. Продолжай.

Ш у т. А господин наш в тот самый день вышел из ворот темницы с разрешения тюремного надзирателя, царского чиновника по имени Шивака.

О б а. Дальше.

Ш у т. И как раз в это время носильщики остановились, чтобы поменяться местами, и он увидел царевну.

Я у г а н д х а р а я н а. Дальше.

Ш у т. Что — дальше, дальше? Темница превратилась для него теперь в сад наслаждений, и он намерен предаться любовной игре.

Я у г а н д х а р а я н а. Неужели государь влюбился в нее?

Ш у т. Увы! Недаром говорят, что беда не приходит одна. Это и произошло.

Я у г а н д х а р а я н а. Друг Руманват, мужайся! Суждено нам, видно, состариться в этих нарядах.

Ш у т. Внемли, еще он сказал мне: «Передай Яугандхараюне, что замысел его не во всем меня удовлетворяет. Я замыслил в самый миг бегства нанести обиду Прадьюте. Не подумай обо мне плохо — не страсть для меня главное. Я хочу отомстить за свое унижение».

Я у г а н д х а р а я н а. Какая пренебрежительная насмешка над врагом в этих словах! Какая самоуверенность! Как тяжело это для его друзей! Не вовремя и не к месту возжелал государь наслаждений любви! Ибо

Охалка соломы на голой земле —

достойное ложе любви!

Бряцанье оков на руках и ногах —

прекрасная песня любви!

Подумаешь, право: где, как не в тюрьме,

построить обитель любви?

Раз стражник тебя называет царем,

и впрямь ты царем себя мнишь!

Ш у т. Послушай, мы уже доказали свою преданность, мы совершили отважные деяния. Так оставим же его в покое и уйдем отсюда.

Я у г а н д х а р а я н а. От Васантаки ли я это слышу? О Васантака, не говори, не говори так.

Он, мучимый несчастьем и любовью,

Не может трезво мыслить без поддержки друга.

Неужто мы теперь его покинем?

Ш у т. Так-то мы дождемся здесь старости.

Я у г а н д х а р а я н а. И достойны будем похвалы.

Ш у т. Похвально это будет, если люди об этом узнают.

Я у г а н д х а р а я н а. Не ради хвалы людской мы это предпринимаем, а ради блага нашего государя.

Ш у т. Да он сам об этом не знает.

Я у г а н д х а р а я н а. Узнает со временем.

Ш у т. Когда-то придет это время?

Я у г а н д х а р а я н а. Когда предпринятое нами увенчается успехом.

Ш у т. Но в таком случае тебе придется не только освободить царя из темницы, но и похитить царевну из женских покоев дворца.

Р у м а н в а т. Да, подумай об этом.

Я у г а н д х а р а я н а. Похитить обоих. Да будет так. Вот же мой второй обет:

Слон сорвал в воде прекрасный лотос,
Арджуна увел с собой Субхадру.

Да не будь я Яугандхараяна,
если царь царевну не похитит!

И еще:

Деву с удлинненными очами мы сумеем увести отсюда,
Да не будь я Яугандхараяна,
ежели по-моему не будет!

(Прислушиваясь.)

О, кажется, я слышу какой-то шум. Узнай, что это.

Ш у т. Слушаюсь, почтенный. (Уходит и возвращается.)

О почтенный, я видел, там народ высыпал на улицу прогуляться на исходе дня. Что нам теперь делать?

Р у м а н в а т. Из храма огня четыре выхода. Положим конец нашему совету и разойдемся.

Я у г а н д х а р а я н а. Нет, нет. Совет наш нерушим. Не ему мы положим конец, а совету врагов. Пусть каждый исполнит то, что ему поручено.

О б а. Хорошо. (Оба уходят.)

Ю р о д и в ы й. Увы, увy, Раху проглотил луну! Выпусти, выпусти месяц! Если не выпустишь, я разорву тебе пасть и освобожу его. Смотри-ка, сюда бежит взбесившийся конь, сорвавшийся с привязи! Вот он уже на перекрестке. Сяду-ка я на него да съем подаяние, которое получил сегодня. А вот и юные господа. Вы бьете меня? О, не бейте, не бейте меня! Что вы говорите? Чтобы я сплясал для вас? Ну смотрите, смотрите, юные господа! О юные господа, вы опять бьете меня палками! Не бейте, не бейте меня! Не то я сам побью вас. (Уходит.)

Конец третьего действия

Входит воин.

В о и н. Царевна наша Васавадатта намерена выехать из дворца, чтобы развлечься игрою в воде, а я уже невесть сколько времени ищу и не могу найти погонщика ее слонихи Благосклонной. Почтенный Пушпадантак! Не видел ли ты слоновьего погонщика? Что ты говоришь? Этот самый погонщик отправился в питейный дом к торговке вином и пьет там у нее? Ну ступай, почтенный. (*Обходит сцену.*) Вот питейный дом. Позову-ка я его. Эй, погонщик! Погонщик!

Г о л о с (*за сценой*). Кто это там на большой дороге вызывает ко мне: «Погонщик, погонщик»?

В о и н. Вот идет сюда погонщик слонов, напился всласть вина, хохочет-заливается, пьяный-препьяный, и глаза красные, как китайская роза. Лучше не попадаться ему на дороге. (*Отступает в сторону.*)

Входит погонщик слонов, как описано.

П о г о н щ и к. Кто это там вызывает ко мне на большой дороге: «Погонщик, погонщик»? Вышел я из питейного дома и попался на глаза разгневанному тестю. И кусок мяса достался мне, приправленный маслом, перцем и солью, и чаша нектара. Когда сноха выпьет и развеселится, свекровь палкой машет.

Блажен, кто опьяняется вином,

блажен, кто обливается вином,

Блаженствуя, купается в вине,

в блаженство погружается в вине!

И прокляты богатые дураки, которые, прослышав о горестях и бедах своих снох, не решаются отведать из чана вина! Я же буду знать, есть на том свете ад или нет его.

В о и н (*приближаясь*). О погонщик слонов! Я уже не-
весть сколько времени ищу тебя! Дочь государя нашего
Васавадатта пожелала развлечься игрою в воде, а Благо-
склонную нигде не найти. Ты же шляешься тут пьяный.

П о г о н щ и к. Так оно и есть. И она пьяная, и тот
человек пьяный, и я пьяный, и ты пьяный, и весь свет
тоже пьяный.

В о и н. Весь свет оставь в покое. Где ты шлялся и по-
чему не пригнал Благосклонную к царскому дворцу?

П о г о н щ и к. Там я шлялся, здесь я пью, так-то вот
и пью, не подымай шума. А что еще делать?

В о и н. Перестань болтать пустое. Поскорее приведи
Благосклонную.

П о г о н щ и к. Надо, надо привести Благосклонную.
Но горе мне, я заложил в питейном доме ее анкуш!

В о и н. Да нужен ли анкуш Благосклонной, кроткой
по природе? Ступай, приведи ее скорее.

П о г о н щ и к. Надо, надо привести Благосклонную.
О горе мне, я заложил ее ошейник!

В о и н. Да Благосклонной на шею можно надеть и цве-
точную гирлянду. Зачем ей ошейник с острыми краями?
Поскорей приведи ее.

П о г о н щ и к. Надо, надо привести Благосклонную.
О горе мне, я заложил ее колокольчик!

В о и н. Благосклонная будет резвиться в воде, зачем
ей колокольчик? Поскорей приведи ее.

П о г о н щ и к. Надо, надо привести Благосклонную.
Горе мне, я и бич ее заложил!

В о и н. К чему ей бич? Поскорей приведи Благосклон-
ную.

П о г о н щ и к. Надо, надо привести Благосклонную
Горе!

В о и н. В чем еще горе?

П о г о н щ и к. Горе мне, я...

В о и н. Что ты сделал?

П о г о н щ и к. Горе мне, Благо...

В о и н. Что благо?

П о г о н щ и к. Горе, Благосклонная...

В о и н. Что Благосклонная?

П о г о н щ и к. Благосклонную я тоже заложил.

В о и н. Нет на тебе в том вины. Виновата хозяйка пи-
тейного дома, которая в залог за вино принимает царскую
скотину.

П о г о н щ и к. Горе мне, я сам сказал ей, чтобы она
не отказывалась от своей выгоды.

В о и н. Ого! Я слышу какой-то шум.

П о г о н щ и к. Горе мне, я знаю, я знаю в чем дело. Это Благосклонная вырвалась из дома виноторговки и бежит на свободе.

В о и н (*в пространство*). Что ты говоришь? «Это повелитель наш, царь ватсов бежал, похитив Васавадатту»?

П о г о н щ и к (*радостно*). Да будет беспрепятственным путь моего государя!

В о и н. Пей, пей дальше. Гуляй сегодня и дальше пьяный.

П о г о н щ и к. Эх, кто пьян, кому веселье? Мы — люди благородного Яугандхараяны, он расположил нас в назначенных местах. Я должен подать знак своим товарищам. Вот товарищи мои стремятся отовсюду, словно черные кобры, вырвавшиеся из заточения. Эй, эй, друзья! Послушайте, послушайте, почтенные!

Пусть сосуда, полного воды
и покрытого травой дарбха,
Не получит тот, кто в час сраженья
позабудет своего кормильца, —

Ибо место для таких в аду!

Но где же благородный Яугандхараяна? (*Осмотри-
ваясь.*) О, вот благородный господин Яугандхараяна!

С острым блестящим мечом и золоченым щитом,
С множеством лент на плаще и в бледно-желтом
тюрбане,

Сбросив личину безумца, является он
Тучею черной, чреватую вспышками молний!
Ого! Жестокий бой закипел.

Он сражает слонов с седоками

и всадников вместе с конями,
В центре вражьего войска бесстрашно сражается он.
Вот ударом слоновьего бивня его перебита рука,
И упал его меч, но герой не бросается в бегство.

Увы! Благородный Яугандхараяна схвачен! Пойду постараюсь пробиться к благородному Яугандхараяне. (*Уходит.*)

В о и н. Что это? Похоже, что весь Каушамби здесь, только городских стен и ворот не хватает. Ладно, пойду, расскажу о происшедшем советнику. (*Уходит.*)

Конец интермедии.

Входят двое служителей.

Оба. Расходитесь, расходитесь, господа, расходитесь!

Первый. Проклятье, глотку уже надорвал, а все кричи им что есть мочи.

Второй. Проклятье, в этой суматохе, что поднялась из-за похищения царевны Васавадатты, сколько ни ори, никто ничего не слышит. Проклятье, о чем ты спрашиваешь? «Чего ради всех гонят с дороги»? Благородный Яугандхараяна взят в плен. Ты спрашиваешь, как его взяли в плен? Так вот, послушай, господин. Немало времени благородный Яугандхараяна с мечом в руке в одиночку сдерживал натиск целого войска. Но потом он выронил свой меч, зацепившись им за бивень слона Победоносного. Меч его подвел, не собственное мужество — вот как он попал в плен.

Первый. Проклятье, вы не зевайте! Ведь весь Каушамби здесь, только что стены и ворота не пришли.

Оба. Сойди, сойди, господин, сойди!

Появляется Яугандхараяна, несомый на носилках со связанными руками.

Яугандхараяна. Вот я схожу.

Владыку ватсов вызволив из плена,
я ныне сам пленен на поле брани.

Я побежден, но стал спокоен сердцем,
поскольку выполнил тяжелый долг.

Да! Овдовевшему мило лесное безлюдье; тому, кто достиг исполнения желаний, легче бремя невзгод; и не страшна смерть накопившему сокровище благочестивых деяний. Ведь,

Презрев униженья, презрев и врагов, и опасности,
Добился я цели расчетом, упорством и стрелами,
Противников славы лишил и бесчестья — соратников,
Спасен мной владыка, и, значит, победа одержана.

Оба. Расходитесь, расходитесь, господа! Расходитесь!

Яугандхараяна. Никого из желающих видеть меня прогонять не надо.

Пусть увидят меня эти храбрые слуги царя:

Я в несчастье попал из-за верной любви к государю.

Пусть подумает тот, кто желает советником стать,

Впрямь ли всею душой он готов к исполнению желанья.

Оба. Расходитесь, расходитесь! Или вы никогда прежде не видели благородного Яугандхараяну?

Я у г а н д х а р а я н а. Они видели меня прежде, но не в таком положении. Они

Безумцем видели меня, тот облик им знаком,
Теперь же могут зреть они плоды моих деяний.

Входит воин.

В о и н. Господин, у меня радостная весть для тебя.
Царь ватсов схвачен!

Я у г а н д х а р а я н а. Этого не может быть.

Бежав из плена, он уже давно
достиг лесов, летя на Благосклонной,
Мгновенно покрывая сотни йоджан.

Как может в плен вернуться он опять?

Любезный, знаешь ли ты, как его схватили?

В о и н. Его догнали на слоне Налагири и взяли в плен.

Я у г а н д х а р а я н а. Да, на таком слоне это можно было сделать. Но ведь он не был снаряжен как должно!

Погонщиком слон приучается к быстрому бегу,
Но лишь государь мой мог ездить на этом слоне.

В о и н. Господин! Советник повелел, чтобы тебя поместили в арсенале. Это место охраняется нашими людьми.

Я у г а н д х а р а я н а. О, смешно говорить об этом! Когда огонь вы полонили, чье имя — повелитель ватсов, когда действительно имели, что неусыпно охранять, Тогда советники дремали; а ныне... для пустой шкатулки к чему мудреные замки?

Обходят сцену.

В о и н. Вот арсенал. Да изволит господин войти. (Входят.) Советник повелел снять узы с пленника.

Я у г а н д х а р а я н а. Окажите мне такую милость. Очевидно, Бхаратарохака хочет встретиться со мной. Я тоже хотел бы видеть его,

Устрашенного гневом моих откровенных речей,
Признающего слабость свою по сравненью со мною
В исполнении должности и хитроумье интриг.
Оказавшись невеждой в делах управления страной,
Пусть склонится пристыженно он перед мудрым,
Как побитый кулачный боец!

Входит Бхаратарохака.

Б х а р а т а р о х а к а. Где он, где Яугандхараяна?
Он успеха достиг обманом, только кто же его осудит,
На себя принявшего беды ради радости господина?
Его замысел был прекрасен, но удался он лишь частично.
Словно змей под сильной ногою,

гневно вскинулся побежденный.

В о и н. Благородный Яугандхараяна ожидает господина в арсенале.

Б х а р а т а р о х а к а. Хорошо, хорошо.

Попавшись на хитрость с поддельным слоном голубым,
За этот обман на меня он обрушит упреки.

В о и н. Господин, вот советник.

Б х а р а т а р о х а к а (*приблизившись*). Привет тебе, Яугандхараяна!

Я у г а н д х а р а я н а. Привет!

В о и н. О, какой громовой голос! Единым словом он огласил окрестность.

Б х а р а т а р о х а к а (*садится*). До сих пор мы знали Яугандхараяну только по имени. Благодарение судьбе, я наконец могу лицеизреть тебя.

Я у г а н д х а р а я н а. Ты благодаришь судьбу за то, что можешь лицеизреть меня? Смотри же, почтенный, на меня.

Как сын Дроны, отмстивший убийце отца,
я спокоен стою: я обет свой исполнил.

Не позором покрыт я, а честною кровью.

Б х а р а т а р о х а к а. О, каково самомнение! Это оттого, что ты сумел обманом осуществить свою затею со слоном.

Я у г а н д х а р а я н а. Обманом, ты говоришь? Что ж, теперь уместно говорить об этом.

Вот обман: поддельный слон. Тогда-то

Царь наш удостоился почета:

связанный лежал он на земле.

Вот обман: своей игрой на лютне

он живого укротил слона.

Но обман — обману рознь: мы только

следовали твоему примеру.

Б х а р а т а р о х а к а. О Яугандхараяна! Но достойно ли тебя было это воровское деяние — похищение дочери Могущественного, ученицы твоего господина, девы, не выданной замуж у свадебного алтаря Агни?

Я у г а н д х а р а я н а. Не говори, не говори так, почтенный! Государь наш, конечно, взял ее в жены.

Славный отпрыск Бхаратов, повелитель ватсов,
Разве мог из низости умыкнуть девицу?

Б х а р а т а р о х а к а. А Могуущественный ведь принял царя ватсов с почетом. Почему же он пренебрег этим?

Я у г а н д х а р а я н а. Не говори, не говори так, почтенный.

Ему повиновался Налагири —

ведь опытен и мудр мой повелитель.

Ваш царь затем его освободил,

чтоб охранить себя, друзей и славу.

Б х а р а т а р о х а к а. Пусть, как ты полагаешь, ваш государь был освобожден лишь для того, чтобы укротить Налагири. Но ведь и после этого он не был заключен в оковы!

Я у г а н д х а р а я н а. А это для того, чтобы не навлекать упрека в неблагодарности.

Б х а р а т а р о х а к а. О тебе говорят, почтенный, как о человеке, сведущем в делах государственных. Что предписывают трактаты делать с врагами, побежденными в битве?

Я у г а н д х а р а я н а. Предавать их смерти.

Б х а р а т а р о х а к а. Если царь ватсов был достоин смерти, почему, по-твоему, мы приняли его с таким почетом?

Я у г а н д х а р а я н а. А для того, чтобы своего царя обезопасить от похищения

Б х а р а т а р о х а к а. И господин считает, что это было бы возможно?

Я у г а н д х а р а я н а. Какое в этом может быть сомнение?

Ваш царь был у нас в руках. Наш царь пощадил его,

И лишь взойдя на слона, победу он упустил.

Б х а р а т а р о х а к а. Хорошо, хорошо! Но, противодействуя Могуущественному, что готовишь ты для Каушамби?

Я у г а н д х а р а я н а. О, смешной вопрос!

Раз он от вас ускользнул, что толку болтать о прочем? Кто станет рубить сучья, вырвав дерево с корнем!

Входит дворецкий.

Д в о р е ц к и й (на ухо Бхаратарохаке). Вот что...

Б х а р а т а р о х а к а. Повтори громко.

Д в о р е ц к и й. Сказано было:

Ты часто прибегал к обману, но все же зла не сотворил, Достойный! Я забыл обиды; прими же в дар золотой сосуд.

Я у г а н д х а р а я н а. Увы!

Пожар, что я зажег, еще не гаснет,
сердца советников еще пылают.

За что же мне такой почет? По праву
я казнь себе в награду заслужил!

За сценою слышатся стенания.

Б х а р а т а р о х а к а. Эй!

Что за стон звучит с дворцовой крыши,
Словно там орел когтит добычу?

Эй, узнайте, что это за шум.

Д в о р е ц к и й. Как прикажет господин. (*Уходит и возвращается.*) Государыня Ангаравати, одолеваемая горестью, хотела броситься с крыши дворца; но Могущественный так сказал ей: «Дочь твоя вышла замуж по обычаю кшатрийского рода. Что же ты горюешь в час веселья? Пусть же брачный союз царя ватсов и Васавадатты будет запечатлен на картине». И там теперь

В радостном смятенье женщины хлопочут,
Слезами орошая свадебное платье.

Я у г а н д х а р а я н а. Итак, Могущественный решил укрепить наш союз. Если так, подайте мне золотой сосуд.

Д в о р е ц к и й. Прими его. (*Подносит сосуд.*)

Б х а р а т а р о х а к а. О Яугандхараяна! Что еще может сделать Могущественный приятное для тебя?

Я у г а н д х а р а я н а. Если Могущественный доволен мною, чего мне еще желать?

Последнее слово пьесы.

Да будут стада безмятежны, да будут враги бессильны,
Да будет над этой землею владычить наш доблестный царь!

Все уходят.

Конец четвертого действия

К о н е ц

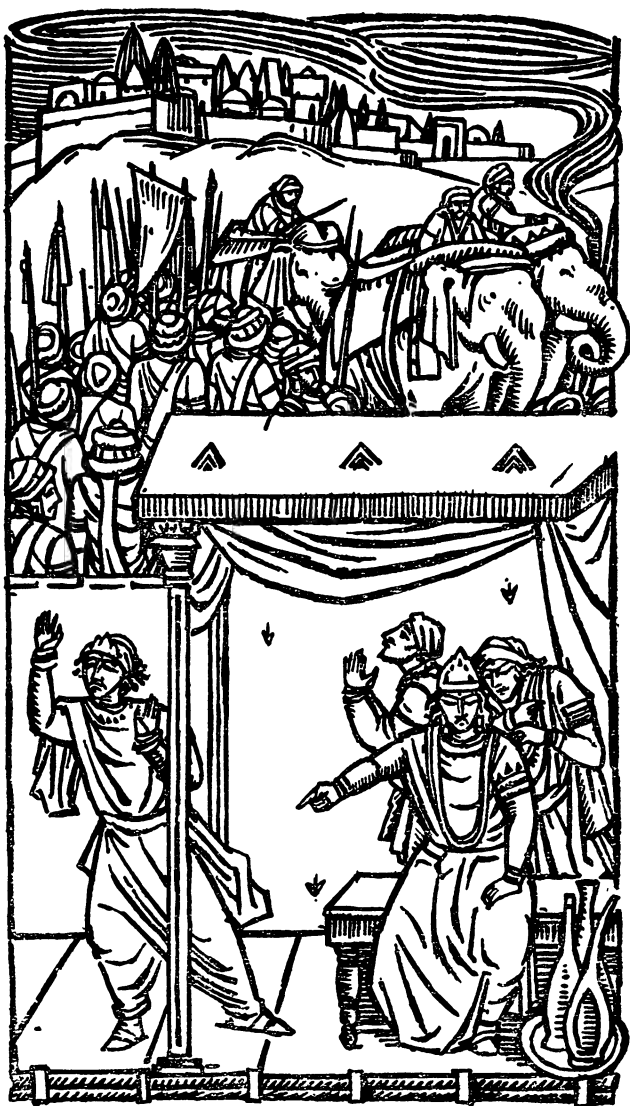
Вишакхадатта

ПЕРСТЕНЬ
РАКШАСЫ

Драма
в семи действиях

Перевод В. Эрмана
Стихи в переводе Н. Голя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.

Актриса.

В ДРАМЕ:

Чандрагупта Маурья Низкорожденный, царь Магадхи.

Вишнугупта Чанакья Каутилья, его наставник и главный советник.

Малаякету, царевич, сын Парватешвары, правитель Горной Страны.

Ракшаса, главный советник династии Нанда.

Бхагураяна.

Индущарман, он же нищенствующий монах
Дживасиддхи.

Нипунака.

Сиддхартхака, он же палач Ваджраломан.

Самиддхартхака, он же
палач Бильвапатра.

Человек с веревкой.

Шарнгарава, ученик Чанакьи.

Чанданадаса, старейшина цеха
золотых дел мастеров.

Шакатадаса, писец.

Вирадхагупта, он же заклинатель змей
Джирнавиша.

Карабхака.

Прямвадака, слуга Ракшасы.

Вайхинари, дворецкий Чандрагупты.

Джаджали, дворецкий Малаякету.

Бхасурака, слуга Бхагураяны.

Шооттара, привратница Чандрагупты.

Виджая, привратница Малаякету.

Жена Чанданадасы.

Маленький сын Чанданадасы, два певца (за сценой),
слуги и так далее.

} Сторонники
и соглядатаи
Чанакьи.

} Сторонники
и соглядатаи
Ракшасы.

Действия 1-е и 3-е происходят в Паталипутре, действия 2-е и 4-е — в столице Горной Страны, действие 5-е — в лагере Малаякету, действие 6-е — в саду у ворот Паталипутры, действие 7-е — частью в Паталипутре, частью за городом.

ПРОЛОГ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

П а р в а т и.
Что за счастливицу, супруг, несешь ты на своем челе,
Тогда как мне, своей жене, лишь на бедре назначил место?

Ш и в а.

Всмотрись — ведь это серп луны!

П а р в а т и.

Ах, Серплуны?! Вот это имя!

Ш и в а.

Что удивительного тут?

На голове у Шивы — месяц.

П а р в а т и.

Ну, не хитри! Вся суть в подруге,
тут месяц вовсе ни при чем!

Ш и в а.

А если Месяц-Шива ни при чем,
так и болтай с подружкой Виджаей!

Пусть хитрость Шивы, скрывшего название

Реки богов, спадающей с небес

На голову его, — пусть хитрость эта

Опорой и порукой будет вам!

И еще:

Шива танцует, движения в танце смиряя,

Чтобы под тяжелой стопой земля не погибла;

Руки разводит он дальше просторов вселенной,

Чтобы создание богов не смести ненароком;

Шива танцует, смежив тяжелые веки,

Чтобы не вспыхнул пожар от его искрометного

взгляда.

Пусть же его осторожный и сдержанный танец

Будет отныне опорой вам и порукой!

По окончании благословения входит
руководитель труппы.

Руководитель труппы. Довольно многословия. Публика мне повелела, чтобы сегодня была представлена мною новая пьеса под названием «Перстень Ракшасы», сочиненная поэтом Вишакхадаттой, сыном махараджи Бхаскарадатты, внуком саманты Ватешварадатты. Поистине, великое наслаждение — играть перед публикой, умеющей оценить достоинства поэтического произведения. Ибо,

Если поле плодородно — каждый год обильны всходы:
Дело тут не в земледельце, но в самой земле.

Так я пойду домой, позову хозяйку и сейчас же со своими домочадцами начну представление. *(Обходит сцену и осматривается.)* Вот наш дом. Войду-ка я. *(Делает вид, что входит, и осматривается.)* О, что это? Похоже на то, что у нас в доме сегодня большой праздник. Больше обычного хлопочут служанки, каждая занята своим делом. Вот так.

Та готовит благовонья, эта воду в дом несет,

Третья пестрые гирлянды из цветов сплетает,
А четвертая усердно рис толчет в железной ступке,

Раздается звон ударов — это праздник в дом стучится!

Ладно. Позову хозяйку и спрошу у нее. *(Обращается за сцену.)*

О правительница дома,
Охранительница блага,
Ты в себе соединила
Веру, пользу и любовь!

Актриса *(входя)*. Я здесь, господин. Да соизволишь ты отдать мне приказание.

Руководитель труппы. Не говори о приказаниях, госпожа. Скажи, зачем затеяли эту необычную стряпню? Осчастливлен ли нынче наш очаг посещением благочестивых брахманов или в доме принимают желанных гостей?

Актриса. Господин, я пригласила благочестивых брахманов.

Руководитель труппы. А по какому поводу?

Актриса. Да, ведь, говорят, месяц затмился.

Руководитель труппы. Кто это сказал?

Актриса. Да народ в городе об этом толкует.

Руководитель труппы. Госпожа, я со тщанием изучил науку о небесных светилах во всех ее шестидесяти четырех разделах. Пусть готовится эта особая трапеза для благочестивых брахманов. Но что касается затмения Месяца — Чандры, тебя кто-то ввел в заблуждение. Смотри:

Злобный вор вместе с Кету врасплох нападает на Чандру, Проглотить светлый месяц он хочет...

(Прерывает речь.)

Голос за сценой. Эй, кто это хочет захватить Чандру, когда я здесь?

Руководитель труппы.

...Но спасет того с Будхой союз.

Актриса. О, кто же это, господин, из живущих на земле хочет защитить Месяц от похитителя?

Руководитель труппы. По правде говоря, госпожа, я его не вижу. Ладно! Буду внимательней и узнаю его по голосу. *(Повторяет: «Злобный вор вместе с Кету...» и так далее.)*

Голос за сценой. Эй, кто это хочет захватить Чандрагупту, когда я здесь?

Руководитель труппы *(прислушиваясь.)* Теперь я узнал, госпожа.

Каутилья...

(Актриса выказывает страх.)

...сей коварный истребитель рода Нанды,

Гневом яростным пылая, направляется сюда.

Здесь звучало имя: Чандра. Он услышал: Чандрагупта,

И спешит теперь Чанакья повелителю на помощь.

Так уйдем же отсюда.

Оба уходят.

Конец пролога

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ОБРЕТЕНИЕ ПЕРСТНЯ

Входит гневный Ч а н а к ъ я, касаясь рукой пряди волос на голове.

Ч а н а к ъ я. Отвечайте! Кто это хочет захватить Чан-драгупту, когда я здесь?

Чандрагупта — львиный клык, обогранный свежей кровью, —
Словно месяц в небесах, озаренный краской утра.

Каутилья — львиный зев, где возрос резец багряный.
Кто посмеет вырвать зуб из разверстой пасти льва?

И еще:

Тот сам на смерть себя обрек, кто хочет зреть и впредь
Волос развязанную прядь на голове моей.

Как кобра, тянется она, колышется, как дым,
Над тем пожаром, что спалил величье рода Нанды!

И еще:

Кто не дрогнет перед пламенем гнева
Моего, испепелившего Нандов?

Кто, бессильный перед силой пожара,
В пламя бросится слепой саранчой?

Шарнгарава! Шарнгарава!

У ч е н и к (входит). Приказывай, о учитель.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, я хочу сесть.

У ч е н и к. Учитель, ведь в покое у главного входа есть
тростниковые сиденья. Да соизволит учитель отдохнуть
на них.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, я упрекаю тебя не из суровости,
присущей наставнику; я поглощен государственными де-
лами и потому раздражен. (По уходе ученика садится. Про
себя.) В гневе из-за гибели рода Нанды Ракшаса заключил
союз с Малаякету, сыном Парватаки; тот не может простить
убийства своего отца, и к тому же его соблазнило предло-
жение завладеть всем царством Нанды. С его поддержкой,
собрал огромное войско иноземных царей, Ракшаса гото-

вится напасть на Низкорожденного. Как это стало известно горожанам? (*Размышляет.*) Что ж, некогда я поклялся перед всеми уничтожить род Нанды, и я переправился через этот трудноодолимый поток — я исполнил клятву. Так неужели я теперь не сумею отразить это ожидаемое нападение? Отчего бы нет?

Гнев мой подобен лесному пожару:

Дым поднялся до небес, заслоняя светила, —

Это вдовы врагов закрывают скорбные лица.

Ветром злоумных интриг раздувается пламя —

Это вспыхнули ветви — советники Нанды.

В страхе крича, с деревьев срываются птицы —

Это подданным Нанды не скрыться от жаркого гнева.

Только весь лес уничтожив, утихнет огонь.

И еще:

Тот, кто в страхе ниц клонился,

Кто таил слова укора,

С грустью видя Вишнугупту

Злостью ввергнутым во прах,

Тот узрел и гибель Нанды,

Всех друзей его и близких.

Пусть глядит, как слон могучий

Сброшен в пропасть мудрым львом!

И теперь, уже исполнив обет, не оставляю меча ради Низкорожденного. То я,

Словно корни зловредной болезни,

Выкорчевал всех потомков Нанды.

Словно лотос, заботой взращенный,

Мною выращена слава Чандрагупты.

Поделил я справедливо и щедро

Двуединный плод души между ними:

Сколько ненависти первому досталось,

Ровно столько же второму — любви.

Однако можно ли говорить об искоренении рода Нанды и утверждении власти Чандрагупты, пока Ракшаса на свободе? (*Размышляет.*) Увы, по-прежнему непоколебима верность Ракшасы дому Нанды. Поистине, невозможно убедить его занять должность советника при Низкорожденном, пока жив хоть кто-то из рода Нанды. Можно было попытаться обуздать его рвение, и потому-то мы и умертвили несчастного Сарвартхасиддхи из рода Нанды, невзирая на то, что он уже удалился от мира в лесную обитель. Но теперь Ракшаса, войдя в союз с Малайякету, с еще большим усердием стремится разгромить нас. (*Обращаясь в пространство, к отсутствующему.*) Хвала тебе, советник Ракшаса,

хвала! Хвала, мудрый брахман! Хвала, о Брихаспати среди царских советников, хвала! Ибо

Не предаст слуга господина,
Если тот обладает властью,
И в несчастье властелина не бросит,
Если верит в его возвышение.
Но когда уже умер властитель,
Кто продолжит бескорыстную службу
В благодарность за минувшую милость?
Честь и слава такому слуге!

И потому, стремясь захватить тебя в плен, мы преследуем одну цель: заставить тебя принять должность советника при Низкорожденном! Ибо

Верность труса иль глупца — не опора господину.

Ум и храбрость — звук пустой, если преданность

забыта.

Кто не смог объединить в сердце доблесть, ум

и верность,

Те — наложницы царей, а не истинные слуги!

Я же неусыпно тружусь ради достижения этой цели и изо всех сил стараюсь взять его в плен. Как именно? В свое время я распустил о нем в народе недобрые слухи: будто бы это Ракшаса умертвил нашего верного союзника и друга, несчастного Парватаку, подослав к нему ядовитую девушку; якобы рассчитывал он, что гибель либо Низкорожденного, либо Парватаки будет ударом по Чанакье. Чтобы сделать этот навет более правдоподобным, я побудил к бегству Малаякету, сына Парватаки. Для этого я поручил Бхагураяне устроить его, передав ему тайно, что отец его Чанакьей умерщвлен. Можно было, конечно, захватить его хитростью в плен, чтобы не дать ему возрасти в силе, объединясь с Ракшасой. Но я не хочу избавить Ракшасу от бесчестия, которое кладет на него обвинение в убийстве Парватаки; а если бы мы пленили Малаякету, все вышло бы наружу... Затем, чтобы выявить, кто в народе верен нашему стану, а кто склоняется ко врагу, были разосланы соглядатаи во всякого рода обличьях, хорошо знающие языки, одежду и нравы жителей разных краев. И теперь идет непрерывная слежка за каждым шагом живущих в Кусумапуре друзей советника царя Нанды... Я заставил Бхадрабхату и других сановников, обязанных своим возвышением Чандрагупте, притвориться недовольными, дав для того каждому тот или иной повод... Противодействовать проискам подосланных врагом убийц и отравителей назначены к царю доверенные телохранители, бдительные, испытанной

преданности. Далее: есть у меня школьный товарищ и друг, брахман по имени Индушарман, достигший совершенства в науке Ушанаса о политике управления и во всех шестидесяти четырех разделах науки о небесных светилах. Я послал его в Кусумапуру сразу же после того, как дал обет уничтожить род Нанды. Под личиной нищенствующего монаха он завел там дружбу с приближенными Нанды; особенное же расположение снискал он у Ракшасы. Теперь ему предстоит выполнить поручение великой важности... Таким образом, с моей стороны ничто не упущено. И только сам Низкорожденный остается безучастен ко всему этому, возлагая бремя государственной политики на меня, своего главного советника. И действительно, ведь тогда лишь счастливо царствование, когда сам властитель избавлен от тягчайших забот, связанных с личным участием в делах государства. Ибо

Есть цари у слонов, есть цари у людей.
Безмятежна их жизнь, необъятна их мощь,
Но лишатся забот исполнительных слуг —
Сразу станут несчастней последних рабов.

Входит соглядатай в обличье разносчика картин,
изображающих бога Яму.

С о г л я д а т а й.

Склонитесь к ногам бога Ямы,
О прочих богах забудьте:
Бог Смерти уносит души
Тех, кто свои молитвы
Возносит к другим богам!

И еще:

Бог Смерти, мольбам внимая,
Жизнь продлевает людям.
Живем мы по милости Ямы,
Несущего гибель жизни.

Войду в этот дом, покажу там изображения Ямы и спою свои песнопения. *(Обходит сцену.)*

У ч е н и к *(замечает его)*. Эй, любезный, сюда входить нельзя!

С о г л я д а т а й. О брахман, чей это дом?

У ч е н и к. Нашего учителя, достославного и благородного Чанакьи.

С о г л я д а т а й *(улыбаясь)*. О брахман, так ведь это дом истинного моего брата в вере. Потому дай мне войти, я покажу твоему учителю изображения Ямы и преподам ему вероучение.

Ученик *(с гневом)*. Жалкий глупец, уж не думаешь ли ты, что более сведущ в вероучении, чем наш учитель?

Соглядатай. О брахман, не гневайся! Ведь нет человека, который знал бы все. Есть вещи, о которых знает твой учитель, есть вещи, о которых знают такие люди, как мы.

Ученик. Глупец, ты хочешь отказать учителю во всеведении!

Соглядатай. О брахман, если твой учитель знает все, он должен знать и о тех, кто Месяцу — Чандре не предан.

Ученик. Глупец, что из того, знает он о них или не знает?

Соглядатай. А вот твой учитель и узнает, что из того. Тебе, между тем, достаточно знать, что дневные лотосы не преданы Месяцу. Видишь ли:

Красота этих лотосов —

хитрый обман и притворство:

Ведь от Месяца — Чандры

они отвращаются в злобе.

Чанакья *(прислушиваясь, про себя)*. Ага, он хочет сказать, что знает недоброжелателей Чандрагупты.

Ученик. Что означает эта бессмыслица?

Соглядатай. О брахман, именно в этом был бы смысл...

Ученик. Если бы что было?

Соглядатай. Если бы встретился мне понимающий слушатель.

Чанакья. Любезный, входи без тревоги. Будет тебе такой слушатель.

Соглядатай. Я войду. *(Входит и приближается к Чанакье.)* Победа господину!

Чанакья *(вглядываясь в него, про себя)*. А! Это Ни-пунака, назначенный ведать души подданных. *(Вслух.)* Привет тебе, любезный. Садись.

Соглядатай. Как прикажет господин. *(Садится на землю.)*

Чанакья. Теперь, любезный, рассказывай о том, что должен ты был разузнать. Любят ли подданные Низкорожденного?

Соглядатай. Может ли быть иначе? С тех пор как ты, господин, устранил все причины для недовольства, подданные привержены неколебимо достолавному государю Чандрагупте. Но есть здесь в городе трое людей, ко-

торые связаны с советником Ракшасой давней дружбой и преданы ему. Им ненавистна власть государя Чандры.

Ч а н а к ъ я (с гневом). Пожалуй, скажи лучше, что им ненавистна собственная жизнь! Известны ли тебе их имена, любезный?

С о г л я д а т а й. Стал ли бы я говорить о них господину, не зная имен?

Ч а н а к ъ я. Ну, так я хочу их услышать.

С о г л я д а т а й. Слушай, о господин. Во-первых, приверженец твоих врагов — некий нищенствующий монах...

Ч а н а к ъ я (про себя). Приверженец моих врагов — нищенствующий монах? (Вслух.) Как его имя?

С о г л я д а т а й. Имя его — Дживасиддхи. Это тот человек, который по поручению советника Ракшасы свел ядовитую девушку с государем Парватешварой.

Ч а н а к ъ я (про себя). Дживасиддхи! Да это наш человек! (Вслух.) Кто же другой?

С о г л я д а т а й. Господин, другой — закадычный друг советника Ракшасы, писец по имени Шакатадаса.

Ч а н а к ъ я (про себя, с усмешкой). Невелика важность — писец. Однако врагом, хотя бы и незначительным, не следует пренебрегать. К нему я подослал Сиддхартхаку под личиной друга. (Вслух.) Любезный, я хочу слышать имя третьего.

С о г л я д а т а й. Третий — это вторая душа советника Ракшасы, старейшина цеха золотых дел мастеров в Пушпапуре по имени Чанданадаса. В его доме оставил советник Ракшаса свою жену, когда бежал из города.

Ч а н а к ъ я (про себя). Поистине, это его ближайший друг. Не оставит Ракшаса свою жену у того, кто не близок ему, как собственная душа. (Вслух.) А как убедиться, любезный, что Ракшаса оставил свою жену в доме Чанданадасы?

С о г л я д а т а й. Господин, этот перстень с печатью убедит тебя. (Подает перстень.)

Ч а н а к ъ я (взяв перстень, рассматривает печать и читает вслух имя Ракшасы. С радостью, про себя). Ну, можно сказать, вышло так, что сам Ракшаса пришел ко мне в руки! (Вслух.) Любезный, я хочу, чтобы ты подробно рассказал мне, как добыл ты этот перстень.

С о г л я д а т а й. Слушай, господин. Посланный тобою, господин, для тайного наблюдения за поведением горожан, я бродил, взяв с собою эти изображения Ямы, чтобы, не возбуждая ни у кого подозрений, иметь повод входить в частные дома. И случилось мне зайти в дом ста-

рейшины золотых дел мастеров Чанданадасы. Там развернул я изображения Ямы и принялся петь песнопения.

Ч а н а к ъ я. Что же потом?

С о г л я д а т а й. Потом из какого-то внутреннего покоя выглянул мальчик лет пяти, прехорошенький, с глазами, широко раскрытыми от детского любопытства. Тогда: «Ой, вышел, ой, вышел!» — раздался из глубины того покоя тревожный гомон женских голосов. Из-за двери показалась женщина и мальчика, хотевшего выйти, схватила, укоряя, нежною рукой, подобной лиане. С одного из пальцев ее, дрожавших в поспешном стремлении схватить ребенка, соскользнул этот перстень, явно не женский, но предназначенный размером для мужской руки. Не замеченный ею, он упал на порог, покатился и лег к моим ногам, как добрая жена, застывшая в низком поклоне. Этот перстень, на котором вырезано имя советника Ракшасы, я и доставил теперь к твоим стопам, господин. Вот как я достал его.

Ч а н а к ъ я. Понятно, любезный. Ступай, ты немедленно получишь награду, которую заслужил своими трудами.

С о г л я д а т а й. Как прикажет господин. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к. Приказывай.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, принеси чернила и листок для письма.

У ч е н и к. Как прикажет учитель. (*Уходит, потом возвращается.*) Учитель, вот чернила и лист.

Ч а н а к ъ я (*берет листок*). Что написать мне здесь? Ведь этим письмом должен быть побежден Ракшаса.

Входит привратница.

П р и в р а т н и ц а. Победа господину!

Ч а н а к ъ я (*с радостью, про себя*). Мне слышится в этих словах предзнаменование победы! (*Вслух.*) Шонотара, что привело тебя сюда?

П р и в р а т н и ц а. О господин, везде к лицу сложенные вместе ладони, подобные бутонам лотосов, высокочтимый государь Чандра повелел сказать тебе так: «С твоего дозволения, благородный, я хочу позаботиться о посмертных обрядах для государя Парватешвары. Я дарую брахманам драгоценности, которые носил он при жизни».

Ч а н а к ъ я (*про себя, с радостью*). Прекрасно, Низкорожденный! Отдавая это приказание, ты угадал желани

моего сердца! (*Вслух.*) Шоноттара, передай от нашего имени Низкорожденному: «Прекрасно, сын мой, поистине, ты сведущ в мирских обычаях. Да будет исполнено твое намерение. Но драгоценности, которые носил при жизни Парватешвара, — высокого достоинства, и дарованы они должны быть достойным людям. Поэтому я сам пришлю брахманов, достоинства которых испытаны».

П р и в р а т н и ц а. Как прикажет господин. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, передай от нашего имени Вишвавасу и обоим его братьям, чтобы они приняли драгоценности от Низкорожденного; а затем я должен увидаться с ними.

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я. Главный смысл будет содержаться в конце письма. Но как начать? (*Размышляет.*) А! Знаю. Мои лазутчики дали мне знать, что в том войске иноземных царей особенно тесно дружбою с Ракшасой связаны следующие его предводительству пятеро государей, они же главнейшие из всех, а именно:

Читраварман Кулутский, Пушкаракша Кашмирский, Синдхушена Синдхийский, малайский царь Синханада И Мегхакхья персидский — пять воителей грозных, Смелые львы сражений силы объединили.

Пять имен напишу я недрогнувшей рукою —

И пусть их сотрет Читрагупта!

(*Размышляет.*) Или нет, не напишу. Пусть начало письма будет неопределенным. (*Пишет.*) Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к. Приказывай, о учитель.

Ч а н а к ъ я. Сын мой, почерк ученых неразборчив, даже когда пишут они со старанием. Передай от моего имени Сиддхартхаке: пусть доставит он мне копию этого письма, поручив переписать его Шакатадасе, но не называя имени того, кому оно предназначено, будто бы это ему самому некто поручил передать его содержание на словах. И пусть он не говорит Шакатадасе, что это письмо велел переписать Чанакья.

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит.*)

Ч а н а к ъ я (*про себя*). Ну, теперь Малаякету победен!

Входит Сиддхартхака с письмом в руке.

С и д д х а р т х а к а. Победа господину! Почтенный, вот письмо, переписанное Шакатадасой.

Ч а н а к ъ я (*берет письмо*). Прекрасный почерк! (*Прочитав письмо, про себя.*) Любезный, запечатай его этим перстнем. Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к. Приказывай, о учитель.

Ч а н а к ъ я. Да передадут с наших слов Калапашике, начальнику городской стражи: «По повелению Низкорожденного нищенствующий монах Дживасиддхи, подосланный Ракшасой и с помощью ядовитой девушки умертвивший Парватаку, да выслушает свой приговор и да будет изгнан из города с позором...»

У ч е н и к. Слушаю. (*Направляется к выходу.*)

Ч а н а к ъ я. Погоди, погоди, сын мой! «...Другой же тайный агент Ракшасы, писец Шакатадаса, постоянно злоумышляющий против нашей жизни, да будет, по прочтении ему приговора, посажен на кол. Семью же его следует заключить в тюрьму».

У ч е н и к. Слушаю. (*Уходит.*)

С и д д х а р т х а к а. Господин, вот запечатанное письмо. Что еще нужно исполнить?

Ч а н а к ъ я. Любезный, я хочу поручить тебе некое дело, для исполнения которого нужен надежный человек.

С и д д х а р т х а к а (*с радостью*). Господин, благодарю тебя за милость. Да соизволит сказать господин, что должен исполнить его слуга.

Ч а н а к ъ я. Сначала ты пойдешь на место казней. Там палачи будут предупреждены заранее. Когда появишься ты и с яростным видом подмигнешь им правым глазом, палачи, предупрежденные об этом условном знаке, разбегутся в притворном страхе; ты же похитишь Шакатадасу с места казни и доставишь его к Ракшасе. От Ракшасы, обрadowанного спасением друга, ты примешь награду. И некоторое время тебе придется пробыть у него на службе. Потом, когда враги будут близко, ты исполнишь следующее... (*Говорит ему на ухо.*)

С и д д х а р т х а к а. Как прикажет господин.

Ч а н а к ъ я (*задумывается. Про себя*). Так удастся ли мне уловить негодяя Ракшасу?

С и д д х а р т х а к а. Господин, я уловил...

Ч а н а к ъ я (*с радостью, про себя*). О, я уловил Ракшасу! (*Вслух.*) Что уловил ты, любезный?

С и д д х а р т х а к а. Я уловил смысл поручения господина. Итак, я пойду исполнять то, что мне поручено.

Ч а н а к ъ я *(отдает ему перстень и письмо)* Ступай. Да выполнишь ты это дело успешно.

С и д д х а р т х а к а. Слушаю. *(Уходит.)*

Входит ученик.

У ч е н и к. Учитель, начальник городской стражи Калапашика сообщает, что повеление государя Чандрагупты будет исполнено.

Ч а н а к ъ я. Превосходно. Сын мой, теперь я хочу видеть Чанданадасу, старейшину золотых дел мастеров.

У ч е н и к. Слушаю. *(Уходит, потом возвращается с Чанданадасой.)* Сюда, сюда, старейшина.

Ч а н д а н а д а с а *(про себя)*.

Коль потребует грозный Чанакья

На расправу к себе человека,

Невиновный — и тот затрепещет.

Каково же мне, виноватому?

И я сказал Дханасене и двоим другим нашим жильцам: «Рано или поздно проклятый Чанакья устроит обыск в нашем доме; поэтому со всеми предосторожностями переведите отсюда в безопасное место семью нашего господина, советника Ракшасы. Со мною же будь что будет».

У ч е н и к. Эй, старейшина, сюда, сюда!

Ч а н д а н а д а с а. Я иду, господин. *(Оба входят.)*

У ч е н и к *(приближаясь)*. Учитель, вот старейшина Чанданадаса.

Ч а н д а н а д а с а. Победа господину!

Ч а н а к ъ я *(делает вид, что вглядывается)*. Добро пожаловать, старейшина. Садись на эту скамью.

Ч а н д а н а д а с а *(кланяясь)*. Разве не знает господин, что неподобающая честь горше обиды? Потому я сяду, как мне подобает, здесь, на земле.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, не говори, не говори так! Как раз это приличествует тебе с людьми нашего положения. На эту скамью садись.

Ч а н д а н а д а с а *(про себя)*. Злодей что-то замышляет. *(Вслух.)* Как прикажет господин. *(Садится.)*

Ч а н а к ъ я. О старейшина Чанданадаса, возрастают ли у тебя прибыли в делах?

Ч а н д а н а д а с а *(про себя)*. Чрезмерная вежливость его внушает тревогу. *(Вслух.)* Может ли быть иначе? Твоею милостью, господин, дела наши идут благополучно.

Ч а н а к ъ я. А разве погрешности Чандрагупты не заставляют подданных вспоминать добродетели предшествовавшего государя?

Ч а н д а н а д а с а (*затыкает уши*). Боже избави! Больше, чем месяцем в осеннее полнолуние, довольны подданные его величеством Чандрой.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, когда это так, цари ждут благодарности от своих осчастливленных подданных.

Ч а н д а н а д а с а. Пусть прикажет господин: что именно требуется от нас и сколько.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, это царство Чандрагупты, не царство Нанды. То корыстолюбивого Нанду радовала денежная благодарность. Чандрагупту же радует, если подданные его живут, не ведая печали.

Ч а н д а н а д а с а (*радостно*). Господин, я благодарен за милость.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, неужели ты не спросишь у меня, чем достигается такое беспечальное существование?

Ч а н д а н а д а с а. Приказывай, господин.

Ч а н а к ъ я. Коротко говоря, подданным надлежит вести свои дела, не противодействуя царю.

Ч а н д а н а д а с а. Кого же, несчастного, считает господин противником царя?

Ч а н а к ъ я. Хотя бы тебя первого.

Ч а н д а н а д а с а (*затыкает уши*). Боже избави, боже избави! Что за противник солома огню?

Ч а н а к ъ я. Ты и есть такой противник! Ведь это ты поныне укрываешь, приютив у себя в доме, семью советника Ракшасы, злоумышляющего против государя!

Ч а н д а н а д а с а. Господин, это неправда! Какой-то низкий человек обманул господина ложным доносом.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, да ты не тревожься! Когда чиновники прежнего царя в страхе бежали в другие страны, они оставляли семьи свои в домах горожан, не спрашивая у них согласия. Преступлением может быть лишь сокрытие этого.

Ч а н д а н а д а с а. Именно так оно и было. В первое время семья советника Ракшасы находилась у меня в доме.

Ч а н а к ъ я. Сначала ты сказал: «Это ложь», теперь говоришь: «Так было», — ты сам противоречишь себе.

Ч а н д а н а д а с а. Как раз по этому поводу я сделал оговорку.

Ч а н а к ъ я. О старейшина, царь Чандрагупта не терпит оговорок. Выдай семью Ракшасы, и снимешь с себя вину.

Ч а н д а н а д а с а. Господин, я ведь сказал, что семья советника Ракшасы была в моем доме в первое время.

Ч а н а к ъ я. Где же она теперь?

Ч а н д а н а д а с а. Я не знаю.

Ч а н а к ъ я (*улыбается*). Будто бы ты не знаешь! Эй, старейшина, опасность над головой, а защита от нее далеко!

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*).

Тучи идут грозовые, звучат громовые раскаты.

Где ты, любимая, что теперь будет со мною?

Корни целебной травы скрыты на дальней горе,

Нет мне спасенья теперь от змеиного яда!

Ч а н а к ъ я. И не надейся, что как Вишнугупта уничтожил Нанду (*запинается и выказывает смущение*)... так и советник Ракшаса уничтожит, мол, Чандрагупту. Смотри:

Как бы ни были умны и отважны

Благородные советники Нанды,

Не спасли они величие рода,

Ибо час его склонился к закату.

А теперь, когда взошел Чандрагупта,

Все могущество в нем соединилось.

Кто затмит моего властелина?

Кто затмит восходящий месяц?

Ч а н д а н а д а с а (*про себя*). Его похвальбу оправдывают его успехи.

За сценой крики: «Расступитесь!»

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, узнай, что там такое.

У ч е н и к. Сейчас. (*Уходит и возвращается*.) Учитель, это по повелению царя Чандрагупты с позором изгоняют из города монаха Дживасиддхи, злоумышлявшего против государя.

Ч а н а к ъ я. Монаха! О, как жалко! Что же, пусть пожинает плоды своей измены царю. О старейшина Чанданадаса, вот как сурово карает царь изменников! Последуй же благому совету друга. Выдай семью Ракшасы — и долгие годы будешь пожинать плоды царской милости.

Ч а н д а н а д а с а. Семьи советника нет в моем доме.

За сценой опять крики: «Расступитесь!»

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, узнай, что там такое.

У ч е н и к. Сейчас. (*Уходит и возвращается*.) Учитель, а это ведут сажать на кол злоумышлявшего против государя писца Шакатадасу.

Ч а н а к ъ я. Да пожнет он плоды своих деяний. О старейшина, столь сурово карающий своих недругов царь не простит тебе укрывательства жены Ракшасы. Ценой чужой жены спаси свою жену и собственную жизнь!

Ч а н д а н а д а с а. Господин, зачем ты меня запугиваешь? Если бы семья советника Ракшасы и оставалась в моем доме, я не выдал бы ее. О чем говорить, когда ее там нет?

Ч а н а к ъ я. Ты так решил, Чанданадаса?

Ч а н д а н а д а с а. Да, я решил это твердо.

Ч а н а к ъ я (*про себя*). Хвала тебе, Чанданадаса, хвала!

Множество выгод предательство ныне сулит,
Подвигом сделалась преданность для человека.

Подлинный друг у нас редок, как Шиби,
Очи свои бескорыстно отдавший слепцу.

(*Вслух.*)

Ты так решил, старейшина?

Ч а н д а н а д а с а. Да.

Ч а н а к ъ я (*с гневом*). Негодяй! Погоди, негодный торговец! Раз так, изведай же, каков царский гнев!

Ч а н д а н а д а с а. Я готов. Поступай, господин, в соответствии со своей должностью.

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава, передай от нашего имени Калапашике, начальнику городской стражи: «Немедленно взять этого преступного торговца»... Или нет, постой... Передай приказ начальнику крепости Виджаяпалаке: «Забрать его имущество, а его самого с женой и сыном заточить и держать в заключении, пока я не доложу Низкорожденному». Низкорожденный же сам приговорит его к смертной казни.

У ч е н и к. Как прикажет учитель. Сюда, сюда, старейшина.

Ч а н д а н а д а с а (*встает*). Я иду, господин. (*Про себя.*) Благодарение судьбе, я погибаю ради друга, не за грехи свои. (*Уходит в сопровождении ученика.*)

Ч а н а к ъ я (*радостно*). Ага, теперь Ракшаса в наших руках! Ибо

Если этот жертвует жизнью

Ради друга, попавшего в несчастье,

Значит, тот себя не пожалеет

Для попавшего в несчастье друга.

Шум за сценой.

Ч а н а к ъ я. Шарнгарава! Шарнгарава!

Входит ученик.

У ч е н и к. Приказывай, учитель.

Ч а н а к ъ я. Что это за шум?

Ученик выходит и возвращается разодранный.

Ученик. Учитель, оказывается, Шакатадасу, когда его уже собирались казнить, похитил с места казни Сиддхартхака и бежал с ним вместе.

Чанакья (*про себя*). Отлично, Сиддхартхака, дело начато! (*Вслух.*) Как, он посмел бежать? (*С гневом.*) Сын мой, передай приказ Бхагураяне, чтобы он поспешил задержать беглеца.

Ученик выходит и возвращается.

Ученик (*в отчаянье*). Ах! Увы, учитель, какое несчастье! Бхагураяна тоже бежал!

Чанакья (*про себя*). Пусть же и он отправляется в путь ради успеха дела! (*Вслух, с гневом.*) Сын мой, передай наш приказ Бхадрабхате, Пурушадатте, Дингарате, Балагупте, Раджасене, Рохитакше и Виджаяварману, пусть они отправятся в погоню и схватят негодяя Бхагураяну.

Ученик. Слушаю. (*Уходит и опять возвращается, в отчаянье.*) Увы, какое несчастье! Рухнул весь порядок управления! Бхадрабхата и его подчиненные тоже бежали на рассвете!

Чанакья (*про себя*). Счастливого им пути! (*Вслух.*) Сын мой, не отчаивайся. Видишь ли,

Тот, кто тайный побег замыслил,

Нам такой же друг, как сбежавший.

Тот, кто внешне остался верен —

Лишь на время со мной остался.

Пусть меня покидает войско —

Лишь бы разум меня не покинул:

Истреблением рода Нанды

Доказал он свое величие.

(*Встает и устремляет взор в пространство.*)

Я верну Бхадрабхату и других преступных слуг. (*Про себя.*) О злодей Ракшаса, куда ты денешься теперь? Скоро я одолею тебя...

По лесу бродит дикий слон, и пчелы

На запах мускуса слетаются к нему.

Так, Ракшаса, подкупленные золотом,

К тебе от нас перебегают люди.

Я укрошу тебя, как дикого слона,

Умом и хитростью, и делу Чандрагупты

Заставлю послужить тебя, надменный!

Оба уходят.

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЗАМЫСЛЫ РАКШАСЫ

Входит заклинатель змей.

З а к л и н а т е л ь з м е й.

Нелегок удел заклинателя змей и подобен
Во многом уделу политиков мудрых:
Познал заклинатель целебной травы применение —
Политик познал применение разумных законов;
Магический круг на земле заклинатель начертит,
И змен не смогут покинуть суровых пределов —
Владыка начертит границы страны, и никто
Не сможет рубеж перейти самовольно;
Как тайные чары таит от людей заклинатель,
Так тайные планы чужим не доверит политик.

(В пространство.)

Господин, ты спрашиваешь меня, кто я такой? Я заклинатель змей, господин, зовут меня Джирнавиша. Что ты говоришь? «Я хочу посмотреть представление со змеей»? А сам господин чем занимается? Ты говоришь: «Я служу в царском доме»? Так, поистине, господин сам играет со змеей. Как это возможно?

Змеелов, позабывший заклятий слова,
И забывшийся в пьянстве погонщик слонов,
И министр, опьяненный успехом своим,
Одинаково гибели обречены.

Как? Едва появившись, он уже ушел?.. *(Опять говорит в пространство.)* Господин, ты спрашиваешь меня, что в этих закрытых корзинах? О господин, там змеи, дающие мне средства к существованию. Что ты говоришь? «Я хочу их посмотреть»? Будь милостив, господин, но здесь не место для этого. Если ты любопытствуешь, идем, я покажу тебе их там, в том доме. Что ты говоришь? «Это ведь дом советника Ракшасы. Людей вроде нас туда не пускают»? Ну, тогда ступай, господин, своей дорогой. Я же благодаря моему занятию могу войти и туда. Как? И этот ушел? *(Про*

себя, перейдя на санскрит.) Удивительно! Когда я вижу Чандрагупту, коему помогает Чанакья, мне кажется, что бесплодны усилия Ракшасы. Когда я вижу Малаякету, коему помогает Ракшаса, мне кажется, будто уже пошатнулось могущество Чандрагупты. Ибо

Могуча власть Чандрагупты —

Тому залогом Чанакья,

Но Ракшаса — это имя

Погибель пророчит власти.

И неясно, на чьей стороне будет успех в этой борьбе за власть над царством Нанды меж этими мудрыми и искусными деятелями.

И ждет богиня Шри, смутившись,

Не в силах сделать верный выбор, —

Так в дикой чаще ждет слониха

Исхода схватки двух слонов.

Сейчас я увижусь с советником Ракшасой. *(Отходит и становится у выхода.)*

Входит Ракшаса со слугой, погруженный в раздумье,
садится на скамью.

Ракшаса *(плачет)*. Горе, о, горе!
Где вы, люди рода Нанды, покорявшие врагов?

Как в былое время Вришни, вы судьбой истреблены.
Днем и ночью сотни мыслей я вынашивал в уме,

И родился план коварный, но в младенчестве зачах.

Но нет!

Я остался верен долгу.

Что мне выгода и слава?

Все земные наслажденья

да и жизнь сама — ничто.

Не по склонности душевной

я служу царю чужому —

Успокою душу Нанды,

истребив его врага!

(Поднимает взор к небу, печально.)

О Богиня, обитающая в лотосе, ты совсем не признаешь добродетели. Почему?..

Зачем, богиня Шри, по смерти Нанды

Ты не погибла, для любви избрала

Его врага? Ведь если гибнет слон,

С ним мускус ароматный умирает.

И к тому же, о низкая,

Ужель царей, высоких родом, ты не сумела отыскать,
Иль ровня для твоей любви сей Маурья Низкорожденный?

Иль разум женщины — цветок изнеженный, недолговечный,
Будь то самой богини ум, — не в силах оценить достоинств?

Но я уничтожу твоего возлюбленного, беспутная, и лишу
тебя предмета твоей страсти. (*Размышляет.*) И правильно
я поступил, когда, оставив семью в доме моего дорогого
друга Чанданадасы, сам бежал из города. Убедившись, что
не отказался Ракшаса от мысли о завоевании Кусумапуры,
тамошние наши единомышленники, преданные покойному
государю, не ослабят своего рвения. С богатой казной остав-
лен там Шакатадаса, и ему поручено сеять возмущение
в народе, нанимать убийц и отравителей и подсылать их
к Чандрагупте. Дживасиддхи и другие наши друзья назна-
чены собирать все время сведения о нашем враге и подры-
вать единство в его рядах. Чтобы не быть многоречи-
вым,

Добрый наш государь возлелеял его на погибель
Своему благородному роду — бесславного злого тигренка.
Если бы только судьба не была ему прочной кольчугой,
Я бы стрелою ума Маурью в сердце пронзил!

Входит дворецкий.

Д в о р е ц к и й.

Старость в душе погубила желанье,

Как Чанакья — Нанду-царя.

Воцарилась с годами в душе добродетель,

Как на троне страны — Чандрагупта.

С добродетелью жадность вступает в сражение,

Словно Ракшаса с Маурьей в битву,

Только тщетны старания эти —

Остается победа за сильным.

(*Обходит сцену и приближается.*)

Вот дом советника Ракшасы. Я войду. (*Входит и огля-
дывается.*) Да будешь ты счастлив!

Р а к ш а с а. Я приветствую тебя, почтенный Джа-
джали. Приемвадака, подай скамью.

С л у г а. Вот скамья. Садись, господин.

Д в о р е ц к и й (*садится*). Царевич Малаякету пове-
лел сказать советнику так: «Сердце мое болит, когда я
вижу, как давно не носит почтенный подобающие ему укра-
шения. Если и не может он так скоро забыть достоинства
своего государя, все же приличествует ему отнестись со вни-
манием к моей просьбе». (*Вынимает украшения.*) Эти укра-
шения снял с себя царевич и посылает их почтенному —
да соизволит он надеть их.

Р а к ш а с а. Почтенный Джаджали, передай царевичу от моего имени: «Именно твои превосходные качества, коими я покорен, заставили меня забыть о достоинствах покойного государя. Но,

Лучший из лучших! Под гнетом тоски и печали

Пальцы иссохли мои; и на них ни колечка

Я не надену, покуда не сгинут враги

И не воссядешь на троне ты в царской столице!

Д в о р е ц к и й. Царевичу сопутствует удача, когда советник руководит им. Поэтому окажи внимание этому первому знаку его расположения к тебе.

Р а к ш а с а. Господин, твои слова для меня то же, что слово царевича, — и им нельзя противиться. Да будет исполнено его повеление.

Д в о р е ц к и й (*надевает на него украшения*). Да будешь ты счастлив. Я удаляюсь.

Р а к ш а с а. Мой поклон тебе, господин.

Дворецкий уходит.

Прямвадака, посмотри, нет ли кого-нибудь у входа, кто хочет видеть меня.

С л у г а. Как прикажет советник. (*Обходит сцену и замечает заклинателя змей.*) Кто ты, господин?

З а к л и н а т е л ь з м е й. Любезный, я заклинатель змей, зовут меня Джирнавиша. Я хочу показать советнику представление со змеями.

С л у г а. Подожди, пока я доложу советнику. (*Приближается к Ракшасе.*) Советник, это пришел заклинатель, он хочет показать своих змей.

Р а к ш а с а (*показывает, что у него дергается левое веко. Про себя*). Как? Начать день со зловещего зрелища змей? (*Вслух.*) Прямвадака, змеи не возбуждают в нас любопытства. Заплати ему и отпусти его.

С л у г а. Слушаю. (*Подходит к заклинателю змей.*) Господин, советник готов наградить тебя за твое искусство, но не за само зрелище змей.

З а к л и н а т е л ь з м е й. Любезнейший, передай советнику, что я не только заклинатель змей; я, кроме того, сочиняю стихи на пракрите. Поэтому, если советник не устраивает меня лицемерием, пусть прочтет этот листок.

П р и я м в а д а к а (*берет записку и приближается к Ракшасе*). Советник, он просит передать тебе, что он не только заклинатель, он еще и сочиняет стихи на пракрите. Поэтому, если советник не устраивает его лицемерием, пусть хотя бы прочтет эту записку.

Р а к ш а с а *(берет записку и читает вслух)*.

Пчела соберет нектар и в улей его понесет,

Чтоб мог узнать пчеловод тайные мысли цветов.

(Размышляя, про себя.)

А, это соглядатай, принесший вести из Кусумапуры, — вот что означает стих. Голова моя так занята делами государства, что я забываю своих доверенных людей. Сейчас вспомню. Конечно, это должен быть Вирадхагупта, это он действует под личиной заклинателя змей. *(Вслух.)* Приямвадака,пусти его. Это славный поэт. Я хочу насладиться его красноречием.

П р и я м в а д а к а. Слушаю. *(Приближается к заклинателю змей.)* Войди, господин.

З а к л и н а т е л ь з м е й *(входит. Вглядывается. Про себя, переходя на санскрит)*. Вот советник Ракшаса. Это он,

Богиня счастья Шри его страшится:

Обняв рукою левой Чандрагупту,

Она, припомнив Ракшасу, трепещет;

Едва коснется правою рукою —

И тотчас прочь от милого стремится,

Чтоб Ракшасу напрасно не гневить.

(Вслух.)

Победа советнику!

Р а к ш а с а *(вглядывается)*. О, Вира... *(Запинается.)* Ну и выросла же у тебя борода! Приямвадака, теперь я буду развлекаться зрелищем змей. А слуги пусть отдыхают. Ты же пойдй займись своими делами.

П р и я м в а д а к а. Слушаю. *(Уходит со слугами.)*

Р а к ш а с а. Вирадхагупта, друг мой, вот скамья. Садись. *(Рассматривает его.)*

Вирадхагупта садится.

Увы, вот в каком положении находятся приверженцы моего государя! *(Плачет.)*

В и р а д х а г у п т а. Довольно, довольно печалиться, советник! Недалеко то время, когда советник восстановит нас в нашем прежнем положении.

Р а к ш а с а. Друг мой, расскажи, что происходит в Кусумапуре.

В и р а д х а г у п т а. Это долгий рассказ, советник. С чего мне начать?

Р а к ш а с а. Друг мой, прежде всего я хочу услышать о том, что смогли сделать наши доверенные люди, убийцы и отравители, с тех пор, как в город вступил Чандрагупта.

В и р а д х а г у п т а. Слушай же, я все поведаю тебе. Вместе с Чандрагуптой и Парватешварой пришли скифы, греки, кираты, камбоджийцы, персы, воины из Балха и других стран. Как океан, вздымающий бурные воды в дни гибели мира, нахлынули на Кусумапуру их войска, руководимые Чанакьей, и осадили город со всех сторон.

Р а к ш а с а (*хватается за меч, самозабвенно*). Кто смеет осаждать Кусумапуру, когда я здесь! Правирака, Правирака, скорее, сейчас же

- Пусть рассыплются лучники цепью по стенам,
Пусть у ворот городских встанут слоны боевые,
Чтобы, дождавшись приказа, погнать в беспорядке
Войско врага от незыблемых стен.

В ком еще гордость живет, кто еще помнит о славе,
Кто не желает трусливо в осаде томиться,
Кто не боится смерти в открытом бою —

Смело за мною! Застигнув враг врасплох — победим!

В и р а д х а г у п т а. О мой советник, успокойся! Речь ведь о том, что минуло.

Р а к ш а с а (*вздыхая*). Увы, это минуло. А мне вдруг представилось, что все это вновь происходит сейчас. (*Опускает меч.*) О государь мой Нанда! Доныне помню я, сколь безмерно милостив был ты к Ракшасе! Помню, как в пылу сражения отдавал ты приказания:

«Темной тучей пошли боевые слоны —

Ракшаса, тучи развей!

Следом конница ринулась бурной рекою —

Ракшаса, реку смири!

Следом пешее войско волною спешит —

Ракшаса, справься с волной!»

Сотней Ракшас в сраженье у стен городских,

Ракшаса, был ты один!

В и р а д х а г у п т а. И увидел государь Сарвартхасиддхи, что Кусумапура осаждена со всех сторон. Не мог он долго взирать на страдания горожан, подвергшихся бедствиям многодневной осады; не вынеся этого, он, ради блага жителей города, бежал через подземный ход и укрылся в лесной обители у отшельников. Рвение наших войск, оставшихся без предводителя, ослабело. Но и при вступлении в город приветственных кликов противник не услышал. Эта дерзость по отношению к победителю и другие подобные проявления недовольства убедили тебя, что среди городского населения еще много преданных прежней власти людей, и ты покинул город через тот же подземный ход, чтобы впоследствии попытаться восстановить царство

Нанды. Как раз в это время погиб несчастный Парватешвара, встретив ядовитую девушку, подосланную тобой, чтобы убить Чандрагупту.

Р а к ш а с а. Друг мой, не удивительно ли это —

Словно Карна, копье волшебное

Прямо Арджуне в грудь нацеливший,

Но себе на горе и гибель

Им сразивший сына Хидимбы, —

Так и я на погибель Маурье

Подослал ядовитую девушку,

Но другого убил этой хитростью

И порадовал Каутилью.

В и р а д х а г у п т а. Что делать, советник, то была причуда судьбы.

Р а к ш а с а. Что же было потом?

В и р а д х а г у п т а. Потом, уstraшенный убийством отца, бежал царевич Малаякету; в доверие к Чанакье вошел брат Парватаки Вайрочака; объявлено было о вступлении Чандрагупты во дворец Нанды. Тогда проклятый Чанакья созвал всех кусумапурских мастеров и сказал им: «Сегодня в полночный час — согласно указанию звездочетов — совершится вступление Чандрагупты во дворец Нанды. К тому времени вы должны украсить и отделать весь царский дворец, начиная с главного входа». На это сказали ему мастера: «Господин, узнав заранее о вступлении во дворец Нанды государя Чандрагупты, мастер Даруварман уже украсил главный вход царского дворца золотой аркой и разными другими затеями. Нам остается только отделать внутренние покои». Тогда презренный Чанакья, довольный тем, что мастер Даруварман украсил вход в царский дворец, не дожидаясь его приказа, много хвалил Дарувармана за его мастерство и сказал: «Ты немедленно получишь награду, достойную твоего мастерства, Даруварман!»

Р а к ш а с а *(взволнованно)*. Друг мой, почему был так доволен презренный Чанакья? Чует мое сердце, хитрость Дарувармана не удалась или дала не то, что ожидалось. Видно, каким-нибудь глупым промахом или же проявлением чрезмерной преданности царю он возбудил подозрения Чанакьи. Но продолжай.

В и р а д х а г у п т а. Итак, ремесленники и все горожане узнали от проклятого Чанакьи, что ровно в полночь, в миг благоприятного расположения светил, Чандрагупта вступит во дворец Нанды. Тем временем брат Парватешвары Вайрочака и Чандрагупта, восседая вдвоем на одном троне, разделили между собой земли царства.

Р а к ш а с а. Неужели Вайрочаке, брату Парватаки, и впрямь отдали ту половину царства, что была ему обещана ранее?

В и р а д х а г у п т а. Именно так.

Р а к ш а с а (*про себя*). Не иначе как коварнейший хитрец Чанакья сделал это затем, чтобы очиститься в глазах народа от подозрения в бесчестном убийстве Парватешвары. При этом он, конечно, замыслил какой-нибудь тайный способ умертвить и несчастного Вайрочаку. (*Вслух.*) Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. И вот в ту же ночь, когда должно было свершиться объявленное вступление Чандрагупты во дворец Нанды, состоялось также помазание на царство Вайрочаки. Облеченный в красивые доспехи, усыпанные чистейшим жемчугом и самоцветами; увенчанный блестящей драгоценной короной, плотно облегающей голову; весь покрытый гирляндами и цепями благоухающих ярких цветов, завесивших его широкую грудь, Вайрочака так преобразился, что даже для ближайших друзей стал неузнаваем. По указанию проклятого Чанакьи ему подали царскую слониху Читралекху, принадлежащую Чандрагупте, и на ней в сопровождении подвластных царей из свиты Чандрагупты он подъехал ко входу во дворец государя Нанды. Мастер Даруварман, человек, которого ты подослал, принял его за Чандрагупту и обрушил на него заранее приспособленную для этого арку. В то время как цари из свиты Чандрагупты успели остановить своих верховых животных перед дворцовым входом, погонщик Читралекхи Барбарака, другой твой доверенный человек, схватил золотую трость, висевшую у него на золотой цепочке, собираясь вытащить спрятанный в ней кинжал.

Р а к ш а с а. О, неуместные старания обоих!

В и р а д х а г у п т а. Тогда слониха, ожидая удара тростью по брюху, внезапно рванулась вперед, ускоряя бег. Арка упала не вовремя — ведь все было рассчитано на обычную скорость слона, — и погиб несчастный Барбарака, уже извлекший кинжал, но не успевший достать им Вайрочаку, которого он принимал за Чандрагупту. Между тем Даруварман в предвидении смерти, грозившей ему за подстроенное падение арки, заранее взобрался на ее верхнюю перекладину и железной палкой, которой приводилось в действие его приспособление, убил злополучного Вайрочаку, ехавшего на слонихе.

Р а к ш а с а. О, горе! Две неудачи разом. Не убит Чандрагупта, и волей злой судьбы убиты Вайрочака

и Барбарака. Но что же стало с мастером Даруварманом?

В и р а д х а г у п т а. Пешие воины из охраны Вайрочаки забросали его камнями насмерть.

Р а к ш а с а (*со слезами*). О, горе! Увы, я лишился моего милого друга Дарувармана. Ну, а что сделано тамошним врачом Абхаядаттой?

В и р а д х а г у п т а. Все сделано.

Р а к ш а с а (*радостно*). Значит, умер злодей Чандрагупта?

В и р а д х а г у п т а. Нет, советник, волею судьбы он не умер.

Р а к ш а с а (*удрученно*). Почему же ты сказал мне сейчас, что все сделано?

В и р а д х а г у п т а. Он приготовил для Чандрагупты нужное снадобье, куда подмешал колдовское зелье. Но проклятый Чанакья освидетельствовал напиток и, заметив, что он изменил цвет в золотой чаше, сказал Чандрагупте: «Низкорожденный, лекарство отравлено, не пей его».

Р а к ш а с а. Ну и догадлив же этот хитрец! А что же наш врач?

В и р а д х а г у п т а. Его самого заставили выпить то снадобье, и он умер.

Р а к ш а с а (*удрученно*). Увы, погиб великий кладезь знания! Ну, а что произошло с Прамодакой, смотрителем дворцовых спален?

В и р а д х а г у п т а. Этот глупец принялся с великой расточительностью тратить на свои прихоти те несчетные деньги, которые он от тебя получил. Конечно, потребовали, чтобы он объяснил, откуда у него взялось такое богатство. Отвечая, он запутался, сам себе противореча, и проклятый Чанакья предал его мучительной казни.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Какие удары и здесь нанесла нам судьба! Но что стало с Бибхатсой и другими нашими людьми, которые скрывались в потайном ходе под царским дворцом и должны были умертвить Чандрагупту в постели?

В и р а д х а г у п т а. Их постигла ужасная судьба, советник.

Р а к ш а с а (*с тревогой*). Что за ужасная судьба? Неужели проклятый Чанакья открыл место, где они скрывались?

В и р а д х а г у п т а. Именно так, мой советник. Прежде чем Чандрагупта вступил в дом, где была устроена царская спальня, туда явился проклятый Чанакья. Как

только он вошел, он внимательно осмотрелся вокруг и увидел, что из какой-то щели выползают вереницей черные муравьи и тащат кусочки вареного риса. Тут он догадался, что в доме скрываются люди, и приказал поджечь здание, где разместили царскую спальню. И когда вспыхнул пожар, Бибхатса и все бывшие с ним, ослепленные дымом, не смогли найти дверь, через которую можно было выбраться оттуда и которую они сами перед тем загородили. Все они погибли в пламени.

Р а к ш а с а (*со слезами*). Горе, о, горе! Друг мой, смотри, как благосклонна судьба к проклятому злодею Чандрагупте.

Ядовитую девушку я посылаю ему —

Умирает не он, но его соправитель,

Тот, кто был бы союзником в деле моем.

Хитроумные планы, и яды, и козни

Губят только друзей, а врага моего укрепляют.

В и р а д х а г у п т а. Однако, советник, что уже принято, того нельзя оставить неоконченным. Смотри: Тот, кто слаб, отрекается сразу от действий.

Кто нетверд, тот свернет с полпути пред преградой. Только сильный презрит полосу неудач —

Он один насладится счастливым исходом.

И еще:

Разве Шеша тысячеголовый,

Целый мир держащий на себе,

Никогда усталости не знает?

Разве солнце, освещая землю,

Никогда не мучится от жара?

Нет, достойный начатое кончит,

Ведь таков закон благородных:

«Что предпринято — то в жизнь претворится».

Р а к ш а с а. Друг мой, я не бросаю начатого дела — ты сам это видишь. Но продолжай свой рассказ.

В и р а д х а г у п т а. После того бдительность проклятого Чанакьи, заботящегося об охране жизни Чандрагупты, возросла тысячекратно. Проведав, кто еще может на него покушаться, он стал выискивать и преследовать среди городских жителей преданных вам людей.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Говори, говори, кого он схватил?

В и р а д х а г у п т а. Сначала он с позором изгнал из города нищенствующего монаха Дживасиддхи.

Р а к ш а с а (*про себя*). Это еще ничего. Такое наказание не мучительно для неимущего и бездомного. (*Вслух.*)

Дорогой мой, за какое же преступление был он изгнан?

В и р а д х а г у п т а. За то, что он убил Парватешвару с помощью ядовитой девушки, подосланной Ракшасой.

Р а к ш а с а (*про себя*). Хвала тебе, Каутилья, хвала!
У погибшего ты отнял полцарства,
Нам же отдал ты всю тяжесть позора.
В землю бросив семя хитроумья,
Ты могущества плоды пожинаешь.
(*Вслух.*)

Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. Затем в городе было объявлено, что покушениями на жизнь Чандрагупты, совершенными Даруварманом и другими, руководил не кто иной, как Шакатадаса. После чего Шакатадаса был посажен на кол.

Р а к ш а с а (*со слезами*). Ах, друг мой Шакатадаса, не заслужил ты подобной смерти! Но нет, ты умер за своего господина, и не должно тебя оплакивать. Это я достоин сожаления, я, что и после того как истреблен был род Нанды, еще привязан к жизни!

В и р а д х а г у п т а. О советник, ты ведь и борешься ради завершения дела твоего господина!

Р а к ш а с а. Друг мой,
Увы, не дело жизни — жажда жизни
Мне не дает последовать за Нандой.

В и р а д х а г у п т а. Это не так, о советник.
Не жажда жизни — только дело жизни
Тебе за Нандой не дает идти!

Р а к ш а с а. Рассказывай дальше, я уже готов к тому, чтобы услышать о новых бедах, постигших моих друзей.

В и р а д х а г у п т а. Видя все это, Чанданадаса переправил семью советника в безопасное место.

Р а к ш а с а. Напрасно он это сделал. Ведь он пошел против этого изверга, презренного Чанахья.

В и р а д х а г у п т а. О советник, разве он лучше сделал бы, предав друга?

Р а к ш а с а. Продолжай.

В и р а д х а г у п т а. От него потребсвали, чтобы он выдал семью советника, но он отказался. Тогда презренный Чанахья пришел в ярость и...

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Нет! Не казнил же его?

В и р а д х а г у п т а. О, нет. Но он был лишен всего своего имущества, закован в цепи и брошен в темницу вместе с женой и сыном.

Входит слуга.

С л у г а. Победа советнику! Пришел Шакатадаса и ждет у ворот.

Р а к ш а с а. Любезный, правду ли ты говоришь?!

С л у г а. Могу ли я, слуга советника, произнести ложь?

Р а к ш а с а. Друг мой Вирадхагупта, как это может быть?

В и р а д х а г у п т а. Советник, кому суждено уцелеть, того хранит провидение.

Р а к ш а с а. Прямовадака, что же ты медлишь? Сейчас же введи его.

С л у г а. Слушаю. (*Уходит.*)

Входят Сиддхартхака и Шакатадаса.

Ш а к а т а д а с а (*про себя*).

Воочью видел я ужасный кол —
Зловещий символ власти Чандрагупты.
Я нес гирлянду смертника на шее,
Единственное украшение жертвы,
Жестокое, как радость Чандрагупты.
Гремели звуки трубные пред казнью
Мне траурною музыкой по Нанде,
Но даже здесь мой не сломился дух,
В несчастьях небывалых закаленный.

(*Приближается и осматривается. С радостью.*)

Вот советник Ракшаса. Это он,

Кто и по смерти Нанды верен Нанде
До самой смерти, продолжая дело
Властителя; кто преданность возвел
До высоты, невиданной доныне.

(*Приближается.*)

Победа советнику!

Р а к ш а с а (*вглядывается, с радостью*). Друг мой, Шакатадаса, я вижу тебя, счастливо вырвавшегося из рук Каутильи! Обними же меня!

Шакатадаса обнимает его.

(*После долгих объятий.*) Садись на это место.

Шакатадаса садится.

Друг мой, Шакатадаса, кто же даровал такую радость моему сердцу?

Ш а к а т а д а с а (*указывает на Сиддхартхаку*). Это он, мой дорогой друг Сиддхартхака, разогнал палачей и помог мне бежать с места казни.

Р а к ш а с а (*с радостью*). Любезный Сиддхартхака, может ли это вознаградить за такую услугу? Тем не менее, прими это от нас. (*Снимает с себя драгоценности и отдает их.*)

С и д д х а р т х а к а (*принимает драгоценности и падает Ракшасе в ноги. Про себя*). Так приказывал мне господин. Ладно. Так и поступлю. (*Вслух.*) О советник, я здесь впервые и не знаю никого, кому я мог бы со спокойной душой доверить дар твоей милости. Поэтому я хотел бы, чтобы он хранился в сокровищнице советника, запечатанный этим перстнем. Когда он мне понадобится, я возьму его.

Р а к ш а с а. Любезный, о чем толковать! Шакатадаса, сделай, как он желает.

Ш а к а т а д а с а. Как прикажет советник. (*Увидев перстень, вполголоса Ракшасе.*) Советник, на печати вырезано твое имя.

Р а к ш а с а (*смотрит. Про себя*). Поистине, это перстень, который сняла с моей руки жена, чтобы смягчить свою тоску, когда я покидал город. Как он попал на руку этого человека? (*Вслух.*) Любезный Сиддхартхака, откуда у тебя этот перстень?

С и д д х а р т х а к а. Есть в Кусумапуре некий старейшина золотых дел мастеров по имени Чанданадаса. Я подобрал этот перстень у дверей его дома.

Р а к ш а с а. Это подходит к обстоятельствам.

С и д д х а р т х а к а. Что подходит, советник?

Р а к ш а с а. Что такую вещь, любезный, можно подобрать только у дверей дома богатого человека.

Ш а к а т а д а с а. Дорогой Сиддхартхака, на этом перстне вырезано имя советника. Советник вознаградит тебя, даст за этот перстень гораздо больше денег, чем он стоит. Дай его сюда.

С и д д х а р т х а к а. Господин, я сочту за милость, если советник просто примет от меня этот перстень. (*Отдает перстень.*)

Р а к ш а с а. Друг Шакатадаса, ты используешь этот перстень с печатью при исполнении своих обязанностей.

Ш а к а т а д а с а. Как прикажет советник.

С и д д х а р т х а к а. О советник, у меня есть просьба к тебе.

Р а к ш а с а. Говори смело.

Сиддхартхака. Советник должен знать, что, совершив негодное презренному Чанакье, я не могу теперь вернуться в Паталипутру. Смиренно прошу советника взять меня к себе на службу.

Ракшаса. Любезный, ты радуешь меня. Я не предложил тебе этого сам лишь потому, что не знал твоих намерений. Пусть будет так.

Сиддхартхака (*с радостью*). Благодарю за милость.

Ракшаса. Шакатадаса, позаботься об отдыхе для Сиддхартхаки.

Шакатадаса. Слушаю. (*Уходит с Сиддхартхакой.*)

Ракшаса. Друг мой Вирадхагупта, dokonчи свой рассказ. Приносит ли плоды наше тайное подстрекательство подданных Чандрагупты?

Вирадхагупта. О да, советник, это сказывается на них, судя по тому, что стало известно.

Ракшаса. Что стало известно, друг мой?

Вирадхагупта. О советник, вот что стало известно. Со времени бегства Малаякету Чандрагупта разгневан на Чанакью. А Чанакья, возгордившись своими успехами, еще увеличивает раздражение Чандрагупты, то и дело нарушая его приказания. Я говорю это по собственному впечатлению.

Ракшаса (*с радостью*). Друг мой Вирадхагупта, ступай опять в Кусумапуру в этом обличье заклинателя змей. Там есть у меня добрый друг по имени Станакалаша; он живет там под видом придворного певца. Ты передашь ему от моего имени, чтобы всякий раз, когда Чанакья будет нарушать царские приказания, он подогревал бы недовольство Чандрагупты зажигательными стихами. О положении дел пусть доносит нам в строгой тайне через Карабхаку.

Вирадхагупта. Как прикажет советник. (*Уходит.*)

Входит слуга.

Слуга. Советник, Шакатадаса просил доложить, что продаются вот эти три украшения большой ценности. Пусть советник их сам посмотрит.

Ракшаса (*смотрит*). О, это драгоценности высокого достоинства. Любезный, передай от нашего имени Шакатадасе, чтобы он купил их, не торгуясь.

С л у г а. Хорошо. (*Уходит.*)

Р а к ш а с а. А я между тем пошлю еще Карабхаку в Кусумапуру. (*Встает*). Пусть же порвет Чандрагупта со злодеем Чанакьей! Наконец-то я вижу себя у цели моих стремлений. Ибо

Царем царей себя считает Маурья —
Низкорожденный, захвативший власть.
Царя возведший на престол Чанакья
Невиданной гордыни пренсполнен.
Есть чем гордиться: стал царем один,
Другой исполнил свой обет кровавый.
Они достигли цели — значит, время
Мечом вражды разрушить узы дружбы!
(*Уходит.*)

Конец второго действия

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

ПРИТВОРНАЯ ССОРА

Входит дворецкий.

Д в о р е ц к и й (*уныло*).

Бывало, наслаждаясь красотою,
Я мог ее и зреть, и осязать.
Служило тело страсти и желаньям,
Служением желанья порождая,
До той поры, покуда вожделенья
И дух и плоть мою не изнурили.
Былые страсти умирила старость,
И нет соблазнов больше для меня.

(*Идет вокруг сцены и говорит в пространство.*)

Эй, эй, слуги Сугангского дворца! Государь Чандрагупта, благословенно его имя, приказывает вам: «Хочу я насладиться видом Кусумапуры, торжественно справляющей наступающий праздник полнолуния. Пусть же дворец

Суганга и его окрестности будут украшены для нас, как надлежит». (*Снова говорит в пространство.*) Что ты говоришь? «Господин, разве государь не знает, что праздник полнолуния отменяется?» Ах вы, злосчастные, что за толки! Они ведь могут стоить вам жизни! Сейчас же

Пускай гирлянды вяются по колоннам,
Благоухая дымом воскурений.
Пускай чамары — символ царской власти —
Кольшатся, белы, как свет луны.
Пусть землю, на которой трон воздвигнут,
Иссохшую и жаждущую влаги,
Сандаловой водою оросят,
Устелят благовонными цветами!

Что вы говорите? «Господин, повеление государя будет исполнено»? Любезные, поторопитесь. Вот уже пришел государь Чандрагупта. Это он...

Труд властелина тяжек.
Предшественник Чандрагупты,
Старый могучий буйвол,
До места довез поклажу.
А этот с юности впрягся
В нелегкий ярем правленья,
Но бремя несет достойно
Сильный духом и волей.

Г о л о с з а с ц е н о й. Сюда, государь, сюда.

Входит царь в сопровождении привратницы.

Ц а р ь (*про себя*). Сколько неприятностей доставляет царствование правителю, пекущемуся об исполнении своего царского долга! Потому что,

Если тщится царь о выгодах своих,
Он не думает о выгоде чужой.
Но, не помни он о выгодах своих,
Что за радость называть себя царем?
Если чей-то интерес ему важней
Своего — уже не царь он, а раб;
Став зависимым во всем от других,
Будет царствовать он лишь на словах.

И к тому же даже искусным правителям трудно умиротворить царственную Лакшми. Ибо

Богиня страшится сильных,
А слабых и знать не хочет;
Богине скучно с невеждой
И вдвойне — со всезнайкой;

Храбрец богине опасен,
А трус богине противен.
Богине Шри своенравной
Непросто прийти по нраву.

Кроме того, по совету почтенного, я должен притвориться, что поссорился с ним, и некоторое время действовать самостоятельно. Что ж, придется мне пойти на этот грех; хотя и в то время, когда ум наш постоянно обогащается советами почтенного наставника, мы всегда остаемся истинно независимы. Ибо,

Если доброе дело творит ученик,
Он в деяньях свободен вполне,
Но, когда, заблуждаясь, собьется с пути,
Пусть учитель наставит его.
Вот свобода, которой достойнее нет:
Послушание в добрых делах.

(Вслух.)

Почтенный Вайхинари, показывай дорогу в Сугангу.
Д в о р е ц к н и й. Сюда, сюда, государь. (*Идут вокруг сцены.*) Вот дворец Суганга. Пусть государь не спеша езойдет.

Ц а р ь (*делает вид, что всходит по ступеням и осматривается по сторонам*). О, как прекрасны окрестности, блистающие великолепием осени!

Десять стран небес реке подобны:
Облака — как берега крутые;
Лебеди взлетели с песней звонкой
И уселись на небесный берег;
Как мелеют все земные реки,
Так и небо летний зной теряет.
Россыпью речных прекрасных лилий
В небесах рассыпаны созвездья.

И еще:

В русла рек ты возвратила бугные разливы
И колосья наградила грузом урожая,
Даже злобный нрав павлиний ты смирить

сумела —

О, поистине порядок навела ты, осень!

И так же,

Как супругу, что ревностью пышет,
чья душа потемнела от гнева,
мирит с мужем подруга искусно —
так и осень очищает воды Ганги
и назад ее, ревнивую, приводит
к повелителю вод — океану.

(*Озирает окрестности.*)

О, что это? В Кусумапуре не начинают празднества полнолуния? Почтенный Вайхинари, разве не было объявлено в Кусумапуре от нашего имени о празднике полнолуния?

Дворецкий. Конечно, было объявлено!

Царь. Так почему же горожане не следуют нашему слову?

Дворецкий (*затыкает уши*). Боже избави, боже избави! Никто на земле не смеет ослушаться повеления государя; как же могут ослушаться в городе?

Царь. Тогда почему же не начинают праздновать торжественный день полнолуния в Кусумапуре?

Почему не украшены улицы и почему

Я не вижу гетер средь мужчин, искушенных в беседе,

И не вижу господ, и не вижу их жен, и толпы,

Ради праздника вышедшей покрасоваться, не вижу?!

Дворецкий. Так оно и есть.

Царь. Что так и есть?

Дворецкий. Государь, это самое.

Царь. Говори яснее.

Дворецкий. Праздник полнолуния запрещен.

Царь (*с гневом*). О! Кем?

Дворецкий. Государь, я не смею сказать.

Царь. Но не почтенный же Чанакья лишил горожан высочайшей отрады очей?

Дворецкий. Кто другой, дорожа своей жизнью, мог воспротивиться повелению государя?

Царь. Шоноттара, я хотел бы сесть.

Привратница. Государь, вот тронное сиденье.

Царь (*садится*). Почтенный Вайхинари, я хочу видеть почтенного Чанакью.

Дворецкий. Как прикажет государь. (*Уходит.*)

Появляется Чанакья — он в своем доме, садится, изображая гневное раздумье.

Чанакья. Смеет ли соревноваться со мной злодей Ракшаса?

Как некогда я, Чанакья,

змеей ускользнул от смерти

И, уничтожив Нанду,

возвел на престол Чандрагупту,

Так ныне Ракшаса тщится

наслать на Маурью гибель,

Затмить поднебесный месяц,

затмить мой разум своим.

(Обращается в пространство к невидимому.)

Ракшаса, Ракшаса, прекрати эту бесплодную борьбу
с нами!

Пред тобою Чандрагупта, а не Нанда,
Меж советниками власть поделивший.

Да и сам ты — не Чанакья: с тобою

Мы лишь силою ненависти схожи!

(Размышляет.)

Но я не должен печалиться из-за этого сверх меры. Ведь

Возле Малаякету все время посланцы мои:

И Сиддхартхака там, и другие.

Мне известны все мысли царя.

Он же тайны не знает: я с Маурьей ссорюсь

Лишь притворно, чтоб Ракшаса, в кознях своих

Заплутавшись, покинул врагов Чандрагупты

И на службу к нему перешел.

Входит дворецкий

Дворецкий. Ну и несчастная же моя служба!

Дрожи пред царем, трепещи пред министром,

К стопам их любимца клонись,

Страшись властолюбца, пролезшего к трону,

Являй к блюдолизу приязнь.

Вот это поистине служба собачья:

За каждый огрызок служи,

Стыдливо потупясь. Во мрак униженья

Ведет раболепство тебя.

(Идет вокруг сцены и осматривается.)

Вот дом благородного Чанакьи. Войду туда. *(Входит и осматривается.)* О, вот она, та роскошь, которой окружил себя советник царя царей!

Вот камень, чтоб им кизяки разбивать,

А это запасы священной травы,

А это на жалкой прогнувшейся крыше

Дрова подсыхают: наверное, скоро

Здесь брахман-хозяин разложит костер

Для жертвы богам, и огонь запыхает

Пред ветхой стеною жилища его.

Поистине, государь Чандрагупта для него только Низкородженный.

Увы, слуга — и даже самый честный —

На низость обречен. Потоком лести

Выплескивает он ее из сердца,
Властителя безудержно хваля.
Причиной — жадность, а не уважение.
Не будь ее — где царское величье?
Вот мера царских подлинных достоинств:
Презрение тех, кто жадности лишен.
(*Всматривается, с трепетом.*)

А, вот почтенный Чанакья.

Он, властелин, явил одновременно
С закатом Нанды Маурьи восход.
Он солнцу превзошел: оно не может
Одновременно греть и охлаждать.
(*Падает на колени.*)

Победа господину!

Ч а н а к ъ я. Вайхиари, что привело тебя сюда?

Д в о р е ц к и й. Господин, государь Чандрагупта, — благословенно будь его имя, — он, чьи ноги-лотосы обогрил блеск рубинов, украшающих венцы властителей, головы которых не медлят склониться перед ним в глубоком поклоне, в почтении склоняет голову перед тобою и велит передать тебе: «Если не помешает это занятиям почтенного, я хотел бы видеть его».

Ч а н а к ъ я. Низкорожденный хочет меня видеть! Вайхиари, не дошел ли до него слух о запрете, который я наложил на праздник полнолуния?

Д в о р е ц к и й. Конечно, дошел, господин.

Ч а н а к ъ я (*с гневом*). Так! Кто сказал ему?

Д в о р е ц к и й (*испуганно*). Смилуйся, господин! Государь отправился во дворец Суганга и оттуда увидел сам, что в городе не справляют праздника полнолуния.

Ч а н а к ъ я. О, понимаю. Это вы, тайные подстрекатели, пробудили гнев Низкорожденного. Как же иначе? (*Дворецкий стоит безмолвно, в страхе опустив глаза.*) О, царские слуги ненавидят Чанакью и держат сторону тех, кто против него! Где сейчас Низкорожденный?

Д в о р е ц к и й (*выказывая страх*). Господин, государь был в Суганге, когда посылал меня пред очи твои.

Ч а н а к ъ я (*встает*). Показывай дорогу в Сугангу.

Д в о р е ц к и й. Сюда, сюда господин.

Оба идут вокруг сцены.

Вот дворец Суганга.

Ч а н а к ъ я (*делает вид, что поднимается по ступеням и смотрит*). О, ты взшел на трон, Низкорожденный! Хвала тебе, хвала!

Нандам негодным уже не глумиться над троном:
Бык меж царей — Чандрагупта воссел на престол.
Вот кто достоин владычить над нашей страной!
Рад я теперь за себя и спокоен за власть.

(*Приближается к царю.*)

Да побеждает Низкорожденный!

Ц а р ь (*встает с трона*). Почтенный, Чандрагупта преклоняется перед тобой. (*Падает ему в ноги.*)

Ч а н а к ъ я (*поднимает его за руки*). Встань, сын мой.

От седых Гималаев, где воды небесной реки —

Волны Ганги — падают вниз,

И от моря, где россыпью дивных камней

Изукрашены берега, —

Отовсюду идут к тебе сотни и сотни владык,

Чтоб к стопам твоей власти припасть.

В ярком блеске сокровищ на сотнях и сотнях корон

Да омоются ноги твои!

Ц а р ь. Только по милости почтенного обрел я все, чем владею. Пусть сядет почтенный.

Оба садятся на полагающиеся им места.

Ч а н а к ъ я. Низкорожденный, зачем ты призвал меня?

Ц а р ь. Дабы иметь счастье лицезреть тебя, почтенный.

Ч а н а к ъ я (*с улыбкой*). Довольно любезностей. Без причины цари не посылают за своими сановниками.

Ц а р ь. Почтенный, какую цель ты преследовал, запретив празднование дня полнолуния?

Ч а н а к ъ я (*улыбаясь*). Значит, за мною посылали, чтобы сделать мне выговор?

Ц а р ь. Боже избави, боже избави. Никоим образом. Лишь для того, чтобы получить разъяснения.

Ч а н а к ъ я. Но если так, ученик, конечно, не должен противиться воле наставника, к которому обращается за разъяснением.

Ц а р ь. Именно так. Какое может быть сомнение? Но почтенный никогда ничего не делает без причины; отсюда и мой вопрос.

Ч а н а к ъ я. Ты правильно рассуждаешь, Низкорожденный. Чанакья даже во сне не действует без причины.

Ц а р ь. Почтенный, желание узнать эту причину и заставило меня начать разговор.

Ч а н а к ь я. Слушай же, Низкорожденный. Сочинители книг, посвященных науке о государстве, говорят о трех способах управления: оно может возлагаться на царя, или на министра, или на них обоих. Поскольку у нас правление возложено на министра, к чему тебе дознаваться о причинах решений? В данном случае мое дело — знать о них.

Царь в гневе отворачивает лицо. За сценой два придворных певца декламируют.

Первый певец.

Белизной облаков свод небесный покрыт —

Это Шива стоит, белым пеплом осыпан.

Луч луны пронизал пелену облаков —

Это шкуру слона побежденного, Нилы,

Блеском месяца Шива пронзил.

Из людских черепов ожерелье на шею у Шивы

Блещет блеском светил, совершающих ход в небесах,

А улыбка у Шивы, что белая стая лебяжья.

Шива-Осень, приди, чтоб печали от нас отогнать!

И еще:

Полупроснувшись, лицо от горящих камней

Отворотив, поднимается Вишну со змея —

С ложа покойного сна; покраснели, опухли глаза.

Пусть этот утренний взор охранит нас от бед и печалей!

Второй певец.

В души назначенных царствовать — будь это звери

Или же люди — гордость вдыхает творец.

Лев-властелин побеждает слона-властелина,

Зверя-властителя зверь не поранит подвластный.

Люди-цари не потерпят, чтоб их приказанье

Было нарушено кем-то из подданных, слуг.

И еще:

Не символы царской власти дают правителю власть,

Но только сила приказа, который для всех — закон.

Ч а н а к ь я (*про себя*). Первое стихотворение под видом хвалы божествам воспевает наступление осени. А второе что значит? Не понимаю! (*Размышляет.*) А, ясно! Это происки Ракшасы. О злодей Ракшаса, ты убедишься, однако, что бодрствует Каутилья!

Ц а р ь. Почтенный Вайхинари, выдай певцам по тысяче золотых монет.

Дворецкий. Как государь прикажет. (*Встает и идет со сцены.*)

Чанакья (*с гневом*). Стой, не уходи, Вайхиари!

Дворецкий с трепетом смотрит на царя.

Низкорожденный, к чему эти огромные расходы, бесполезные и неуместные?

Царь (*с яростью*). Во всем почтенный стремится мне воспрепятствовать, и царствование мое — не царствование, а пребывание в оковах.

Чанакья. Низкорожденный, такая беда — удел царей, которые не в силах сами править. Если тебе невыносимо это, попытайся править сам.

Царь. Своими делами я сам займусь.

Чанакья. Я рад этому. Я тоже займусь своими делами.

Царь. Что ж, если так, я хочу знать, по какой причине запрещено праздновать день полнолуния.

Чанакья. А я хочу знать, Низкорожденный, по какой причине праздник полнолуния должен справляться.

Царь. Во-первых, чтобы не нарушалось мое приказание.

Чанакья. А первой причиной запрещения праздника, Низкорожденный, было мое стремление воспрепятствовать твоему приказанию. Ибо

От четырех океанов, где рыбы гигантские тими

Бездну колышат, до темных тамаловых чаш —

Всюду цари пред тобой преклонились покорно.

Я ж твой приказ не исполнил. Пусть это тебе подтвердит, Что украшается власть лишь смиренным покорством

подвластных.

А если хочешь, я расскажу тебе и о другой причине.

Царь. Рассказывай.

Чанакья. Шоноттара, передай от меня писцу Ачале, чтобы он прислал сюда список с именами недовольных — Бхадрабхаты и других, бежавших с нашей службы и обратившихся за покровительством к Малаякету.

Привратника. Как прикажет господин. (*Уходит и возвращается.*) Господин, вот список.

Чанакья (*берет список*). Слушай, Низкорожденный.

Царь. Я весь внимание.

Чанакья (*читает*). «Точный список имен сановников, бывших союзников государя Чандрагупты — благо-

словенно его имя, — ныне сбежавших и прибегнувших к покровительству Малаякету, нашего врага. А именно: Бхадрабхата, начальник над боевыми слонами; начальник над конницей Пурушадатта; Дингарата, племянник главного привратника; государев родственник махараджа Баладевагупта; государев же дядька Раджасена; Бхагураяна, младший брат военачальника Синхабалы; малавийский князь Лохитакша; предводитель кшатриев Виджаяварман. Вышеназванные числятся на службе у государя».

Ц а р ь. Но я хотел бы знать, в чем причина недовольства этих людей.

Ч а н а к ь я. Слушай, Низкорожденный. Начальник над слонами Бхадрабхата и начальник над конницей Пурушадатта — оба падки до женщин, привержены пьянству и охоте, оба не смотрели за слонами и за конями и были отрешены мною от дел; но жалованье им было оставлено. Теперь они бежали во вражеский стан и поступили на службу к Малаякету, каждый по своей должности. Двое других, Дингарата и Балагупта, одолеваемы невиданной жадностью. Они сочли недостаточным жалованье, что ты им положил, и, гонясь за выгодой, перебежали на службу к Малаякету. Что касается Раджасены, дядьки царевича, он испугался, как бы все то богатство — слоны, кони и большая казна, — что он внезапно обрел по твоей милости, не было бы так же внезапно отобрано у него. И он бежал и поступил на службу к Малаякету. Другой же, Бхагураяна, младший брат полководца Синхабалы, в свое время завязал дружбу с Парватакой; он спугнул тогда Малаякету, поведав ему тайком, что отца его убил Чанакья. Когда были схвачены Чанданадаса и другие, злоумышлявшие против государя, он, памятуя о своих преступлениях, бежал к Малаякету и поступил к нему на службу. А тот из благодарности, мня, что Бхагураяна спас ему жизнь, тут же дал ему должность советника при своем дворе. Наконец, Лохитакша и Виджаяварман, оба преисполненные чрезмерной гордости, не могли спокойно видеть те почести, которые ты оказывал другим своим родственникам, и перешли на службу к Малаякету. Таковы причины их недовольства.

Ц а р ь. Но, зная причины их недовольства, почему ты, почтенный, своевременно не воспрепятствовал этим людям бежать?

Ч а н а к ь я. Им нельзя было препятствовать, Низкорожденный.

Ц а р ь. Ты был не в состоянии им воспрепятствовать? Или это было сделано по расчету?

Ч а н а к ь я. Почему же не в состоянии? Конечно, по расчету.

Ц а р ь. Я хотел бы теперь услышать, в чем состоял расчет.

Ч а н а к ь я. Слушай же и замечай. Надо сказать, что проявлению подданными недовольства можно противостоять двумя способами: милостью или наказанием. По отношению к обоим смещенным чиновникам — Бхадрабхате и Пурушадатте — милость заключалась бы в возвращении их к исправлению прежней должности. Возвращение же к должности подобных людей, заведомо непригодных к ней по своей порочности, означало бы гибель слонов и коней, опоры всего государства. Алчные Дингарата и Балагупта не удовлетворились бы, даже получив в дар все царство, — так какую же милость можно было им оказать? Где было искать пути оказания милости Раджасене и Бхагураяне, боявшимся потерять свое состояние? Какого рода милость утешила бы гордецов Лохитакшу и Виджаявармана, уязвленных почестями, выпавшими на долю другим твоим родственникам? Таким образом, первый путь для нас был закрыт. Остается второй способ. Но если бы мы, как только сменили Нанду у власти, сразу подвергли жестокому наказанию поддерживавших нас в борьбе сановников, это усилило бы недоверие к нам подданных, еще приверженных роду Нанды. Следовательно, и этот путь был для нас закрыт. Так вошли в милость к Малаякету бывшие наши сторонники. Теперь же сын Парватаки, разгневанный убийством его отца, готовится по указаниям Ракшасы напасть на нас с громадным войском иноземцев. Так что наступает время испытаний — не время праздников. Разве до празднования дня полнолуния сейчас, когда нужно заняться приготовлениями к обороне? Потому это празднество и отменяется.

Ц а р ь. Почтенный, у меня много вопросов к тебе по этому поводу.

Ч а н а к ь я. Спрашивай без стеснения, Низкорожденный. Я тоже хочу немало сказать тебе по этому поводу.

Ц а р ь. Почему дали возможность бежать Малаякету, что и явилось причиной всех неурядиц?

Ч а н а к ь я. Низкорожденный, не допустить этого можно было двумя путями: либо захватив его в плен, либо отдав ему обещанную половину царства. Схватить его силой — значило бы сознаться в своем вероломстве, при-

знать, что Парватака умерщвлен нами. Если бы мы отдали ему обещанные полцарства, то и это могли бы истолковать как попытку загладить вероломное убийство Парватаки. Вот мы и позволили Малаякету бежать.

Ц а р ь. Пусть будет так. Но как объяснит почтенный, почему упустил он Ракшасу, который ведь тоже был здесь?

Ч а н а к ь я. Ракшаса долго жил в городе, и за это время верные подданные Нанды хорошо узнали достоинства его. Его добрая слава, равно как и его непоколебимая преданность своему государю, завоевали ему чрезвычайное уважение в среде горожан. Одаренный умом и мужеством, располагая множеством верных друзей и богатой казной, этот человек, оставшись в городе, неминуемо возбудил бы в народе великое возмущение против нас. Вдалеке он не так страшен — какое бы возмущение против нас он ни пытался поднять, с ним не так трудно будет справиться. Поэтому ему позволили бежать.

Ц а р ь. Но почему было не принять нужные меры, пока он еще был здесь?

Ч а н а к ь я. Да ведь меры и были приняты. Оставаясь здесь, он был для нас шипом в сердце. Теперь, когда он удалился, этот шип извлечен.

Ц а р ь. Почему было не захватить его силой в плен?

Ч а н а к ь я. Но ведь это же Ракшаса! Если бы мы попытались захватить его силой, он либо перебил бы немало твоих воинов, либо сложил бы голову сам. В обоих случаях это было бы несчастьем. Смотри:

Если в тяжелом бою он погибнет —

Где ты второго такого найдешь, Чандрагупта?

Если он войско погубит твое — чем утрату восполнишь? Средством иным мы его приручим, как лесного слона!

Ц а р ь. Мы не в состоянии опровергнуть твое мнение, почтенный. Но если кто достоин похвалы во всех отношениях, так это советник Ракшаса.

Ч а н а к ь я (с гневом). «Но не ты» — это хотел ты сказать. О Низкорожденный, что же он совершил, этот Ракшаса?

Ц а р ь. Слушай. Ведь этот великий человек
Оставался в захваченном городе, сколько хотел,
И, преград не боясь, нам он ставил преграды,
И оттягивал час возглашения нашей победы,
И силки расставлял, и обдумывал тайные козни.
Тех, кто верен мне был, выставлял он моими врагами,
Он смешал наши планы, запутал дела

Так, что мы наконец доверять перестали
Даже людям, заведомо преданным нам.

Ч а н а к ъ я (*усмехаясь*). Вот что совершил Ракшаса.
Можно подумать, Низкорожденный, что он уже сверг тебя
с трона, как я сверг Нанду, и как я тебя, так он Малаякету
возвел на престол царя царей, владыки земли.

Ц а р ь. Но ведь все это сделано другим, не тобою. При
чем ты здесь, почтенный?

Ч а н а к ъ я. О, неблагодарный!

Кто, как не я, дал ужасную клятву
Род дерзновенного Нанды пресечь?
Кто, как не я, во свершение обета
Прядь распустил на своей голове?
Кто девятьсот девяносто миллионов
Отнял монет у погибшего рода,
Нандов прикончив, как жертвенный скот, —
Десятерых — перед Ракшасой славным?

И еще:

Видишь, не гаснут костры погребальные Нандов,
Девять костров, и обильна для пламени пища.
Кажется, небо затмилось от жирного дыма.
Только не дым это: стаи стервятников черных
К трупам слетелись на пир и парят в небесах.

Ц а р ь. Но ведь все это сделано другим, не тобою.

Ч а н а к ъ я. О! Кем же?

Ц а р ь. Роду Нанды враждебною судьбой.

Ч а н а к ъ я. Только непросвещенные верят в судьбу.

Ц а р ь. А просвещенные избегают хвастовства.

Ч а н а к ъ я (*с яростью*). Низкорожденный, ты хочешь
помыкать мною, словно слугой!

И вновь моя рука, дрожа от гнева,
Готова распустить завязанную прядь...
(*Топает ногой о землю.*)

И вновь уста готовы к новой клятве.
Ты сам, судьбой недоброю влеком,
Огонь потухший раздуваешь снова!

Ц а р ь (*про себя, взволнованно*). О, неужели почтенный
и в самом деле гневается? Ведь вот же

Слезы сбегают с гневно дрожащих ресниц,
Глаза его мечут пламя, а брови его — как дым.
Разверзнуться твердь готова под тяжкой его стопой;
Яростный танец Шивы воспоминает она.

Ч а н а к ъ я (*подавляя притворный гнев*). Низкорож-
денный, Низкорожденный, довольно пререканий. Если ты
считаешь, что Ракшаса лучше меня, отдай ему этот меч.

(Бросает меч, встает и устремляет взор в пространство. Про себя.) Ракшаса, Ракшаса, вот она, твоя мудрость, превосходством которой стремишься ты одолеть мудрость Каутильи.

Ты думаешь, что Чандрагупта в ссоре
С Чанакьей — не противник для тебя,
А между тем разрыв мой с Чандрагуптой
Падет тебе на голову, несчастный!

(Уходит.)

Ц а р ь. Почтенный Вайхинари, пусть будет объявлено подданным, что отныне Чандрагупта сам будет править царством, не советуясь с Чанакьей.

Д в о р е ц к и й *(про себя)*. Как, Чанакья уже именуется без титула? Увы, должности он, значит, лишился. Однако в этом, конечно, нет вины государя.

Если царь ошибся в гневе — виноват его советник.

Если слон впадает в буйство — виноват его погонщик.

Ц а р ь. Почтенный, о чем ты задумался?

Д в о р е ц к и й. Государь, ни о чем. Благодарение судьбе, государь стал ныне поистине государем.

Ц а р ь *(про себя)*. Если на меня теперь смотрят как на царя, правящего самостоятельно, по собственному усмотрению, значит, сбывается желание почтенного и оправдывается его расчет. *(Вслух.)* Почтенный, почтенный, поторопись, ступай скорее.

Д в о р е ц к и й. Как государь прикажет. *(Уходит.)*

Ц а р ь. Шоноттара, после этой жестокой ссоры у меня мучительно болит голова. Проводи меня в дом, где находится моя спальня.

П р и в р а т н и ц а. Идем, идем, государь.

Ц а р ь *(встает. Про себя)*.

Я нарушил повеленье Чанаки.

Мне б сквозь землю провалиться от позора!

У того, кто от учителя отрекся,

Сердца нет, чтобы в груди разорвалось!

Все уходят.

Конец третьего действия

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ДЕЯНИЯ РАКШАСЫ

Входит слуга в дорожном платье.

С л у г а. Ах, чудеса, чудеса.

Где найдется слуга, что по собственной воле

Сотню йоджан проскачет туда и обратно?

Только твердая воля его господина

Заставляет слугу про усталость забыть.

Ну, я пойду в дом советника Ракшасы. *(Идет вокруг сцены, выказывая усталость.)* Кто здесь есть из привратников? Доложи благородному советнику Ракшасе, что Карабхака спешно прибыл из Паталипутры.

Входит привратник.

П р и в р а т н и к. Любезный, говори потише. Советник еще не вставал, он страдает от головной боли после бессонной ночи, проведенной в размышлениях о делах государства. Поэтому подожди немного. Я доложу о твоём прибытии, когда представится случай.

Появляется Ракшаса — он в своей спальне вместе с Шакатадасой, сидит в раздумье.

Р а к ш а с а *(про себя)*.

К замыслам моим судьба сурова.

Каутилья ловок и коварен.

Сокрушаясь о крушение планов,

Я о новом плане думаю бессонно.

И еще:

Тот, кто знает конечную цель изначально,

Тот — за действием действие — строит интригу.

Семя помыслов бросив в созревшую почву,

Знает, что за растение пробьется из мрака,

И какими цветами оно расцветет, возмужав,

И какими плодами развязки порадует завязь.

Вот он, путь драматурга; таков же политика путь.*

Возможно ли, что презренному злодею Чанакье...

Приближается привратник.

Привратник. Победа...

Ракшаса. ...Нанесут поражение...

Привратник. ...Советнику!

Ракшаса (*показывает, что у него дергается левое веко, дурной знак. Про себя*). Презренному злодею Чанакье победа, нанесут поражение советнику! Так рекла вещая богиня в то мгновение, как задергалось у меня левое веко! Но я не оставлю своих устремлений! (*Вслух.*) Любезный, что ты хотел сказать?

Привратник. Советник, Карабхака ждет у ворот.

Ракшаса. Немедленно введи его.

Привратник. Хорошо. (*Выходит и приближается к слуге.*) Любезный, иди к советнику. (*Уходит.*)

Карабхака (*приближается*). Победа советнику!

Ракшаса (*вглядывается*). Добро пожаловать, Карабхака. Садись.

Карабхака. Как прикажет советник. (*Садится на землю.*)

Ракшаса (*про себя*). Так много дано мною различных поручений, что я уж и не упомяну, что именно было ему поручено. (*Размышляет.*)

Входит другой слуга с жезлом в руках.

Слуга. Расступитесь, расступитесь! Дайте дорогу! Разойдитесь, разойдитесь, люди. Разве вы не видите?

Эй, разойдись! Не только приближаться,

Но издали глядеть запрещено!

Ни на земных богов, ни на небесных

Не велено глазеть простонародью!

(*В пространство.*)

Что вы говорите, господа? Почему вам велят разойтись? О господа, царевич Малаякету прибыл навестить советника Ракшасу, страдающего от головной боли; поэтому вам и велят расступиться. (*Уходит.*)

Входит Малаякету в сопровождении Бхагураяны и дворецкого.

Малаякету (*вздыхает, про себя*). Сегодня исполняется десять месяцев с того дня, когда погиб мой отец. Между тем до сих пор я даже возлияния воды не совершил в память о его душе, несмотря на всю свою пустую гордость и хвастливую смелость. А ведь я торжественно поклялся в то время, что

Совершу я обряд возлияния в память отца

Лишь тогда, когда жены врага, овдовев, зарыдают,

Как моя одинокая мать: ее сердце разбито,
И разбились браслеты, упавшие с высохших рук.
О чем здесь толковать?

Избран мною путь — путь отцов моих.
Если в смертном я не паду бою,
То уйму я слезы отцовских жен —
Пусть стократ прольют их жены врага!
(*Вслух.*)

Почтенный Джаджали, передай от нашего имени царям нашей свиты, что я хочу доставить советнику Ракшасе неожиданную радость, посетив его без предупреждения. Поэтому они могут не утруждать себя и не следовать за нами.

Д в о р е ц к и й. Хорошо. (*Идет кругом сцены. Поднимает глаза.*) О, слушайте, властители, что велел передать вам царевич: «Пусть никто не сопровождает меня». (*Осматривается. С радостью.*) Едва услышав повеление царевича, цари остановились. Пусть взглянет царевич:

Эти вздыбили коней, чтоб скорей остановиться, —
Выгнув шеи, рысаки в небо ринулись как будто.
Эти отдали приказ, чтоб слоны на месте стали,
И умолкли бубенцы их слонов окаменевших.

Как не может океан выйти из границ прилива,

Так и твой приказ нарушить ни один не может царь.

М а л а я к е т у. Почтенный, ты тоже возвращайся со слугами. Пусть сопровождает меня один Бхагураяна.

Д в о р е ц к и й. Хорошо. (*Уходит со слугами.*)

М а л а я к е т у. Друг мой Бхагураяна, сказали мне Бхадрабхата и те люди, что прибыли сюда с ним: «Не советник Ракшаса побудил нас искать покровительства царевича. Нет, это твой военачальник Шикхарасена побудил нас, недовольных Чандрагуптой, следующим руководством дурного советника, искать покровительства царевича, наделенного столь привлекательными достоинствами». Я долго размышлял над их словами, но так и не мог постичь их значения.

Б х а г у р а я н а. Царевич, их значение не трудно угадать. Покровительства завоевателя, наделенного такими достоинствами, ищут через его верного друга — таково естественное объяснение этих слов.

М а л а я к е т у. Мой Бхагураяна, да ведь советник Ракшаса и есть мой ближайший и верный друг.

Б х а г у р а я н а. Да, это так. Но советник Ракшаса враждует с Чанакьей, а не с Чандрагуптой. И если когда-нибудь Чандрагупта лишит Чанакью должности совет-

ника, не стерпев его надменности победителя, Ракшаса, может быть, и войдет в союз с этим царем из своей преданности роду Нанды, отпрыском которого Чандрагупта является, а также ради блага своих старых друзей. Чандрагупта же согласится на союз с советником, служившим прежде его отцу. Потому-то люди, которые ищут твоего покровительства, опасаются, что ты, царевич, не станешь доверять им, если они будут действовать через Ракшасу. В этом смысл их слов.

М а л а я к е т у. Похоже на правду. Проводи меня в дом советника.

Б х а г у р а я н а. Сюда, сюда, царевич.

Оба идут кругом сцены.

Вот дом советника. Пусть царевич войдет.

М а л а я к е т у. Я войду. *(Входит.)*

Р а к ш а с а *(про себя)*. А, вспомнил. *(Вслух.)* Так видел ли ты, любезный, в Кусумапуре Станакалашу?

К а р а б х а к а. Разумеется, советник.

М а л а я к е т у *(прислушиваясь)*. Бхагураяна, речь идет о Кусумапуре. Не будем пока приближаться к ним. Послушаем. Ибо

На глазах у властелина советник

Не промолвит супротивного слова,

Но о том же говорит он иначе,

Если думает, что царь в отдаленье.

Б х а г у р а я н а. Как прикажет царевич.

Р а к ш а с а. Любезный, удалось ли то предприятие?

К а р а б х а к а. По милости советника, удалось.

М а л а я к е т у. Друг мой Бхагураяна, что это за предприятие?

Б х а г у р а я н а. Царевич, глубоко таинственна речь советника. Еще нельзя ее уразуметь. Будем пока внимательно слушать.

Р а к ш а с а. Любезный, я хочу, чтобы ты рассказал обо всем подробно.

К а р а б х а к а. Слушай, советник. В то время ты, советник, дал мне такое приказание: «Ступай в Кусумапуру, Карабхака. Передай там от меня придворному певцу Станакалаше, что всякий раз, когда проклятый Чанакья станет перечить Чандрагупте, он должен декламировать такие строфы, которые разжигали бы гнев царя».

Р а к ш а с а. Продолжай, любезный.

К а р а б х а к а. Затем я отправился в Паталипутру и передал поручение советника придворному певцу Стана-

калаше. В это время, чтобы развлечь горожан, опечаленных гибелью рода Нанды, царь объявил о торжественном праздновании дня полнолуния. Народ с радостью воспринял весть о любимом празднике, давно уже не справлявшемся, как весть о встрече с родным долгожданным человеком.

Р а к ш а с а *(со слезами на глазах)*. Ах, государь Нанда,

Пусть приносит полный месяц радость лотосу ночному,
Ты ушел — и в тьму навечно от меня ушла луна.

К а р а б х а к а. И вот этот праздник, столь любимый народом, наперекор царю отменил проклятый Чанакья. Тогда Станакалаша и прочитал стихотворение, имевшее целью возбудить против него гнев Чандрагупты.

Р а к ш а с а. Что это было за стихотворение?

К а р а б х а к а *(декламирует)*: «В души назначенных процветать...» и так далее.)

Р а к ш а с а *(с радостью)*. Отлично, Станакалаша, отлично. Вовремя посеянное семя раздора наверняка принесет плоды. Ведь

И простой человек обидится,
Если праздник ему испортят,
А отмена царской утехы —
Не обида, но оскорбленье!

М а л а я к е т у. Это именно так.

Р а к ш а с а. Продолжай.

К а р а б х а к а. Чандрагупта был оскорблен отменой его повеления; он вознес хвалу твоим достоинствам, которые поставил выше достоинств своего советника, и отрешил проклятого Чанакью от должности.

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, похвала Чандрагупты достоинствам Ракшасы показывает его благосклонность к нему.

Б х а г у р а я н а. И не столько хвала достоинствам Ракшасы, сколько смещение презренного Чанакьи.

Р а к ш а с а. Одна лишь отмена праздника полнолуния явилась причиной гнева Чандрагупты на Чанакью или тут было еще что-то другое?

М а л а я к е т у. Друг мой, какую цель он имеет в виду, допытываясь о причинах гнева Чандрагупты?

Б х а г у р а я н а. О царевич, мудрый Чанакья не стал бы ненамеренно возбуждать гнев Чандрагупты, если бы не были у него на то особые основания; да и Чандрагупта, ведающий чувство благодарности, не пошел бы на крайние меры только из-за этого дела. Во всяком случае, если между

Чанакьей и Чандрагуптой произошел настоящий разрыв, тому должно быть много причин.

К а р а б х а к а. Есть и другая причина гнева Чандрагупты. Он недоволен тем, что допустили бегство Малаякету и советника Ракшасы также.

Р а к ш а с а (*с радостью*). Друг Шакатадаса, теперь Чандрагупта в моих руках! Теперь Чанданадаса будет освобожден из тюрьмы, а к тебе вернутся сын и жена. Кончились и тревоги Дживасиддхи.

Б х а г у р а я н а (*про себя*). Это верно, кончились тревоги для Дживасиддхи и прочих.

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, что значат эти слова: «в моих руках»?

Б х а г у р а я н а. Что другое это может значить, как не то, что теперь, когда Чандрагупта расстался с Чанакьей, советник не видит более препятствий к его свержению.

Р а к ш а с а. Любезный, где же теперь этот презренный, отставленный от своей должности?

К а р а б х а к а. Он живет все там же, в Паталипутре.

Р а к ш а с а (*взволнованно*). Он все еще там, любезный? Он не удалился в лес и не стал отшельником, не дал нового обета?

К а р а б х а к а. Советник, говорят, что он уходит в лесную обитель.

Р а к ш а с а. Шакатадаса, это не похоже на правду. Смотри:

Он и Нанде — воплощенью Индры —

Не простил своего униженья.

Неужели же смирит он гордыню

Перед Маурьей — создателем своим?

М а л а я к е т у. Друг мой, удалится ли Чанакья в лесную обитель или даст новый обет — какое до этого дело Ракшасе?

Б х а г у р а я н а. Об этом не слишком трудно догадаться. Чем дальше будет проклятый Чанакья от Чандрагупты, тем больше Ракшасе от этого пользы.

Ш а к а т а д а с а. Полно, оставь сомнения. Все это очень правдоподобно. Пусть советник рассудит:

Сотни властителей властью своей покорив,

Блеск их корон попирая жестокой стоною,

Станет ли Маурья гордость Чанакьи щадить?

Что ж до последнего — он еще явственно помнит

Горечь невзгод на пути исполнения обета, —

Как н^е гневится, а новый обет произнести

Он не решится, грядущих невзгод опасаясь.

Р а к ш а с а. Это верно, Шакатадаса. Ступай, позабьешься об отдыхе для Карабхаки.

Ш а к а т а д а с а. Хорошо. *(Уходит со слугой.)*

Р а к ш а с а. А я хочу видеть царевича.

М а л а я к е т у. Я сам пришел увидеть советника.

Р а к ш а с а *(замечает его)*. О, царевич! *(Поднимается с сиденья.)* Вот сиденье. Да соизволит царевич присесть.

М а л а я к е т у. Вот, я сажусь. Садись, почтенный. *(Оба садятся на полагающиеся им места.)* Утихла ли твоя головная боль, почтенный?

Р а к ш а с а. Царевич, как может утихнуть моя головная боль, пока твой титул царевича не заменен званием верховного царя?

М а л а я к е т у. Того, что обещал почтенный, добиться удастся наверняка. Но долго ли нам еще ждать с собравшимися уже войсками, высматривая слабость у неприятеля?

Р а к ш а с а. Да можно ли теперь терять время? Выступай в поход за победой!

М а л а я к е т у. Почтенный, значит, у неприятеля обнаружилась слабость?

Р а к ш а с а. Обнаружилась.

М а л а я к е т у. В чем же она?

Р а к ш а с а. В чем же другом, как не в советнике? Чандрагупта порвал с Чанакьей.

М а л а я к е т у. Почтенный, потеря советника — это еще не слабость.

Р а к ш а с а. Может быть, для других царей потеря советника — не слабость. Но не для Чандрагупты.

М а л а я к е т у. Почтенный, это неверно. Пороки Чанакьи вызывали недовольство подданных Чандрагупты; теперь, когда он удален, те, кто был предан Чандрагупте, станут выказывать ему еще большую преданность.

Р а к ш а с а. Нет, это не так. Ведь есть два рода подданных: одни поддерживают Чандрагупту, другие преданы Нанде. И пороки Чанакьи вызывали недовольство у сторонников Чандрагупты, а не у приверженцев рода Нанды. Что до последних, то их гнев и отвращение порождены неблагодарностью Чандрагупты, истребившего род Нанды, род отца своего; только за неимением достойного властелина повинуются они Чандрагупте. Но если явится завоеватель, подобный тебе, который выступит против него, способный его одолеть, они немедленно покинут Чандрагупту и перейдут на твою сторону. Да вот я сам — тому пример.

М а л а я к е т у. Почтенный, одна ли эта слабость — потеря советника — дает нам возможность напасть теперь на Чандрагупту или тому есть еще и другая причина?

Р а к ш а с а. К чему еще и другие причины? Эта — самая главная.

М а л а я к е т у. Почему же самая главная, почтенный? Разве не может теперь Чандрагупта возложить бремя дел на другого министра или же взять его дела на себя и оказать нам должное сопротивление?

Р а к ш а с а. О нет, конечно, не может.

М а л а я к е т у. Почему же?

Р а к ш а с а. На это способны цари, правящие самостоятельно или совместно с советником. Злодей же Чандрагупта всегда передоверял дела управления своему советнику и в мирских делах он — совершенный слепец. Как сможет он без него оказать нам сопротивление?

Если царь и советник возвысится оба,

Станет бремя двойное для Власти несомно,

И, не в силах снести непосильную ношу,

Власть-богиня покинет из них одного.

И еще:

Царь, отторгнувший советника, отторгнут

От успеха, как младенец от груди.

Он, неопытный, смешон тогда и жалок —

Без наставника погибнет в одночасье.

М а л а я к е т у (*про себя*). Благодарение судьбе, в делах управления я не завишу от советника. (*Вслух.*) Даже если так, можем ли мы быть уверены в успехе нашего нападения, основываясь только на этой слабости врага?

Р а к ш а с а. Царевич может быть совершенно уверен в успехе. Ведь

Ты превосходишь противника силой военной.

Люд городской не забыл свою преданность Нанде.

Изгнан Чанакья, а сам Чандрагупта не может

Быть нам опасен — неопытный юный властитель.

Я же свободен...

(*Запинается, выказывая смущение.*)

...в свободном служенье тебе,

Я укажу тебе путь к несомненной победе.

Слово одно, государь, —

и свершатся мечты!

М а л а я к е т у. Если почтенный видит сейчас удобный момент для нападения, зачем же медлить?

Красным цветом велю я окрасить слонов боевых,

К Шоне — Красной реке — обращаю я их бивни.

Словно берег крутой, крутобоки слоны,
Словно в чаще прибрежной стволы — несчислимы;
И волной исторгается мускус с висков у слонов,
И ревут боевые слоны, словно бурные воды;
Как течением река подрывает свои берега,
Так слоновьими бивнями берег подрыт и разрушен.
И еще:

Источается мускус из пор разъяренных слонов
Столь обильно, как ливень из туч грозowych,
И, подобные тучам над краями Виндхьи,
С ревом громоподобным столицу осадят они.

Уходят Малаякету с Бхагураяной.

Р а к ш а с а. Эй, кто там?!

Входит слуга.

С л у г а. Приказывай, советник.

Р а к ш а с а. Приемвадака, кто сейчас есть поблизости из звездочетов?

П р и я м в а д а к а. Нищенствующий монах...

Р а к ш а с а (*про себя, недовольный*). Как, первый, кто мне попадает — нищенствующий монах? Дурная примета.

П р и я м в а д а к а. ...Дживасиддхи.

Р а к ш а с а. Позаботься о том, чтобы он выглядел не слишком отталкивающе, и введи его сюда.

П р и я м в а д а к а. Хорошо. (*Уходит.*)

Входит монах.

М о н а х.

Внимайте архатам, постигшим глубокие тайны,
Врачующим душу и исцеляющим тело.

Пусть поначалу мучительным будет лечение,
Радостью светлой потом обернется страданье.
(*Приближается.*)

Да обретут добродетель внимающие!

Р а к ш а с а. Святой человек, определи благоприятный день для нашего похода.

М о н а х (*размышляет*). Благочестивый брат, я определил. День полнолуния, когда стоит полный месяц, до полудня не может считаться счастливым во всех отношениях. Для вас, направляющихся с севера к югу, неблагоприятно расположение созвездий. И еще:

Пусть закатится солнце и подымется месяц,
Пусть в урочное время выйдет на небо Будха,

Над горизонтом Кету явится и исчезнет —

Тогда и настанет время тебе выступать в поход.

Р а к ш а с а. Святой человек, день полнолуния сам по себе не внушает доверия.

М о н а х. Благодетельный,

Важность знаков в астрономии различна.

Если, зная тайны неба, сопоставишь

Единичное значенье полнолуны,

Четверичное достоинство накшатры

И достоинство той точки горизонта,

В коей Будха пересек его, — оно

Ровно в шестьдесят четыре раза

Больше, чем достоинство луны, —

Сам увидишь: даже в полный месяц,

Будь он даже неблагоприятен,

Ты под благодатным знаком Будхи

Можешь выступать в победный путь!

Р а к ш а с а. Святой человек, следует посоветоваться и с другими звездочетами.

М о н а х. Пусть посоветуется благодетельный. А я уйду домой.

Р а к ш а с а. Ведь святой человек не гневается на меня?

М о н а х. Не святой человек гневается на тебя.

Р а к ш а с а. Кто же тогда?

М о н а х. Всемогущая судьба. Ибо ты бросаешь своих приверженцев и переходишь на сторону других. (*Уходит.*)

Р а к ш а с а. Приемвадака, узнай, сколько сейчас времени.

П р и я м в а д а к а. Божественное солнце клонится к закату.

Р а к ш а с а (*встает и смотрит*). О, склонилось к закату лучезарное божество. Сейчас,

Когда солнце восходило к зениту,

Тени листьев вперед устремлялись —

Так деревья тенистые в роще

Обращались к светилу с любовью.

Но склоняется солнце к закату,

И короче становятся тени —

Так к измене склоняются слуги,

Если власть господина иссякла.

Все уходят.

Конец четвертого действия

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ПОДДЕЛЬНОЕ ПИСЬМО

Входит Сиддхартхака с письмом и запечатанным ларчиком в руках.

Сиддхартхака. Ах, чудеса!
Из кувшина места и времени

Даст лиана твоей политики влагой мудрости орошенная,
урожай стократный, Чанакья!

Поэтому я взял это письмо, написанное тогда по повелению благородного Чанаккы и запечатанное перстнем советника Ракшасы, а также этот ларчик с драгоценностями, отмеченный той же печатью. Итак, я отправляюсь в Паталипутру. Я пошел. *(Идет вокруг сцены и осматривается.)* Что такое? Это нищенствующий монах идет навстречу. Дурное предзнаменование для меня — встреча с ним. Обойду его стороной.

Входит нищенствующий монах.

Монах.

Пред архатами склоняюсь: их невиданная мудрость
На земле несовершенной им дарует совершенство.

Сиддхартхака. Мое почтение тебе, святой человек.

М о н а х. Благочестивый, да обретишь ты спасение. (Всматривается.) Благочестивый, я вижу, ты собираешься отправиться в путь.

Сиддхартхака. Как мог узнать об этом святой человек?

М о н а х. Что тут узнавать, благочестивый? Эта дорожная шкатулка и письмо в руке выдают тебя.

Сиддхартхака. Святой человек угадал. Я направляюсь в чужие края. Скажи, святой человек, каков сегодня день?

М о н а х (улыбаясь). Благочестивый, побрившись и постригшись, ты спрашиваешь о звездах?

С и д д х а р т х а к а. Святой человек, разве время уже миновало? Скажи мне, и если приметы будут благоприятны, я двинусь в путь.

М о н а х. Благочестивый, тебе нельзя покинуть лагерь Малаякету, хотя бы день и был благоприятным.

С и д д х а р т х а к а. Отчего это? Скажи, святой человек.

М о н а х. Слушай, благочестивый. Раньше доступ в лагерь был свободен, так же как и выход из него. Но теперь здесь, вблизи Кусумапуры, никто не смеет ни выйти из лагеря, ни войти в него без пропуска, отмеченного печатью. Если есть у тебя пропуск, удостоверенный Бхагураяной, ступай беспрепятственно, если нет, оставайся. Иначе местные стражники представят тебя на царский суд связанным по рукам и ногам.

С и д д х а р т х а к а. Разве не знает святой человек, что я приближенный советника Ракшасы? Так кто же посмеет задержать меня, даже если у меня не будет пропуска?

М о н а х. Благочестивый, будь ты приближенный Ракшасы или самого дьявола, ты не сможешь выйти без пропуска, удостоверенного печатью.

С и д д х а р т х а к а. Не гневайся на меня, святой человек, и пожелай мне удачи.

М о н а х. Ступай, благочестивый брат. Да будет тебе удача. А я пойду попрошу пропуск у Бхагураяны.

Оба уходят.

Конец интермедии

Входит Бхагураяна в сопровождении слуги.

Б х а г у р а я н а (*про себя*). О, сколь непроста политика почтенного Чанакьи!

То цель политики видна,
То скрыта и непостижима;
То смысл политики велик,
То с виду кажется ничтожен;
Порой иссохший корешок
Вдруг разродится урожаем —
Крутым путям самой судьбы
Сродни политики дороги.

(*Вслух.*)

Любезный Бхасурака, царевич не хочет, чтобы я уда-

лялся от него. Поэтому принеси мне скамью, я сяду здесь, в этой беседке.

С л у г а. Вот скамья. Садись, господин.

Б х а г у р а я н а. Любезный, тех, кто придет ко мне за пропуском с печатью, ты должен проводить сюда.

С л у г а. Как господин прикажет. (*Уходит.*)

Б х а г у р а я н а (*про себя*). Ах, как тяжело мне обманывать царевича Малаякету, который относится ко мне с такой любовью! Однако,

Бесстыдно отбросив и совесть, и честь,
Достоинство рода и доброе имя,
За деньги презренные проданся ты.
Тебе ли, прислужнику воли чужой,
Не вольному даже над собственным телом,
Пристало о зле и добре рассуждать?

Входит Малаякету в сопровождении привратницы.

М а л а я к е т у (*про себя*). О, смятенный обилием сомнений, мой разум не в силах принять решение относительно Ракшасы. Почему?

Что, если, верный Нанде, он примкнет
К его низкорожденному потомку?
Меж Ракшасой и Маурьей отныне
Преградою Чанакья не стоит.
Нет, честь ему дороже! Честным словом
Он пренебречь не может, он — со мною...
Где ж истина? Мой бедный ум кружится,
Как глины ком на круге гончара!

(*Вслух.*)

Виджая, где Бхагураяна?

П р и в р а т н и ц а. Царевич, вот он выдает пропуска с печатью желающим выйти из лагеря.

М а л а я к е т у. Виджая, стой не двигаясь, я подойду и закрою ему глаза руками, пока он смотрит в другую сторону.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет.

Входит слуга.

С л у г а. Господин, там пришел монах и хочет видеть тебя — ему нужен пропуск.

Б х а г у р а я н а. Впусти его.

С л у г а. Слушаю. (*Уходит.*)

Входит монах.

М о н а х. Да обретут спасение благочестивые!

Б х а г у р а я н а (*вглядывается. Про себя*). А, это Дживасиддхи, друг Ракшасы: (*Вслух.*) Не идешь ли ты по какому-нибудь поручению Ракшасы, святой человек?

М о н а х. Боже избави, боже избави! Благочестивый, я иду туда, где ни ракшасы, ни пишачи нету в помине.

Б х а г у р а я н а. Сильно рассердился ты на своего любимого друга! Чем же обидел Ракшаса святого человека?

М о н а х. Благочестивый, ничем не обидел меня Ракшаса. Я сам, погибший несчастливец, терзаюсь собственными деяниями.

Б х а г у р а я н а. Святой человек, ты разжигаешь мое любопытство.

М а л а я к е т у (*про себя*). Мое тоже.

Б х а г у р а я н а. Я хочу слышать твой рассказ.

М а л а я к е т у (*про себя*). Я тоже хочу.

М о н а х. Зачем тебе слышать то, чего не должно слышать?

Б х а г у р а я н а. Если это тайна, пусть она остается при тебе.

М о н а х. Благочестивый, это не тайна, но это великое преступление.

Б х а г у р а я н а. Если это не тайна, тогда рассказывай.

М о н а х. Благочестивый, это не тайна. Но все-таки рассказывать я не стану.

Б х а г у р а я н а. Ну, а я не дам тебе пропуска с печатью.

М о н а х (*про себя*). Следует рассказать ему, раз он так допытывается. (*Вслух.*) Что поделать! Слушай, благочестивый. Раньше, когда я, несчастный, жил в Паталипутре, я подружился с Ракшасой. Как раз тогда от ядовитой девушки, тайно подосланной Ракшасой, погиб Парватешвара.

М а л а я к е т у (*про себя, со слезами*). Как? Так он погублен Ракшасой, а не Чанакьей?

Б х а г у р а я н а. Продолжай, святой человек.

М о н а х. Потом я как друг Ракшасы был с позором изгнан из города проклятым Чанакьей. Ну, а теперь Ракшаса, столь искусный в различных способах улаживать государственные дела, собирается предпринять нечто такое, от чего мне придется покинуть сей мир живущих.

Б х а г у р а я н а. Святой человек, но мы слышали, что подстроил это убийство не Ракшаса, а Чанакья — для того, чтобы не отдавать обещанной половины царства.

М о н а х (*затыкает уши*). Боже избави! Чанакья и знать не знал ничего про ядовитую девушку.

Б х а г у р а я н а. Вот тебе пропуск. Ступай и поведай все это царевичу.

М а л а я к е т у (*приближается*).

Я слышал все. Отрава для ушей —

Весть про врага, рядившегося другом.

Сколь долго я скорбел о гибели отца!

А ныне вдвое скорбь моя тяжеле.

М о н а х (*про себя*). О, проклятый Малаякету все слышал. Прекрасно, я сделал свое дело. (*Уходит.*)

М а л а я к е т у (*обращаясь в пространство к отсутствующему*). О Ракшаса, Ракшаса, достойно ли это!

Ракшаса, верил тебе мой отец безраздельно,

Ты же ему на доверье ответил достойно:

Смерти предательской верного друга обрек.

Ракшаса, имя твоё — злого демона имя!

Б х а г у р а я н а (*про себя*). Жизнь Ракшасы надо сохранить — таков был приказ почтенного. Да будет так. (*Вслух.*) Царевич, оставь волнение. Пусть сядет царевич, я хочу поведать ему нечто.

М а л а я к е т у (*садится*). Друг мой, что ты хочешь сказать?

Б х а г у р а я н а. Царевич, ведь люди, занимающиеся государственной политикой, становятся врагами или друзьями или остаются равнодушны друг к другу в силу политических соображений, а не по личной склонности, как обыкновенные люди. В ту пору Ракшасе было нужно, чтобы царем был Сарвартхасиддхи. Государь Парватешвара, благословенно будь его имя, стоял великим препятствием на пути его и казался врагом более грозным, чем сам Чандрагупта. И я полагаю, что в действиях Ракшасы нет большого греха. Пусть рассудит царевич.

Лучших друзей во врагов обращая,

Злейших врагов превращая в друзей,

Людям даруя второе рождение,

Память о прошлом стирает интрига.

Поэтому не следует порицать Ракшасу за его дела. И нужно удержать его при себе, пока нами не завоевано царство Нанды. А уж после царевич волен решать: оставить его или прогнать.

М а л а я к е т у. Это так, друг мой, ты правильно рассуждаешь. Казнь советника вызвала бы недовольство подданных, и даже сама наша победа встала бы под сомнение.

Входит слуга.

С л у г а. Победа царевичу! Господин, начальник стражи Диргхаракша докладывает: «Нами задержан человек с письмом, пытавшийся без пропуска выйти из лагеря. Пусть господин его допросит».

Б х а г у р а я н а. Введи его, любезный.

С л у г а. Хорошо. (*Уходит.*)

Входит Сиддхартхака в оковах в сопровождении слуги.

С и д д х а р т х а к а (*про себя*).

Лишь ей одной, рождающей в сердцах

Достоинства, гонящей прочь пороки,

Я поклоняюсь — верности слуги,

Послушного веленьям господина!

С л у г а. Господин, вот этот человек.

Б х а г у р а я н а (*вглядывается*). Любезный, кто это? Новоприбывший или человек из чьей-либо свиты?

С и д д х а р т х а к а. Господин, да ведь я слуга советника Ракшасы!

Б х а г у р а я н а. Тогда почему же ты хотел выйти из лагеря без пропуска, любезный?

С и д д х а р т х а к а. Господин, я спешил ввиду важности порученного мне дела.

Б х а г у р а я н а. Что же это за важное дело, из-за которого нарушают царский указ?

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, возьми у него письмо.

Б х а г у р а я н а (*вырывает из рук Сиддхартхаки письмо и рассматривает его*). Царевич, вот это письмо. Здесь на печати начертано имя Ракшасы.

М а л а я к е т у. Вскрой письмо, не повреждая печати, и покажи мне.

Бхагураяна делает так и показывает письмо царевичу.

М а л а я к е т у (*читает вслух*). «Да будет благо! Некто откуда-то сообщает такому-то высокопоставленному лицу в такое-то место: Отвергнув нашего врага, верный своему слову доказал свою искренность. Теперь же согласно договору следует поощрить наших друзей, ранее вошедших в соглашение, даровав им обещанную прежде награду за союз. После такой милости они окажут настоящую услугу своему благодетелю уничтожением того, кому они служат сейчас. Напоминаю о том, о чем ты, конечно, и сам не забыл: одни из них хотят получить казну и войска врага, другие — его земли. Те же три драгоценности, которые послал почтенный, — получены. Да получит он

в свою очередь некую безделицу, которую я ему посылаю с этим письмом. Да выслушает он то, что передаст ему устно наш доверенный посланец». Бхагураяна, что это за письмо?

Б х а г у р а я н а. Любезный Сиддхартхака, чье это письмо?

С и д д х а р т х а к а. Не знаю, господин.

Б х а г у р а я н а. Ах, мошенник, ты несешь письмо и не знаешь, от кого оно? Ну погоди же. Кому это ты должен передать что-то устно? Кто должен тебя выслушать?

С и д д х а р т х а к а (*выказывает страх*). Вы...

Б х а г у р а я н а. Мы? Что это значит?

С и д д х а р т х а к а. Вы меня схватили, высокочтимый... я сам не знаю, что говорю.

Б х а г у р а я н а (*взбешенный*). Сейчас ты будешь знать. Бхасурака, выведи его отсюда, и пусть его бьют, пока он не сознается.

С л у г а. Как советник прикажет. (*Уходит с Сиддхартхакой.*)

Возвращается слуга.

С л у г а. Господин, вот этот запечатанный ларчик выпал у него из-под мышки.

Б х а г у р а я н а (*смотрит*). Царевич, на этой печати тоже начертано имя Ракшасы.

М а л а я к е т у. Друг мой, это, очевидно, и есть безделица, посылаемая с письмом. Так же оставив печать в целости, открой ларчик и покажи мне.

Бхагураяна делает так и показывает ларчик царевичу.

М а л а я к е т у (*смотрит*). О, это те самые украшения, которые снял я с себя и послал Ракшасе. Ясно, что это письмо Чандрагупте.

Б х а г у р а я н а. Царевич, это рассеивает все сомнения. Любезный, пусть его бьют снова.

С л у г а. Слушаю. (*Уходит и возвращается с Сиддхартхакой.*) Вот он. Избитый, он заявил, что хочет поведать нечто царевичу.

М а л а я к е т у. Пусть говорит.

С и д д х а р т х а к а (*падает в ноги царевичу*). Пусть царевич дарует мне милость и обещает мне безопасность.

М а л а я к е т у. Любезный, подневольный человек может считать себя в безопасности. Расскажи правду.

С и д д х а р т х а к а. Да внимает царевич. Это письмо дал мне советник Ракшаса и послал меня с ним к Чандрагупте.

М а л а я к е т у. Теперь я хочу слышать, что должен ты был передать на словах.

С и д д х а р т х а к а. Царевич, советник повелел мне передать вот что: «Мои товарищи, пятеро царей, стали твоими приверженцами. Это — властитель Кулуты Читраварман, владыка Малаянагара Синханада, Пушкаракша, правитель Кашмира, Сушена, царь Синдха, и властитель персов Мегханада. Из них первые трое царей хотят земель Малаякету, прочие двое — его боевых слонов и казну. Как великий царь уже даровал мне милость изгнанием Чанаки, так же пусть удовлетворит он этих названных».

М а л а я к е т у (*про себя*). Как? Читраварман и прочие — в заговоре против меня? Конечно! Ведь они безмерно преданы Ракшасе. (*Вслух.*) Виджая, я хочу видеть Ракшасу.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет. (*Уходит.*)

Появляется Р а к ш а с а — он у себя дома со слугою, садится, пребывая в задумчивости.

Р а к ш а с а (*про себя*). Войско наше пополнилось перебежчиками из войска Чандрагупты, но поистине душа моя не очистилась от сомнений. Ибо

Посылка такова: дым виден над холмом.

Нет дыма без огня, отсюда несомненно,

Что в глубине холма скрывается огонь.

Тут логикой одержана победа.

Но, если я нигде не вижу дыма,

Иль разом вижу дым и над костром,

И над рекой, где быть огня не может,

То где ж таится пламя: там и там

Или нигде? Решение невозможно,

И поражение спорщику грозит.

Однако ведь причины их недовольства Чандрагуптой известны, и они, эти перебежчики, уже давно последовали нашим внушениям. Так что нет мне причины в них сомневаться. (*Вслух.*) Любезный Приямвадака, передай от нашего имени князьям из свиты царевича, что, поскольку с каждым днем мы все ближе подходим к Кусумапуре, в походе они должны двигаться в строго определенном для них порядке. А именно:

Я так решил: пойдут за мною следом

Магадские и кхасские войска.

Гандхарское и греческое войско

Держаться будет в середине строя,

А следом скифы, гунны и китайцы

Замкнут движенье боевых колонн.

Кулутцы же и прочие послужат
Царевичу надежною охраной.
Пр и я м в а д а к а. Слушаю. (*Уходит.*)

Входит привратница.

Пр и в р а т н и ц а. Победа советнику! Советник, царевич хочет тебя видеть.

Р а к ш а с а. Любезная, погоди немного. Кто там есть, кто там, эй!

Входит слуга.

С л у г а. Приказывай, советник.

Р а к ш а с а. Передай Шакатадасе: «Царевич даровал нам украшения, и потому не подобает нам явиться пред его очи, не принарядившись. Поэтому пусть он даст мне одно из тех трех новоприобретенных украшений».

С л у г а. Хорошо. (*Уходит и возвращается.*) Советник, вот украшение.

Р а к ш а с а (*надевает на себя украшение*). Любезная, проводи меня в ставку царевича.

Пр и в р а т н и ц а. Следуй за мной, советник.

Р а к ш а с а (*про себя*). Быть облеченным властью — значит постоянно испытывать тревогу, даже когда ни в чем не повинен. Ибо

Страх перед вышестоящим тебя угнетает, во-первых,

И перед подданным страх угнетает тебя, во-вторых.

Кто возвысился — зависть внушает несправедным людям.

Чем ты выше поднялся, тем больше падения бойся.

Идут вокруг сцены.

Пр и в р а т н и ц а. Советник, вот царевич. Пусть советник приблизится.

Р а к ш а с а (*смотрит*). Вот он, царевич.

Взор долу опустив в раздумье,

Царевич смотрит — и не видит.

Свой лик склонил он на ладони,

Согбен под бременем забот.

(*Приближается.*)

Да победит царевич!

М а л а я к е т у. Привет тебе, почтенный. Садись на это место.

Ракшаса садится.

Мы сожалеем, почтенный, что не видели тебя так долго.

Р а к ш а с а. Царевич, я был занят тем, что приводил войска в походный порядок; тем навлек я на себя этот упрек.

М а л а я к е т у. Какой же походный порядок ты установил, почтенный, хочу я слышать.

Р а к ш а с а. Царевич, сопровождающим тебя царям были даны такие указания. (*Повторяет*: «Я так решил: пойдут за мною следом...» и так далее.)

М а л а я к е т у (*про себя*). Как? Те самые цари, что собираются, убив меня, перейти на службу к Чандрагупте, они-то и будут окружать меня в походе? (*Вслух*.) Почтенный, есть у тебя кто-нибудь, кто отправляется в Кусумапуру или пришел оттуда?

Р а к ш а с а. Теперь нет смысла сноситься с Кусумапурой. В ближайшие дни мы сами будем там.

М а л а я к е т у (*про себя*). Понятно. (*Вслух*.) Если так, зачем почтенный послал туда этого человека с письмом?

Р а к ш а с а (*смотрит*). О, ты здесь, Сиддхартхака! В чем дело, любезный?

С и д д х а р т х а к а (*выказывает смущение, со слезами*). Да простит меня советник. Меня избили, и я не мог сохранить тайну.

Р а к ш а с а. Какую тайну, любезный? Я ничего не понимаю.

С и д д х а р т х а к а. Я же говорю, меня избили, и... (*Внезапно умолкает и стоит, в страхе понутив голову*.)

М а л а я к е т у. Бхагураяна, от страха или от стыда он не будет говорить перед лицом своего господина. Объясни ты сам почтенному.

Б х а г у р а я н а. Как прикажет царевич. Советник, вот он рассказывает, что ты послал его к Чандрагупте с письмом и устным поручением.

Р а к ш а с а. Любезный Сиддхартхака, правда ли это?

С и д д х а р т х а к а (*выказывает смущение*). Я сказал это, когда меня жестоко избили.

Р а к ш а с а. Это неправда. Чего не скажет человек, если его будут бить.

М а л а я к е т у. Друг Бхагураяна, покажи письмо. И пусть его слуга изложит то, что должен был передать устно.

Б х а г у р а я н а. Советник, вот письмо.

Р а к ш а с а (*прочитав письмо*). Царевич, это дело рук врага.

М а л а я к е т у. Вот украшение, которое советник послал вместе с письмом. Как это может быть делом рук врага?

Р а к ш а с а (*рассматривает украшение*). Это подарок, что был послан мне царевичем. А я его отдал Сид-

дхартхаке в награду за некую радость, которую он мне доставил.

Б х а г у р а я н а. Отдать кому попало такую драгоценность, да еще ту драгоценность, которую сам царевич снял с себя?!

М а л а я к е т у. Почтенный пишет, что нечто должно быть передано еще и на словах.

Р а к ш а с а. Кому должно быть передано, от кого? Ведь это не мое письмо!

М а л а я к е т у. Тогда чья же это печать?

Р а к ш а с а. Мошенники могли изготовить поддельную печать.

Б х а г у р а я н а. Советник прав, царевич. Любезный Сиддхартхака, кто написал это письмо?

Сиддхартхака смотрит на Ракшасу и молча опускает голову.

Любезный, не навлекай на себя новых побоев. Отвечай. С и д д х а р т х а к а. Шакатадаса, почтенный.

Р а к ш а с а. Царевич, если оно написано Шакатадасой, значит, это мое письмо.

М а л а я к е т у. Виджая, я хочу видеть Шакатадасу.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет.

Б х а г у р а я н а (*про себя*). Люди почтенного Чанакьи не станут, конечно, говорить того, что не продумано заранее. (*Вслух.*) Царевич, но Шакатадаса перед лицом советника никогда не признается, что это написано им. Поэтому пусть принесут еще что-нибудь, написанное им же; тожество почерка послужит доказательством.

М а л а я к е т у. Виджая, так и сделай.

Б х а г у р а я н а. Царевич! Пусть принесут также перстень с печатью.

М а л а я к е т у. Принеси и то, и другое.

П р и в р а т н и ц а. Как царевич прикажет. (*Уходит и возвращается.*) Царевич, вот собственноручное письмо Шакатадасы и перстень с печатью.

М а л а я к е т у (*разглядывает письмо и перстень*). Почтенный, почерк совпадает.

Р а к ш а с а (*про себя*). Почерк совпадает! Но ведь Шакатадаса — друг мне; не может быть, чтобы почерк совпадал! Или Шакатадаса, Помня лишь семью, неужто он

впрямь забыл про верность господину? Неужели славе неизбывной ценности земные предпочел? Однако, какое может быть сомнение?

Я этот перстень Шакатадасе вручил.
Шакатадаса с Сиддхартхакой это письмо написали.
Не сомневаюсь, что враг хитроумный привлек
Шакатадасу к себе. О, неверный писец,
Друг лицемерный! О собственном благе печась,
Ты меня отдал врагу на расправу!

М а л а я к е т у (*смотрит на Ракшасу*). Почтенный,
не одна ли это из тех трех драгоценностей, посланных тебе
государем, о получении которых говорится в твоём письме?
(*Рассматривая его, про себя.*) Как? Это украшение, кото-
рое носил некогда мой отец! (*Вслух.*) Почтенный, откуда
у тебя это украшение?

Р а к ш а с а. Оно куплено у торговцев.

М а л а я к е т у. Виджая, узнаешь ли ты эту драгоцен-
ность?

П р и в р а т н и ц а (*рассматривает украшение. Со
слезами*). Царевич, как же мне не узнать? Государь
Парватешвара, благословенно его имя, носил его когда-
то.

М а л а я к е т у (*со слезами*). Увы, отец!

Отец мой гордый, украшение рода,

Носил достойно эти украшения.

В сиянье их сверкал, как звездный вечер,

Как полный месяц, лик его блистал.

Р а к ш а с а (*про себя*). Как? Он говорит, что эти укра-
шения носил раньше Парватешвара? Ясно, это его драго-
ценности. (*Вслух.*) Значит, их продал нам торговец, по-
досланный Чанакьей.

М а л а я к е т у. Почтенный, эти украшения носил
раньше мой отец, а потом они попали в руки Чандрагупты;
не может быть, чтобы их продал торговец. Но вот что мо-
жет быть:

Тебе хитрый Чандрагупта отдал эти украшения,

Нас предав, ты расплатился; высока была цена!

Р а к ш а с а (*про себя*). Увы, как хорошо сходится все
одно к одному в замысле врага! Ибо

Я не могу отречься от письма —

Оно моею скреплено печатью.

Могу ль поверить, что Шакатадаса

Писал по наущению врага?

И как я докажу, что Чандрагупта

За деньги продал украшения эти?

Бессмысленно пускаться в оправданья,

Которые мне нечем подтвердить.

М а л а я к е т у. Я спрашиваю почтенного...

Р а к ш а с а *(со слезами)*. Спрашивай того, кто достоин почтения, царевич! Я уже теперь не почтенный.

М а л а я к е т у.

Маурья Низкороджденный — сын твоего господина,

Мой же отец несчастный был тебе верным другом.

Волен тебе Чандрагупта платить за службу деньгами,

Я же плачу за дружбу доверьем и послушаньем.

При Маурье стать министром — попасть в почетное рабство,

У нас на должности этой ты был себе господином.

Каких еще бóльших выгод желаешь ты ненасытно,

Вставая неблагодарно на путь коварной измены?

Р а к ш а с а. Вот именно, царевич; ты сам отвечаешь на свой вопрос, показывая всю нелепость этого. И что за беда тебе от этого? *(Повторяет предыдущую строфу, заменяя везде второе лицо первым и наоборот.)*

М а л а я к е т у *(указывает на письмо и на ларчик с драгоценностями)*. В таком случае, что же это означает?

Р а к ш а с а *(со слезами)*. Игру судьбы. Ибо

Был я слугою ничтожным, но господин мой прежний

Меня окружил любовью, словно родного сына.

Он, мудрейший из мудрых, умер по воле рока,

Ибо бессильны люди перед лицом судьбы.

М а л а я к е т у *(с гневом)*. Ты и теперь продолжаешь увливать? Так это, значит, судьба виновата, а не твое корыстолюбие! Бесчестный,

Ядовитую девушку ты подослал, а не рок,

Ты отцу моему беспощадную гибель назначил,

А теперь и меня, доверявшего дружбе твоей,

Продаешь за бесценок, как мясо на рынке!

Р а к ш а с а *(про себя)*. Это еще новая шишка на лбу! *(Вслух, затыкая уши.)* Боже избави, боже избави! Не я подослал ядовитую девушку к Парватешваре.

М а л а я к е т у. Кто же тогда погубил моего отца?

Р а к ш а с а. Спроси о том у судьбы.

М а л а я к е т у *(с гневом)*. Спросить о том у судьбы! А не у монаха ли Дживасиддхи?

Р а к ш а с а *(про себя)*. Как, Дживасиддхи тоже подослан Чанакьей? Горе мне, враги овладели самим сердцем моим!

М а л а я к е т у *(с гневом)*. Бхасурака, передай мое повеление Шекхарасене: «Те пять князей, которые состоят в дружбе с Ракшасой, устроили заговор против нашей жизни, желая оказать услугу Чандрагупте, а именно: Читраварман Кулутский, малайский царь Синханада, Пушкараракша Кашмирский, Сушена, синдхский царь, и власти-

тель персов Мегханада. Из них первые трое, желающие моих земель, пусть будут сброшены в глубокую яму и засыпаны землей. Те же двое, которые хотят моих слонов и мои войска, пусть будут растоптаны слонами».

С л у г а. Слушаю. (*Уходит.*)

М а л а я к е т у (*с гневом*). Ракшаса, Ракшаса, знай, я — не Ракшаса вероломный. Нет, я — Малаякету. Ступай же. Служи Чандрагупте душой и телом, но помни:

Пусть же вкупе с Чандрагуптой и Чанакьей
Вы собой втроем являете три цели
Нашей жизни — веру, пользу и любовь, —
Сокрушу вас так же, как беспутство
Благородные три цели сокрушает.

Б х а г у р а я н а. Царевич, не будем терять время. Прикажи нашим войскам сейчас же выступить для осады Кусумапуры.

Пусть встанет пыль столбом из-под копыт
Твоих коней, и щеки гаудянок,
Покрытые белилами из лодхры,
Покроет тенью мрачною она.
Пусть черные их кудри потускнеют
От праха из-под ног твоих слонов,
Беснующихся в пору брачеванья,
Пусть мускусом омоченная пыль
На головы врагов твоих падет!

Уходит Малаякету со свитой.

Р а к ш а с а (*с волнением*). Увы, горе мне! Читраварман и его товарищи, несчастные, преданы казни! Как же это? Значит, Ракшаса добился гибели своих друзей, не гибели врагов? Что же делать мне теперь, злосчастному?

Мог бы стать я отшельником, бросивши мир, —

Только мстительный дух не смиришь покаяньем.

Мог бы я вслед за Нандой из жизни уйти —

Но уходят мужи только вместе с врагами.

Мог бы с другом своим — беспощадным мечом —

Я напасть на врага, но и это не выход.

Лишь добившись свободы для Чанданадасы,

Долг свой другу отдав, успокою себя.

Уходит Малаякету со свитой.

Конец пятого действия

ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ

МНИМАЯ ПЕТЛЯ

Входит Сиддхартхака, веселый и нарядный.

Сиддхартхака.

Победа тучеподобному Кешаве-Кришне,
Смело сразившему демона Кешина в чаше!
Победа месяцеликому Маурье-Чандре,
Светом своим приносящему радость очам!
Победа истинно мудрому мужу Чанакье,
Мыслью и делом врага поразившему насмерть!

Наконец после долгой разлуки я увижу моего дорогого друга Самиддхартхаку. *(Идет вокруг сцены и осматривается.)* Вот он, мой дорогой друг Самиддхартхака как раз идет сюда. Пойду скорей к нему навстречу.

Входит Самиддхартхака.

Самиддхартхака.

Будет даже радость нам не в радость,
Если ею не с кем поделиться.

Ни к чему богатство, если с другом
Ты его не можешь поделить!

Я слышал, что мой дорогой друг Сиддхартхака прибыл из лагеря Малаякету. Я ищу его. *(Идет вокруг сцены. Замечает Сиддхартхаку.)* Вот он, Сиддхартхака!

Сиддхартхака *(приближается)*. Ты ли это, Самиддхартхака? Как ты поживаешь, дорогой друг?

Оба обнимаются.

Самиддхартхака. Могу ли я хорошо поживать, когда ты, давно вернувшись с чужбины, до сих пор не зашел ко мне?

Сиддхартхака. Прости, дружище! Едва явился я к благородному Чанакье, как он приказал мне: «Ступай, Сиддхартхака! Поведай радостные вести славному государю

Чандре». Когда же я рассказал ему обо всем, то получил от него этот поистине царский подарок, после чего сразу отправился к тебе домой, повидать тебя, мой дорогой друг.

С а м и д д х а р т х а к а. Дружище, если мне дозволено слышать о том, расскажи, какие радостные вести поведал ты властелину Чандре Прекрасному.

С и д д х а р т х а к а. Дружище, может ли быть что-нибудь такое, чего я не рассказал бы тебе? Слушай же. Проклятый Малаякету, обманутый происками Чанакьи, прогнал Ракшасу и казнил пятерых царей во главе с Читраварманом, своих главных союзников. Видя его взбалмошность и жестокость, прочие дружественные ему цари в страхе и печали вместе со своими охваченными смятением войсками и со всеми своими самантами благоразумно покинули лагерь проклятого Малаякету и разошлись по своим владениям. Тогда Бхадрабхата, Пурушадатта, Дингарата, Балагупта, Раджасена, Бхагураяна, Лохитакша и Виджаяварман захватили Малаякету в плен.

С а м и д д х а р т х а к а. Дружище, в народе была молва, что Бхадрабхата и другие, недовольные государем Чандрагуптой, перешли на службу к Малаякету. Почему же так вышло: начало одно, а развязка совсем иная, как в пьесе плохого драматурга?

С и д д х а р т х а к а. Дружище, слава политике Чанакьи, пути которой неисповедимы, как пути судьбы.

С а м и д д х а р т х а к а. Ну, дальше, дальше!

С и д д х а р т х а к а. Затем благородный Чанакья выступил с сильным и сплоченным войском и разгромил рати иноземцев, лишившиеся всех своих военачальников.

С а м и д д х а р т х а к а. Где это произошло, дружище?

С и д д х а р т х а к а. Там, где

Мускус обильно в ярости источая,

С ревом метались слоны, черным тучам подобны,

Плети свистели, и дыбились мощные кони,

Жались друг к другу, слыша победные клики!

С а м и д д х а р т х а к а. Пусть это так, дружище. Но как благородный Чанакья, открыто перед всеми отказавшийся от своих обязанностей советника, вступит теперь опять в эту должность?

С и д д х а р т х а к а. Ну и глуп же ты, когда хочешь постичь смысл действий благородного Чанакьи, чего даже советник Ракшаса не мог постичь в свое время.

С а м и д д х а р т х а к а. А где сейчас советник Ракшаса, дружище?

Сиддхартхака. В разгар этих ужасных событий и всеобщего смятения он покинул лагерь Малайкету, сопровождаемый соглядатаем по имени Удумбара. В настоящее время он направляется в Паталипутру — так сказал мне благородный Чанакья.

Самиддхартхака. Дружище, покинув Паталипутру с твердым намерением восстановить царство Нанды, советник Ракшаса теперь опять возвращается сюда, хоть и не сумел достигнуть своей цели?

Сиддхартхака. Я думаю, он делает это ради своей дружбы с Чанданадасой.

Самиддхартхака. Похоже на то, что Чанданадаса будет освобожден.

Сиддхартхака. Как может быть освобожден этот несчастный? Ведь сейчас мы с тобой по приказу благородного Чанакьи должны отвести его на лобное место и предать казни.

Самиддхартхака *(с гневом)*. Или у благородного Чанакьи не стало других палачей? Почему подобными бесчеловечными делами должны заниматься мы?

Сиддхартхака. Дружище, кто среди живущих, если ему дорога жизнь, посмеет противиться приказу благородного Чанакьи? Так иди же. Примем обличье чандалов и отведем Чанданадасу на место казни.

Оба уходят.

Конец интермедии

Входит человек с веревкой в руках.

Человек с веревкой.

Мир, поход, война и укрепления,
Разделение сил и дружба с сильным —
Вот шесть способов политики владык.
Многомудрая политика Чанакьи,
Свитая из всех шести, готова
Крепкою петлей связать врага!

(Идет вокруг сцены и осматривается.)

Вот это место, о котором говорил Удумбара благородному Чанакье. Здесь по приказанию благородного Чанакьи я должен встретить советника Ракшасу. *(Вглядывается.)* Как? Да вот и он, советник Ракшаса, идет сюда, закутав голову. Спрячусь за этими деревьями в саду и посмотрю, где он сядет. *(Идет вокруг сцены и останавливается.)*

Входит Ракшаса, как описано выше, с мечом.

Р а к ш а с а (*со слезами*). Горе, о, горе!
Напуганная разрушением крова,
Богиня Шри другого дома ищет,
Неверная! Вослед за ней бегут,
Забыв о чувстве долга, наши слуги
И лучшие друзья мои, не чая
Заслуженных служением наград.
Винить ли их? Лишь безголовый торс
Теперь от войска нашего остался!

И еще:

Бросив внезапно царственного супруга,
К низкорощенному Маурье Шри обернулась.
Эта измена достойна бесстыжей шудрянки.
Что же мне делать? Сколь я упорен в усильях,
Столь же упорно судьба разбивает плоды
Всех моих действий. Как можно мечтать о победе
В смертном сраженьи, имея противником — рок?

Когда же

Незаслуженной смертью погиб государь,
Я служить продолжал,
став советником Парваты.

Был и этот убит —

я усердно служил его сыну,

Но опять без успеха.

О, вовсе не брахман Чанакья

Славных Нандов пресек,

но всеисильная злая судьба!

О, неспособность варвара различать доброе и злое. Ибо

И после истребления Нандов

Я верность роду сохранил.

Неужто мог перебежать бы

Я в стан заклятого врага?

Но варвару Малаякету

Зла от добра не отличить.

Сперва лишается рассудка

Тот, кто на гибель обречен!

Так и теперь Ракшаса скорее погибнет, попав в руки врага, но не войдет в союз с Чандрагуптой. Ибо величайшим бесчестьем покроет меня вероломство ради корысти, а не то, что я был обманут врагом. (*Оглядывая окрестность. Со слезами.*) Это те самые окрестности Кусумапуры, где земля священна — по ней ступала нога государя, постоянно совершавшего здесь свои прогулки. Это ведь здесь,

Натянув тетиву и ослабив поводья,
Мчался Нанда на быстром коне,

И стрелу за стрелой выпускал он из лука,
Развлекая охотой себя.

Здесь, в саду, отдыхал он, и здесь же беседы
Он с другими владыками вел.

О, как тяжко мне сызнова здесь оказаться,
Но уже одному, без него!

Куда же теперь пойду я, несчастный? (*Осматривается.*)
Ладно. Я вижу там заброшенный сад. Пойду туда и узнаю
от кого-нибудь о положении Чанданадасы. (*Идет вокруг
сцены.*) Ах, и доброе, и злое в жизни обрушивается на лю-
дей неожиданно. Ведь когда-то

В окружении тысяч царей, словно царь,
Выступал я отсюда, бывало.

Как на месяц взошедший, взидала толпа
На меня, не скрывая восторга.

А теперь возвратился я в город родной,
От врага потерпев поражение,

И в заброшенный сад пробираюсь, как тать,
Озираясь в смущенье и страхе.

Но нет уже того, по чьей милости я пользовался этими
почестями. (*Входит и осматривается.*) О, как уныло вы-
глядит этот заброшенный сад! Вот

Разрушен дворец, словно род благородного Нанды.

Пруд высох, как сердце того, кто в невзгодах

Друзей потерял: он высох, как сердце мое.

Деревья бесплодны, как планы того, кто гоним:

Как планы мои, и земля заросла сорняками,

Подобными мыслям, затмившим сознание невежды.

И еще:

Здесь у деревьев ветви обрубili —

Деревья стонут плачем голубиным,

И, сострадая их отверстым ранам,

Вздыхают змеи, сбрасывают кожу

И оставляют у стволов, как будто

Желают раны их перевязать.

И эти несчастные деревья,

Безнадежно иссохшие, жалкие, мрачно стоят,

Из ходов, проточённых червем, изливаются слезы.

Безобразны стволы, потерявшие ветви,

Вспыхнуть в горе готовы они погребальным костром.

Отдохну пока на этом обломке скалы — поистине, такое
сиденье подобает моему бедственному положению. (*Садит-
ся и прислушивается.*) О, что это за шум? Бой барабанов

смешивается со звучанием труб и возгласами ликования.
Эти

Гром барабанов и труб, радостных возгласов рев —
С каждой минутой слышен шум, оглушающий уши.
Звуков не в силах вместить, их извергают дворцы,
И широко разлетается грохот по свету.
(*Размышляет.*)

А, понимаю. Это по случаю пленения Малаякету царский род... (*Запинается. Угрюмо.*) род Маурьи справляет свое великое торжество. (*Со слезами.*) Горе, о, горе!

Вот я пришел — и победа врага

Стала для глаз и ушей несомненна.

Грозный мой рок, без сомненья, стремится

Сделать ее несомненной для сердца.

Человек с веревкой. Он сел. Буду действовать, как приказал мне благородный Чанакья. (*Как будто не замечая Ракишасы, становится перед ним и накидывает себе петлю на шею.*)

Ракшаса (*замечает его*). Ах, неужели он хочет повеситься, этот бедняга, подобно мне удрученный горем? Ладно. Спрошу его. Любезный, что это ты делаешь?

Человек (*со слезами*). Господин, я делаю то, что подобает несчастному, опечаленному гибелью любимого друга.

Ракшаса (*про себя*). Я так и знал, что этот бедняга страдает, как я. (*Вслух.*) О товарищ по несчастью, если это не тайна и если ты в силах говорить о своем горе, расскажи мне о нем.

Человек. Господин, это не тайна, и я мог бы все рассказать. Но и на такое короткое время я не могу отложить расчеты с жизнью, когда сердце мое удручено гибелью моего дорогого друга.

Ракшаса (*вздыхая, про себя*). Горе мне, я оказался столь безучастен к бедствиям друга — этот человек превзошел меня в преданности. (*Вслух.*) Любезный, если это не тайна и если ты в силах — расскажи мне.

Человек. Ах, господин, как ты настойчив. Что делать? Придется рассказать. Есть в этом городе почтенный торговец драгоценностями, зовут его Вишнудаса.

Ракшаса (*про себя*). Да, Вишнудаса — близкий друг Чанданадасы. (*Вслух.*) Что же с ним произошло?

Человек. Он и есть мой любимый друг.

Ракшаса (*с радостью, про себя*). Ах, он говорит, что это его любимый друг. Значит, он с ним тесно связан. Прекрасно, он может знать новости о Чанданадасе. (*Вслух.*) Любезный, что же с ним?

Человек. Ныне он роздал свои драгоценности и все свое богатство и покинул город с намерением сжечь себя на костре. И я пришел в этот заброшенный сад, чтобы повеситься прежде, чем мне доведется услышать весть, невыносимую для моего слуха.

Ракшаса. Любезный, почему же хочет сжечь себя твой друг?

Поражен ли он тяжелой болезнью,
Пред которой бессильно лекарство?

Человек. О нет, о нет!

Ракшаса.

Опален ли он гневом владыки,
Столь же страшным, как пламя костра?

Человек. Боже избави, господин, боже избави! Чандрагупта не обращается с народом столь бесчеловечно.

Ракшаса.

Побежден ли он пылкой любовью,
Безысходной, как гибель сама?

Человек (*затыкает уши*). Боже избави! Не такой он человек, чтобы поступить столь недостойно.

Ракшаса.

Принужден ли глядеть он бессильно,
Как казнят его лучшего друга?

Человек. Господин, именно так.

Ракшаса (*с волнением, про себя*). Чанданадаса — его близкий друг, и гибель друга побуждает его взойти на костер! Поистине, это вселяет беспокойство в мое сердце, исполненное привязанности к моему другу. (*Вслух.*) Я хочу слышать подробно, о чьей гибели речь и что это за доблестный человек, готовый умертвить себя из одной любви к другу.

Человек. Не могу я, несчастный, откладывать долее расставание с жизнью!

Ракшаса. Любезный, расскажи мне эту повесть, она достойна того, чтобы ее выслушать.

Человек. Что поделать! У меня нет иного выхода. Придется рассказать. Слушай же, господин.

Ракшаса. Любезный, я обратился в слух.

Человек. Есть в этом городе старейшина золотых дел мастеров по имени Чанданадаса.

Ракшаса (*в тревоге, про себя*). Вот судьба отворяет мне двери в царство горя. Сердце, будь стойким! Нечто мучительное предстоит тебе воспринять. (*Вслух.*) Любезный, о нем говорят как о добром человеке и преданном друге. Что с ним произошло?

Человек. Он и есть любимый друг Вишнудасы.

Ракшаса (*про себя*). Вот горе, как громовая стрела, нависло над моим сердцем!

Человек. Сегодня Вишнудаса обратился к Чандрагупте, как подобает любящему другу.

Ракшаса. Скажи, как же именно?

Человек. «Государь, — сказал он, — в моем доме достаточно богатства и всякого добра. В обмен за все, что я имею, освободи моего дорогого друга Чанданадасу!»

Ракшаса (*про себя*). Хвала тебе, о Вишнудаса, хвала! Ах, вот доказательство преданной дружбы! Ибо

Богатство... Сколько раз из-за него

Сходились насмерть сыновья с отцами,

И сколько раз из-за него друзья,

Врагами становясь, топтали дружбу!

А ты, мой брат, богатство отдаешь

В тяжелый час во избавленье друга.

Ты не торгаш, но честный ты торговец,

Достойный обладать своим богатством!

(*Вслух.*)

Любезный, что же ответил Маурья на это предложение?

Человек. Господин, в ответ на эти слова Чандрагупта сказал почтенному Вишнудасе: «Не ради денег заключили мы в тюрьму Чанданадасу, но за то, что он скрывал в своем доме семью советника Ракшасы, насколько мне известно. И сколько ни просили его, он ее не выдал. Если он ее выдаст, то получит свободу. Иначе карой ему будет смерть». Сказав так, он повелел отвести Чанданадасу на место казни. Тогда, чтобы не услышать невыносимой для его слуха вести о казни Чанданадасы, почтенный Вишнудаса решил сгореть в огне и с тем покинул город. Я же, чтобы не слышать о гибели Вишнудасы, покончу с собой, повесившись здесь, — вот для чего пришел я теперь в этот заброшенный сад.

Ракшаса. Любезный, но не казнен же Чанданадаса?

Человек. Сегодня он будет казнен. И теперь от него вновь и вновь требуют, чтобы он выдал семью советника Ракшасы. Но не выдаст он ее из преданности другу. Вот почему я не хочу оттягивать и свою смерть.

Ракшаса (*с радостью про себя*). Хвала тебе, дорогой Чанданадаса, хвала.

Ты был защитой для тех,

Кто у тебя просил защиты.

Подобно Шиби, стал ты славен.

Ужель ты друга не обрел?

(Вслух.)

Любезный, ступай, ступай сейчас же! Скорее воспрепятствуй Вишнудасе броситься в костер, а я избавлю Чанданадасу от смерти.

Человек. Но каким же образом ты избавишь Чанданадасу от смерти?

Ракшаса (обнажает меч). С помощью этого друга отважного подвига. Смотри:

Словно небо грозное, блещет острый меч.

Дружен он с моей рукою, в битву рвется он.

Часто враг на поле боя видел мощь его.

К схватке с вражескою силою дружбой призван я!

Человек. Господин, твоё стремление спасти жизнь старейшине Чанданадасе выдает тебя; я догадываюсь, кто ты, вставший в столь бедственное положение. И все же я не могу сказать себе с уверенностью: неужто дано мне судьбою видеть советника Ракшасу, будь благословенно его имя? (Падает ему в ноги.)

Ракшаса. Встань, встань! Довольно медлить! Передай Вишнудасе, что Ракшаса избавит Чанданадасу от смерти. (Повторяет: «Словно небо грозное...» и так далее. Декламируя, идет вокруг сцены с обнаженным мечом.)

Человек. Но окажи мне милость, рассея мои сомнения!

Ракшаса. Да, это я, видевший гибель моего господина, я — причина бедствий моих друзей, я действительно тот презренный Ракшаса, чье проклято имя!

Человек (опять падает ему в ноги, с радостью). О, чудеса, чудеса! Судьба свела меня с тобой! Да окажет мне милость превосходительный советник. Есть здесь одно обстоятельство. Недавно проклятый Чандрагупта послал на казнь почтенного Шакатадасу. Но кто-то освободил его, похитив с места казни, и помог ему бежать из страны. Тогда, чтобы утолить пламя своего гнева, зажженное почтенным Шакатадасой, проклятый Чандрагупта призвал к ответу палачей за недосмотр и предал их самих смерти. С тех пор стоит палачам увидеть перед собою или с тыла человека с оружием в руках, они немедленно предадут казни приговоренного, спасая этим свою жизнь. А потому, если превосходительный советник появится на месте казни с обнаженным мечом, он только ускорит тем гибель старейшины Чанданадасы.

Ракшаса (про себя). Ах, сколь трудно угадать пути политики презренного Чанакьи!

От казни сам спася Шакатадасу,
Зачем он палачей его казнил?
А если нет — то как достал письмо,
Коварное письмо с моей печатью?
Мой ум бессилен отыскать решение.
(Размышляет.)

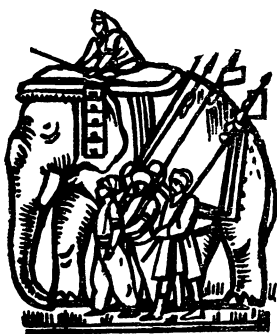
Меч не подмога мне сегодня в деле —
Лишь в бой вступлю, казнят Чанданадасу.
Как мне содействовать его побегу?
Побег интриги даст плоды не тотчас!
Быть безучастным не дано мне права —
Ведь гибнет лучший друг из-за меня!
Исход один: отдам себя как выкуп
Противнику за жизнь Чанданадасы!

Все уходят.

Конец шестого действия

СЕДЬМОЕ ДЕЙСТВИЕ

РАЗВЯЗКА

Входит чандала

Ч а н д а л а. Прочь с дороги, прочь с дороги! Берегитесь, берегитесь!

Если ты дорожишь
Жизнью, добром, семьей —
Превыше смерти страшишь
Нарушить приказ царя!

И еще:

Заразившись тяжелой болезнью,
Сам заплатишь недугом или смертью.
Против власти совершив преступленье,
Все семейство обречешь на погибель.

А если не верите, смотрите — вот ведут на казнь государственного преступника старейшину Чанданадасу с женой и сыном. (*В пространство, прислушиваясь.*) Вы спрашиваете, господа, есть ли у него какая-нибудь возможность вернуть себе свободу? Есть, господа, — для этого он должен выдать семью советника Ракшасы. (*Опять в пространство.*) Что вы говорите? «Из любви к тем, кто искал у него убежища, он не совершит подобную низость даже ради спасения собственной жизни». Господа, тогда вы можете быть уверены в его блаженном уходе из мира. К чему вам печься теперь о его спасении?

Входит в сопровождении второго чандалы
Ч а н д а н а д а с а в одежде приговоренного, с колом на
плечах; за ним следуют его жена и сын.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы (*со слезами*). Увы!

Нам, достойно соблюдавшим

Все приличья и законы,

Смерть преступников даруешь?

О, хвала тебе, судьба!

Или нет различия между злодеями и невиновными?
Тогда

Что же мы об охотниках скажем,
загоняющих кровожадно

Антилоп, не знавших убийства

и питавшихся лишь травой?

О Вишнудаса, дорогой друг, почему я не слышу ни слова от тебя в ответ? Но в такое время едва ли увидишь вблизи кого-нибудь из друзей.

Ч а н д а н а д а с а (*со слезами*). Вот он, наш дорогой друг. Отвернув омраченное горем лицо, с глазами, потускневшими от плача, он следует за мной, проливая потоки слез, хотя ноги его порываются бежать отсюда прочь.

В т о р о й ч а н д а л а. Почтенный Чанданадаса, ты пришел на место казни. Отошли своих домашних.

Ч а н д а н а д а с а. Жена, возвращайся теперь с сыном домой. Не приличествует вам провожать меня далее.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы (*со слезами*). Но ведь в другой мир, господин, не в другую страну ты уходишь.

Ч а н д а н а д а с а. Госпожа, я гибну ради друга, а не за прегрешения свои. Поэтому перестань обо мне горевать.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы. Господин, если даже и так, не время теперь верной жене уходить.

Ч а н д а н а д а с а. Так что же ты решила делать, жена моя?

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы. Благословить себя на то, чтобы последовать за своим супругом.

Ч а н д а н а д а с а. Плохо же ты решила, жена! Вот сынок наш, он еще несведущ в жизни. Ты должна посвятить себя теперь заботам о мальчике.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы. Пусть позаботятся о нем милостивые боги! Подойди сюда, сынок, поклонись последний раз в ноги отцу.

С ы н Ч а н д а н а д а с ы (*падает ему в ноги*). Батюшка, что буду я делать теперь без отца?

Ч а н д а н а д а с а. Поселись в стране, где не будет Чанакаби, сын мой.

В т о р о й ч а н д а л а. Почтенный Чанданадаса, кол установлен. Приготовься.

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы. Господа, спасите, спасите!

Ч а н д а н а д а с а. Госпожа, зачем ты кричишь и плачешь? Ушел на небо государь, имевший сострадание к поданным своим, впадшим в беду. Я гибну за друга, не за какое-нибудь преступление. Тебе надо радоваться — зачем же ты рыдаешь?

П е р в ы й ч а н д а л а. Эй, Бильвапатра, хватай Чанданадасу! Его домашние уйдут и сами.

В т о р о й ч а н д а л а. Я схватил его, Ваджраломан!

Ч а н д а н а д а с а. Любезный, подожди немного. Дай мне проститься с сыном. (*Целует сына в голову.*) Мой мальчик, пусть неизбежна смерть, но я умираю ради друга.

С ы н Ч а н д а н а д а с ы. Батюшка, зачем говорить мне это? Ведь в этом закон чести нашего рода. (*Падает ему в ноги.*)

В а д ж р а л о м а н. Эй, хватай его!

Ж е н а Ч а н д а н а д а с ы (*бьет себя в грудь*). Господин, спаси, спаси!

Стремительно входит Р а к ш а с а.

Р а к ш а с а. Не бойся, госпожа, не бойся. Эй, эй, палачи, не казните Чанданадасу!

Нет, на того, кто гибель господина

Спокойно встретил, словно смерть врага,

Кто в час несчастья друга был беспечен,

Как будто праздник в доме наступил,

Кто дорожил своей презренной жизнью,
Когда достойней было умереть,
Нет, на меня надень, палач, гирлянду —
Последнее отличие осужденных!

Ч а н д а н а д а с а (*глядя на него со слезами*). Советник, что это?

Р а к ш а с а. Это лишь слабая тень того подвига, что ты совершил.

Ч а н д а н а д а с а. Советник, ты обесценил все мои страдания. Зачем ты пришел?

Р а к ш а с а. Я только достиг своей цели. Не упрекай меня. Любезнейший, доложи злодею Чанакье...

В а д ж р а л о м а н. Что именно?

Р а к ш а с а.

Здесь тот, из-за кого твоим врагом
Стал благороднейший Чанданадаса,
Чанданадаса, перед чьим деяньем
Померкли подвиги священных будд,
Чанданадаса, делом доказавший,
Что в наше время, худшее из всех,
Возможно с Шиби славою сравниться,
За друга жизнь бестрепетно отдав.

В а д ж р а л о м а н. Эй, Бильвапатра, возьми Чанданадасу и подожди с ним там, под деревом у погребального огня, пока я не доложу Чанакье, что нами взят советник Ракшаса.

Б и л ь в а п а т р а. Хорошо, Ваджраломан, ступай. (*Уходит с Чанданадасой, его женой и сыном.*)

В а д ж р а л о м а н. Идем, советник. (*Идет с Ракшасой вокруг сцены.*) Есть здесь кто-нибудь? Доложите благородному Чанакье, истребителю рода Нанды и основателю господства рода Маурьи!..

Р а к ш а с а (*про себя*). И подобное должен я слышать!

В а д ж р а л о м а н. Вот плененный советник Ракшаса, мудрость которого была побеждена политикой господина!

Входит Ч а н а к ь я, закутанный в греческий плащ, оставляющий открытым только его лицо.

Ч а н а к ь я. Рассказывай, рассказывай, любезный.

Кто сумел колыханьем одежд затушить

Полыхающий грозно пожар?

Кто веревкой связал и навек обуздал

Ветер, вечно летящий вперед?

Кто гривастого льва победил и смирил

И сумел его в клетке замкнуть?

Кто посмел переплыть смертоносный поток,

Не боясь крокодильих зубов?

В а д ж р а л о м а н. То государственная мудрость и
проницательность господина.

Ч а н а к ъ я. Нет, о нет! Скажи лучше: враждебная
роду Нанды судьба.

Р а к ш а с а (*про себя*). Вот негодный — нет, вели-
кий — Каутилья.

Столько знаний у него, сколько перлов в океане.

Я, враждою ослепленный, не ценил его величья.

Ч а н а к ъ я (*замечает его. С радостью про себя*). А, вот
и сам советник Ракшаса. Этот великий человек

Немало мне приносил забот,

Немало дум, прогонявших сон,

Все войско Маурьи он держал

Готовым к бою изо дня в день.

(*Рукой откидывает плащ и приближается.*)

О советник Ракшаса, я, Вишнугупта, приветствую
тебя!

Р а к ш а с а (*про себя*). Звание советника теперь — на-
смешка для меня. (*Вслух.*) Вишнугупта, не касайся меня,
оскверненного прикосновением чандал.

Ч а н а к ъ я. О советник Ракшаса, эти двое — не чан-
далы. Тот, кого ты видишь, — царский слуга Сиддхар-
тхака. Это он по моему поручению, прикинувшись другом,
побудил беднягу Шакатадасу, ни о чем не подозревавшего,
написать то самое подложное письмо. Другой — тоже цар-
ский слуга, его зовут Самиддхартхака.

Р а к ш а с а (*про себя*). Благодарение судьбе, я могу
не подозревать более Шакатадасу.

Ч а н а к ъ я. Что долго рассказывать? Скажу корот-
ко:

И почтительные слуги,

И письмо с твоей печатью,

И златые украшения,

И монах, тебе любезный,

И в саду самоубийца,

И беда Чандападасы —

Мною...

(*запинается, выказывая смущение.*)

...мудрым Чандрагуптой

Все подстроено, чтоб встреча

Наша стала неизбежной!

Р а к ш а с а (*про себя*). Что делать, мне придется видеть его.

Входит царь, за ним свита, в порядке старшинства.

Ц а р ь (*про себя*). Без боя победил почтенный непобедимое вражеское войско; я даже чувствую себя смущенным. И мои

Стрелы чувствуют свое бессилье —
Не они победу одержали —
И стыдливо прячутся в колчаны,
На люди стесняясь показаться.

Однако

Все равно я одержу победу,
Даже если к луку не притронусь,
Даже если буду спать: Чанакья
Вечно бдит на благо государства.

(*Приближается к Чанакье.*)

Почтенный, Чандрагупта кланяется тебе.

Ч а н а к ь я. Низкорожденный, исполнились все твои желания. Приветствуй присутствующего здесь главного советника.

Р а к ш а с а (*про себя*). Он заключает наш союз.

Ч а н а к ь я. Вот обретенный нами советник Ракшаса, поклонись ему.

Ц а р ь (*приближается к Ракшасе*). Почтенный, Чандрагупта кланяется тебе.

Р а к ш а с а (*глядя на него, про себя*). О, это Чандрагупта.

Высоко взошел Низкорожденный,
С юности сподобился величья
И царем возвысился над всеми,
Словно слон, владычащий над стадом.

(*Вслух.*)

Царь, да побеждаешь ты.

Ц а р ь. Почтенный,

Мне противников достойных
Не найдется в целом мире,
Если ты и мой наставник
Вместе станете трудиться.

Р а к ш а с а (*про себя*). Ученик Каутильи льстит мне, как слуга. Или нет, это лишь учтивость Чандрагупты; моя вражда к нему заставляет меня судить о нем несправедливо. Как бы то ни было, Чанакья достоин своей славы. Ибо,

Когда с властелином могучим
Советник союз заключает,
Он может быть в славе уверен,
Будь даже непрочен умом.
Но если властитель бессилен,
Бессилен и мудрый советник.
Как дерево в почве размытой,
Он рухнет с крушением владыки.

Ч а н а к ъ я. Советник Ракшаса, хочешь ли ты, чтобы Чанданадаса остался жив?

Р а к ш а с а. О Вишнугупта, можно ли в этом сомневаться?

Ч а н а к ъ я. Советник Ракшаса, хотя ты и почтил Низкорожденного, придя сюда, но ты не принял меча — вот почему я сомневаюсь. Если ты действительно хочешь, чтобы Чанданадаса остался жив, — прими этот меч.

Р а к ш а с а. О нет, Вишнугупта, это невозможно! Я не достоин принять его, особенно теперь, после того как ты его держал в своей руке.

Ч а н а к ъ я. Ракшаса, как это может быть, чтобы я был его достоин, а ты — нет. Смотри:

День за днем под седлом и в узде
Мы держали коней боевых;
Не играли на воле слоны,
Не купались, не ели, не спали,
Снаряженьем военным
До крови истерты их спины —
Это страх перед мощью твоей
Нас все время держал в напряженье.

Однако о чем толковать? Если ты не примешь этот меч, Чанданадаса расстанется с жизнью.

Р а к ш а с а (*про себя*).

Еще я предан Нанде честным сердцем,
Но должен стать слугой его врага.
То дерево, что вырастил когда-то,
Сам подрубить я ныне принужден.
Чтоб верный друг от верной смерти спасся,
Я соглашаюсь этот меч принять.
Предугадать течение событий
Не в силах ныне и сама судьба.

(*Вслух.*)

Вишнугупта, слава дружбе, ради которой я приму все что угодно. Что поделать? Я покоряюсь.

Ч а н а к ъ я (*с радостью*). Низкорожденный, Низко-

рожденный, наконец советник Ракшаса оказал тебе честь. Судьба благословляет тебя, государь.

Ц а р ь. Чандрагупта с благодарностью принимает милость почтенного.

Входит слуга.

С л у г а. Победа господину. Там Бхадрабхата, Бхагураяна и другие доставили к воротам скованного по рукам и ногам Малаякету. Пусть господин отдаст распоряжение.

Ч а н а к ь я. Любезный, доложи советнику Ракшасе. Теперь он ведает этими делами.

Р а к ш а с а (*про себя*). Каутилья забрал меня в плен, а теперь мне же предоставляет право решать судьбу пленного. Что поделать! (*Вслух.*) Царь Чандрагупта, как тебе известно, я какое-то время служил под властью Малаякету и потому я прошу сохранить ему жизнь.

Царь обращает взор на Чанакью.

Ч а н а к ь я. Да будет оказано уважение первому желанию советника Ракшасы. (*Слуге.*) Любезный, передай от нашего имени Бхадрабхате и его людям: «По указанию советника Ракшасы государь Чандрагупта возвращает Малаякету его наследственные владения. Вы должны сопровождать его и, восстановив его на престоле, вернуться сюда».

С л у г а. Как господин прикажет. (*Идет со сцены.*)

Ч а н а к ь я. Погоди, погоди, любезный! Пусть передадут также начальнику крепости: «По случаю радости, которую дарует ему советник Ракшаса, соглашаясь служить ему, Чандрагупта повелевает назначить Чанданадасу главным старейшиной цехов всех городов государства. Кроме того, пусть снимут узы со всех, кроме боевых коней и слонов». Впрочем, на что они нам теперь, когда советник Ракшаса стал нашим министром?

Да обретут свободу все, кто связан, —

И кони, и плененные слоны.

Лишь я один, свою исполнив клятву,

Вновь завяжу распущенную прядь.

С л у г а. Как господин прикажет. (*Уходит.*)

Ч а н а к ь я. О царь Чандрагупта, о советник Ракшаса, скажите, что еще могу я сделать для вас приятное?

Ц а р ь. Что может быть еще приятнее для нас?
Мне Ракшаса отныне стал слугою.
Мой трон незыблем, власть неколебима,
Род Нанды навсегда сметен со света —
Чего ж еще осталось мне желать?

Р а к ш а с а. Тогда послушайте слово в заключение пьесы:

Когда в волнах всемирного потопа
Могла земля погибнуть безвозвратно,
Ее поддел на клык и над водою
Вознес принявший образ вепря Вишну.
Теперь, когда земле грозит опасность
От иноземцев, пусть ее спасет
Могучий властелин, подобный Вишну:
Пусть долго правит ею Чандрагупта!

Все уходят.

Конец седьмого действия

К о н е ц

Шудрака

ГЛИНЯНАЯ
ПОВОЗКА

Драма
в десяти действиях

Перевод В. Воробьева-Десятовского

Стихи в переводе В. Шефнера

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.

Актриса, играющая Васантасену.

В ДРАМЕ:

Мужчины:

Чарудатта, разорившийся брахман-купец.

Рохасена, сын Чарудатты.

Майтрея, друг Чарудатты.

Вардхаманака, слуга Чарудатты.

Арьяка, сын царя Гопалы, смененного на троне его братом Палакой.

Шарвилака, брахман-вор, друг Арьяки.

Самстханака, шурин царя Палаки.

Приживал из свиты Самстханаки.

Стахаварака, слуга Самстханаки.

Массажист, впоследствии буддийский монах.

Матхура, хозяин игорного дома.

Игрок.

Дардурака, игрок и друг Шарвилаки.

Приживал, приближенный Васантасены.

Вирака, начальник городской стражи

Чанданака, старшина городской стражи.

Судья.

Старейшина.

Писец.

Служитель суда.

Первый палач.

Второй палач.

Женщины:

Васантасена, знаменитая гетера города Удджайини.

Старуха, мать Васантасены.

Маданика, служанка Васантасены.

Служанка Васантасены.

Дхута, супруга Чарудатты.

Раданика, служанка Чарудатты.

Место действия — столичный город Удджайини и запущенный парк
Пушпакарандака в его предместье.

Время действия — четыре дня.

ПРОЛОГ

МОЛИТВА

Чтоб ноги, под себя поджатые, связать,
Двойным сплетеньем змей обвил их Шамбху.
Дыхание прервав, он успокоил
Все чувства, что препятствуют познанию.
И, мудрым взглядом к истине приблизясь,
Рассматривает душу он в себе,
Свободную от всех мирских желаний.
Так в созерцанье Шамбху растворился,
Усилием постигнув пустоту,
И тем с душой всемирною слился.
Пусть же хранит вас созерцанье Шамбху!

И еще:

И да хранит вас шея Нилакантхи,
Она подобна темно-синей туче,
И Гаури рука, лианы гибче,
Сверкает, словно молния, на ней!

Руководитель труппы. Довольно медлить!
Ведь мы злоупотребляем терпением зрителей, которых томит любопытство! Сейчас, поклонясь почтенным ценителям нашего искусства, я объявляю, что мы решили показать им драму «Глиняная повозка». Известно, что ее создатель

Величественной обладал походкой —
Царю слонов он в этом был подобен;
Имел глаза, как у чакоры-птицы;
Лицом был светел, словно полнолуние,
И телом был и строен, и прекрасен;
Поэтом лучшим среди рожденных дважды
Считался он, блистал умом глубоким
И Шудракою звался среди людей.

А также:

Он изучил Ригведу, Самаведу,
Он математикой владел отменно,
А также изучил гетер искусства
И тайны обучения слонов;
Утратив зренье, стал он снова зрячим —
Был Шарва мудрый милостив к нему;
Он сына вырастил и посадил на трон;
Он жертвоприношение коня
Под старость совершил с успехом полным;
Сто лет и десять дней он жил на свете
И, жизнь свою прервав, вошел в костер.

И далее:

Покая и беспечности не зная,
Царь Шудрака был смел, любил войну он;
Средь мудрецов всех лучше знал он веды
И аскетизма подвиги творил;
Царь Шудрака на вражеских слонов
Не раз кидался в рукопашной схватке.

В этой драме

Владыкой Шудракой изображен
И брахман Чарудатта молодой —
Купец, по воле рока обедневший,
Что жил в старинном городе Аванти;
И юная прекрасная гетера,
Подобная весны великолепью, —
Не зря она звалась Васантасеной, —
Она героя драмы полюбила
За многие достоинства его;
И благородное их поведение,
Что к окончанью пьесы увенчалось
Счастливою взаимною любовью;
И судопроизводства произвол,
И нрав злодея, и веленья рока.

(Расхаживая и осматриваясь кругом.)

Гм! Наша сцена пуста.

Куда же ушли актеры? *(Задумывается.)* А, понял!

Пуст дом того, кто не имеет сына;
Подолгу пуст бывает дом того,
Кто не имеет истинного друга;
Пуст целый белый свет для дурака,
Для бедняка ж — весь мир пустей пустого!

Я только что окончил представление. Оно так долго
длилось, что теперь у меня от голода глаза готовы лопнуть,
и из них сыплются искры, как в летнее время семена из ло-

тоса, иссушенного лучами знойного солнца. Поэтому самое лучшее сейчас — это позвать хозяйку и спросить у нее, нет ли чего поесть. (*Зовет.*) Эй, хозяйка! Вот и я!.. Для пользы дела перейду-ка я лучше на пракрит — ведь с женщинами у нас принято говорить на этом языке. Ну и ну! Затянулось же это представление! От голода руки и ноги мои обвисли, как стебли увядших лотосов. Войду-ка я теперь в дом и узнаю, приготовила ли хозяйка чего-нибудь поесть. (*Идет и осматривается вокруг.*) Вот он, наш дом, войду в него. (*Входит и смотрит по сторонам.*) Странно! Мне показалось, что в нашем доме готовятся к какому-то празднику. Длинные ручейки воды, в которой мыли рис, стекают по улице. Мостовая, покрытая пятнами копоти — на ней чистили чугунный котел, — выглядит словно насурьмившаяся красавица. Но разжигаемый приятными запахами голод становится нестерпимым. Что это? Может быть, нашли спрятанный клад? Или же просто мне, голодному, весь мир чудится наполненным пищей? А у нас в доме, чего доброго, и вовсе нечего есть. Этак я умру с голоду. Нет, здесь, как видно, готовятся к чему-то необычайному. Вот женщина растирает благовония; другая плетет венки из цветов. (*В раздумье.*) Что же тут такое творится? Позову-ка я хозяйку и узнаю, в чем дело. (*Заглядывая за сцену.*) Почтенная, поди-ка сюда.

А к т р и с а (*входя*). Вот я, почтенный.

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. Привет тебе, почтенная.

А к т р и с а. Приказывай, почтенный, что я должна для тебя сделать?

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. Почтенная! (*Повторяет: «Ну и ну! Затянулось же это представление...» и так далее.*) Есть ли у нас в доме что-нибудь пригодное в пищу?

А к т р и с а. Все есть.

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. Но что же, собственно?

А к т р и с а. Есть сладкая рисовая каша, топленое масло, простокваша, рассыпчатый рис и напиток, который утолит твою жажду и подкрепит твои силы. Все есть. Пусть твои божества лишь выразят свои желания.

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. И все это есть в нашем доме? Нет, ты надо мной смеешься!

А к т р и с а (*про себя*). И впрямь посмеюсь. (*Руководителю труппы.*) Почтенный, все это есть, но на рынке.

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы (*гневно*). Ах бесчестная! Пусть рухнут твои надежды, как рухнули мои ожида-

ния, когда я на миг вознесся в мечтах, словно груз на колодезном журавле. Так пропади ж ты!

Актриса. Помилуй, помилуй, почтенный! Это ведь шутка.

Руководитель труппы. Но что это за необычные приготовления? Вот женщина растирает благовония, другая плетет венки. Почему пол здесь украшен жертвенными цветами пяти различных сортов?

Актриса. Сегодня я устраиваю пост.

Руководитель труппы. Что это за пост? Как его называют?

Актриса. Пост во обретение красивого мужа.

Руководитель труппы. Обретение на этом или на том свете, почтенная?

Актриса. На том, почтенный.

Руководитель труппы (*сердито*). Взгляните, взгляните, почтенные знатоки искусства! Тратят мои припасы, чтобы получить на том свете мужа!

Актриса. Успокойся, успокойся, почтенный! Все это я делаю для того, чтобы в следующем нашем рождении именно ты стал моим мужем.

Руководитель труппы. Кто присоветовал тебе этот пост?

Актриса. Твой дорогой друг Джурнавриддха.

Руководитель труппы (*гневно*). Ах ты, Джурнавриддха, сын рабыни, надушенный, как коса ново-брачной! Дождусь ли я того благословенного дня, когда рассерженный царь Палака прикажет разрубить тебя на куски?!

Актриса. Смилуйся, почтенный! Ведь этот пост совершается ради тебя, ради твоей будущей жизни! (*Падает к его ногам.*)

Руководитель труппы. Встань, почтенная! Скажи, кто же возглавит трапезу разрешения от поста?

Актриса. Достойный брахман, которого нам следует пригласить.

Руководитель труппы. Ну хорошо, ступай, почтенная! Я же пойду приглашу брахмана, который подходил бы людям нашего круга.

Актриса. Как угодно почтенному. (*Уходит.*)

Руководитель труппы (*расхаживая*). Вот задача! Как мне найти в таком богатом городе, как Удджайини, подходящего для нас брахмана? (*Всматриваясь.*) А, сюда идет друг Чарудатты Майтрея. Вот кстати! При-

глашу-ка его. Почтенный Майтрея! Возглавь сегодня трапезу в нашем доме!

Г о л о с з а с ц е н о й. Пригласи другого брахмана, господин, я сейчас занят.

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. Почтенный, трапеза будет обильной, и на ней ты не встретишь соперника. Кроме того, ты получишь подарок.

Г о л о с з а с ц е н о й. Ведь я только что отказался, почему же ты преследуешь меня так упорно? С какой стати ты пристал ко мне?

Р у к о в о д и т е л ь т р у п п ы. Этот отказался. Ну что же, поищу другого брахмана. (*Уходит.*)

Конец пролога

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВРУЧЕНИЕ ДРАГОЦЕННОСТЕЙ
НА ХРАНЕНИЕ

Входит Майтрея с плащом на руке.

М а й т р е я (*повторя сказанное им ранее: «Пригласи другого брахмана...» и так далее*). Пожалуй, все-таки мне, Майтрее, стоило бы принять приглашение этого незнакомого мне человека. О судьба! С чем тебя сравнить? Ведь раньше, благодаря благосостоянию почтенного Чарудатты, я был сыт с утра до ночи. Ел я только искусно приготовленные лакомства, дразнящие приятным ароматом. Частенько сидел я во внутреннем дворе под навесом, окруженный сотнею блюд, как художник — банками с краской, и, едва коснувшись пальцами одного или другого, отворачивался от них. Пережевывал пищу я медленно, как священный бык на городской площади. Ну а теперь, из-за того что обеднел Чарудатта, я скитаюсь целыми днями, а сюда прихожу только ночевать, как домашний голубь, возвращающийся вечером на свою голубятню. Этот плащ, благоухающий цве-

тами жасмина, вручил мне милый друг почтенного Чарудатты — Джурнавриддха, чтобы я передал его Чарудатте, когда он окончит поклонение богам. А пока что я пойду посмотрю, где почтенный Чарудатта. (*Ходит и осматривается.*) Вот как раз идет сюда и сам Чарудатта. Он кончил поклонение богам и несет жертвы для божеств — покровителей его дома.

Входит Чарудатта, за ним Раданика.

Чарудатта (*смотрит на небо и печально вздыхает*).

Бывало, жертвою у моего порога
Кормились гуси, стаи журавлей,
А ныне мой порог травой порос,
И падает печально на него
Лишь пригоршня зерна, — и только черви
Сползаются на жертвоприношение...
(*Очень медленно идет и садится.*)

Майтрея. Вот почтенный Чарудатта. Подойду-ка я сейчас к нему. (*Подходит.*) Здравствуй, почтенный! Да преуспеешь ты во всех своих делах!

Чарудатта. А, вот ты и явился, Майтрея, друг в счастье и в беде. Добро пожаловать, приятель. Изволь сесть.

Майтрея. Как прикажешь, почтенный. (*Садится.*) О друг! Этот плащ, благоухающий цветами жасмина, прислал тебе милый друг Джурнавриддха, чтобы я передал его тебе, Чарудатта, когда ты окончишь поклонение богам.

Вручает ему плащ. Чарудатта берет его и погружается в раздумье.

О чем изволил задуматься?

Чарудатта.

Друг, после длинной цепи неудач
Нам радостно увидеть проблеск счастья,
Как лампы свет среди кромешной тьмы.
А у того, кто долго жил в богатстве,
А позже впал в безвыходную бедность,
Лишь тело живо, но душа мертва;
Не человек он — он мертвец ходячий.

Майтрея. Что тебе больше нравится, друг, — смерть или бедность?

Ч а р у д а т т а. О друг,
Из двух несчастий — бедности и смерти —
Признаться, я предпочитаю смерть:
Не долги, друг, предсмертные мученья —
От нищеты ж до смерти нет спасенья!

М а й т р е я. Довольно горевать, друг! Твои богатства
перешли к твоим друзьям, и поэтому разорение делает тебя
еще более привлекательным, подобно тому как месяц мо-
лодеет и хорошеет, когда боги выпивают из него амброзию.

Ч а р у д а т т а. Друг, я сожалею не о деньгах. Видишь
ли,

Меня печалит то, что дом наш обедневший
Не посещают гости с давних пор, —
Так на щеке слона, когда на ней
Просохнет полоса любовной течки,
Ты больше не увидишь диких пчел,
Что прежде дружным роем прилетали.

М а й т р е я. О друг! Ведь эти сыновья рабынь, вла-
деющие ничтожным состоянием, в страхе за свой карман
идут только туда, где им не грозит ущерб. Так пастухи-
подростки, которые боятся оводов, идут в лесу туда, где
те их не кусают.

Ч а р у д а т т а.

Верь, друг, не об утраченном богатстве
Я сокрушаюсь. Знаю я, что деньги
Приходят и уходят по веленью
Судьбы...

Меня ж печалит только то,
Что с той поры, как я свою опору —
Свое богатство — навсегда утратил,
Ко мне друзья внезапно охладели.

И вот еще:

Знай: если нищета вступила в дом —
Достоинство разрушено стыдом;
Тому же, кто достоинство утратит,
Пренебреженьем друг недавний платит;
К унынию ведет пренебрежение;
Отчаянье — унынья порожденье;
Безумие — отчаяния плод,
Оно нас к верной гибели ведет.
От гибели спастись не в нашей власти,
Знай: нищета — основа всех несчастий!

М а й т р е я. О друг, помни, что те, кто отвер-
нутся от тебя, — это ничтожные скряги. Перестань горе-
вать.

Ч а р у д а т т а. Друг, ведь бедность человека — это
Обитель забот и источник
Пренебреженья тобой;
Твоя нищета вызывает
К тебе отвращенье друзей,
И злобу родных и знакомых,
И смех и злорадство чужих.
Зовет нищета человека
Отшельником скрыться в лесу —
Ведь даже жена презирает
Того, кто унижен и нищ;
И пламя отчаянья в сердце
Бросает ему нищета
И медленно жжет его душу...

Так вот, друг, я уже воздал жертву божествам своего дома.
Иди теперь ты, отнеси на перекресток жертву для богинь-
матерей.

М а й т р е я. Не пойду.

Ч а р у д а т т а. Почему?

М а й т р е я. Да очень просто! Если божества, столь
усердно почитаемые тобой, не оказывают тебе милости, то
какой же прок в поклоненье богам?

Ч а р у д а т т а. Друг, не говори так! Это — правило
жизни мирян.

Поверь, что вечно после их кончины
К ним будут боги милостивы, если
Они при жизни им достойно служат
Словами, мыслью, укрощеньем плоти
И жертвы им приносят, не скупясь...
Какие в этом могут быть сомненья!

А потому иди принеси жертву матерям.

М а й т р е я. Нет, не пойду. Пусть это сделает кто-
нибудь другой. Хотя я и брахман, у меня все выходит на-
выворот, как у отражения в зеркале правая сторона оказы-
вается слева, а левая — справа. Кроме того, сейчас уже
поздно, и по главной улице шатаются гетеры, приживалы,
слуги и царские прихвостни. Не встретить бы мне гибель,
подобно мыши, погнавшейся за лягушкой, но наскочившей
на черную змею. А ты что собираешься делать, сидя здесь?

Ч а р у д а т т а. Ладно, оставайся пока тут. Я погру-
жусь в созерцание.

Г о л о с за с ц е н о й. Стой, Васантасена, стой!

Появляется Васантасена, преследуемая приживалом,
Самстханакон и слугой последнего —
С т х а в а р а к о й.

П р и ж и в а л. Васантасена! Стой, стой!

Зачем ты убегаешь, как газель,
Гонимая охотником жестоким?
Скрывает страх твою красу и нежность,
А ноги, столь искусные в движение,
В кружение плавном танца, ныне резко
Стучат по этой грубой мостовой,
И, созданные для призывных взглядов,
Глаза в испуге мечутся твои.

С а м с т х а н а к а. Стой, Васантасена, стой!

К чему убегать, бежать, торопиться,
К чему уходить, скакать, спотыкаться —
Девушке доброй надо быть, доброй.
Эй, да постой же, постой, красотка!
Ты ж не помрешь — так постой, послушай:
Сердце мое от любви сгорает,
Жарится сердце мое от страсти,
Будто кусок хорошего мяса,
В груды горячих углей упавший!

С т х а в а р а к а. Почтенная, стой, стой!

Почему ты бежишь в испуге,
Будто пава летней порою,
Широко растопырив крылья?
За тобой ведь гонится славный
Господин мой, — взгляни, не бойся:
Как павлин молодой на воле,
За тобою он поспешает!

П р и ж и в а л. Васантасена, стой, стой!

Зачем ты убегаешь? Ты дрожишь,
Как молодой платан; играет ветер
Кистями платья алого — и мнится,
Что алых, нежных лотосов бутоны
Ты на бегу роняешь. А сама
Подобна ты таинственной пещере,
Что вырублена в красном мышьяке.

С а м с т х а н а к а. Стой, Васантасена, стой!

Ты разжигаешь любовь, возжеленье,
Страсть раскаляешь ты; ночью в постели
Спать не даешь мне — снишься все время!
Не убегай! Эй, постой, постой-ка!
Что ты бежишь, спотыкаясь в страхе,
В ужасе ты бежишь, оступаясь, —
Все ведь напрасно — будешь моею,
Вроде как Кунти у Раваны в лапах!

П р и ж и в а л. Васантасена!

Зачем бежишь ты впереди меня?

Ты — как змея, охваченная страхом

Пред Гарудой, властелином птиц.

А я так быстро бегаю, что ветер

Порою догоняю на лету, —

Тебя же, стройная, поймать не в силах...

С а м с т х а н а к а (*приживалу*). Умнейший! Умнейший!

Васантасена — плоть бога любви,

Которой он деньги у нас вымогает;

Она — пожирательница рыб;

Она — губительница семей;

Продажная, курносая плясунья,

Копилка бога любви, гетера,

Она потаскуха, модница, шлюха!..

Я, видно, напрасно перечислял

Все десять ее наименований —

Она меня так и не полюбила!

П р и ж и в а л.

Зачем же бежишь ты,

Объятая страхом,

И серьги, качаясь,

Царапают щеки?

Дрожишь ты, как вина,

Задетая пальцем,

Ты, как журавлиха,

Что гром услыхала,

От страха трепещешь!

С а м с т х а н а к а.

Зачем ты бежишь, бренча драгоценностями,

Как Драупади от Рамы мчишься?

Сейчас поймаю тебя, как Хануман

Субхадру поймал, сестру Вишнавасу!

С т х а в а р а к а.

Отдайся, отдайся любимцу царя!

Накормлена досыта будешь за это

И рыбой, и мясом! Решайся скорей!..

А рыба-то свежая!

А мясо хорошее!

При виде их даже собака

Про падаль забудет!

П р и ж и в а л. Почтенная Васантасена!

Зачем ты в страхе и негодованье

Бежишь, подобно города богине,

Решившей вдруг покинуть город свой?

На бедрах у тебя широкий пояс
Сияет драгоценными камнями,
Переливается цветами всеми,
Как звезды в небе. А лицо твоё
Так и пылает красным мышьяком,
Припудрено его мельчайшей пылью!

С а м с т х а н а к а.

Стремительно мы мчимся за тобой —
Так в чаще псы преследуют шакала.
А ты бежишь поспешно, быстро, скоро —
Мое ты сердце от меня уносишь
И внутренности, близкие к нему!

В а с а н т а с е н а. Паллавака, Паллавака! Парабхритика! Парабхритика!

С а м с т х а н а к а (*в страхе*). Умнейший, умнейший!
Люди, люди!

П р и ж и в а л. Не бойся! Не бойся!

В а с а н т а с е н а. Мадхавика! Мадхавика!

П р и ж и в а л (*со смехом*). Глупец, она зовет свою прислугу.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Ведь она зовет женщину.

П р и ж и в а л. Кого же еще?

С а м с т х а н а к а. Я могу перебить сотню женщин.
Я ведь герой.

В а с а н т а с е н а (*смотря в пространство*). О, горе!
О, горе! Куда запропастились мои слуги? Придется мне самой защищать себя.

П р и ж и в а л. Зови их! Зови их!

С а м с т х а н а к а. Васантасена! Зови, зови кукушку — Парабхритику, зови росток — Паллаваку, зови же сразу всю весну! Кто спасет тебя от моего преследования?

Тебя спасет лишь только Бхимасена,
Иль Кунти сын, иль отпрыск Джамадагни,
Иль десятиголовый.

Но подобно

Духшасане с тобой я поступлю —
Я за волосы вмиг тебя поймаю!

Смотри-ка, смотри-ка,

Меч острый, голова пред ним склонилась, —
Оттяпать или выбрать казнь иную?
Довольно же бежать, Васантасена, —
Кто смерти обречен — не быть тому в живых!

В а с а н т а с е н а. Почтенный, я ведь слабая женщина.

П р и ж и в а л. Потому-то ты и останешься в живых.
С а м с т х а н а к а. Потому-то тебя и не убили.

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Что такое? Даже любезность его нагоняет на меня страх. Ну что ж, поступлю пока что так. (*Громко.*) Почтенный, вы хотите отнять у меня мои украшения?

П р и ж и в а л. Помилуй, почтенная Васантасена! Ведь садовую лиану нельзя лишать ее цветов. За украшения не бойся.

В а с а н т а с е н а. Так в чем же тогда дело?

С а м с т х а н а к а. Нужно, чтобы ты полюбила меня, ибо я — божество в образе мужчины, воплощенный Васу-дева.

В а с а н т а с е н а (*гневно*). Оставь меня, оставь! Убейся! Ты говоришь непотребное!

С а м с т х а н а к а (*захлопав в ладоши и рассмеявшись*). Умнейший, умнейший, посмотри-ка! Теперь эта гетера стала любезна и почитительна. Она сказала мне: «Устал, милый, устал». Но ведь я никуда далеко не ходил: ни в деревню, ни в город. Почтенная, клянусь собственными ногами вместе с головой моего умнейшего друга, которая к ним припадает, что я устал и утомился только оттого, что преследовал тебя, не отставая ни на шаг.

П р и ж и в а л (*про себя*). Вот так так! Этому дураку сказали «отстань», а он понял «устал». (*Громко.*) Почтенная Васантасена! То, что ты сказала, противоречит порядкам дома гетер.

Запомни — дом гетер открыт для всех, кто хочет.

О том подумай, что тебя, гетеру,

Сравнить с лианой придорожной можно.

Знай: тело, что считаешь ты своим, —

Товар, который продается многим.

Поэтому, прекрасная, должна ты,

Приятен человек или противен,

Всех принимать, любезной с каждым быть!

И вот еще:

Мудрец великий и глупец ничтожный

Порой в одном купаются пруду.

Ворона, отдохнуть присев, порою

Сгибает ту же ветку, на которой

Сидел павлин прекрасный до нее.

Купец, и брахман, и отважный воин

Переезжают через реку в лодке,

В которой ездит и простой народ.

А ты подобна и пруду, и ветке,

И лодке тоже — вот и сделай вывод:

Всех услаждай ты, ибо ты — гетера!

В а с а н т а с е н а. Ведь любовь порождается достоинствами, а не насилием.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Она — отродье рабыни, — встретившись с нищим Чарудаттой в саду у храма бога любви Камадевы, влюбилась в него, а ко мне равнодушна. Здесь налево его дом. Устрой так, умнейший, чтобы она не ушла из наших рук.

П р и ж и в а л (*про себя*). Дурак болтает о том, что следовало бы скрывать. Так, значит, Васантасена любит почтенного Чарудатту! Недаром говорится: «Жемчужина идет к жемчужине». Так пусть она идет к нему. Что мне до этого дурака? (*Громко.*) Ублюдок, ты говоришь, что дом этого купца налево?

С а м с т х а н а к а. А как же! Вот его дом. Он стоит слева.

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Удивительно! Слева и вправду его дом. Этот злодей хоть и оскорбил меня, но оказал мне услугу, приведя на свиданье с любимым.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший, как потемнело вдруг! Только что я видел Васантасену, а сейчас она исчезла, словно черный шарик в куче черных бобов.

П р и ж и в а л. Какая страшная темнота! Воистину,

Глаза мои, еще совсем недавно

Все ясно различавшие вдали,

Поражены наставшей темнотою.

И кажется, что это тьма сама

Мне закрывает их, хоть я стараюсь

Открытыми все время их держать.

К тому же

Мне чудится теперь, что даже тело

Чернит густая эта темнота,

А с неба дождь идет из черной мази!

Глаза теперь мне столь же бесполезны,

Как служба у дурного человека.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Я ищу Васантасену.

П р и ж и в а л. Ублюдок, есть ли у нее какие-нибудь особые приметы, по которым ты мог бы распознать ее?

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Что ты имеешь в виду?

П р и ж и в а л. Звон украшений или благоуханный аромат венка.

С а м с т х а н а к а. Я слышу аромат венка, но звон украшений я не вижу отчетливо, потому что нос мне затыкает густая темнота.

П р и ж и в а л (*тихо Васантасене*).

Ты мне во тьме глубокой не видна,
Как молния, что тихо спит в объятьях
Возлюбленного — облака. Но все же
Тебя, трепещущую, выдает
Венок своим дыханием душистым
И звон браслетов на твоих ногах.

Ты слышала, Васантасена?

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Услышала и поняла.
(*Снимает ножные браслеты, сбрасывает венок и, отойдя немного, ощупывает стену рукой.*) Ах, ощупывая стену, я нашла здесь боковую дверь, но, тронув ее, я убедилась, что она заперта.

Ч а р у д а т т а. Друг, я окончил молитву. Пойди же, принеси жертву матерям.

М а й т р е я. Не пойду.

Ч а р у д а т т а. О, горе!

Бедность к тому человека приводит,
Что и родные не внемлют ему.
Лучших друзей, обеднев, он теряет,
Мужество падает, беды растут.
Светлой луне его нрав был подобен —
С горя тускнеет и портится он,
И злодеянья чужие отныне
Люди готовы ему приписать!

И вот еще:

С ним, бедняком, не общаются люди,
Все без почтения с ним говорят,
В дом к богачу он на праздник заглянет —
Пренебрежение лишь видит к себе.
Он от людей, от толпы сторонится,
Жалкой одежды стыдится своей...

Я считаю, что бедность — шестой величайший порок. И далее:

О бедность, в тело ты мое вселилась,
Как друг, — и я, бедняк, тебя жалею:
Куда пойдешь ты, — думаю со страхом, —
Когда умру, и тело станет прахом.

М а й т р е я (*смущенно*). О друг, если я пойду, то пусть Раданика будет моей спутницей.

Ч а р у д а т т а. Раданика, иди с Майтреей.

Р а д а н и к а. Как прикажешь, почтенный.

М а й т р е я. Почтенная Раданика, возьми жертву и светильник, а я открою боковую дверь. *(Делает это.)*

В а с а н т а с е н а. Словно нарочно, чтобы помочь мне, открылась дверь. Что ж, я войду. *(Смотрит.)* Беда! Беда! Здесь свет! *(Тушит светильник краем одежды и входит.)*

Ч а р у д а т т а. Майтрея, что это такое?

М а й т р е я. Это ветер, который налетел, когда открылась боковая дверь; он потушил светильник. Почтенная Раданика, выйди через эту дверь, а я вернусь в дом, зажгу светильник и опять приду сюда. *(Уходит.)*

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Я ищу Васантасену!

П р и ж и в а л. Ищи, ищи!

С а м с т х а н а к а *(продолжая поиски)*. Умнейший, умнейший! Я ее поймал, поймал!

П р и ж и в а л. Дурак, да ведь это же я!

С а м с т х а н а к а. Отойди отсюда и стань в стороне. *(Снова ищет, а затем хватается Стихавараку.)* Умнейший, умнейший! Поймал! Поймал!

С т х а в а р а к а. Господин, это же я!

С а м с т х а н а к а. То умнейший друг, то слуга. Умнейший друг, слуга! Слуга, умнейший друг! Станьте-ка вы в сторону! *(Снова ищет, затем хватается за волосы Раданику.)* Умнейший, умнейший! Теперь-то я поймал ее! Поймал Васантасену!

Во тьму убегала она,

Но запах венка ее выдал, —

Ее — как Чанакья Драупади —

Схватил я за шапку волос!

П р и ж и в а л.

Ты, молодостью гордая своей,

За сыном рода знатного спешила,

Но за волосы поймана была —

За те благоухающие кудри,

Которым нужен тщательный уход.

С а м с т х а н а к а.

За волосы, что на твоей голове,

За косы, растущие из головы,

Схватил тебя, девушка, я наконец!

Кричи теперь, жалуйся, громко зови

И Шамбху и Шиву на помощь себе,

И Шанкару с Ишварой громко зови!

Р а д а н и к а *(в страхе)*. Что вы собираетесь делать, почтеннейшие?

П р и ж и в а л. Ублюдок, да это же совсем не ее голос.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Эта дочь рабыни переменяла голос, совсем как кошка, почуявшая сметану!

П р и ж и в а л. Как! Она изменила голос? Странно! А впрочем, чего же тут странного —

Немудрено! На сцене выступая,
Искусства изучив, Васантасена
Приобрела умение притворяться
И как угодно голос изменять.

Входит М а й т р е я.

М а й т р е я. Странно! Легкий вечерний ветерок колышет пламя светильника, и оно дрожит, как сердце козла, которого привели, чтобы заколоть у жертвенника. Эй, Раданика!

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Здесь человек! Человек!

М а й т р е я. Это не годится! Нехорошо, воспользовавшись тем, что почтенного Чарудатту постигла бедность, ломиться в его дверь.

Р а д а н и к а. Почтенный Майтрея, видишь, как надо мной издеваются?

М а й т р е я. Над кем издеваются? Над тобой или надо мной?

Р а д а н и к а. Да и над тобой тоже.

М а й т р е я. Не чинят ли здесь насилия?

Р а д а н и к а. А как же иначе?

М а й т р е я. Правда?

Р а д а н и к а. Правда.

М а й т р е я (*в гневе поднимая палку*). Прекратите! Даже собака придет в ярость, если увидит такое у себя во дворе; что же говорить обо мне, брахмане? Я размозжу твою голову, словно дрянной иссохший тростник, ударами этой палки, суковатой, как судьба человека, подобного мне!

П р и ж и в а л. Благородный брахман, прости!

М а й т р е я (*глядя на приживала*). Виноват не этот. (*Глядя на Самстханак*.) Вот кто виноват! Ах ты, Самстханака, царский шурина! Ах, злодей и подлец! Так не годится! Хоть славного почтенного Чарудатту и постигла бедность, разве его достоинства перестали быть украшением города Удджайини? Как же посмел ты, ломаясь в его дом, так издеваться над его слугами?

В несчастье нет позора. Знай: до смерти
Нельзя считать несчастным никого;

Утратив же привычный образ жизни,
Становится несчастным и богач.

П р и ж и в а л (*смущенно*). Благородный брахман!
Прости, прости! Ведь мы так поступили с ней не преднаме-
ренно, а только потому, что спутали ее с другой женщиной.

Ведь ты искали мы, которая бы нас
Любовью одарила...

М а й т р е я. Кого же? Ее? Эту?

П р и ж и в а л. Избави нас от такого греха...

Мы искали

Ту, что хозяйка юности своей.

Она исчезла — мы же обманулись

И приняли другую за нее —

Ту женщину, которую схватили...

Возьми за это все, что у нас есть! (*Бросает меч и падает
к ногам Майтреи.*)

М а й т р е я. Добрый человек, встань, встань! Я обви-
нил тебя, не разобравшись. Теперь, узнав, в чем дело,
я отношусь к тебе с почтением.

П р и ж и в а л. Это к тебе следует относиться с почте-
нием! Я встану, но при одном условии.

М а й т р е я. Скажи, почтенный!

П р и ж и в а л. Если ты не расскажешь ничего обо
всем этом почтенному Чарудатте.

М а й т р е я. Не расскажу.

П р и ж и в а л.

Твое великодушие, о брахман,

Всего дороже! И недаром нас

Ты победил оружием достоинств,

Хоть с нами были острые мечи!

С а м с т х а н а к а (*недовольно*). Зачем ты, умнейший,
сложив ладони, упал ниц к ногам этого негодного молодого
брахмана?

П р и ж и в а л. Я испугался.

С а м с т х а н а к а. Чего ты испугался?

П р и ж и в а л. Достоинств Чарудатты.

С а м с т х а н а к а. Какие ж у него достоинства, если
ему нечего есть?

П р и ж и в а л. Не говори так!

Он бедным стал из-за того,

Что добрым был к таким, как мы,

И никого не унижал

Своим богатством никогда.

Подобен водоему он,

Что, утолив своей водой

Немало жаждущих людей,
Порою летней высох сам.

С а м с т х а н а к а (недовольно). Он, это отродье рабыни?

Нашелся тоже доблестный герой!
Он Пандава? Иль Шветакету славный?
Он Индрадатта? Или Радхи сын?
Он Равана? Он Кунти сын и Рамы?
Ашваттхаман? Сын бога правосудья?
Иль он Джатаю? Отвечайте мне!

П р и ж и в а л. Дурак, ведь это почтенный Чарудатта!
Он деревом был, покорно исполнявшим
Желанья бедняков — и вот согнулся
Под тяжестью плодов своих заслуг.
Знай: он глава семьи людей добрейших,
Он — зеркало для мудрецов ученых,
А также пробный камень добронравья;
Он — океан душевной доброты,
Он — благодетель, ни к кому презренья
Ни разу в своей жизни не питавший,
Он — кладезь человеческих достоинств!
Всегда он благороден и любезен, —
Лишь он один достоин всех похвал,
Так как, воистину, живет в избытке
Несчетных добродетелей своих!
Знай: по сравненью с ним другие люди
Лишь прозябают. Он один — живет!

Так пойдем отсюда!

С а м с т х а н а к а. Не поймав Васантасены?

П р и ж и в а л. Васантасена исчезла.

С а м с т х а н а к а. Как так?

П р и ж и в а л.

При встрече с тобою исчезла она,
Как радость при встрече с врагом исчезает,
Как зренье слепца покидает навек,
И ум — дурака, и здоровье — больного;
Исчезла она, как успех от ленивца,
Как знание и память бегут от того,
Кто низменным, чувственным предан утехам...

С а м с т х а н а к а. Не поймав Васантасены, я не уйду.

П р и ж и в а л. Разве ты не слышал, что
Слона привязывают к столбу,
Уздой сдерживают коня —
Ты ж сердцем женщину привлечи,
А сердца нет — уходи скорей!

С а м с т х а н а к а. Если ты собрался уйти, то уходи.
А вот я не уйду.

П р и ж и в а л. Хорошо, я ухожу. (*Уходит.*)

С а м с т х а н а к а. Ушел умнейший, как в воду канул. (*Обращаясь к Майтрее.*) Эй ты, негодный молодой брахман, череп твой напоминает мне воронью лапу. Садись, садись!

М а й т р е я. Меня уже усадили.

С а м с т х а н а к а. Кто усадил?

М а й т р е я. Судьба.

С а м с т х а н а к а. Тогда вставай! Вставай!

М а й т р е я. Я встану потом.

С а м с т х а н а к а. Когда?

М а й т р е я. Когда судьба вновь будет ко мне милостива.

С а м с т х а н а к а. Так ты поплачь!

М а й т р е я. Меня уже заставили плакать.

С а м с т х а н а к а. Кто?

М а й т р е я. Несчастье.

С а м с т х а н а к а. Тогда смейся! Смейся!

М а й т р е я. Я буду смеяться потом.

С а м с т х а н а к а. Когда же?

М а й т р е я. Когда вновь разбогатеет почтенный Чарудатта!

С а м с т х а н а к а. Эй, негодный молодой брахман, передай от меня нищему Чарудатте такие слова: «Эта юная гетера по имени Васантасена, вся в золоте и богатая золотом, подобная главной и первой актрисе, играющей первый раз в новой пьесе, влюбилась в тебя, когда встретилась с тобой в саду у храма бога любви. Когда же мы пытались насильно заставить ее полюбить меня, она скрылась в твоём доме. Так вот, если ты пришлешь и передашь ее в мои руки, не доводя дело до суда и разбора, между мной и тобой установится крепкая дружба. В противном случае между нами возникнет смертельная вражда. Имей при этом в виду,

Что тыква, черенок которой
В коровьем вымазан навозе,
А также овощи сухие,
И жареное мясо тоже,
И рис, что зимней ночью сварен,
Да вот еще долги и ссоры —
Совсем не портятся с годами!»

Скажи это красиво! Скажи это четко! Скажи так, чтобы я мог услышать это, даже сидя на своей голубятне на самой верхушке дворца. Если ты скажешь иначе, я размножу твою

голову, как давят лесной орех между косяком и створкой двери!

М а й т р е я. Я скажу.

С а м с т х а н а к а (*отворачиваясь от него*). Слуга! Умнейший друг действительно ушел?

С т х а в а р а к а. А как же!

С а м с т х а н а к а. Тогда идем скорее отсюда.

С т х а в а р а к а. Возьми меч, господин!

С а м с т х а н а к а. Нет, пусть он будет у тебя в руке.

С т х а в а р а к а. Господин, у меня уже есть один меч.

А этот, господин, изволь взять ты.

С а м с т х а н а к а (*берет меч, но не за рукоять, а за другой конец*).

Мой спящий в ножнах меч кладу я на плечо,

Меч, цветом столь похожий на редиску, —

И как шакал, которого со зла

Облаяли и кобели, и суки,

Иду я восвояси!..

Оба обходят сцену и удаляются.

М а й т р е я. Почтенная Раданика! Не говори почтенному Чарудатте о том, что тебя так оскорбили. Мне кажется, что ему, удрученному бедностью, от этого станет еще тяжелее.

Р а д а н и к а. Почтенный Майтрея! Ведь я — Раданика, я умею держать язык за зубами!

М а й т р е я. Да, это так.

Ч а р у д а т т а (*обращаясь к Васантасене*). Раданика, Рохасена выбежал проветриться. От вечерней прохлады он, наверно, озяб. Поэтому уведи его в дом и накинь на него этот плащ. (*Отдает ей плащ.*)

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Как? Он принял меня за служанку! (*Берет плащ, нюхает его, затем мечтательно говорит про себя.*) О, плащ благоухает цветами жасмина. Выходит, что молодой Чарудатта далеко не ко всему безразличен. (*Незаметно надевает плащ на Рохасену.*)

Ч а р у д а т т а. Ну, Раданика, возьми Рохасену и отведи его в дом.

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Войти в твой дом я недостойна.

Ч а р у д а т т а. Раданика! Ты даже не отвечаешь мне! О, горе!

Когда велением судьбы

В несчастья ввергнут человек,

Он видит — прежние друзья

Его встречают как враги,
И все приятели его
Отныне холодны к нему!

Входят М а й т р е я и Р а д а н и к а.

М а й т р е я. Вот Раданика.

Ч а р у д а т т а. Это Раданика? А кто же та, другая?
Кто незнакомка та, которую
Я обесчестил по неведению
Прикосновением плаща?..

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Скорее оказал честь!..

Ч а р у д а т т а.

На серп луны, слегка подернутый
Осенней, легкой дымкой облачной,
Похожа незнакомка та...

Однако не подобает смотреть на чужую жену.

М а й т р е я. Незачем опасаться, что ты согласишься на чужую жену. Это Васантасена, которая полюбила тебя, когда встретила с тобой в саду у храма бога любви.

Ч а р у д а т т а. Это Васантасена! (*Про себя*.)

Я разорен, увы, — и та любовь,
Которую зажгла она во мне,
Должна лишь в сердце теплиться моим,
Нигде ничем себя не выдавая, —
Так человек злопамятный, дурной
Свой гнев таит до времени...

М а й т р е я. О друг, шурин царя просил передать тебе...

Ч а р у д а т т а. Что?

М а й т р е я. Он сказал: «Эта юная гетера по имени Васантасена, вся в золоте и богатая золотом, подобная первой и главной актрисе, играющей первый раз в новой пьесе, влюбилась в тебя, когда встретила с тобой в саду у храма бога любви. Когда же мы пытались насильно заставить ее полюбить меня, она скрылась в твоём доме...»

В а с а н т а с е н а (*про себя*). «Заставить ее полюбить меня насильно!» Это верно. Эти слова делают мне честь.

М а й т р е я. «Так если ты, — продолжал он, — пришьешь и передашь ее в мои руки, не доводя дела до суда и разбора, между мною и тобою установится крепкая дружба. В противном случае между нами обоими возникнет смертельная вражда».

Ч а р у д а т т а (*презрительно*). Он невежа! (*Про себя*.) О, эта молодая женщина достойна поклонения, словно богиня! Ведь,

Услышав слова: «Войди в мой дом»,
Не тронулась с места она —
Она поняла, что произошла
Ошибка волей судьбы.
И, хоть в разговорах искушена
И не страшится мужчин,
Хоть говорлива всегда, — но здесь
Смолчала она в ответ!..

(*Вслух.*) Почтенная Васантасена! Я виноват, что говорил с тобой непочтительно, приняв тебя за служанку. Склоняю перед тобой повинную голову! Прошу тебя, почтенная, прости меня!

В а с а н т а с е н а. Я сама виновата. Я вошла сюда неподобающим образом. Склоняю голову перед тобой и прошу тебя быть милостивым.

М а й т р е я. Вы оба склонились головами друг к другу, как колосья зрелого риса с двух соседних полей. Я тоже склоняю перед вами обоими свою голову, похожую на колено верблюда, и прошу вас оказать мне милость и выпрямиться. (*Выпрямляется.*)

Ч а р у д а т т а. Довольно извинений, да воцарится между нами полное доверие!

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Как изящен он! Как любезны его речи! Сегодня я попала сюда таким путем, что оставаться здесь на ночь на этот раз мне не следует. Поэтому скажу-ка я вот что. (*Громко.*) Почтенный, если ты будешь столь любезен ко мне, я бы оставила в твоём доме свои драгоценности. Эти злодеи преследовали меня из-за моих украшений.

Ч а р у д а т т а. Наш дом непригоден для хранения драгоценных вещей.

В а с а н т а с е н а. Ты не прав, почтенный! Их оставляют на хранение людям, а не домам.

Ч а р у д а т т а. Майтрея, возьми украшения!

В а с а н т а с е н а. Ты очень любезен. (*Отдает драгоценности.*)

М а й т р е я (*берет драгоценности.*) Благодарю за подарок, почтенная!

Ч а р у д а т т а. Тьфу, дурак! Да ведь их отдают тебе только на хранение.

М а й т р е я (*в сторону*). Если это так, то пусть унесут их воры.

Ч а р у д а т т а. И очень скоро...

М а й т р е я. Они станут нашими.

Ч а р у д а т т а ...я верну их.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, я хочу, чтобы меня проводил домой вот этот почтенный человек.

Ч а р у д а т т а. Майтрея, проводи почтенную гостью!

М а й т р е я. У нее лебединая поступь, и если ты пойдешь сам провожать ее, то ты будешь красоваться рядом с ней, как фламинго. Мною же, брахманом, люди всюду брезгают, как жертвой, брошенной на перекрестке на съедение собакам.

Ч а р у д а т т а. Пусть будет так. Я сам пойду провожать почтенную гостью. Так пусть зажгут фонари — с ними можно ходить по главной улице без опасений.

М а й т р е я. Вардхаманака, зажги фонари!

В а р д х а м а н а к а (*тихо Майтрее*). Что? Зажечь фонари без масла?

М а й т р е я (*тихо Вардхаманаке*). Да, мудрено! Теперь наши фонари не знают, что такое масло, подобно тому как гетеры, презирующие бедных любовников, не знают, что такое любовь.

Ч а р у д а т т а. Ладно, Майтрея, не нужно нам фонарей! Посмотри —

Бледна, как щека возлюбленной,
Восходит луна, окруженная
Бессчетной толпою звезд, —
Пусть будет на главной улице
Она фонарем для нас.
Лучи ее беловатые
Во тьму этой ночи падают,
Словно в болото иссохшее —
Капельки молока...

(*Нежно.*)

Почтенная Васантасена! Вот твой дом. Войди в него, почтенная!

Васантасена, нежно взглянув на него, уходит.

Друг, Васантасена ушла! Так пойдем же домой.

Ведь пуста эта главная улица,
Только стражники бродят вокруг.
Ведь полна эта ночь опасностей —
Надо промахов избегать!..

(*Идет.*)

Эти золотые украшения ты будешь оберегать ночью, а Вардхаманака — днем.

М а й т р е я. Как прикажет почтенный.

Конец первого действия

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

МАССАЖИСТ-ИГРОК

Входит служанка.

С л у ж а н к а. Мать гетеры послала меня к почтенной Васантасене, чтобы я кое-что передала ей. Что ж, сейчас я подойду к ней и исполню это поручение. (*Входит и осматривается*). Почтенная госпожа здесь, но я вижу, что грусть владеет ее сердцем. Подойду-ка я к ней.

Васантасена сидит грустная, с ней Маданика.

В а с а н т а с е н а. Рассказывай дальше, служанка!

М а д а н и к а. Как так: «Рассказывай дальше», почтенная? Ведь мы же с тобой еще ни о чем не говорили.

В а с а н т а с е н а. А что я сказала?

М а д а н и к а. «Рассказывай дальше».

В а с а н т а с е н а (*хмуря брови*). Ах так!

П е р в а я с л у ж а н к а (*подойдя к Васантасене*). Почтенная, твоя мать велела мне сказать тебе, чтобы ты выкупалась и совершила поклонение богам.

В а с а н т а с е н а. Служанка, скажи матери, что сегодня я не буду купаться, а поклонение богам пусть совершит брахман.

П е р в а я с л у ж а н к а. Как прикажет почтенная. (*Уходит.*)

М а д а н и к а. Почтенная, не любопытство, а любовь к тебе заставляет меня спросить, что происходит с тобой?

В а с а н т а с е н а. Маданика, какую я кажусь тебе сейчас?

М а д а н и к а. По твоей рассеянности, госпожа, я вижу, что ты тоскуешь, почтенная, и жаждешь увидеть того, кто овладел твоим сердцем.

В а с а н т а с е н а. Ты угадала. Ведь ты, Маданика, мастерица разгадывать тайны чужих сердец.

М а д а н и к а. Приятно слышать приятное. Я знаю, любовь — лучший праздник для молодых сердец. Так скажи мне, почтенная, кому ты служишь сейчас: царю или его любимцу?

В а с а н т а с е н а. Служанка, я хочу наслаждаться, а не служить!

М а д а н и к а. Не полюбила ли ты какого-нибудь молодого брахмана, украшенного особенно глубокими познаниями?

В а с а н т а с е н а. Брахманов я должна почитать.

М а д а н и к а. Не полюбила ли ты молодого купца, который, посетив много городов, составил себе изрядное состояние?

В а с а н т а с е н а. Купцы разжигают страсть в сердце женщины, а потом уезжают в чужие страны, оставляя возлюбленной тяжкую боль разлуки.

М а д а н и к а. Почтенная! Не царя, не его любимца, не брахмана, не купца! Так кого же тогда любишь ты, госпожа?

В а с а н т а с е н а. Служанка, ходила ты со мной в сад возле храма бога любви?

М а д а н и к а. Ходила, почтенная.

В а с а н т а с е н а. Так что же ты задаешь такие вопросы, как будто вчера родилась!

М а д а н и к а. А, понимаю! Не тот ли это, почтенная, кто взял тебя под защиту, когда ты обратилась к нему за помощью?

В а с а н т а с е н а. А как его звать?

М а д а н и к а. Ведь он живет в квартале старейшин.

В а с а н т а с е н а. Я же спрашиваю у тебя, как его звать!

М а д а н и к а. Почтенная, его все с уважением величают «почтенный Чарудатта».

В а с а н т а с е н а *(радостно)*. Хорошо, Маданика, хорошо! Ты правильно угадала!

М а д а н и к а *(про себя)*. Скажу ей вот что! *(Громко.)* Говорят, что он беден.

В а с а н т а с е н а. Потому-то я его и люблю. Гетеру, полюбившую бедного человека, люди перестают считать стязательницей.

М а д а н и к а. Почтенная, но разве пчелы посещают дерево манго после того, как оно отцвело?

В а с а н т а с е н а. Потому-то их и называют собира-
тельницами меда.

М а д а н и к а. Почтенная, если ты так увлечена по-
чтенным Чарудаттой, то почему бы тебе не навестить его
сейчас же?

В а с а н т а с е н а. Служанка, если я навещу его
сегодня, чтобы дать ему ничтожное вознаграждение за ока-
занную мне услугу, то потом мне будет трудно увидеть его
вновь.

М а д а н и к а. Так ради этого ты и отдала ему на хра-
нение свои украшения?

В а с а н т а с е н а. Служанка, ты не ошиблась!

Г о л о с з а с ц е н о й. Эй! Почтенный! Убежал игрок,
который должен нам десять золотых! Убежал! Лови его!
Лови! Стой! Стой! Я узнал тебя издалека!

М а с с а ж и с т (*в смятенье вбегая на сцену*). Удиви-
тельно! Как плохо кончается игра в кости!

Подобно ослице, сорвавшейся с привязи новой,
Лягнул меня этот бросок, что в игре называют «ослицей»!
Броском же костей, что «копьем» игроки именуют,
Сражен я, поверьте, как некогда сам Гхатоткача
Сражен был копьем, что царь Анги метнул в него гневно.
...Потом я приметил — хозяин игорного дома
Стал записи делать, — и тут убежал я оттуда.
И вот я на улице. В ком же найду я защиту?

Что ж, пока хозяин игорного дома и игрок ищут меня
где-то там, я, пятась назад, войду в этот пустой храм и
стану здесь, словно статуя божества. (*Пятась, проходит
назад, затем становится неподвижно, изображая статую.*)

Входят Матхура и игрок.

М а т х у р а. Эй, почтеннейший! Убежал игрок, кото-
рый должен нам десять золотых! Убежал! Лови его! Лови!
Стой! Стой! Я узнал тебя издалека!

И г р о к.

Знай: если в ад ты нынче попадешь
И помощи просить у Индры станешь,
То даже Рудра не спасет тебя —
Теперь один владыка над тобою —
Хозяин дома, где ты проигрался!

М а т х у р а.

Куда, куда, обманув меня,
Бежишь ты, дрожа от страха,
Бежишь, спотыкаясь на каждом шагу

Даже на ровном месте?

Бежишь ты, свой род и славу губя!..

И г р о к (*наклоняясь и рассматривая следы*). Здесь бежал он. Вот здесь следы кончаются.

М а т х у р а (*осматриваясь кругом и размышляя*). Следы ведут в обратном направлении, а в храме не было статуй. (*Догадываясь.*) Игрок-мошенник вошел в храм, пятясь задом.

И г р о к. Так войдем же за ним!

М а т х у р а. Да будет так!

Оба входят в храм. Смотрят и объясняются знаками.

И г р о к. Как! Здесь деревянная статуя?

М а т х у р а. Да нет, ну нет же! Это каменная статуя. (*Двигает ее в разных направлениях и объясняет знаками.*) Ну хорошо. Пускай. Давай сыграем в кости. (*Играют, пользуясь различными приемами игры.*)

М а с с а ж и с т (*всячески стараясь скрыть возбуждение, охватившее его при виде игры*).

Увы, увы, костей игральных стук

Чарует проигравшемуся душу,

Влечет, как барабанный бой — царя,

Который царства своего лишился.

Я знаю — в кости мне уж не играть,

Игра — падение с горы Сумеру;

Но все ж, как пенье кокилы-кукушки,

Пленителен и сладок этот звук!

И г р о к. Я должен бросать кости! Я должен бросать кости!

М а т х у р а. Да нет! Моя очередь бросать! Я должен бросать.

М а с с а ж и с т (*неожиданно подходя со стороны*). Нет, это я должен бросать!

И г р о к. Вот он, голубчик!

М а т х у р а (*хватая массажиста*). Ну вот и попался, мошенник! Отдавай десять золотых.

М а с с а ж и с т. Я сегодня отдам.

М а т х у р а. Давай сейчас же!

М а с с а ж и с т. Я отдам. Будь милостив.

М а т х у р а. Нет! Отдавай здесь же!

М а с с а ж и с т. Моя голова склоняется к твоим ногам. (*Падает на землю.*)

Оба бьют его.

М а т х у р а. Так вот, ты заключен в круг игрока.

М а с с а ж и с т (*вставая, горестно*). Как! Я заключен в круг игрока? О, горе! Ни один игрок не может нарушить этот уговор. Так как же я заплач^у?

М а т х у р а. Ну, напиши долговое обязательство! Пиши!

М а с с а ж и с т (*про себя*). Вот что я сделаю! (*Обращаясь к игроку*.) Я уплачу тебе половину. Половину ты должен простить мне.

И г р о к. Хорошо.

М а с с а ж и с т (*подойдя к хозяину игорного дома*). На половину я напишу тебе долговое обязательство. Половину же ты мне прости.

М а т х у р а. Это не нанесет мне ущерба. Согласен.

М а с с а ж и с т (*громко*). Почтенный! Ты простил мне половину долга?

М а т х у р а. Простил.

М а с с а ж и с т (*обращаясь к игроку*). Ты тоже простил мне половину?

И г р о к. Простил.

М а с с а ж и с т. Ну, так теперь я ухожу.

М а т х у р а. Отдавай десять золотых! Куда уходишь?

М а с с а ж и с т. Помилуйте, господа! Помилуйте! Ведь только что я написал на одну половину долговое обязательство, а другую половину вы мне простили. Чего же вы еще от меня требуете?

М а т х у р а (*хватая его*). Мошенник! Ведь я, Матхура, — тертый калач. Я не позволю себя провести. Отдавай, негодяй, все деньги сейчас же.

М а с с а ж и с т. Откуда я их возьму?

М а т х у р а. Продай отца — и заплати.

М а с с а ж и с т. Откуда мне взять отца?

М а т х у р а. Тогда продай мать — и заплати.

М а с с а ж и с т. Откуда мне взять мать?

М а т х у р а. Тогда продай себя самого, но заплати.

М а с с а ж и с т. Сделай милость, отведи меня на главную улицу.

М а т х у р а. Ну, пошли!

М а с с а ж и с т. Пусть будет так. (*Ходит кругом*.) Почтенные, купите меня у этого хозяина игорного дома за десять золотых! (*Обращается к прохожим*.) Что вы говорите? Что я умею делать? Я могу делать различную

работу по дому. Как? Ушел, не ответив! Ну что же! Я обращаюсь к другим. *(Снова повторяет то же.)* Как? И этот ушел, не взглянув на меня! Увы, с тех пор как почтенный Чарудатта разорился, я тоже нахожусь в плачевном положении.

М а т х у р а. Ну, плати же!

М а с с а ж и с т. Чем я заплачу? *(Падает на землю. Матхура тащит его.)* Спасите! Почтенные! Спасите!

Появляется Д а р д у р а к а.

Д а р д у р а к а. Да, игра в кости делает человека царем, только без трона:

Оскорблений не стыдится он,
От кого б они не исходили;
Деньги получает каждый день —
Отдает их тоже ежедневно;
Изобилен игрока доход,
Богачи ему охотно служат!

А также:

Лишь игра богатство нам приносит,
Лишь игра дает друзей и женщин,
Щедрым быть игра лишь позволяет,
Лишь игра дает нам наслажденья,
Лишь игра у нас все отнимает!..

И далее:

Три очка состоянье украли мое,
Два очка иссушили тело мое,
Указало мне выход одно очко —
А дублет погубил меня, доконал.

(Смотрит вперед.)

Вот идет сюда Матхура, первый у нас среди содержателей игорных домов. Ну что ж... Улизнуть уже не удастся, попробую спрятаться. *(Останавливается и прячется. Рассматривает свою одежду.)*

Нитками стала эта одежда бедна,
Сотнями дыр разукрашена эта одежда,
Эту одежду больше нельзя мне носить —

Лишь в темноте она может казаться красивой.

Впрочем, что может сделать мне этот несчастный? Ладно,

Поставлю на небо ногу одну,
На землю другой обопрусь ногой —
И гордо буду я здесь стоять,
Покуда солнце в небе сияет!

М а т х у р а. Доставай, доставай деньги!

М а с с а ж и с т. Откуда я их возьму?

Матхура тащит его.

Д а р д у р а к а. Эй, что здесь происходит? (*Прислушиваясь.*) Что ты сказал, почтенный? «Хозяин игорного дома издевается здесь над игроком, и никто за игрока не вступается»?.. Тогда спасу его я, Дардурака! (*Подходит.*) Расступитесь! Освободите мне место! (*Смотрит.*) Как! Здесь мошенник Матхура! И здесь же бедный массажист!

Нет, не сидит до вечера он,
Склонив свою голову над игрой,
Никто не видал на его спине
Шрамов от палок, глины комков!
Не искусаны псами ноги его,
И телом нежен и строен он.
Ну, разве этакий человек
Похож на завязного игрока?

Хорошо! На первых порах буду говорить с Матхурой любезно. (*Подходит к нему.*) Здравствуй, Матхура!

Матхура отвечает на приветствие.

Д а р д у р а к а. Что здесь творится?

М а т х у р а. Вот этот задолжал нам десять золотых.

Д а р д у р а к а. Ну, это мелочь.

М а т х у р а (*вырывая из-под мышки у Дардураки свернутую одежду*). Посмотрите, посмотрите, господа! Этот человек в такой драной одежде считает десять золотых мелочью.

Д а р д у р а к а. Ах ты, дурак! Разве я не ставлю по десять золотых на один бросок костей? Так, по-твоему, если у кого-нибудь есть деньги, он должен развесить их на груди напоказ каждому встречному? Теперь я вижу, что ты, подлец, пал совсем низко:

Человека, пятью одаренного чувствами,
Губишь ты за десять монет!..

М а т х у р а. Господин, для тебя десять золотых — это мелочь, для меня же они целое состояние.

Д а р д у р а к а. Если так, то выслушай дсбрый совет. Дай ему еще десять золотых, чтобы он мог отыграть.

М а т х у р а. Так что же из этого выйдет?

Д а р д у р а к а. Если он выиграет, он отдаст тебе долг.

М а т х у р а. А если проиграет?

Д а р д у р а к а. Тогда не отдаст.

М а т х у р а. Сейчас не время заниматься болтовней. Если ты так говоришь, плати за него, мошенник: я ведь пройдоха Матхура и сам обучаю жульнической игре. В таких делах мне нет равных. А ты, мошенник, изрядный мерзавец!

Д а р д у р а к а. Кто мерзавец?

М а т х у р а. Ты мерзавец!

Д а р д у р а к а. Отец твой мерзавец! *(Делает массажисту знак, чтобы тот убежал.)*

М а т х у р а. Потаскухин сын! Да это видно по твоей игре!

Д а р д у р а к а. По моей игре?

М а т х у р а. Эй, массажист, давай десять золотых!

М а с с а ж и с т. Сегодня отдам! Обязательно отдам!

Матхура тащит его.

Д а р д у р а к а. Эй, дурак! Без меня ты можешь издеваться над ним, но при мне не смей!

Матхура тянет к себе массажиста и бьет его кулаком по носу. У массажиста из носа течет кровь, и он падает на землю без сознания. Дардурака вмешивается и становится между ними. Матхура бьет Дардураку. Дардурака отвечает ему более сильными ударами.

М а т х у р а. Эй! Эй! Ты, паршивый потаскухин сын! Ты за это ответишь!

Д а р д у р а к а. Эй, дурак! Ты ведь ударил меня, когда я шел по улице. Если ты ударишь меня завтра в царском дворце, то увидишь!

М а т х у р а. Что ж, посмотрю.

Д а р д у р а к а. Как посмотрю?

М а т х у р а *(вытаращив глаза)*. Вот так посмотрю.

Дардурака бросает Матхуре в глаза горсть пыли и знаком приказывает массажисту бежать. Матхура хватается руками за глаза и падает на землю. Массажист убегает.

Д а р д у р а к а *(про себя)*. Я повздорил с Матхурой, хозяином первого игорного дома в Удджайини. К тому же мой дорогой друг Шарвилака сообщил мне, что один прорицатель предсказал падение трона. Царем станет сын Гопалы

по имени Арьяка. Все люди вроде меня поддержат его. Вот я и пойду сейчас к нему. (*Уходит.*)

М а с с а ж и с т (*ходит, испуганно озираясь*). Вот чей-то дом с открытой боковой дверью. Войду-ка я туда! (*Входит. Увидев Васантасену.*) Почтенная, я пришел искать защиты.

В а с а н т а с е н а. Пришедшему искать защиты здесь нечего бояться. Служанка, закрой дверь!

Служанка исполняет приказание.

Чего же ты боишься?

М а с с а ж и с т. Кредитора, почтенная!

В а с а н т а с е н а. Служанка, теперь отпри дверь.

М а с с а ж и с т (*про себя*). Как, неужели и она не меньше моего боится кредиторов? Впрочем, правильно говорят, что

Тот человек, кто силы рассчитал
И ношу выбрал соразмерно силам,
Дорогою идет не спотыкаясь
И не погибнет ни в каком лесу.

Но жаль, что меня здесь узнали!..

М а т х у р а (*протирая глаза, игроку*). Эй, отдавай! Отдавай!

И г р о к. Господин! Пока мы здесь ссорились с Дардурой, этот человек убежал.

М а т х у р а. Я разбил ему нос кулаком. Пойдем за ним по кровавым следам.

Они идут по следу.

И г р о к. Господин, он вошел в дом Васантасены.

М а т х у р а. Ну, пропали денежки!

И г р о к. Пойдем во дворец и пожалуемся царю!

М а т х у р а. Этот мошенник тем временем выйдет отсюда и уберется в другое место. Поэтому лучше дождемся его здесь и схватим.

Васантасена делает знак Маданике.

М а д а н и к а. Откуда ты, почтенный? Кто ты, почтенный? Чей ты, почтенный? Каким занятием ты живешь, почтенный? Почему ты так испуган, почтенный?

М а с с а ж и с т. Да услышит почтенная, что родом я из Паталипутры. Я сын горожанина, владеющего до-

мом в том городе, и живу я, занимаясь ремеслом массажиста.

В а с а н т а с е н а. Тонкое искусство изучил ты, почтенный.

М а с с а ж и с т. Почтенная, я изучал его как искусство, но теперь оно стало моим ремеслом, дающим мне средства к жизни.

М а д а н и к а. В твоем ответе звучит разочарование, почтенный! Что же дальше?

М а с с а ж и с т. Дальше, почтенная, я у себя дома наслушался рассказов путешественников и, воспылав желанием увидеть чужие страны, прибыл сюда. Прибыв же сюда, в Удджайини, я поступил на службу к одному почтенному господину. Он красив, приветлив, щедр, не хвастлив, снисходителен к проступкам людей. К чему говорить много! Он настолько любезен, что всегда отдает себя в распоряжение других и всегда готов помочь тем, кто обращается к нему за защитой.

М а д а н и к а. Кто он — это украшение Удджайини? Кто он, похитивший достоинства у возлюбленного почтенной Васантасены?

В а с а н т а с е н а. Хорошо, служанка, хорошо! Как раз это я почувствовала сердцем.

М а д а н и к а. Продолжай, почтенный, продолжай.

М а с с а ж и с т. Теперь он, благодаря своей склонности одаривать людей из сострадания...

В а с а н т а с е н а. Потерял состояние?

М а с с а ж и с т. Каким образом почтенная разгадала несказанное?

В а с а н т а с е н а. Что здесь -разгадывать? Трудно найти достоинства и богатства вместе — ведь в прудах, из которых нельзя напиться, всегда бывает много воды.

М а д а н и к а. Почтенный, а как его звать?

М а с с а ж и с т. Почтенная! Кто на земле не знает, как называют луну? Он живет в квартале старейшин, и величают его почтенный Чарудатта.

В а с а н т а с е н а (*с радостью приподнимаясь*). Почтенный, считай этот дом своим домом. Служанка, усади его и возьми опахало. Почтенный чувствует усталость.

Служанка делает, как было приказано.

М а с с а ж и с т (*про себя*). Как! Одно только упоминание имени почтенного Чарудатты принесло мне

такие почести! Прекрасно, почтенный Чарудатта, прекрасно! Ты один живешь на земле, другие же только дышат! (*Падают к ногам Васантасены.*) Пусть будет так, почтенная, пусть будет так. Соболаволи сесть, почтенная.

В а с а н т а с е н а (*садится*). Откуда у тебя богатый кредитор?

М а с с а ж и с т.

Разбогатеть на время каждый может,
А честь — богатство добрых лишь людей.

Кто не умеет уважать других,

Тот путает достоинство с богатством.

В а с а н т а с е н а. Продолжай, продолжай.

М а с с а ж и с т. Затем этот почтенный человек сделал меня своим слугой и назначил мне жалованье. Когда же он потерял все, кроме доброго имени, я стал жить доходами от игры в кости. Потом из-за превратности судьбы я проиграл десять золотых.

М а т х у р а. Я погублен! Я обворован!

М а с с а ж и с т. Это они — хозяин игорного дома и игрок — преследуют меня. Ты слышала, почтенная, — теперь решай!

В а с а н т а с е н а. Маданика, ведь даже птицы мечутся в поднебесье, когда шатается дерево, на котором они жили. Поэтому иди, служанка. Отдай тот браслет хозяину игорного дома и игроку и скажи им, что его им посылает наш почтенный гость. (*Снимает с руки браслет и вручает служанке.*)

М а д а н и к а (*берет браслет*). Как прикажет почтенная. (*Уходит.*)

М а т х у р а. Я погублен! Я разорен!

М а д а н и к а. Судя по тому, что оба они бросают взоры на небо, глубоко вздыхают и жалостно беседуют, не спуская глаз с наших дверей, это и есть, наверное, хозяин игорного дома и игрок. (*Подойдя к ним.*) Приветствую тебя, почтенный!

М а т х у р а. Да будет тебе счастье!

М а д а н и к а. Почтенный, кто из вас хозяин игорного дома?

М а т х у р а.

Зачем ты речи нежных ведешь,

Бросая завлекающие взгляды, —

Недаром нижняя твоя губа —

В укусах от любовных наслаждений!

У меня нет денег. Убирайся отсюда!

М а д а н и к а. Если ты говоришь такое, ты не игрок. Тебе кто-нибудь должен?

М а т х у р а. Да, мне должны десять золотых. Что с моим должником?

М а д а н и к а. Почтенная Васантасена прислала за него этот браслет. То есть нет, он сам прислал.

М а т х у р а (*с радостью хватая браслет*). О, скажи благородному, что его долг погашен, и пусть он приходит снова развлекаться игрой в кости.

Оба уходят.

М а д а н и к а (*подойдя к Васантасене*). Почтенная, хозяин игорного дома и игрок ушли довольные.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, ты можешь теперь пойти и успокоить своих друзей.

М а с с а ж и с т. Почтенная, если это так, изволь испробовать искусство рук твоего слуги.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, служи и впредь тому благородному господину, которому ты служил ранее и ради которого ты изучил свое искусство.

М а с с а ж и с т (*про себя*). Почтенная госпожа мне тонко отказала. Как же я сумею ее отблагодарить? (*Вслух*.) Почтенная, из-за оскорблений, которым я подвергся, отдавшись игре в кости, я стану буддийским монахом. Запомни мои слова, о почтенная: «Массажист-игрок стал монахом».

В а с а н т а с е н а. Не торопись, почтенный!

М а с с а ж и с т. Почтенная, решение принято! (*Ходит кругом*.)

Игра со мной сумела сделать то,
Чего не в силах были сделать люди, —
Теперь монахом, с голой головой,
Ходить по главной улице я буду.

Шум за сценой.

(*Прислушиваясь*.)

Эй, что такое? (*Разговаривает с кем-то за сценой*). Что ты сказал? Убежал дикий охотничий слон Васантасены, которого зовут Ломающий Столбы. Что же, я пойду и посмотрю на него. Хотя зачем мне это? Я исполню то, что решил. (*Уходит*.)

Появляется возбужденный и радостный К а р н а п у р а к а
в необычайно красивом плаще,

Карнапурака. Где почтенная Васантасена?

Маданика. Невежа! Чем ты так возбужден, что не замечаешь госпожу, которая сидит прямо перед тобой?

Карнапурака (*увидев ее*). Почтенная, приветствую тебя!

Васантасена. Я вижу радость на твоем лице. Что случилось?

Карнапурака (*гордо*). Почтенная, ты много потеряла, не видевши сегодня мужества Карнапураки.

Васантасена. Что, что, Карнапурака?

Карнапурака. Изволь слушать, почтенная! Теой дикий охотничий слон, почтенная, по прозвищу Ломающий Столбы, сломал тот столб, к которому он был привязан, убил погонщика и бросился на главную улицу, поднимая страшный переполох. И тогда народ закричал:

«Детей уводите быстрее,
На деревья взбирайтесь, на стены:
Видите — мчится сюда
Дикий охотничий слон!»

А также:

«Пояса драгоценные рвутся,
И браслеты падают с ног,
Золотые звенят запястья,
Сплошь в жемчужинах дорогих!»

Затем дикий охотничий слон, разя встречных хоботом, ногами и бивнями, вбегает в город Удджайини, как в пруд с цветущими лотосами, и нападает на странствующего подвижника. Когда народ увидел, что слон сломал палку подвижника, разбил его кувшин и кружку, окатил его струей воды из хобота и поднял на бивни, снова раздались крики: «Ой! Слон убивает подвижника!»

Васантасена (*горестно*). Какое несчастье! Какое несчастье!

Карнапурака. Не сокрушайся! Изволь слушать дальше, почтенная. Когда я увидел слона, волочащего оборванные цепи и развевающиеся путы и несущего на бивнях подвижника, я, Карнапурака, нет, нет, раб, вскормленный хлебом почтенной госпожи, стер левой ногой свой игорный счет и, быстро схватив на рынке железную палку, стал звать того дикого охотничьего слона.

Васантасена. Дальше! Дальше!

К а р н а п у р а к а.

Слона громадного, что схож
С вершиною могучей Виндхья,
Ударил палкой я — и спас
Аскета, что висел на бивнях.

В а с а н т а с е н а. Правильно ты поступил! Дальше!
Дальше!

К а р н а п у р а к а. Тогда, почтенная, весь город
Удджайини воскликнул в один голос: «Хорошо, Карнапу-
рака! Хорошо!» — и склонился ко мне, как кренится неров-
но нагруженный корабль. Затем, почтенная, один человек
повел рукой по своему телу и, не найдя на себе украшений,
взглянул на небо, глубоко вздохнул и набросил на меня
вот этот плащ.

В а с а н т а с е н а. Карнапурака! Не благоухает ли
этот плащ ароматом жасмина?

К а р н а п у р а к а. Почтенная, я не могу опознать
этот запах. Мне перебивает его запах слона.

В а с а н т а с е н а. Тогда посмотри, не написано ли
на плаще имя его владельца.

К а р н а п у р а к а. Вот имя. Изволь прочесть его,
почтенная. *(Протягивает ей плащ.)*

В а с а н т а с е н а. «Почтенного Чарудатты». *(Прочи-
тав это, с любовью берет плащ и надевает его.)*

М а д а н и к а. Карнапурака, плащ идет почтенной
госпоже?

К а р н а п у р а к а. Пожалуй, он идет почтенной
госпоже.

В а с а н т а с е н а. Карнапурака, вот тебе награда.
(Дает ему украшение.)

К а р н а п у р а к а *(прикладывает подарок ко лбу и
кланяется)*. Теперь и вправду плащ идет почтенной гос-
поже!

В а с а н т а с е н а. Карнапурака, где сейчас почтен-
ный Чарудатта?

К а р н а п у р а к а. Он идет домой как раз по этой
улице.

В а с а н т а с е н а. Служанка, пойдем на верхнюю
терассу и посмотрим на почтенного Чарудатту!

Конец второго действия

ТРЕТЬЕ ДЕЙСТВИЕ

КРАЖА СО ВЗЛОМОМ

Входит Вардхаманака.

Вардхаманака.

Хозяин, слуг не угнетающий,
Хорош, пусть даже беден он;
А злой хозяин — злым останется,
Будь он хоть трижды богачом!

И далее:

Быка, что к хлебному полю рвется, —
Нельзя удержать!
Ту женщину, что влюблена в другого, —
Нельзя удержать!
И игрока от игры азартной —
Нельзя удержать!
И сластолюбца от всех соблазнов —
Нельзя удержать!

Уже много времени прошло с тех пор, как почтенный Чарудатта отправился смотреть представление. Миновала полночь, а он все не возвращается. Пойду-ка я посплю пока в сениях. (*Уходит.*)

Входят Чарудатта и Майтрея.

Чарудатта. О, как великолепно, превосходно пел Ребхила! А инструмент его — вина, — конечно, жемчужина, хоть она и не родилась в океане.

Разве она не подруга,
Что сердца страданья смиряет?
Разве она не отрада
Для ждущего часа свиданья?
Разве она не улада
Для мучимого разлукой?
Разве она не утеха,
Что страсть разжигает влюбленным?!

Майтрея. Ну иди же! Пойдем домой.

Ч а р у д а т т а. О, как великолепно пел искусный Ребхила!

М а й т р е я. Меня всегда смешат две вещи. Во-первых, когда женщина говорит на санскрите, а во-вторых, когда мужчина поет тихо и нежно. Когда женщина говорит на санскрите, она сюсюкает, словно телка, которой в ноздри продели новую веревку. Когда же мужчина поет тихо и нежно, то мне кажется, что это старый жрец с венком из засохших цветов на голове бормочет себе под нос молитву. Не по душе мне все это!

Ч а р у д а т т а. Друг, но ведь так прекрасно пел сегодня искусный Ребхила, а ты недоволен!

Он пел так сладко, правильно и ясно,
С таким умением и глубоким чувством,
Что я бесчисленными похвалами
Не в силах передать его искусства.
Так сладкогласно пел он, что казалось —
То женщина, в нем спрятанная, пела!

И далее:

Мне чудится — под струн чуть слышный звон
Еще звучит вдали тот нежный голос,
Усиливаясь на высоких нотах
И тихо замирая под конец.
Мне чудится — я слышу и сейчас
Те легкие чарующие звуки,
Повторное звучание мелодий,
Хотя давно окончен вечер пенья
И к дому своему держу я путь...

М а й т р е я. О друг, сейчас даже собаки спят спокойно в закоулках между рыночными рядами, так пойдем же и мы домой. (*Смотрит вперед.*) Друг, посмотри, посмотри! Словно уступая место тьме, владыка месяц спускается из своего небесного дворца.

Ч а р у д а т т а. Хорошо он сказал, —
Вот, уступая место тьме ночной,
Уходит месяц, и его рога
Торчат, как бивни дикого слона,
Который погрузился в глубь речную
И выставил их грозно из воды.

М а й т р е я. Ну, вот и наш дом. Вардхаманака! Вардхаманака! Открой дверь!

В а р д х а м а н а к а. Слышен голос почтенного Майтреи — значит, пришел и почтенный Чарудатта. Так открою я им дверь. Здравствуй, почтенный! Здравствуй и ты,

Майтрея! Располагайтесь здесь на приготовленных для вас ложах.

Оба входят и садятся.

М а й т р е я. Вардхаманака, позови Раданику, чтобы она омыла нам ноги.

Ч а р у д а т т а *(мягко)*. Не стоит будить спящих!

В а р д х а м а н а к а. Почтенный Майтрея, я принёссу воду, а ты сам вымой ноги.

М а й т р е я *(сердито)*. О друг, теперь он, сын рабыни, принесет воду, а меня, брахмана, заставит мыть ноги!

Ч а р у д а т т а. Друг Майтрея, ты принеси воду, а Вардхаманака омоет мне ноги.

В а р д х а м а н а к а. Почтенный Майтрея, дай воды!

Майтрея исполняет его просьбу. Вардхаманака, омыв Чарудатте ноги, отходит в сторону.

Ч а р у д а т т а. Принеси теперь брахману воды для мытья ног!

М а й т р е я. Зачем мне вода для мытья ног? Ведь и после омовенья я опять буду бегать по полу, как побитый осел.

В а р д х а м а н а к а. Почтенный Майтрея, ты же брахман!

М а й т р е я. Среди брахманов я то же, что уж среди змей.

В а р д х а м а н а к а. Ничего, почтенный Майтрея, я все-таки омою тебе ноги. *(Делает это.)* Почтенный Майтрея, эти золотые украшения днем храню я, но ночью они должны быть у тебя. Поэтому возьми их! *(Отдает украшения и уходит.)*

М а й т р е я *(берет их)*. И сегодня они опять здесь! Неужели у нас в Удджайини не найдется вора, который украл бы эти подлые вещи, отнимающие у меня сон! О друг, я отнесу их во внутренние покои.

Ч а р у д а т т а.

Нельзя хранить во внутренних покоях

То, что носила на себе гетера.

Возьми скорей, о брахман, на хранение

Все эти драгоценности, покуда

Они не будут ей возвращены.

(Засыпает, повторяя:

«Мне чудится — под струн чуть слышный звон...» и так далее.)

М а й т р е я. Ты спишь уже?

Ч а р у д а т т а. А как же!

Мне чудится, что сон, смыкающий мне веки,
Со лба сползает к ним, незримо нарастает;
Как старость ранняя, он сковывает силы.
М а й т р е я. Так давай же спать! (*Засыпает.*)

Затем входит Ш а р в и л а к а.

Ш а р в и л а к а.

Я к действию путь проложил
При помощи знанья и силы,
И крепкое тело мое
Сквозь стены проходит свободно.
Ползу я, прижавшись к земле,
О землю бока обдирая, —
И этим я схож со змеей,
Что сбросить готовится кожу.
(*Посмотрев на небо, радостно.*)

О, владыка месяц уже заходит. Ведь
Когда сокрыты звезды в поздний час
За облачною темной пеленою,
Такая полночь, как слепая мать,
Скрывает одинокого героя,
Героя, что на кражу и на взлом
Решился и теперь к чужому дому
Идет сторожким, крадущимся шагом,
Обхода царских стражников боясь.

Я прошел сюда внутрь, проломив отверстие в стене сада.
Теперь надо ломать стену дома.

Считают люди это низкой страстью,
Считают воровством, а не геройством,
По той причине, что, свершая кражи,
Ущерб наносят воры добрым людям
Путем обманным в час ночного сна.
Но мне свобода пополам с позором
Милей, чем унижительная служба, —
Ведь этот путь избрал во дни былые
Сын Дроны — чтобы заколоть царей!

Так в каком же месте стены сделать мне пролом?

Где место здесь, размытое водой,
Которое без шума я сломаю?
Где сделаю я могу пролом в стене,
Чтоб он в глаза не бросился прохожим?
Где здесь в стене поменьше кирпичей
И где она разъедена селитрой?
Где женщин нет вблизи наверняка
И где успех мне выпадет на долю?

(Ощупывая стену.)

Здесь стена обветшала: она выжжена палящим солнцем, размыта потоками дождей и разъедена селитрой. Тут же и мышиная нора. Значит, мои поиски увенчались успехом. У сыновей Сканды — бога воров — это первый признак удачи. Теперь, приступая к работе, я должен решить, какую дыру мне здесь выломать. Ведь Сканда — бог с золотым копьем — указал четыре способа взламывать стены. Вот они: обожженный кирпич следует вынимать, необожженный — разбивать, глинобитную стену — размывать водой, а деревянную — расщеплять. Но тут обожженный кирпич, а его нужно вынимать. Каким же будет отверстие?

В форме цветущего лотоса?

Солнца? Растущего месяца?

В виде кувшина? Иль свастики?

Иль водоема овального?

В месте каком же сподручнее

Мне применить свои знания,

Чтоб на рассвете прохожие

Встали бы здесь, удивленные

Тонким искусством моим?

Так как здесь стена из обожженного кирпича, то в ней красивей всего выйдет отверстие в форме кувшина для воды. Так примусь же за дело!

Когда соседи поутру, бывало,

На стенах, что изъедены селитрой,

Пролом совсем недавний находили —

Плод моего ночного вдохновенья, —

Они в моем искусстве отмечали

Достоинства, а также недостатки.

Слава милостивому вечно юному богу Карттикее! Слава милостивому к брахманам богу с золотым копьем, все деяния которого божественны! Слава сыну Солнца! Слава учителю черной науки, первым учеником которого я считаю себя! Ведь, довольный мною, он дал мне эту магическую мазь.

Когда натрусь я этой мазью,

Для стражи стану я незримым;

Натрусь я — и ничье оружие

Не причинит ущерба телу!

(Натирается мазью.)

ТЬфу ты! Забыл захватить мерный шнур! *(Задумывается.)* А впрочем, этот священный жертвенный шнур будет служить мне мерным шнуром. Жертвенный шнур для брахмана тоже очень важная вещь, в особенности для брахмана вроде меня. Ведь

Им меряет он путь для действия в проломах;
При помощи его снимает украшения;
Им он дверей засовы открывает;
Укушенный змеей иль насекомым,
Им делает себе он перетяжку.

Я кончил измерять — теперь за дело! (*Разбирает стену, затем осматривается.*) Осталось вынуть из пролома всего один кирпич. Тьфу! Меня укусила змея! (*Перетягивает палец жертвенным шнуром и морищится от боли, вызванной ядом. Затем успокаивается.*) Вот я и здоров! (*Снова берется за работу, затем всматривается.*) О, внутри горит светильник! Действительно,

Луч света, как золото, желтый,
От лампы скользнул из пролома.
Стелясь по земле, он сверкает
Во тьме непроглядной, — вот так же
Сверкает черта золотая
На грани у пробного камня.
(*Продолжает разбирать стену.*)

Ну вот, пролом и готов. Хорошо, теперь полезу! Нет, сразу лучше не лезть. Сначала надо втолкнуть чучело. (*Делает это.*) Да, никого нет. Слава Картикее! (*Влезает и осматривается.*) Эге, да тут спят двое мужчин! Хорошо. Надо открыть дверь, чтобы обезопасить себе выход. Как? Дверь в этом старом доме скрипит! Надо, значит, найти воду. Где же тут может быть вода? (*Находит воду и осторожно льет ее.*) Как бы дверь не упала да не загремела! Хорошо! Попробую-ка вот так. (*Упирается спиной в дверь и очень медленно открывает ее.*) Хорошо! Вот так. Теперь посмотрю, притворяются они спящими или спят на самом деле. (*Трогает и смотрит.*) Похоже, они действительно спят.

Их дыхание спокойно,
Оно равномерно и четко;
Веки плотно закрыты,
Глаза неподвижны под ними;
Все суставы расслаби,
Тела же их свесились с ложа;
Если б сон был притворным,
Они погасили бы лампу,
Ибо свет этой лампы
Им падает прямо на лица.
(*Осматривается по сторонам.*)

Да ведь это барабан!.. Вот флейта... Здесь — другой барабан. А тут вина. А вот тростниковые дудки! Там —

книжка... Неужели это жилище учителя музыки, и я влез сюда, обманутый внешним видом дома? Так как же? Он и вправду беден или закопал свои богатства в землю, боясь царя и воров? Все равно, даже спрятанное богатство достанется мне, Шарвилаке. Вот только зерно бросить надо. *(Делает это.)* Увы! Брошенное зерно нисколько не набухло! Он действительно беден. Ну, раз так, надо уходить.

М а й т р е я *(во сне)*. О друг, мне кажется, я вижу пролом в стене. Вижу я как будто и вора. Возьми-ка, почтенный, эту шкатулку с золотом.

Ш а р в и л а к а. Как! Он видел, как я лез сюда, и дразнит меня своей бедностью. Так я убью его! Однако, вернее всего, он говорит это сквозь сон. *(Смотрит.)* Да здесь и вправду виднеется шкатулка, в которой держат украшения. Она завернута в рваный передник, какие обычно употребляют при купании. Ладно. Возьму ее. Но все-таки нехорошо брать последнее у добрых людей, которые так же бедствуют, как и я сам. Лучше уйду.

М а й т р е я. О друг, заклинаю тебя любовью к коровам и брахманам, возьми эту шкатулку с драгоценностями!

Ш а р в и л а к а. Священной любовью к коровам и брахманам пренебрегать не годится! Раз так, я возьму! Но ведь горит светильник. Не беда, я захватил с собой такую муху, которая летит на огонь и гасит его. Тут-то я ее и выпущу! Это будет очень кстати. Вот я выпустил муху, она полетела и теперь кружится над светильником. Вот бхадрапитха задула его пламя своими крыльями. Ну и темнота! Но тьма, в которую я ввергаю свой брахманский род этим поступком — еще плотнее. Мой отец знал наизусть четыре веды и не принимал подарков, а я, его сын, брахман по имени Шарвилака, занимаюсь темным делом ради гетеры Маданики. На этот раз придется согрешить, воспользовавшись доверием брахмана. *(Хочет взять шкатулку.)*

М а й т р е я. О друг, у тебя холодные пальцы.

Ш а р в и л а к а. Тьфу, как я опростоволосился! Мои пальцы стали холодными от воды. Ну ладно. Погрею их под мышками. *(Согревает пальцы, затем берет шкатулку.)*

М а й т р е я. Ты взял?

Ш а р в и л а к а. Нельзя пренебрегать доверием брахмана. Поэтому я взял.

М а й т р е я. Теперь я буду спать спокойно, как купец, который распродав свои товары.

Ш а р в и л а к а. Спи сто лет, величайший из брахманов! Жаль, что из-за гетеры Маданики мой брахманский

род низвергнется в преисподнюю. Вернее, я сам низвергаюсь в преисподнюю.

Чтобы сгнать бедности! Из-за нее
Я доблесть проявить свою не в силах!
Я проклиная ремесло дурное —
И вместе с тем я занимаюсь им!

Ну, так пойду сейчас к Васантасене и выкуплю Маданику.
(Идет, озираясь.) О, мне послышался шум шагов! Только бы не сторожа! Что же, остановлюсь здесь и буду неподвижен, словно столб. Но, собственно-то говоря, что могут мне, Шарвилаке, сделать сторожа? Ведь

Я лазаю не хуже кошки,
Я мчусь быстрее антилопы,
Добычу — коршуном хватаю,
Людей, и спящих, и не спящих,
Я загрызаю, как собака,
И, как змея, умею ползать!
В уменье перевоплощаться,
Менять свой вид, одежду, тело
Себя без скромности излишней
Сравню с богинею обмана;
Я говорю на всех наречьях,
Как красноречия богиня,
Я сам себе фонарь во мраке,
В толпе — как ящерица, ловок,
На суше — я и конь, и всадник,
В воде — я и гребец, и лодка!

И далее:

Подвижностью подобен я змее,
Я стоек, я незыблем, как гора;
В стремительности — равен птиц царю,
Могу, как заяц, мчаться по земле,
Добычу я хватаю, будто волк,
По силе же со львом себя сравню!

Входит Раданика.

Раданика. Ох! Ох! Я думала, в передней спит Вардхаманака! Но его там не видно. Ладно. Позову почтенного Майтрею. (Идет.)

Шарвилака (хочет ударить Раданику. Потом, рассмотрев ее внимательнее). Да это женщина! Ну ладно, я пошел. (Уходит.)

Раданика (подходит, в страхе). Ах, ах! Вор сделал пролом в стене нашего дома и скрылся. Ну что ж! Пойду разбужу Майтрею. (Подходит к нему.) Почтенный Май-

трея! Вставай! Вставай! Вор проломал стену нашего дома и убежал.

М а й т р е я (*вставая*). Тьфу, дочь рабыни! Что ты мелешь? Вор сделал пролом и убежал?

Р а д а н и к а. Несчастный, хватит смеяться! Разве сам ты этого не видишь?

М а й т р е я. Тьфу, дочь рабыни! Что ты мелешь, будто и вторая дверь открыта? О друг Чарудатта, вставай! Вставай! Вор сделал пролом в стене нашего дома и ушел.

Ч а р у д а т т а. Друг мой, довольно шутить!

М а й т р е я. Какие здесь шутки? Изволь посмотреть сам.

Ч а р у д а т т а. Куда?

М а й т р е я. Да вот сюда.

Ч а р у д а т т а (*всматриваясь*). Ну? Какое интересное отверстие!

Смотри, здесь кто-то вынул кирпичи
И наверху, и снизу — и отверстие,
Широкое внизу, идет, сужаясь, вверх.
И кажется, что это — сердце дома,
Которое разорвалось от страха
При виде недостойного пришельца.

Выходит, даже в таком деле может проявляться искусство!

М а й т р е я. О друг, одно из двух: этот пролом сделал либо чужеземец, либо тот, кто только учится искусству воровства. Кто в Удджайини не знает, как славится наш дом своим богатством!

Ч а р у д а т т а.

Пролом, наверно, сделал иноземец —
Он, занимаясь этим ремеслом,
Не знал, что в доме спят спокойно люди,
Покинутые навсегда богатством.
Наверно, видя наш обширный дом,
Был окрылен он сладкою надеждой,
Потом ушел он в разочарование,
Уставший от работы над проломом.

Теперь, пожалуй, он, бедняга, будет рассказывать своим друзьям, что он влез в дом купеческого сына, но ничего там не нашел.

М а й т р е я. Да ну! Ты еще жалеешь вора, этого негодяя? Он думал, что раз дом наш большой, здесь можно стащить шкатулку с драгоценностями или с золотом. (*Вспоминая, с ужасом про себя.*) Где же эта шкатулка с золотом? (*Вспоминая вновь, громко.*) Ты говоришь: «Майтрея глуп, Майтрея не учен». А ведь я правильно сделал, что вручил

тебе эту шкатулку с золотом. Не то ее утащил бы этот сын рабыни.

Ч а р у д а т т а. Довольно шутить!

М а й т р е я. О, я был бы воистину дураком, если бы не знал, где и когда уместно шутить!

Ч а р у д а т т а. Когда же ты отдал ее мне?

М а й т р е я. Тогда, когда я тебе сказал: «У тебя холодные пальцы».

Ч а р у д а т т а. Может быть, это так и было. (*Внимательно осматриваясь по сторонам. Радостно.*) Друг, к счастью, я могу сказать тебе кое-что приятное.

М а й т р е я. Ее не украли?

Ч а р у д а т т а. Украли.

М а й т р е я. Так что же в этом приятного?

Ч а р у д а т т а. А то, что вор ушел не с пустыми руками.

М а й т р е я. Так ведь это вещь, отданная нам на хранение.

Ч а р у д а т т а. Как! Вещь, оставленная на хранение! (*Лишается чувств.*)

М а й т р е я. Приди в себя! Если вор украл то, что оставлено нам на хранение, зачем же тебе лишаться чувств?

Ч а р у д а т т а (*приходя в себя*). Друг!

Кто же поверит, что все это — правда!

Всякий теперь обвинить меня сможет.

Знай — в этом мире бесславная бедность

Лишь недоверье к себе вызывает!..

Увы,

Уж если судьба все богатства мои

Украла, меня не щадя, —

Что стоит, безжалостной, ей запятнать

И доброе имя мое?

М а й т р е я. Но я ведь вступлюсь за тебя! Я потребую доказать, кто дал шкатулку, кто взял ее и кто был свидетелем этого.

Ч а р у д а т т а. Так что же? Теперь я еще должен буду лгать?

Нет! Лучше пойду я просить подаянье,

Чтоб деньги собрать для уплаты за вещь,

Которую мне на хранение вручили!

Но знай — никогда я ко лжи не прибегну,

Чтоб доброе имя свое сохранить!

Р а д а н и к а. Пойду-ка я теперь к почтенной Дхуте и расскажу ей о случившемся! (*Уходит.*)

Входит супруга Чарудатты с Раданикой.

Дхута (*взволнованно*). О, правда ли это? Мой почтенный супруг и почтенный Майтрея целы и невредимы?

Раданика. Это правда, госпожа! Но украшения гетеры украдены.

Дхута падает в обморок.

Приди в себя, почтенная Дхута!

Дхута (*приходя в себя*). Служанка, что ты говоришь? Хотя мой почтенный супруг цел и невредим, но лучше бы пострадал он сам, чем его доброе имя. Теперь во всем городе Уджайини люди будут говорить, что мой почтенный супруг пошел из-за своей бедности на низкий поступок. (*Поднимает взор и вздыхает.*) О рок! Ты, владыка, играешь судьбою бедного человека! Ведь она так же непостоянна, как недолговечна капля росы, легшая на лепесток лотоса. Вот есть у меня жемчужное ожерелье. Я получила его еще в доме матери. Но мой почтенный супруг его не возьмет из-за чрезмерной своей щепетильности. Служанка, позови почтенного Майтрею.

Раданика. Как прикажет почтенная Дхута. (*Подходя к Майтрее.*) Почтенный Майтрея, тебя зовет Дхута.

Майтрея. Где она?

Раданика. Она здесь. Иди сюда.

Майтрея (*подходя*). Здравствуй, почтенная!

Дхута. Приветствую тебя, почтенный. Повернись ко мне лицом.

Майтрея. Вот я. Мое лицо перед тобой.

Дхута. Почтенный, возьми это.

Майтрея. Что это такое?

Дхута. Я ведь кончила пост ратнашаштхи. А в ознаменование этого следует дарить брахману что-нибудь по своим средствам. Я же еще не сделала такого подарка. Поэтому соблаговоли принять от меня это жемчужное ожерелье.

Майтрея (*берет ожерелье*). Благодарю. Я пойду и расскажу об этом моему дорогому другу.

Дхута. Почтенный Майтрея, не осрами меня! (*Уходит.*)

Майтрея (*пораженный*). О! Какое благородство!

Чарудатта. Ах, куда же это запропастился Майтрея? Как бы он с горя не натворил чего-нибудь дурного. Майтрея! Майтрея!

Майтрея (*подходя*). Я здесь. Возьми-ка вот это. (*Показывает жемчужное ожерелье.*)

Чарудатта. Что это?

М а й т р е я. Награда за то, что ты взял достойную жену.

Ч а р у д а т т а. Как! Брахманка испытывает сострадание ко мне! Увы! Теперь я вижу, что действительно разорен!

Мужчина, что по воле злой судьбы
Был разорен и денег всех лишился
И ныне принимающий подарки
От женщины, жалеющей его, —
Сам женщине себя уподобляет,
А истинный мужчина здесь — она!

Но нет! Я не беден! У меня ведь есть
Жена, что богатство сама по себе,
И друг, что и в счастье, и в горе со мной,
И честь, на которой ни пятнышка нет, —
Все это отыщешь ли у бедняков?

Возьми, Майтрея, это ожерелье и пойди к Васантасене. Передай ей от меня, что ее шкатулку с золотом я проиграл в кости, приняв за свою, и взамен посылаю ей это жемчужное ожерелье.

М а й т р е я. Не стоит отдавать это ожерелье из жемчуга — лучшего, что родится в четырех морях, за малоценную вещь. Ведь мы ее не проели и не пропили — ее унесли у нас воры.

Ч а р у д а т т а. Друг, не говори этого!

Здесь плата за доверие ее,
Которое она нам оказала,
Оставив на хранение шкатулку!

Поэтому, друг, не возвращайся сюда, пока не отдашь ожерелье Васантасене, — не то ты будешь проклят. Вардхаманака!

Бери кирпич и заложил пролом
В стене; я не могу его оставить.
Пусть сгинет он во избежание зла,
Которое всегда рождает сплетни!

А ты, друг Майтрея, при исполнении моего поручения держись величественно и гордо.

М а й т р е я. Разве бедняк может говорить величественно?

Ч а р у д а т т а. Я не беден, друг! Ведь у меня...
(повторяет: «Жена, что богатство сама по себе...» и так далее.) Так иди, почтенный! Я же совершу омовение и прочту утреннюю молитву.

Все уходят.

Конец третьего действия

ЧЕТВЕРТОЕ ДЕЙСТВИЕ

МАДАНИКА И ШАРВИЛАКА

Входит служанка.

С л у ж а н к а. Мать Васантасены приказала мне пойти к ее почтенной дочери. Вот стоит почтенная госпожа, внимательно рассматривая портрет и разговаривая о чем-то с Маданикой. Подойду-ка я к ней. *(Идет.)*

В а с а н т а с е н а. Посмотри, Маданика, пожалуй, это лицо на портрете очень похоже на почтенного Чарудатту.

М а д а н и к а. Очень похоже.

В а с а н т а с е н а. Почему ты так думаешь?

М а д а н и к а. Потому что почтенная госпожа смотрит на него очень нежно.

В а с а н т а с е н а. Служанка Маданика, ведь ты говоришь мне эту любезность, потому что живешь в доме гетер.

М а д а н и к а. Почтенная, разве всякий, кто живет в доме гетер, должен говорить неискренние любезности?

В а с а н т а с е н а. Служанка, гетеры, встречаясь со всякими мужчинами, привыкают говорить фальшивые любезности.

М а д а н и к а. Почтенная, раз твои глаза и сердце наслаждаются им, этим портретом, зачем же тебе знать мое мнение?

В а с а н т а с е н а. Служанка, я хочу избежать насмешек подруг.

М а д а н и к а. Это ни к чему, почтенная! Женщины всегда сочувствуют сердечным делам своих подруг.

П е р в а я с л у ж а н к а *(подойдя)*. Почтенная, твоя мать велит сказать тебе, что у боковой двери стоит запряженная повозка с занавешенными окнами. Тебе следует сесть в нее.

В а с а н т а с е н а. Служанка, за мной прислал ее почтенный Чарудатта?

С л у ж а н к а. Вместе с повозкой присланы и украшения — на добрых десять тысяч золотых.

В а с а н т а с е н а. Кем же?

С л у ж а н к а. Самстханакой, шурином царя.

В а с а н т а с е н а (*гневно*). Убирайся вон. И чтобы впредь я такого не слышала.

С л у ж а н к а. Помилуй, почтенная, помилуй! Я только вестница.

В а с а н т а с е н а. Весть-то меня и возмутила.

С л у ж а н к а. Так что же я должна доложить твоей матери?

В а с а н т а с е н а. Скажи ей, что если она хочет, чтобы я была жива, пусть не присылает мне таких известий.

С л у ж а н к а. Как тебе будет угодно. (*Уходит.*)

Входит Ш а р в и л а к а.

Ш а р в и л а к а.

На ночь свою вину я возложил,
Смеясь над царской стражею уснувшей,
Но миновала ночь — я побледнел,
Как месяц в свете солнца утром ранним.

И еще:

К тому, кто мельком глянет на меня,
Когда иду по улице поспешно,
К тому, кто чуть приблизится ко мне,
Когда на миг остановлюсь в раздумье, —
Ко всем душа греховная моя
Относится с опаской, с подозреньем.
Всего вокруг страшится человек,
Который совершил дурной поступок.
Ведь ради Маданики я пошел на преступленье!

Я избегал вниманья тех,
Кто со слугою говорил;
И обходил я те дома,
Что женщинам принадлежат;
Как столб, недвижно я стоял,
Завидев стражников царя, —
Благодаря уловкам всем,
Я в день переиначил ночь.

(*Расхаживает вокруг.*)

В а с а н т а с е н а. Служанка, отнеси этот портрет на мое ложе и быстрее возвращайся с моим опахалом.

М а д а н и к а. Как прикажет почтенная. (*Берет портрет и уходит.*)

Ш а р в и л а к а. Вот дом Васантасены — я в него сейчас войду. (*Входит.*) Где бы мне найти здесь Маданику? Появляется Маданика с пальмовым листом-опахалом в руке.

Ш а р в и л а к а (*увидев ее*). Ах, вот Маданика!

Бога любви самого
Она превзошла красотой,
В ней, как в супруге его, —
Свет воплощенной любви.
Лишь появилась она —
Словно сандал, охладила
Жгучий любовный огонь,
Мучащий сердце мое!

М а д а н и к а (*увидев его*). О, да это Шарвилака! Здравствуй, Шарвилака! Ты откуда?

Ш а р в и л а к а. Об этом я расскажу тебе потом.

Оба влюбленно смотрят друг на друга.

В а с а н т а с е н а. Маданика что-то задержалась. Где же она? (*Смотрит в оконце*). Как! Она стоит и беседует с каким-то мужчиной. Она как будто впилась в него нежным и пристальным взглядом, и все ее мысли поглощены им. Из этого я заключаю, что он собирается ее выкупить. Что ж, пусть она любит его. Да не будет ей в этом помехи. Я не стану ее звать.

М а д а н и к а. Расскажи, Шарвилака.

Шарвилака с опаской оглядывается по сторонам.

Шарвилака! Что же это такое? Кажется, ты боишься чего-то.

Ш а р в и л а к а. Я открою тебе тайну. Мы здесь одни?

М а д а н и к а. Конечно!

В а с а н т а с е н а. Как! Речь идет о тайне? Так я не буду слушать.

Ш а р в и л а к а. Маданика, Васантасена отдаст тебя за выкуп?

В а с а н т а с е н а. Как! Это касается меня? Тогда я буду слушать, спрятавшись здесь у оконца.

М а д а н и к а. Шарвилака, я говорила об этом с почтенной госпожой. Она сказала мне, что если бы ее воля, она отпустила бы всех слуг и без выкупа. Но, Шарвилака, откуда у тебя такие деньги, чтобы выкупить меня у почтенной госпожи?

Ш а р в и л а к а.

Гонимый нищетой и мучимый любовью,
Тебя, о робкая моя, любя,
Свершил я этой ночью преступленье...

В а с а н т а с е н а. У него спокойный вид, но преступление, которое он совершил, отталкивает меня.

М а д а н и к а. Шарвилака! Из-за такого ничтожества, как женщина, ты подверг опасности две вещи.

Ш а р в и л а к а. Какие же?

М а д а н и к а. Себя самого и свою честь.

Ш а р в и л а к а. Глупая, преступлению сопутствует счастье.

М а д а н и к а. Шарвилака, твоя честь ничем не запятнана. Так нельзя же тебе ради меня идти на преступление. Это нанесет ущерб твоей чести.

Ш а р в и л а к а.

Я у нарядных женщин не краду —
Цветов с лиан в саду я не срываю!
Я собственности брахманов не крал
И золота для жертвоприношений!
Я никогда детей не похищал
У нянек — чтоб на этом заработать!
Таков мой ум — я и при воровстве
От доброго дурное отделяю!

Скажи Васантасене:

Как будто бы нарочно для тебя
Готовил мастер эти украшения,
Носи их, если любишь ты меня, —
Но так носи, чтоб их никто не видел!

М а д а н и к а. Шарвилака! Носить украшения так, чтобы их никто не видел? Я не могу представить себе этого. Но покажи их все-таки. Я посмотрю, что это за украшения.

Ш а р в и л а к а. Вот украшения. *(С опаской вручает их Маданике.)*

М а д а н и к а *(рассматривая их)*. Кажется, я где-то их уже видела. Скажи, откуда они у тебя.

Ш а р в и л а к а. Маданика, зачем тебе это знать? Бери украшения, и все тут!

М а д а н и к а *(сердито)*. Если ты мне не доверяешь, зачем же тебе меня выкупать?

Ш а р в и л а к а. Сегодня на рассвете я слышал в квартале старейшин, что они принадлежат купцу Чарудатте.

Васантасена и Маданика падают в обморок.

Маданика, приди в себя! Почему ты сейчас

Не сочувствуешь мне,
Хоть я выкуп вношу за тебя,

А дрожишь ты от страха
И взор твой блуждает?

М а д а н и к а (*приходя в себя*). Преступник, когда ты совершал ради меня это зло, ты никого там в доме не убил и не ранил?

Ш а р в и л а к а. Шарвилака не трогает испуганных и спящих. Я сегодня никого не убил и даже не ранил.

М а д а н и к а. Это правда?

Ш а р в и л а к а. Правда.

В а с а н т а с е н а (*приходя в себя*). О, жизнь возвратилась ко мне.

М а д а н и к а. Это хорошо.

Ш а р в и л а к а (*ревниво*). Маданика, почему ты сказала «хорошо»?

Лишь потому, что сердцем моим
Страсть к тебе овладела,
Вором я стал, преступником стал,
Хоть от рождения — честен!
Знай: до меня все предки мои
Жизнью достойной жили!
Знай: хоть лишил меня бог любви
Многих похвальных качеств,
Честь сохраняю я, как могу, —
Ты ж от меня уходишь!
Другом меня называешь ты,
Чтобы уйти к другому!

(*Значительно.*)

Знай: как деревья гордые, высокие
Плоды теряют, склеванные птицами,
Так состоянье люди благородные
Теряют, разоренные гетерами.
Любовь — костер, где пламя — наслаждения,
А топливо в нем — преданность влюбленных,
В костре том наши жертвоприношения
Сгорают — состояние и молодость!..

В а с а н т а с е н а (*с усмешкой*). Ах! Как неуместно его волнение!

Ш а р в и л а к а. Во всех отношениях
Глупцами я считаю тех мужчин,
Что доверяют женщинам и счастью:
Ведь ползают и женщины, и счастье
Зигзагами — как молодые змеи!
Любить не стоит женщин: ведь они
Влюбленного мужчину презирают.

Лишь с любящими нужно наслаждаться,
А равнодушных — быстро покидать!
Ведь справедливо говорят, что
Гетеры смеются и плачут за деньги,
К мужчинам в доверье легко они входят,
Но сами не верят они никому.
Поэтому людям и знатым, и честным
Их надо всегда избегать — ведь недаром
Гетера подобна жасмину, который
На месте сожжения трупов растет!

А также:

Морским волнам в своем непостоянстве
Все женщины подобны. Лишь мгновенье
Любовь их длится — так порой вечерней
Недолго светит алая заря.
Потом, лишив мужчину состоянья,
Они беднягу попросту бросают —
Как будто лака высохший кусок!

Да, женщины лукавы!

Одному они сердце свое отдают,
А второго призывным взглядом манят,
С третьим вино пьют из чаши одной,
А четвертому тело дарят свое.

Хорошо ведь сказал кто-то:

Не вырастет лотос на горной вершине,
И конской поклажи осел не сvezет,
Из зерен ячменных не вырастить риса,
А женщинам, тело свое продающим,
Не быть уже честными...

Проклятый Чарудатта! Не сдобровать тебе! (*Делает несколько шагов.*)

М а д а н и к а (*хватая его за край одежды*). Ты говоришь бессмыслицу и сердишься напрасно.

Ш а р в и л а к а. Как так напрасно?

М а д а н и к а. Это — украшения почтенной Васанта-сены.

Ш а р в и л а к а. Как?!

М а д а н и к а. Она доверила их почтенному Чарудатте.

Ш а р в и л а к а. Зачем?

М а д а н и к а (*сказав ему что-то на ухо*). Вот в чем дело.

Ш а р в и л а к а (*смущенно*). Увы,
Я листья по незнанию оборвал
С той ветви, под которой укрывался
В полдневный час от солнечных лучей!

В а с а н т а с е н а. Он раскаивается! Значит, он сделал это неумышленно.

Ш а р в и л а к а. Маданика, что же теперь делать?

М а д а н и к а. Ты ведь сам мудр.

Ш а р в и л а к а. Да нет же! Знаешь,
Ведь от природы женщины мудры,
Мужчины ж из трактатов философских
Нередко мудрость черпают свою.

М а д а н и к а. Шарвилака, послушай мой совет: верни украшения их владельцу.

Ш а р в и л а к а. Маданика, а если он пожалуется на меня приспешникам царя?

М а д а н и к а. Лучи луны не опаляют!

В а с а н т а с е н а. Верно, Маданика, верно!

Ш а р в и л а к а.

Маданика! По совести сказать,
Меня проступок мой не ужасает.
Зачем же ты рассказываешь мне
О том, как добр и честен Чарудатта?
Я слушаю тебя — и мой поступок
Во мне невольно пробуждает стыд.
А царь... Знай, царь бессилен в этом деле —
Ему не до таких пройдох, как я.

Однако твой совет противен житейской мудрости. Придумай что-нибудь другое.

М а д а н и к а. Есть здесь и другой выход.

Ш а р в и л а к а. Какой же это выход?

М а д а н и к а. Отдай эти драгоценности почтенной Васантасене, как будто их прислал с тобой почтенный Чарудатта.

Ш а р в и л а к а. И что из этого выйдет?

М а д а н и к а. Ты тогда не станешь уже вором, почтенный Чарудатта не будет тяготиться долгом, а почтенная госпожа получит свои украшения.

Ш а р в и л а к а. Это будет большим промахом.

М а д а н и к а. Нет, отдай украшения, а то как раз и выйдет большой промах.

В а с а н т а с е н а. Верно, Маданика, верно. Ты сказала так, словно ты уже отпущена на волю.

Ш а р в и л а к а.

Я принял добрый твой совет —
И сразу поумнел намного;
Безлунной ночью нелегко
Искать нам вехи путевые.

Маданика. Тогда подожди немного в этом храме бога любви, пока я доложу почтенной госпоже о твоём приходе.

Шарвилака. Пусть будет так.

Маданика (*подойдя к Васантасене*). Почтенная, здесь брахман, который пришел от Чарудатты.

Васантасена. Служанка, откуда ты знаешь, что это его человек?

Маданика. Почтенная, как мне не знать своего возлюбленного?

Васантасена (*дрожа в беззвучном смехе, про себя*). Хорошо сказано. (*Громко.*) Введи его.

Маданика. Как прикажет почтенная. (*Подойдя к двери.*) Войди, Шарвилака!

Шарвилака (*войдя, смущенно*). Здравствуй, почтенная!

Васантасена. Приветствую тебя, почтенный! Изволь сесть.

Шарвилака. Купец велит тебе сказать, что ему трудно сохранить эту шкатулку в его ветхом доме. Поэтому изволь взять ее. (*Отдает шкатулку Маданике и хочет уйти.*)

Васантасена. Почтенный, изволь передать ему мой ответ.

Шарвилака (*про себя*). Как же я пойду туда? (*Громко.*) Какой ответ?

Васантасена. Прими, почтенный, Маданику.

Шарвилака. Госпожа, я не понял.

Васантасена. А я поняла.

Шарвилака. В чем же дело?

Васантасена. Почтенный Чарудатта сказал мне, чтобы я отдала Маданику тому, кто принесет мне эти украшения. Понимай это так, что он ее тебе дарит.

Шарвилака (*про себя*). Да, она меня раскусила! (*Громко.*) Хвала тебе, почтенный Чарудатта! Хвала тебе!

К достоинствам должны стремиться люди —
Высоких чувств исполненный бедняк
Достойней богачей, лишенных чести!

А также:

К достоинствам должны стремиться люди —
Ведь нет на свете ничего такого,
Чего не мог бы человек добиться
Благодаря достоинствам своим!
И разве не при помощи достоинств

Вознесся лунный серп по воле Шамбху
К его недосыгаемой главе!
В а с а н т а с е н а. Где там возница?

Появляется возница с повозкой.

В о з н и ц а. Почтенная, повозка готова.

В а с а н т а с е н а. Служанка Маданика, взгляни-ка на меня поласковее. Я отпускаю тебя. Садись в повозку. Помни обо мне.

М а д а н и к а *(плача)*. Ты меня прогоняешь, почтенная. *(Падают к ее ногам.)*

В а с а н т а с е н а. Теперь тебя все будут уважать. Так иди же. Садись в повозку. Помни обо мне.

Ш а р в и л а к а. Благодарю, почтенная!.. Маданика!

На эту женщину поласковей взгляни

И голову склони пред ней с почтеньем:

Ведь ты благодаря лишь ей одной

Столь редкостный наряд заполучила —

Приобрела название супруги!

Садится с Маданикой в повозку и собирается ехать.

Г о л о с з а с ц е н о й. Всем, всем, кто здесь есть! Правитель объявляет: «Устрашась предсказания, что царем станет Арьяка, сын Гопалы, царь Палака повелел привезти его из деревни и заточить в темницу. Вам же надлежит быть каждому на месте и не предаваться беспечности».

Ш а р в и л а к а *(услышав это)*. Как! Царь Палака заточил в темницу Арьяку — моего милого друга! А я-то надумал жениться! О, горе! Но нет,

Мужчине в мире всех милее двое:

Возлюбленная и старинный друг;

Мне ж друг сейчас дороже ста красавиц!

Ладно. Я сойду с повозки. *(Сходит.)*

М а д а н и к а *(со слезами на глазах, складывая руки в мольбе)*. Не делай этого. Изволь отвезти меня сначала, мой почтенный супруг, в дом к своим родителям.

Ш а р в и л а к а. Хорошо, милая, хорошо! Ты высказала то, что было и у меня на душе. *(Обращаясь к вознице.)* Эй, добрый человек, знаешь ли ты дом купца Ребхилы?

В о з н и ц а. А как же!

Ш а р в и л а к а. Доставь туда мою любимую.

В о з н и ц а. Как прикажет почтенный.

М а д а н и к а. Как повелит мой супруг. Однако мой почтенный супруг должен быть осторожен. *(Уезжает.)*

Ш а р в и л а к а. Я теперь

Восстановлю против царя
Всех родственников, приживалов,
Восстановлю и всех людей,
Своим трудом добывших славу;
Я взбудоражу царских слуг,
Обиженных его презреньем.
Чтоб другу своему помочь,
Я ничего не пожалею —
Не так ли Яугандхараяна
Бежать Удаяне помог?

А также я

Нападением стремительным освобожу
Своего дорогого друга —
Без вины ведь схватили его враги,
За свою дрожащие шкуру!
Друга смело могу я сравнить с луной,
Поглощенной пастью Раху!
(Уходит.)

Входит служанка.

Служанка. Почтенная, возрадуйся! Пришел брахман от почтенного Чарудатты.

Васантасена. О! Какой счастливый сегодня день! Служанка, введи его с почетом и с ним сына гетеры.

Служанка. Как прикажет почтенная. (Уходит.)

Входят Майтрея и сын гетеры.

Майтрея. Ну и ну! Царь демонов Равана ездит на колеснице Пушпака, которую он получил за свои тяжкие подвиги воздержания. Я же, брахман, не совершал никаких аскетических подвигов и все же шествую в сопровождении шлюхи.

Служанка. Изволь посмотреть, почтенный, каков парадный вход в наш дом.

Майтрея (осматривая портал, с удивлением). О! Как роскошен вход в дом Васантасены! Все обрызгано водой, подметено, всюду зелень! Пол покрыт пестрым ковром из принесенных в жертву всевозможных ароматных цветов. Венец портала поднят так высоко, словно он хочет заглянуть в глубину небосвода! Стены портала украшены гирляндами цветов жасмина, которые свисают, качаясь, как хобот слона Айраваны! Его арка кажется выточенной целиком из слоновой кости. Здесь вывешено множество приносящих счастье цветных флажков, усыпанных жемчугами! Эти флажки, раскачиваясь от порывов ветра, манят меня, словно

пальцы, призывая: «Войди сюда!» С обеих сторон между колонн, поддерживающих арку входа, расставлены хрустальные вазы, приносящие счастье, а в них — зеленые побеги мангового дерева. Золотые, усыпанные алмазами двери крепки, как грудь демона! Роскошь этого портала мучит душу человека, впавшего в бедность, и властно притягивает к себе взгляды даже тех, кто равнодушен ко всему мирскому.

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Изволь войти сюда, в первый двор.

М а й т р е я (*входит и осматривается*). Ну и ну! Здесь, в первом дворе, ряды светлых зданий, сияющих, как луна, перламутр или лотос! Они словно напудрены благовонным белым порошком! Эти здания украшены золотыми лестницами, усыпанными всяческими самоцветными камнями. Ряды зданий словно бы любят городом Удждайини, обратясь к нему своими луноподобными ликами — хрустальными окнами, увенчанными жемчужными ожерельями. Привратник сидит важно, будто он ученый богослов, и дремлет. Вороны, слетевшиеся за рисом и простоквашей, которые приносятся в жертву и становятся их достоянием, не едят свою пищу — им не видно ее на ослепительно белом полу. Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, во второй двор.

М а й т р е я (*входя и осматриваясь*). Ну и ну! Здесь, во втором дворе, привязаны упряжные волы, раскормленные травой и мякиной, в которых они не знают отказа; рога у них натерты маслом. А там глубоко, как оскорбленный благородный человек, вздыхает буйвол. Здесь массируют шею козлу, словно борцу после схватки. Там заплетают гривы коням. Тут в стойле сидит обезьяна, связанная так крепко, будто это опасный вор. (*Смотрит в другую сторону.*) А здесь надсмотрщики дают слону хлебец из риса, жира и масла! Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в третий двор.

М а й т р е я (*входит и смотрит*). Ну и ну! Здесь, в третьем дворе, расставлены кресла для состоятельных гостей. На игральной доске лежит полупрочитанная рукопись, и стоят на этой доске фигуры из настоящих драгоценных камней. А подальше прогуливаются взад и вперед с разноцветными картинами в руках гетеры и старые приживалы, умеющие вызывать раздоры и примирения любовников. Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в четвертый двор!

М а й т р е я (*входит и осматривается*). Ну и ну! Здесь, в четвертом дворе, девушки бьют в барабан, и он гремит глухо, как гром из тучи. Звуки цимбал падают так, будто это валяются звезды с неба, когда израсходованы все их прежние заслуги. Флейта поет сладко, словно жужжит пчела. Здесь пальцы музыканта гладят вино, лежащую у него на коленях, гладят ее, как возлюбленную, которая разгневана и ревнует. А напротив дочери гетер, словно пчелы, опьяненные цветочным нектаром, поют сладкую песню, танцуют и с влюбленным видом читают вслух какие-то стихи. Кувшины с водой, висящие у окон, освежают воздух. Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в пятый двор!

М а й т р е я (*входит и смотрит*). Ну и ну! Сюда, в пятый двор, меня влечет сильный запах пряностей и масла, способный возбудить аппетит у бедного человека. Кухня, в которой очаг не угасает, словно дышит, испуская из дверей всевозможные приятные запахи. Аромат приготовляемых здесь кушаний дразнит мой желудок. Там, подальше, сын мясника моет потроха только что зарезанного животного, похожие на клочья рваной одежды. Повар стряпает самые разнообразные яства. Пекутся пирожные и готовятся лакомства. (*Про себя.*) Эх, если бы сейчас мне здесь предложили омыть ноги и пригласили отведать хотя бы одно из блюд!.. (*Глядя в другую сторону.*) Воистину, этих нарядных, украшенных гетер и их сыновей можно счесть за небесных дев и гандхарвов, а этот дом — за небесный дворец. Эй, дети гетер, кто вы такие?

Д е т и г е т е р. Ведь

Мы те, кто играет в чужих домах,
Мы вскормлены хлебом чужим,
Мы те, кто на свет произведены
Чужими друг другу людьми.
Хоть мы и богаты чужим добром,
Достоинства есть и у нас —
О них, однако, среди людей
Не принято говорить.
Мы — дети гетер! Веселимся мы,
Как стадо резвых слонят!

М а й т р е я. Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в шестой двор!

М а й т р е я (*входит и осматривается*). Ну и ну! Здесь, в шестом дворе, сразу видишь, как из золота и самоцветов сооружают арки, усыпанные сапфирами. Они похожи на радугу. Искусные мастера подбирают подходящие друг к другу бериллы, жемчужины, кораллы, топазы, сапфиры, изумруды, гранаты, яхонты и другие драгоценные камни; оправляют в золото рубины; изготавливают золотые украшения; на красную нить нанизывают жемчужины для ожерелья; осторожно полируют алмазы; просверливают раковины; на шлифовальных камнях шлифуют кораллы. Рассыпают на просушку свежий шафран. Разводят мускус, искусно выжимают сандаловый сок и составляют эссенции для духов. Гетерам и их возлюбленным дают бетель с камфарой. Они кокетливо переглядываются. Слышится смех. Непрерывно льется вино, и раздаются влюбленные голоса. Вот стоят слуги, вот служанки, а тут дальше — мужчины, бросившие своих жен, сыновей и имущество, все еще пьют, хотя гетеры, опьянев, уже покинули их. Покажи, куда мне идти, почтенная.

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в седьмой двор!

М а й т р е я (*входит и осматривается*). Ну и ну! Здесь, в седьмом дворе, в надежно запертой голубятне спокойно сидит пара голубей. Они целуют друг друга и счастливы. Попугай в клетке, набив брюхо простоквашей и рисом, словно брахман, читает стихи. Влюбленная ворона-вещунья болтает, не умолкая, как служанка, которую за усердную службу отпустили гулять. Кукушка — вечный подкидыш — кричит, словно разносчица воды, радостным голосом — она ведь полакомилась соками разных плодов. На крючках на стене висят ряды клеток. Стравливают перепелов. Болтают куропатки. Голуби летают в клетках. Домашний павлин, как бы усыпанный самоцветами, пляшет, размахивая крыльями, будто хочет остудить нагретый лучами солнца дворец. (*Смотрит в другую сторону.*) Пары фламинго, словно отлитые из сгущенного лунного света, идут вслед за красавицами, будто желая перенять их походку. Подальше шагают взад и вперед, как старые евнухи, прирученные журавли. Вот так та́к! Там стая всяческих птиц гонит гетеру. Воистину, дом гетеры мне кажется небесным садом. Покажи, куда мне идти, почтенная!

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенный! Соблаговоли войти сюда, в восьмой двор.

М а й т р е я (*входит и осматривается*). Почтенная! Вот идет кто-то в одежде из хлопчатой ткани. Он нацепил

на себя слишком много удивительных украшений и бредет, спотыкаясь, словно у него вывихнуты ноги в суставах. Кто это такой?

С л у ж а н к а. Это брат почтенной Васантасены.

М а й т р е я. Наверное, в прошлом рождении он совершил подвиги воздержания, раз теперь стал братом Васантасены?.. Однако нет,

Хоть у него приятный, сытый вид,
Хоть от него духов исходит запах,
Все ж людям подходить к нему не надо,
Как к дереву чампака, что растет
На месте том, где мертвецов сжигают.

(Оборачиваясь в другую сторону.)

Почтенная, кто это такая сидит там на высоком сиденье в одежде, расшитой цветами, в туфлях, надетых на умощенные маслом ноги?

С л у ж а н к а. Это мать нашей почтенной Васантасены.

М а й т р е я. Какое толстое брюхо у этой старой ведьмы. Ее ведь, пожалуй, сначала внесли сюда, как вносят в храм огромную статую Шивы, и только потом застроили стену и сделали великолепный портал вашего дома.

С л у ж а н к а. Негодный! Не издевайся так над нашей матерью! Она страдает лихорадкой чатуртхика.

М а й т р е я *(со смехом)*. Почтенная лихорадка чатуртхика! Обрати на меня, брахмана, столь милостивое внимание!

С л у ж а н к а. Негодный, ты умрешь!

М а й т р е я *(со смехом)*. Потаскухина дочь! Лучше умереть, чем таскать такое огромное брюхо!

Ну, видно, эта матушка пришла

В печальное такое состоянье

Из-за пристрастия к водке и наливкам.

Поэтому, когда она умрет,

Нажрется ею тысяча шакалов!

Почтенная, а у вас тут плавают на молоденьких лодочках?

С л у ж а н к а. Что ты? Нет, почтенный.

М а й т р е я. Впрочем, я задал не очень понятный вопрос. Ведь ваши лодочки — это пленительные грудки и ляжки, а плавают на них в свежей воде любви по морю страсти. Ну, вот я и осмотрел дом Васантасены и его восемь дворов, а также видел все, что в нем происходит, и мне воистину кажется, что я узрел здесь сразу все небо Индры. У меня недостает красноречия, чтобы воздать всему этому должное. Разве это дом гетеры? Это скорее часть дворца Куберы. Где же ваша почтенная Васантасена?

С л у ж а н к а. Она здесь, в саду, почтенный! Войди сюда!

М а й т р е я (*входит и смотрит*). Ну и ну! Как роскошен этот сад! Здесь посажена такая уйма деревьев с чудесными цветами! Между близко стоящими деревьями невысоко подвешены матерчатые качели, такие подходящие для широких бедер молоденьких красавиц. Тут растут золотой жасмин, шепхалика, малати, малика, навамалика, курабака, атимуктака и много других деревьев. Их цветы опадают сами. Этот сад воистину роскошней, чем небесный парк Нандана. (*Смотрит в другую сторону*.) Здесь в пруду красные лотосы подобны восходящему солнцу, и потому кажется, что над ними горит утренняя заря.

Здесь дерево ашока
С цветами молодыми
И все в побегах юных
Красуется, как воин
На поле битвы грозной —
Оно в цветах багряных,
Как воин в пятнах крови.

Хорошо, а где же ваша почтенная Васантасена?

С л у ж а н к а. Почтенный, опусти свой взор и ты увидишь ее.

М а й т р е я (*замечая Васантасену и подходя к ней*). Здравствуй, почтенная!

В а с а н т а с е н а. А! Это Майтрея! (*Встает*.) Добро пожаловать. Вот кресло. Изволь сесть здесь.

М а й т р е я. Изволь сесть ты, почтенная.

Оба садятся.

В а с а н т а с е н а. Все ли благополучно у сына купца?

М а й т р е я. Все благополучно, почтенная.

В а с а н т а с е н а. Почтенный Майтрея!

Ответь мне: с прежней радостью друзья

В дом Чарудатты славного спешат,

Как будто птицы — к дереву родному?

Добрейшая душа его — листва,

Его терпенье — ветви, верность — корни,

Его великодушие — цветы,

Все ж прочие достоинства его —

Плоды, растущие на древе этом!

М а й т р е я (*про себя*). Как правильно описала его эта негодная распутница! (*Вслух*.) А как же!

В а с а н т а с е н а. Зачем же ты пришел?

М а й т р е я. Выслушай меня, почтенная! Почтенный Чарудатта склоняет голову и складывает ладони перед госпожой и велит передать...

В а с а н т а с е н а (*почтительно сложив ладони*). Что передать?

М а й т р е я. Что он проиграл в кости твою шкатулку с золотом, приняв ее за свою, а потом хозяин игорного дома ушел по приказанию царя невесть куда...

С л у ж а н к а. Почтенная, благослови свою судьбу! Почтенный Чарудатта начал играть в кости.

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Вот как! Ее ведь унес вор, но он, великодушный, велит сказать, что проиграл ее в кости. За это-то я и люблю его.

М а й т р е я. ...а потому, почтенная, соблаговоли принять вот это жемчужное ожерелье.

В а с а н т а с е н а (*про себя*). Показать ему украшения? (*Задумываясь.*) Нет, пока не стоит.

М а й т р е я. Почему же почтенная госпожа не берет ожерелье?

В а с а н т а с е н а (*с улыбкой взглянув на служанку*). Майтрея, почему бы мне не взять ожерелье? (*Берет его и кладет рядом с собой. Про себя.*) Как может источать нектар дерево манго после того, как оно лишилось цветов? (*Вслух.*) Почтенный! Передай от меня этому игроку — почтенному Чарудатте, что нынче вечером я его навещу.

М а й т р е я (*про себя*). Пожалуй, она хочет прийти, чтобы получить еще что-нибудь. (*Вслух.*) Я скажу ему, почтенная... (*про себя*) чтобы он воздержался от связи с этой гетерой. (*Уходит.*)

В а с а н т а с е н а. Служанка, возьми мои украшения. Пойдем, порадуем почтенного Чарудатту.

С л у ж а н к а. Посмотри, почтенная, посмотри! Собирается гроза!

В а с а н т а с е н а.

Пусть сгущаются тучи,
Пусть тьма настает,
Пусть идут непрерывные ливни!
Мне гроза — нипочем,
Не страшусь ничего,
Ибо к милому сердце стремится!

Служанка, иди скорее, возьми украшения.

Все уходят.

Конец четвертого действия

ПЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

НЕПОГОДА

Страдающий от любви Чарудатта сидит в кресле.

Ч а р у д а т т а (*смотрит вверх*). Не ко времени настает непогода! Ведь сейчас

Тучи заволакивают небо,
Словно сердце, мучимое страстью;
Видя приближение непогоды,
Радостно домашние павлины
Пышные хвосты свои раскрыли,
А в полет собравшиеся гуси
Криком выражают недовольство.

А также:

Темно-синяя туча — как буйвола мокрый живот,
Туча, цветом подобная черной пчеле,
Нарастая, готова по небу пройти,
Словно Вишну второй.
Молний свет — словно плащ ярко-желтый его,
А косяк журавлей, что сомкнулся в предвестье грозы, —
Это раковина, еле видная в час грозовой,
У владыки в руке...
И далее повторю:

Как тело Вишну, темно-синяя
На небо туча поднимается;
Клин журавлей, по небу мчащийся,
Согнулся — и напомнил раковину
У Вишну в поднятой руке.
А молнии, из тучи бьющие,
Одежду желтую напомнили
Могучего дискометателя.
Эти потоки дождя
Так стремительно льются из тучи,
Словно струится с небес
Расплавленное серебро;
В свете сверкающих молний
Они нам видны на мгновенье;

Чудится — падают вниз
Ключья небесных одежд.

Небо подобно картине,
Где ветром разорваны тучи —
Тучи, что мчатся высоко
Одна за другой;
С каждым мгновеньем они
Изменяют свои очертанья:
То это парочки птиц чакравака,
Что рядом летят;
То это гуси,
Что в бурю от стаи отбились;
То они мечутся
Стаей испуганных рыб;
То крокодилами
Кажутся рваные тучи;
То вдруг из них
Возникают на небе дворцы!

Это высокое небо
От сумрачных туч потемнело —
Лику слепца Дхритараштры
Подобно оно;
Радостно пестрый павлин
Издает свои крики —
Словно Дурьёдхана
Силой кичится своей;
Будто Юдхиштхира,
В кости вконец проигравшись,
Кокила горестно
В дальний отправился путь;
Гуси опять поднялись,
В неизвестном летят направленье, —
Пандавы так же
Бежали в неведомый лес.
(Задумчиво.)

Уже давно Майтрея ушел к Васантасене — и до сих пор не возвращается.

Входит М а й т р е я.

М а й т р е я. Как алчна, как ненасытна эта гетера! Поэтому мне ничего и не удалось добиться. Не сказав ничего любезного, она взяла жемчужное ожерелье, как будто оно

всегда ей принадлежало. Получив такой щедрый подарок, она даже не предложила мне отдохнуть и выпить перед уходом хотя бы чашку воды. Поэтому я не желаю больше лицезреть эту гетеру, потаскухину дочь! (*Грустно.*) Правильно ведь говорится: «Трудно найти лотос, который вырос не из корневища; купца, который не обманывает; ювелира, который не ворует; деревенскую сходку без ссоры и гетеру, лишенную алчности». Пойду-ка я к моему дорогому другу и уговорю его не искать связи с этой гетерой. (*Идет и смотрит.*) Как! Мой дорогой друг сидит в саду! Так я подойду к нему. (*Подходит.*) Здравствуй, почтенный! Да преуспеешь ты!

Ч а р у д а т т а (*увидев его*). А! Прибыл мой друг Майтрея. Здравствуй, приятель. Садись!

М а й т р е я. Я уже сел.

Ч а р у д а т т а. Друг, расскажи, как обернулось дело.

М а й т р е я. Наши дела идут из рук вон плохо.

Ч а р у д а т т а. Она отказалась взять жемчужное ожерелье?

М а й т р е я. Ну, разве нам выпадет такое счастье! Она взяла это ожерелье и в знак благодарности сложила у головы руки, нежные, как молодой лотос.

Ч а р у д а т т а. Так почему же ты говоришь, что дела идут из рук вон плохо?

М а й т р е я. А что же тут хорошего? Ты потерял ожерелье из жемчуга — лучшего, что родится в четырех морях, — из-за какой-то шкатулки с золотом, а мы ведь ее не проели и не пропили — ее унесли у нас воры.

Ч а р у д а т т а. Друг, не говори так!

То плата за доверие ее,

Которое она нам оказала,

Вручив нам на хранение шкатулку!

М а й т р е я. О друг! Меня мучит еще и то, что она подала знак своей подруге и, закрыв лицо краем одежды, смеялась надо мной. Поэтому я как брахман склоняю теперь перед тобой голову и заявляю тебе: «Не вступай в связь с этой гетерой». Она принесет нам много неприятностей. Ведь от гетеры, как от камешка, попавшего в туфлю, не просто избавиться. И еще, друг, даже сорняк не растет там, где живут гетера, слон, писец, нищий, прорицатель или осел.

Ч а р у д а т т а. Друг, довольно! Надеюсь, ты кончил злословить? Ведь меня и так удерживает от этого мое нынешнее положение. Посмотри:

И рад бы конь стремглав лететь,
Да ноги не несут его
Так быстро, как бы он хотел, —
Дыханья не хватает.
Изменчиво во все концы
Летят желания мужчин —
Но разбиваются в пути,
Чтоб в сердце вновь вернуться.

И еще, друг:

Ее любовь принадлежит тому,
Кто ей предложит деньги, — ведь гетеры
За деньги покупаются, увь...

(Про себя.)

Таких людей нельзя завоевать достоинствами. *(Вслух.)*

А я живу, покинутый богатством, —

И потому ее покинул я...

М а й т р е я *(потупившись, про себя)*. По тому, как он
смотрит на небо и глубоко вздыхает, я вижу, что, стремясь
погасить его любовь, я только подливаю масло в огонь.
Ведь недаром же говорят, что любовь строптива. *(Вслух.)*
А еще Васантасена сказала: «Передай Чарудатте, что я
приду к нему сегодня вечером». Из этого я заключаю, что
она не удовлетворилась жемчужным ожерельем и придет
выпрашивать еще что-нибудь.

Ч а р у д а т т а. О друг! Пусть она придет! Отсюда
она уйдет вполне удовлетворенной.

Входит К у м б х и л а к а.

К у м б х и л а к а. Знайте, люди:

Чем сильнее дождь — тем больше

Кожа мокнет на спине,

Чем пронзительнее ветер —

Тем сильнее в сердце дрожь!

(Со смехом.)

Играю я на флейте,

В которой семь отверстий,

На семиструнной вине,

На звучной, сладкогласной

Играю — и при этом

Пою я, как осел!

Кто — Нарада иль Тумбуру —

Со мной сравняться могут

В моем искусстве славном?

Мне приказала почтенная Васантасена: «Иди, Кумбхилака,
передай почтенному Чарудатте, что я приду к нему!» И вот

я иду в дом к почтенному Чарудатте. (*Идет и у входа видит Чарудатту.*) Вот и Чарудатта стоит в саду. А рядом с ним — тот дурень, молодой брахман. Сейчас я подойду к ним. Но как же я пройду через закрытую садовую калитку? Ага, придумал! Я подам знак этому глупому брахману. (*Бросает пригоршню земли.*)

М а й т р е я. Ой, кто это кидает в меня землей, в то время когда я стою, как дерево капитха за оградой?

Ч а р у д а т т а. Это уронили что-то голуби, играющие на карнизе беседки.

М а й т р е я. Ах ты, сын рабыни, подлый голубь! Постой, эта палка сейчас заставит тебя слететь на землю с беседки, как перезрелый плод манго. (*Подняв палку, бежит к голубям.*)

Ч а р у д а т т а (*потянув его за жертвенный шнур*). Друг, сядь! К чему это? Пусть остается в покое влюбленный голубь с его подругой.

К у м б х и л а к а. Как! Он видит голубя, а меня не видит? Хорошо же! Я брошу в него еще горсть земли. (*Делает это.*)

М а й т р е я (*оглядываясь по сторонам*). Ах, это Кумбхилака! Сейчас я к нему подойду. (*Подойдя к нему и открыв калитку.*) Эй, Кумбхилака, заходи! Добро пожаловать!

К у м б х и л а к а (*входит*). Приветствую тебя, почтенный!

М а й т р е я. Что привело тебя сюда в такую непогоду?

К у м б х и л а к а. Увы, это она!

М а й т р е я. Кто она?

К у м б х и л а к а. Это она!

М а й т р е я. Почему, сын рабыни, ты вздыхаешь, словно старый нищий в голодную годину. «Это она, она...»

К у м б х и л а к а. А ты-то почему каркаешь, как влюбленный ворон на празднике Индры: «Кто? Кто?»

М а й т р е я. Так расскажи!

К у м б х и л а к а (*про себя*). Хорошо, я расскажу так. (*Вслух.*) Я задам тебе вопрос.

М а й т р е я. Что ж, я докажу тебе, что твоя голова стоит всего лишь моих ног.

К у м б х и л а к а. Посмотрим. А пока что ответь, в какое время года цветет манго?

М а й т р е я. Ах ты, сын рабыни, конечно, летом!

К у м б х и л а к а (*смеясь*). А вот и нет! А вот и нет!

М а й т р е я (*про себя*). Что я теперь ему скажу? (*Задумывается.*) Ага! Пойду спрошу у Чарудатты. (*Гром-*

ко.) Эй, подожди минутку! (*Подойдя к Чарудатте.*) О друг, я хочу спросить у тебя, когда цветет манго?

Ч а р у д а т т а. Глупый, пора его цветения — весенняя, васанта.

М а й т р е я (*подойдя к слуге*). Дурак, пора его цветения — васанта.

К у м б х и л а к а. Задам тебе второй вопрос: кто оберегает от врага богатые селенья?

М а й т р е я. А... стража!

К у м б х и л а к а (*смеясь*). А вот и нет!

М а й т р е я. Ну и ну! Совсем я осрамился! Хорошо, спрошу опять у Чарудатты! (*Снова, повернувшись, спрашивает у Чарудатты.*)

Ч а р у д а т т а. Друг, то дело войска — сена.

М а й т р е я (*подойдя к слуге*). Эй, сын рабыни, это войско — сена.

К у м б х и л а к а. А теперь скажи быстро оба слова вместе.

М а й т р е я. Сенавасанта.

К у м б х и л а к а. Нет, скажи задом наперед!

М а й т р е я (*повернувшись вокруг себя*). Сенавасанта.

К у м б х и л а к а. Ах, глупый брахман, переставь же слоги!

М а й т р е я (*переставив ноги*). Сенавасанта.

К у м б х и л а к а. О дурак! Слова переставь!

М а й т р е я (*подумав*). Васантасена.

К у м б х и л а к а. Так вот, она пришла.

М а й т р е я. Надо сейчас же сказать об этом Чарудатте. (*Подойдя к нему.*) О Чарудатта, пришел тот, кому мы должны.

Ч а р у д а т т а. Откуда в нашем доме может появиться тот, кому мы должны?

М а й т р е я. Если не в доме, то уж в дверях. Это пришла Васантасена.

Ч а р у д а т т а. Друг, зачем ты меня обманываешь?

М а й т р е я. Если не веришь тому, что я говорю, спроси у Кумбхилаки. Эй ты, Кумбхилака, сын рабыни, иди сюда!

К у м б х и л а к а (*подходя*). Приветствую тебя, почтенный!

Ч а р у д а т т а. Здравствуй, уважаемый. Скажи, и вправду пришла Васантасена?

К у м б х и л а к а. Да. Вот она.

Ч а р у д а т т а (*с радостью*). Уважаемый, я никогда не оставался в долгу перед теми, кто приносил мне хорошие вести. Возьми это в подарок! (*Дает ему свой плащ.*)

К у м б х и л а к а *(берет и кланяется. Радостно)*.
Я сообщу это почтенной госпоже! *(Уходит.)*

М а й т р е я. А знаешь ли, зачем пришла она в такую непогоду?

Ч а р у д а т т а. Друг, я не могу понять этого толком.

М а й т р е я. А я знаю. Она думает, что жемчужное ожерелье стоит мало, а шкатулка с золотом — дороже. Поэтому, не удовлетворяясь заменой, она пришла потребовать еще чего-нибудь.

Ч а р у д а т т а *(про себя)*. Она уйдет удовлетворенной!

Входит В а с а н т а с е н а, взволнованная, одетая в великолепное платье гетеры. С ней с л у ж а н к а, несущая зонт, и п р и ж и в а л.

П р и ж и в а л *(указывая на Васантасену)*.

Она подобна Шри — но только
Ей лотоса недостает;
Своим излюбленным оружием
Сам бог любви зовет ее;
Она — печаль всех женщин честных,
Она — цветок прекрасный с древа
Владыки страсти и любви!
Смотри: стыдливо предвкушая
Миг наслаждения, она
Походкой плавной и неспешной
Идет по лугу сладострастья,
И с ней, ее сопровождая,
Идут любовники толпой!

Васантасена, посмотри, посмотри!
Словно гонги, подвешенные к горам,
Тучи гром низвергают на землю;
Эти тучи мрачны, словно женщин сердца,
Истомленные долгой разлукой.
И павлины, заслыша раскат громовой,
Вверх взлетают и воздух колышат,
И хвосты их колеблются, как веера,
На которых горят самоцветы!

И затем:

Лягушки, подставляя спины
Потокам ливня непрерывным,
Пьют жадно воду дождевую,
И рты их вымазаны в тине.
Дерет павлин влюбленный глотку,
И нипа-дерево в расцвете
Стоит и светится цветами,
Как многосвечник негасимый.

Подобные нечестным людям,
Свой род позорящим навеки,
Луну во мраке тучи прячут,
Украва ее, как драгоценность,
Им вверенную на хранение;
А молния — как молодая
Распутница из низшей касты,
Мелькает, мечется повсюду...

В а с а н т а с е н а. Ты правильно сказал, умнейший.
Ведь сейчас

Ночь, как соперница разгневанная,
Дорогу преграждает мне,
И задержать меня старается
Раскатов речь громовой:
«Куда торопишься, безумная? —
Твердит она. — Ведь милый твой
Со мной любовью наслаждается;
Не облака — то груди смуглые
Касаются одна другой!..»

П р и ж и в а л. Ну что ж. Так ты поспорь с нею!

В а с а н т а с е н а. Умнейший, какой смысл спорить
с разбушевавшейся женской натурой? Умнейший, запомни:

Пусть гром гремит и дождь идет,
Пусть молнии сверкают —
Но женщины, что в этот час
Спешат к своим любимым,
Не замечают на пути
Ни холода, ни зноя!..

П р и ж и в а л. Васантасена, смотри, смотри! Вон еще
Ветром гонимая туча — подобна царю,
К битве спешащему с войском могучим своим,
Струи дождя — словно ливень отточенных

стрел,
Гром — словно бой барабанный, зовущий
войска,
Молнию — знамени я уподобить готов.

Весь лунный свет эта туча вбирает в себя —
Так победитель взимает великую дань,
Город заняв, не удержанный слабым врагом.

В а с а н т а с е н а. Это так.

Царю слонов своим подобны цветом,
Проходят тучи, душу подавляя;
Их животы отвислы и раздуты,
И молнии пронизывают их,
И журавли сквозь них летят, и мрачно

Негодница — коварнейшая цапля
Кричит: «Дождь! Дождь!» — и растравляет
рану

Души моей, как бьющий барабан,
Что женщин, с их мужьями разлученных,
Обрек на неминуемую смерть...

П р и ж и в а л. Васантасена, это так. Но посмотри:
Уподоблю я небо слону,
Опьяненному страстью любовной;
Журавли — его белый тюрбан,
Вспышки молний — трепещущий хвост.

В а с а н т а с е н а. Посмотри, умнейший, посмотри:
Эти тучи темны,
Будто тамала влажные листья,
Эти тучи темны —
Они солнце похитили с неба.
Муравьиные кучи
Осели, размытые ливнем, —
Так слоны оседают,
Сраженные стрелами насмерть.
Золотому светильнику
Молнии эти подобны,
Золотому светильнику
В царских чертогах высоких.
Эти тучи темны,
Они отняли солнце у неба —
Так разбойник жену
Отнимает у слабого мужа.

П р и ж и в а л. Васантасена, смотри, смотри!
Тучи в поясах блестящих молний,
Как слоны, друг к другу устремились —
Не они ли по веленью Индры
Держат землю на потоках ливня,
Словно на серебряных цепях!

И посмотри еще:

Тучи, гонимые властным ветром,
Темные, как буйволиное стадо,
Молниями окрыленные тучи,
Тучи, бурлящие, как океаны,
Мчатся над нами, и струи ливня,
Словно летящие с неба стрелы
Из драгоценнейших самоцветов,
Буйно врезаются в эту землю,
В землю, травой покрытую свежей,
Благоухающую цветами.

В а с а н т а с е н а. Умнейший, здесь еще
На горизонте туча возникает,
Всю даль окрасив краской темно-синей.
«Иди! Иди!» — зовут ее павлины
Пронзительными криками своими;
Стремительно взлетает журавлиха,
Чтобы обнять ее крылами страстно;
И, расставаясь с лотосами, гуси
Глядят на тучу эту с беспокойством.

П р и ж и в а л. Это так. Но посмотри же:
Лотосы — глаза свои — смежив,
Мир сейчас как будто спит недвижно
В доме, что воздвигнут из потоков
Бесконечно льющегося ливня,
Спит под этим небом необъятным,
Под зонтами движущихся туч.
Стерлась грань меж днем и ночью темной;
Темнота, объявшая просторы,
Исчезает только на мгновенье
В свете молний, чтоб вернуться снова, —
И закрыт для взора горизонт.

В а с а н т а с е н а. Умнейший, это так.
Но смотри, смотри!
Пропали звезды, как услуга,
Оказанная злему человеку.
И горизонт поблек от темной тучи,
Как женщина в томительной разлуке.
Мне чудится — расплавил небо Индра —
Владыка тридцати богов могучих, —
И льется небо на землю водою.

И посмотри еще:
То туча поднимается все выше,
То вдруг начнет на землю опускаться,
И дождь струит, и громыхает громом,
И все окрест окутывает мраком,
И вид свой непрерывно изменяет —
Как человек, который очень долго
Был бедняком — и вдруг разбогател.

П р и ж и в а л. Это так.
Мне кажется, все небо полыхает
Сияньем молний и смеется громко
Курлыканьем несчетных журавлей,
Неудержимой радостью объято;
И кажется, потоки ливня — стрелы
Из радуги летят — из лука Индры,

А небеса кричат раскатом грома
И мечутся в порывах буйных ветра,
И тучи там клубятся, словно дым.

В а с а н т а с е н а.

Бесстыдница-туча!
Ты громом пугаешь меня,
Меня ты хватаешь руками —
Потоками ливня —
В то время, когда
Я к любимому в дом тороплюсь!

О Индра!

Тебе своей любви я не дарила —
Что ж львиным ревом туч ты громыхаешь?
Тебе не подобает преграждать
Дорогу мне завесою из ливня —
Ведь на свиданье с милым я спешу!

А также:

О Индра! Чтоб Ахальей насладиться,
За Гаутаму себя ты выдал ложно —
Так будь же снисходителен ко мне
И тучи отзови назад скорее!

И еще:

О Индра! Громыхай и лей дожди,
Мечи на землю сотни белых молний —
Но женщину, что к милому спешит,
Тебе не удержать, великий Индра!
...Пусть гром гремит, раз так ему угодно,
Мужчины ведь жестоки, знаю я;
Ты ж, молния, помилосердствуй — разве
Тебе страданья женщин не близки?

П р и ж и в а л. Почтенная Васантасена, довольно сетовать! Ведь молния тебе помогает.

Смотри: как шнур подвижный золотой,
Что Айраваты грудь собой украсил,
Как знамя белое на горной выси
И как светильник во дворце у Индры,
Она тебе указывает дом
Возлюбленного...

В а с а н т а с е н а. Умнейший, ведь это его дом?

П р и ж и в а л. Ты сведуща во всех искусствах. Поэтому тебя не нужно ничему учить. Но все же моя любовь к тебе заставляет меня дать тебе один совет: не гневайся слишком, когда ты войдешь сюда:

Когда ты гневна — наслажденье любви исчезает,
Но разве без гнева на свете бывает любовь?

Сердись же сама и серди своего дорогого,
Сама наслаждайся, его услаждая собой.
Пусть будет так! Эй! Эй! Скажите почтенному Чарудатте:

Когда воздух пропитан
Густым ароматом цветов
От цветущих деревьев кадамба и нипа,
Когда небо украшено тучами сплошь,
В дом явилась она,
Чтоб с любимым своим повстречаться.
Дождь смочил ее кудри,
Пугал ее гром по пути,
Но явилась она —
И с тобой дожидается встречи, —
Вот стоит она,
Грязь обмывая с браслетов ножных...

Ч а р у д а т т а (*прислушиваясь*). Друг, узнай, что там такое.

М а й т р е я. Как прикажет почтенный. (*Подходит к Васантасене. Почтительно.*) Добро пожаловать, почтенная!

В а с а н т а с е н а. Приветствую тебя, почтенный, здравствуй! (*Приживалу.*) Умнейший, эта служанка с зонтом к твоим услугам.

П р и ж и в а л (*про себя*). Ничего не скажешь: она с большим тактом дает мне понять, что мне следует уйти. (*Вслух.*) Хорошо, почтенная Васантасена.

Не подобна ли рынку гетера?
Порождает чванливость она,
Ложь и хитрость, обман и бесчестье
Порождает коварной душой.
Не она ль — наслажденья обитель,
Место похоти, оргий ночных...
Пожелаем ей все же успеха —
Пусть ценою любезности купит
Эта женщина счастье свое!
(*Уходит.*)

В а с а н т а с е н а. Почтенный Майтрея, где твой игрок?

М а й т р е я (*про себя*). Ну и ну! Это очень лестно для моего дорогого друга, что его называют игроком. (*Вслух.*) Он здесь, в сухом саду.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, что называют у вас сухим садом?

М а й т р е я. То место, где не едят и не пьют, почтенная.

Васантасена улыбается.

Соизволь войти, почтенная.

В а с а н т а с е н а (*тихо служанке*). Что мне сказать ему, когда я войду?

С л у ж а н к а. Скажи так: счастлив ли для тебя этот вечер, игрок?

В а с а н т а с е н а. Смогу ли я сказать это?

С л у ж а н к а. Случай поможет!

М а й т р е я. Изволь войти, почтенная.

В а с а н т а с е н а (*входит, подходит к Чарудатте и легонько ударяет его цветами*). Эй, игрок, счастлив ли для тебя этот вечер?

Ч а р у д а т т а (*поднимая на нее взгляд*). О, пришла Васантасена! (*Встает с радостью.*) О, милая!

Глаз я вечером не смыкал,
Ночь во вздохах я проводил,
Но сегодня встретил тебя,
Большеглазая, наконец!
Этот вечер будет концом
Всей печали долгой моей!

Добро пожаловать, почтенная! Вот сиденье. Изволь сесть здесь.

М а й т р е я. Вот сиденье, изволь сесть, почтенная!

Васантасена садится, затем садятся все.

Ч а р у д а т т а. Друг!

Смотри: кадамбы-дерева цветов,
Заложенный ей за ухо, свисает,
Роняя тихо капли ей на грудь, —
Как будто грудь — сиятельный царевич
И вскоре унаследует престол.

Друг, оба одеяния Васантасены промокли. Изволь принести ей два других лучше.

М а й т р е я. Как прикажет почтенный.

С л у ж а н к а. Стой, почтенный Майтрея! Я все сделаю для почтенной госпожи. (*Делает это.*)

М а й т р е я (*тихо Чарудатте*). Друг, я хочу кое о чем спросить почтенную госпожу.

Ч а р у д а т т а. Изволь.

М а й т р е я (*вслух*). Зачем ты шла сюда в такую непогоду и тьму, когда не видно даже луны?

С л у ж а н к а. Почтенная, этот брахман задает справедливый вопрос.

В а с а н т а с е н а. Скажи лучше, хитрый.

С л у ж а н к а. Почтенная пришла спросить, какова цена этому жемчужному ожерелью.

М а й т р е я (*тихо Чарудатте*). Говорил я тебе! Она недовольна, думает, жемчужное ожерелье стоит дешево, а шкатулка с золотом — вещь дорогая. Пришла выпросить еще что-нибудь.

С л у ж а н к а. Почтенная проиграла в кости жемчужное ожерелье, приняв его за свое, а затем хозяин игорного дома ушел по приказанию царя неизвестно куда.

М а й т р е я. Почтенная, она говорит то, что сказал я.

С л у ж а н к а. До тех пор, пока хозяин игорного дома не вернется, прими эту шкатулку с золотыми украшениями. (*Показывает ее.*)

Майтрея не решается взять шкатулку.

Почтенный, ты что-то слишком долго размышляешь. Уж не видел ли ты ее раньше?

М а й т р е я. Почтенная, мой взгляд приковала к себе искусная работа.

С л у ж а н к а. Почтенный, твои глаза обманывают тебя. Это ведь та самая шкатулка с золотыми украшениями.

М а й т р е я (*радостно*). О друг, это ведь та самая шкатулка с золотыми украшениями, которую из нашего дома унесли воры.

Ч а р у д а т т а. Друг,

Не ту же ль хитрость нам преподнесли,

Которую мы выдумали сами,

Чтобы достойно заплатить за вещь,

Что нам была дана на сохраненье?

Но, к сожаленью, это лишь обман.

М а й т р е я. Клянусь честью брахмана, это не обман!

Ч а р у д а т т а. Тогда и мне приятно слышать приятное.

М а й т р е я (*тихо Чарудатте*). Я спрошу ее, откуда она взяла шкатулку.

Ч а р у д а т т а. Спроси, что ж в этом плохого.

М а й т р е я (*шепчет что-то на ухо служанке, затем вслух*). Вот так.

С л у ж а н к а (*шепчет что-то на ухо Майтрее, затем вслух*). Да, так.

Ч а р у д а т т а. О чем говорят здесь? Не касается ли это нас?

М а й т р е я (*шепчет что-то на ухо Чарудатте, затем вслух*). Вот так.

Ч а р у д а т т а. Дорогая, действительно это та самая шкатулка с золотом?

С л у ж а н к а. А как же, почтенный!

Ч а р у д а т т а. Дорогая, я никогда не оставлял без награды принесшего добрую весть. Возьми это кольцо. *(Увидев, что на его руке нет кольца, смущается.)*

В а с а н т а с е н а *(про себя)*. За это-то я и люблю его.

Ч а р у д а т т а *(тихо Майтрее)*. Увы!

Зачем нужна на этом свете жизнь,
Тому, кто злой судьбой лишен богатства?
И гнев его, и милость — все бесплодно,
Ибо не может он вознаграждать!

И еще:

На этом свете бедный человек
Подобен птице, потерявшей крылья,
Подобен водоему без воды,
Змее, которой выломали зубы...

А также:

Обедневшие люди
Не подобны ль пустынным домам,
Обмелевшим колодцам,
Потерявшим листву деревьям?
Позабыты друзьями они
И знакомыми всеми,
Ибо делать услуги
Не могут им в нужное время.

М а й т р е я. Довольно предаваться пустым сожалениям. *(Вслух со смехом.)* Почтенная, изволь отдать мне также купальный передник!

В а с а н т а с е н а. Почтенный Чарудатта! Я недостойна того, чтобы ты дарил мне жемчужное ожерелье.

Ч а р у д а т т а *(смущенно улыбаясь)*. Васантасена, представь себе,

Кто же поверит, что все это — правда?
Всякий во всем обвинить меня может —
Знай, в этом мире бесславная бедность
Лишь подозренье к себе вызывает.

М а й т р е я. Служанка, почтенная госпожа собирается остаться здесь на ночь?

С л у ж а н к а *(со смехом)*. Почтенный Майтрея, ты проявляешь излишнее любопытство.

М а й т р е я. О друг! Бог дождя вошел сюда с сильными потоками ливня. Кажется, он хочет прогнать нас, счастливо сидящих здесь.

Ч а р у д а т т а. Ты правильно заметил, почтенный:

Дождя потоки падают с небес,
Как будто небо плачет безутешно,
Оплакивая бедствия луны;

И струи ливня пробивают тучу,
Как тину стеблем лотос пробивает.

А также:

Как плащ Баладевы, там тучи темны,
Они истекают потоками ливня;
С душой благороднейшего человека
Сравниться лишь может тех струй чистота.
Как Арджуны стрелы, те струи летят,
Вонзаются в землю стремительно-остро
И вмиг рассыпаются — словно упал
К нам жемчуг из тайных сокровищниц Индры.

Друг, смотри, смотри!

Все небо красной молнией объято,
И тучи в небе в этот час чернеют,
Как тамала растертая кора,
И веет благотворный и прохладный
Благоухающий вечерний ветер.
Друг, молнию, что обнимает небо,
Я уподоблю женщине влюбленной,
Которая, обрадовавшись тучам,
Сама пришла к возлюбленному в дом.

Васантасена влюбленно обнимает Чарудатту.

Ч а р у д а т т а (*радостно обнимая ее*).

О туча, громче, громче громыхай —
Не по твоей ли милости великой,
Измученное пыткой любви,
Мое сегодня оживает тело,
И дереву цветущему кадамба
Отныне уподобилось оно —
Оно порозовело от объятий,
И сладострастья дрожь бежит по коже.

М а й т р е я. Ах, непогода, ты — дочка рабыни! Ты
ведешь себя сейчас подло. Зачем ты пугаешь молнией по-
чтенную гостью?

Ч а р у д а т т а. Друг, нельзя осуждать ее.

Пусть длится непогода сотни лет,
Пусть дождь идет и молния сверкает!
Ведь если б не она — не знать бы счастья,
Любимая меня б не обняла,
Любимая, которая так долго
Мне, бедняку, казалась неприступной!

И еще, о друг,

Воистину, тот счастлив на земле,
Кто к телу прижимает своему

Прохладное и влажное от ливня
Возлюбленной трепещущее тело,
Возлюбленной, пришедшей в дом к нему!
Милая Васантасена!
От старости здесь крыша на колоннах
Чуть держится, колонн же основания
Расшатаны; и эта расписная
Стена с потрескавшейся штукатуркой
Идущим ливнем вся увлажнена.
(Посмотрев на небо.) Вот радуга — лук Индры. Смотри,
смотри, любимая!

Кажется, уже зевает небо:
Молния — его язык багровый,
Радуга — раскинутые руки,
Туча — исполинский подбородок.
Так иди же! Мы войдем с тобой во внутренние покои.
(Встает и идет.)

Падают, падают с неба потоки дождя,
Так отбивая, подобно играющей вине,
Громко — по пальмовым листьям,
Чуть слышно — по веткам,
Звонко — по древним камням,
Стремительно-гулко — по лужам.

Все уходят.

Конец пятого действия

ШЕСТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ОШИБКА С ПОВОЗКОЙ

Входит служанка.

С л у ж а н к а. Как? Почтенная госпожа до сих пор
не встала? Пойду разбужу ее. (Идет.)

Васантасена спит под покрывалом.

(Посмотрев на нее.) Вставай, вставай, почтенная! Уже настало утро.

В а с а н т а с е н а (*просыпаясь*). Как же ночь могла превратиться в утро?

С л у ж а н к а. Для нас это утро, а для тебя, почтенная, все еще, кажется, ночь.

В а с а н т а с е н а. Служанка, а куда делся ваш игрок?

С л у ж а н к а. Почтенная, Чарудатта, отдав распоряжения Вардхаманаке, уехал в запущенный парк Пушпакарандаку.

В а с а н т а с е н а. Какие же он отдал распоряжения?

С л у ж а н к а. Он велел заранее, еще до рассвета, приготовить повозку для тебя, почтенная Васантасена!

В а с а н т а с е н а. Служанка, куда же я должна ехать?

С л у ж а н к а. Туда, где будет ждать тебя Чарудатта, почтенная.

В а с а н т а с е н а (*обнимая служанку*). Служанка, ночью я не могла на него наглядеться вдоволь. Может быть, я посмотрюсь на него днем? Служанка, где я сейчас? Неужели во внутренних покоях?

С л у ж а н к а. Ты проникла не только во внутренние покои, но и в сердце к каждому в доме.

В а с а н т а с е н а. Слуги Чарудатты опечалены?

С л у ж а н к а. Они опечалятся.

В а с а н т а с е н а. Когда?

С л у ж а н к а. Когда уйдет почтенная госпожа.

В а с а н т а с е н а. Тогда мне следует печалиться больше всех. (*Приветливо*.) Служанка, возьми это жемчужное ожерелье, пойди к моей сестре — почтенной Дхуте — и вручи ей его. Скажи ей при этом, что я покорена достоинствами почтенного Чарудатты и стала его и ее рабыней. Так пусть же впредь это ожерелье украшает ее!

С л у ж а н к а. Почтенная, Чарудатта рассердится на тебя.

В а с а н т а с е н а. Не рассердится. Ступай!

С л у ж а н к а (*взяв ожерелье*). Как прикажешь. (*Уходит и возвращается*.) Почтенная, Дхута велит сказать тебе: «Супруг подарил это ожерелье тебе и поэтому мне не к лицу брать его. Почтенной госпоже следует знать, что супруг — это мое лучшее украшение»

Входит Раданика с мальчиком.

Р а д а н и к а. Иди, миленький, мы с тобой будем играть этой повозкой.

М а л ь ч и к (*жалобно*). Раданика, к чему мне эта глиняная повозка? Ты дай мне золотую.

Р а д а н и к а (*грустно вздохнув*). Дитя, откуда нам взять золото? Когда твой отец снова разбогатеет, тогда ты будешь играть золотой повозкой. (*Про себя.*) Надо отвлечь его, поэтому я подойду к почтенной Васантасене. (*Подойдя к ней.*) Здравствуй, почтенная!

В а с а н т а с е н а. Здравствуй, Раданика! А это чей мальчик? Хотя он и не наряжен, его лицо, светлое, как луна, радует мое сердце.

Р а д а н и к а. Это сын почтенного Чарудатты, его зовут Рохасена.

В а с а н т а с е н а (*протягивая руки*). Иди сюда, сынок, обними меня. (*Сажает его к себе на колени.*) Красотой весь в отца!

Р а д а н и к а. Не только красотой, но и характером, как мне кажется. Почтенный Чарудатта на него не нарадуется.

В а с а н т а с е н а. А почему он плачет?

Р а д а н и к а. Он играл золотой повозкой соседского мальчика, а тот ее унес. Когда он попросил ее снова, я слепила ему из глины эту повозку. А он говорит мне: «К чему мне глиняная повозка? Дай мне золотую!»

В а с а н т а с е н а. Увы, увy! И ему приносит пѣчаль чужое богатство. Всесильный рок, ты играешь судьбами людей, словно каплями воды, упавшими на лист лотоса! Не плачь, дитя, ты еще будешь играть золотой повозкой.

М а л ь ч и к. Раданика, кто это?

В а с а н т а с е н а. Рабыня твоего отца, которую покори́ли его достоинства.

Р а д а н и к а. Дитя, почтенная госпожа — твоя мать.

М а л ь ч и к. Раданика, ты говоришь неправду. Если почтенная госпожа — моя мать, то почему же она так наряжена?

В а с а н т а с е н а. Глупенький, как жалобно ты говоришь. (*Снимает со слезами свои украшения.*) Вот теперь я стала твоей матерью. Так возьми же эти украшения. Сделай из них золотую повозку.

М а л ь ч и к. Уходи! Я не возьму — ведь ты плачешь!

В а с а н т а с е н а (*вытирая слезы*). Дитя, я не буду плакать. Иди играй! (*Наполняя украшениями глиняную повозку.*) Дитя, сделай себе золотую повозку!

Раданика уводит мальчика.
Появляется В а р д х а м а н а к а с повозкой.

В а р д х а м а н а к а. Раданика! Раданика! Доложи почтенной Васантасене, что у боковой двери стоит повозка с завешенными окнами.

Р а д а н и к а (*входит*). Почтенная, Вардхаманака докладывает, что у двери тебя ждет повозка.

В а с а н т а с е н а. Служанка, погоди минутку! Я сейчас оденусь.

Р а д а н и к а (*уходя*). Вардхаманака, подожди минутку. Почтенная сейчас оденется.

В а р д х а м а н а к а. Эх, да я же забыл подушку для сиденья! Сейчас я возьму ее и вернусь. Но волам продели в носы веревку, и теперь они не стоят спокойно. Что ж, поеду на повозке! (*Уезжает.*)

В а с а н т а с е н а. Служанка, принеси мою одежду, я буду одеваться. (*Стоит и одевается.*)

Появляется слуга Стхаварака с повозкой.

С т х а в а р а к а. Мне приказал царский шурина Самстханака, чтобы я с повозкой немедленно ехал в запущенный парк Пушпакарандаку. Так вот туда я и еду. Везите, быки, везите! (*Едет и осматривается по сторонам.*) Как! Деревенская телега загородила мне дорогу? Что же мне теперь делать? (*Высокомерно.*) Эй, с дороги, с дороги! (*Прислушиваясь.*) Как, вы спрашиваете, чья это повозка? Это повозка царского шурина Самстханаки! Быстрее же с дороги! (*Всматриваясь.*) Но кто это прячется здесь и при моем появлении поспешно удаляется в сторону, словно игрок в кости, убегающий от расплаты при встрече с хозяином игорного дома? Кто же это такой? Впрочем, какое мне дело! Поеду быстрее. Эй! Эй! Деревенщина! С дороги! С дороги! Что вы говорите? «Остановись на минуту! Помоги переменить колесо!» Вот еще, буду я, возничий Самстханаки — царского шурина, помогать менять колесо! Однако этот бедняга один-одинешенек. Пожалуй, я ему помогу, а повозку поставлю пока у боковой калитки сада почтенного Чарудатты. (*Останавливает повозку.*) Ну, вот и я. (*Уходит.*)

С л у ж а н к а. Почтенная, мне послышался стук колес.

В а с а н т а с е н а. Иди, служанка, мое сердце торопит меня. Покажи, где боковая дверь.

С л у ж а н к а. Иди, иди, почтенная!

В а с а н т а с е н а (*идет*). Служанка, останься, отдохни!

С л у ж а н к а. Как прикажет почтенная! (*Уходит.*)

В а с а н т а с е н а (*садится в повозку. Веко ее правого глаза дрожит*). Почему же заморгал у меня правый глаз?

Но нет, встреча с Чарудаттой не предвещает ничего дурного!

Входит Стхаварака.

Стхаварака. Я помог убрать повозку с дороги. Теперь можно ехать. (*Садится в повозку и едет. Про себя.*) Повозка отяжелела. Нет, это мне только кажется, что она стала тяжелей. Ведь я устал, пока менял колесо. Ладно, я поехал. Бегите, быки, бегите!

Голос за сценой. Эй, эй, стражники! Будьте бдительны все на своих постах! Сегодня сын Гопалы вырвался из темницы. Он убил тюремного сторожа, разбил кандалы и убежал. Ловите его! Ловите!

На сцену стремительно выбегает взволнованный Арьяка, закутанный в плащ, с цепью на одной ноге.

Стхаварака (*про себя*). В городе поднялся большой переполох. Мне нужно как можно скорее выбраться отсюда. (*Уезжает.*)

Арьяка.

Я переплыл великий океан
Всех козней, мне ниспосланных судьбою, —
Покинута мной царская тюрьма, —
И, словно слон, сорвавшийся с цепи,
Брожу я — и ползет за мною следом
Обрывок цепи на моей ноге.

Испуганный предсказанием прорицателя, царь Палака приказал привезти меня из деревни и посадить в темницу, а потом убить. Но с помощью моего милого друга Шарвилаки я убежал из тюрьмы.

Что ж, если это жребий мой,
То разве я виновен в том,
Что, словно дикого слона,
Он на цепь посадил меня?
Да, знаю я — всевластен рок,
И пусть я должен стать царем,
Но как могу преодолеть
Того, кто силою гнетет?

Куда же пойду я, несчастный? (*Осматривается.*) Вот открыта боковая дверь, ведущая в дом какого-то доброго человека.

Обветшал этот дом,
Дверь его на засов не закрыта
И расшатана в петлях —
Знать, хозяин несчастен, как я.

Голос за сценой. Бегите, быки, бегите!

Арьяка (*прислушиваясь*). Э, да сюда едет повозка!

То выездная, может быть, повозка,
И люди неплохие в ней сидят;
Быть может — это женщины повозка,
И женщина усядется в нее;
Иль человека знатного повозка,
Что за город отправлена к нему...
Быть может, эта именно повозка
Мне послана судьбой, чтоб спасся я!

Въезжает В ар д х а м а н а к а с повозкой.

В а р д х а м а н а к а. Ну вот, я привез подушку для сиденья. Раданика! Доложи почтенной Васантасене, что она может сесть в поданную ей повозку и ехать в запущенный парк Пушпакарандаку.

А р ь я к а (*прислушиваясь*). Это повозка для гетеры, и она едет за город. Хорошо, я сяду в нее. (*Быстро подкрадывается.*)

В а р д х а м а н а к а (*услышав шум*). Как? Звон ножных браслетов? Так, значит, почтенная госпожа пришла. Почтенная, этим волам в носы продета веревка, и они не стоят спокойно на месте. Поэтому садись лучше сзади.

Арьяка садится в повозку.

В а р д х а м а н а к а. Звон браслетов на ногах, что взбирались в повозку, затих, и повозка стала тяжелой. Из этого видно, что почтенная госпожа уже села. Так я поехал.

Входит Ви ра к а.

В и р а к а. Эй, эй вы, Джая, Джаямана, Чанданака, Мангала, Пушпабхадра и прочие!

Как можете спокойствие хранить вы,

Когда из царской убежал тюрьмы

Сын Гопалы, разбив свои оковы?!

Эй, ты! Стань на главной улице у восточных ворот! Ты — у западных, ты — у южных, а ты — у северных! Здесь пролом в городской стене. Я с Чанданаккой поднимусь на стену и буду сторожить. Чанданака, иди сюда, иди сюда!

Входит взволнованный Ч а н д а н а к а.

Ч а н д а н а к а. Эй вы, Вирака, Вишалья, Бхимангада, Дандакала, Дандашура и прочие!

Сюда идите, верные, сюда!

Скорей вершите дело, торопитесь,

Чтоб царское достоинство и власть

Навек не перешли в другую готру!

И далее:

В садах ищите спешно и в толпе,
И в городе на улицах ищите,
И за городом — тоже, и повсюду,
Где подозрение явится у вас!

Эй, Вирака, зачем по сторонам
Глазеешь ты, ведя пустые речи!
Кем сделан был пролом в стене тюрьмы,
Сын Гопалы кем уведен оттуда?

При чьем рождение — отвечай скорей! —
В созвездии восьмом стояло солнце,
В четвертом — месяц и в шестом — Венера,
А в пятом — Марс? Скорей же отвечай!
Ответь, при чьем рождении Юпитер
Стоял в седьмом созвездье, а Сатурн
В девятом находился?.. Кто сумеет
Недавнего побега скрыть следы,
Покуда я живу на этом свете?!

В и р а к а. Бравый Чанданака!
Чанданака! Клянусь твоей душой,
Что кто-то сына Гопалы увозит,
Недаром убежал он из тюрьмы
В тот ранний час, когда наполовину
Над горизонтом солнце поднялось!

В а р д х а м а н а к а. Бегите, быки, бегите!
Ч а н д а н а к а (*увидев его*). Эй, смотри, смотри!
Закрытая повозка едет
По главной улице — узнай,
Кому принадлежит повозка,
Кто в ней и держит путь куда?

В и р а к а (*смотря*). Эй, возница! Останови по-
возку! Чья это повозка? Кто в ней едет и куда ты направ-
ляешься?

В а р д х а м а н а к а. Это повозка почтенного Чару-
датты. В ней едет почтенная Васантасена. Она направляется
в запущенный парк Пушпакарандаку, чтобы встретиться
с Чарудаттой.

В и р а к а (*подходя к Чанданаке*). Этот возникший гово-
рит, что повозка принадлежит почтенному Чарудатте;
в ней едет Васантасена в запущенный парк Пушпакарандаку.

Ч а н д а н а к а. Так пусть едет!

В и р а к а. Даже без осмотра?

Ч а н д а н а к а. А как же!

В и р а к а. Кому ты доверяешь?

Ч а н д а н а к а. Почтенному Чарудатте.

В и р а к а. Кто такой почтенный Чарудатта? Кто такая Васантасена? Кто они такие, чтоб пропустить повозку без осмотра?

Ч а н д а н а к а. Как! Ты не знаешь почтенного Чарудатту и Васантасену? Если ты не знаешь ни почтенного Чарудатту, ни Васантасену, то ты не знаешь и луну, сияющую в небе!

Ну кому не известен этот лотос достоинств,
Кто не знает луну добродетелей эту,
Исцелителя страждущих, друга несчастных
И жемчужину лучшую четырех океанов?
Только двое людей поклоненья достойны,
И давно они стали украшением Аванти.
Эти двое — почтенная Васантасена
И ко всем справедливый купец Чарудатта.

В и р а к а. Чанданака!

Я Чарудатту знаю хорошо,
Отлично знаю я Васантасену,
Но если царь мне приказанье дал,
Я не признаю и отца родного!

А р ь я к а (*про себя*). Этот — мой худший враг, а тот — мой лучший друг.

Хоть и одно дано им приказанье,
Но действуют по-разному они:
Один из них — как свадебный огонь,
Другой — как пламя при сожженье трупов.

Ч а н д а н а к а. Ты исполнительный воин. Тебе доверяет царь. Я подержу волов — ты сделай обыск.

В и р а к а. Ты, воин, тоже пользуешься доверием царя. Поэтому лучше ты сделай обыск.

Ч а н д а н а к а. Я обыщу сначала, а потом ты.

В и р а к а. Что обыскал ты, то обыскал сам царь Палака.

Ч а н д а н а к а. Эй, возничий, притормози повозку.

Вардхаманака делает это.

А р ь я к а (*про себя*). Стражники меня найдут, а я, несчастный, безоружен. Или

Я поступлю, как Бхима, — и рука
Послужит мне оружием в этой схватке.
Я знаю — смело умереть в борьбе
Достойней, чем в тюрьме найти кончину!

Однако сейчас не время для неосторожных действий.

Чанданака поднимается в повозку и смотрит.

А р ь я к а. Отдаюсь под твою защиту.

Ч а н д а н а к а. Отдавшемуся под мою защиту нечего бояться.

А р ь я к а.

Кто в час роковой предает человека,
Который защиты просил у него,
Того оставляет богиня победы,
Того покидают друзья и родные,
Предателем он навсегда остается,
И смехом презренья встречают его!

Ч а н д а н а к а. Как! Попался Арьяка, сын Гопалы, — загнанная коршуном птица прилетела в руки птицелова! (*Размышляет.*) Ведь этот ни в чем не повинный человек, который сидит сейчас в повозке почтенного Чарудатты и надеется, что я защищу его, — друг почтенного Шарвилаки, спасшего мне жизнь!.. Но ведь есть приказ царя!.. Что же теперь делать? Ладно, будь что будет! Ведь я уже обещал ему безопасность.

Если тот, кто гонимому обещал безопасность,
Гибнет сам, помогая спасенью его, —
Это все же достоинством люди считают!..

(*Испуганно спускаясь с повозки.*)

Видел почтенного... (*спохватывается*) то есть почтенную Васантасену. Она говорит, что не годится и не подобает оскорблять ее на главной улице, в то время как она направляется к почтенному Чарудатте.

В и р а к а. Чанданака, ты заставил меня усомниться.

Ч а н д а н а к а. В чем усомниться?

В и р а к а.

Твой голос в замешательстве чуть дрогнул,
Когда ты мне ответил: «Видел я
Почтенного...» — затем, поправясь быстро:
«То есть почтенную Васантасену».

Вот я и заподозрил...

Ч а н д а н а к а. Что ты заподозрил?! Мы, южане, говорим невнятно. Мы понимаем языки многих чужих народов: кхасов, кхаттиев, кадов, кадаттхобилов, карнатов, карнаправарнов, дравидов, чолов, китайцев, варваров, кхеров, кханов, мукхов, мадхугхатов и прочих. Поэтому мы говорим, как нам вздумается: «увидел» или «увидела», «почтенный» или «почтенная».

В и р а к а. Что ж, тогда посмотрю и я. Ведь это ~~при~~казание царя, а он мне доверяет.

Ч а н д а н а к а. А разве мне он не доверяет?

В и р а к а. Но это приказание царя.

Ч а н д а н а к а (*про себя*). Если выяснится, что сын почтенного Гопалы убегает в повозке почтенного Чарудатты, то царь накажет Чарудатту. Чем здесь помочь? (*Подумав.*) Устрою то, что называется ссорой карнатов. (*Вслух.*) Эй, Вирана, я, Чанданака, осмотрел повозку, а ты хочешь осматривать ее вновь! Да кто ты такой?

В и р а к а. А ты кто такой?

Ч а н д а н а к а. Теперь ты — почтенный, уважаемый, а своей касты ты не помнишь?

В и р а к а (*гневно*). А какая моя каста?

Ч а н д а н а к а. Кое-кто может это сказать.

В и р а к а. Пусть скажет.

Ч а н д а н а к а. Будет лучше, если я не скажу.

Хоть и знаю я касту твою,

Но по доброте своей душевной

Я ее не стану называть —

Пусть во мне останется все это.

Есть ли смысл разламывать плоды

Дерева капиттха? Отвечай-ка!

В и р а к а. Скажи, скажи!

Чанданака делает жест рукой.

Что это такое?

Ч а н д а н а к а.

Для бритв точильный старый камень

Был у тебя в руках когда-то,

Ты, людям делая прически,

Работал ножницами рьяно —

А ныне стал ты полководцем.

В и р а к а. Чанданака, ведь и ты теперь человек почтенный, но своей касты ты не помнишь тоже.

Ч а н д а н а к а. Какая моя каста?.. Я чист, как луна.

В и р а к а. Кое-кто может сказать.

Ч а н д а н а к а. Пусть скажет! Пусть скажет!

Вирана делает жест рукой.

Что это такое?

В и р а к а. Эй, криворожий, слушай меня!

Каста твоя, конечно, чиста:

Мать — литавра, отец — барабан,

Братец твой родной — тамбурин,

Сам же ты полководцем стал!

Ч а н д а н а к а (*гневно*). Как, я, Чанданака, кожевник? Ну-ка, осмотри повозку!

В и р а к а. Эй, возничий, поверни повозку! Я осматриваю ее.

Вардхаманака поворачивает повозку. Вирана хочет подняться в повозку. Чанданака быстро хватается за волосы, валит на землю и бьет ногой.

(*Вставая, гневно.*) Ты схватил меня за волосы и бил ногой, когда я выполнял приказ царя! Так послушай же! Если я не добьюсь перед судом, чтобы тебя четвертовали, не быть мне Вираной!

Ч а н д а н а к а. Катись к царю или в суд. Зачем ты мне, собака, нужен?

В и р а к а (*угрожающе*). Ну ладно! (*Уходит.*)

Ч а н д а н а к а (*осматриваясь по сторонам*). Поезжай, возничий, поезжай! Если тебя кто-нибудь спросит, скажи, что повозка осмотрена Чанданакон и Вираной. Почтенная Васантасена! Вот это я даю тебе на память! (*Протягивает Арьяке меч.*)

А р ь я к а (*взяв меч, радостно, про себя*).

Я получил оружие наконец!

Все мне благоприятствует отныне,

И правая рука слегка дрожит...

О, я теперь спасен! Я верю в это!

Ч а н д а н а к а. Почтенная!

Я объявил, кто ты такая,

Заставив этому поверить,

А Чанданакон ты запомни...

Я говорю не из корысти,

А только из любви, поверь мне!

А р ь я к а. Чанданака!

Богатый достоинствами, как луна,

Судьбы благодатным веленьем

Сегодня навек ты стал другом моим —

Тебя я вовек не забуду,

Тебя призову, когда сбудется то,

Что мне предсказал прорицатель!

Ч а н д а н а к а.

Пусть Шива, Вишну, Брахма, пусть луна

И солнце пусть покой твой охраняют

И уничтожат всех твоих врагов,

Как Дурга — Шумбху и Нишумбху!

Вардхаманака уезжает.

Ч а н д а н а к а (*глядя ему вслед*). Как только он поехал, за ним сразу последовал мой милый друг Шарвилака. Что ж, я стал врагом главного стражника Вираки, который пользуется доверием царя. Поэтому и я последую за Арьякой вместе со своими сыновьями и братьями. (*Уходит.*)

Конец шестого действия

СЕДЬМОЕ ДЕЙСТВИЕ

БЕГСТВО АРЬЯКИ

Входят М а й т р е я и Ч а р у д а т т а.

М а й т р е я. Посмотри-ка, посмотри-ка, как красив запущенный парк Пушпакарандака!

Ч а р у д а т т а. Да, друг, это так. Ведь
Деревья уподоблю я торговцам,
Развешаны цветы здесь, как товары,
А пчелы — собирательницы меда —
Здесь кружатся, как сборщики налога.

М а й т р е я. Этот камень красив, хотя и необтесан.
Сядь на него, почтенный.

Ч а р у д а т т а (*саясь*). Друг, Вардхаманака задерживается.

М а й т р е я. Я сказал Вардхаманаке, чтобы он быстрее ехал с Васантасеной.

Ч а р у д а т т а. Почему же он задерживается?

Может быть, перед ним
Тихо едет повозка другая,
Обгонять он не хочет ее;
Или ось он меняет в своей?
Или, может, узда порвалась?
Или бревна лежат на дороге
И другого он ищет пути,
Чтоб до цели доехать скорей?

Или, может быть, просто
Он плохо быков погоняет
И по собственной воле
Плетутся они кое-как?

Въезжает Вардхаманака с повозкой, в которой
спрятан Арьяка.

Вардхаманака. Бегите, быки, бегите!
Арьяка (*про себя*).

Живу я в постоянном опасенье
Попастся царским людям на глаза,
Не чувствую, что вырвался на волю, —
Ведь цепь не сбита у меня с ноги.
Неузнанным забрался я в повозку,
Вез ведома владельца еду в ней
И сам себе кажусь птенцом кукушки
В гнезде ворон — и под охраной их.

Но я уже очень далеко отъехал от города. Сойти мне,
чтобы скрыться в чаще парка? А может быть, повидаться
с хозяином этой повозки? Однако какой прок мне забираться
в чашу — ведь, говорят, почтенный Чарудатта помогает
каждому, кто ни попросит у него защиты. Поэтому я пред-
стану перед ним.

Надеюсь, этот добрый человек
Увидеть будет счастлив, что спасен я
Из океана бедствий роковых
И что обязан буду я спасеньем
Бесчисленным достоинствам его!

Вардхаманака. Вот парк. Надо подъехать ближе.
(*Подъезжая.*) Почтенный Майтрея!

Майтрея (*Чарудатте*). Сообщу тебе приятное. Кри-
чит Вардхаманака. Должно быть, приехала Васантасена.

Чарудатта. Мне приятно слышать приятное.

Майтрея. Сын рабыни! Ты почему задержался?

Вардхаманака. Не сердись, почтенный Майтрея!
Я забыл подушку от сиденья, возвращался за ней и потому
задержался.

Чарудатта. Вардхаманака, поверни повозку! Друг
Майтрея, выведи Васантасену.

Майтрея. Почему она сама не выходит? Или у нее
ноги закованы в цепи? (*Встает и открывает занавеску
повозки.*) О, да тут не почтенная Васантасена, а почтенный
Васантасена!

Чарудатта. Друг, довольно шутить! Ведь любовь
не терпит промедления. Я сам выведу ее. (*Подходит.*)

А р ь я к а (*увидев его*). О, вот хозяин повозки! О нем не только приятно слышать, но его приятно и видеть. Теперь я спасен!

Ч а р у д а т т а (*поднимается на повозку и смотрит*). О, кто это здесь?!

Руки его — словно хоботы мощных слонов,
Словно у льва, высоки и крепки его плечи,
Грудь широка, а глаза — словно красная медь,
Так и сверкают в разрезах своих удлинённых.
Как же в беду этот славный попал человек,
И почему на ноге его — цепи обрывок?

Кто ты, почтенный?

А р ь я к а. Я Арьяка, потомок Гопалы, прибегнувший к твоей защите.

Ч а р у д а т т а. Значит, ты тот, кто был по приказанию царя Палаки доставлен сюда из деревни и заключен в тюрьму!

А р ь я к а. Именно так.

Ч а р у д а т т а.

Именно волей судьбы
Я сегодня увидел тебя;
С жизнью расстанусь скорей,
Но тебя я в беде не покину,
Если к защите моей
Ты прибегнуть решил.

Лицо Арьяки выражает радость.

Вардхаманака, сними цепь с его ноги.

В а р д х а м а н а к а. Как прикажет почтенный. (*Делает это.*) Почтенный, оковы сняты.

А р ь я к а. Ты надел на меня оковы любви, еще более крепкие, чем эти.

М а й т р е я. Теперь ты свободен. Можешь отправляться вновь в свои оковы. А мы уберемся подобру-поздорову.

Ч а р у д а т т а. Что ты? Стыдись!

А р ь я к а. Друг Чарудатта, я сел в эту повозку самовольно. Прости мне это.

Ч а р у д а т т а. Ты оказал мне честь, поступив, как тебе было угодно.

А р ь я к а. Разрешите мне уйти, почтенный.

Ч а р у д а т т а. Иди, если хочешь!

А р ь я к а. Хорошо, я выйду из повозки.

Ч а р у д а т т а. Друг, не покидай повозки. Почтенный, с тебя только что сняли оковы, и идти тебе будет нелегко.

Здесь повсюду гуляют люди, и повозка не вызовет ни у кого подозрений. Поэтому поезжай в ней.

А р ь я к а. Да будет так, как ты сказал, почтенный!
Ч а р у д а т т а.

Будь счастлив — и вернись к своим родным!

А р ь я к а.

Ты стал моим родным...

Ч а р у д а т т а.

Так вспоминай порою

Меня в своих речах.

А р ь я к а.

Тебя ли мне забыть!

Скорей я о себе самом забуду!

Ч а р у д а т т а.

Будь счастлив, друг! Пусть боги защитят

Тебя, когда своим путем пойдешь ты!

А р ь я к а.

Ты защитил меня!

Ч а р у д а т т а.

О нет! Тебя

Спасло твое же собственное счастье.

А р ь я к а.

Нет! Ты — причина счастья моего!

Ч а р у д а т т а. Ведь Палака тебя боится. Оставаться
здесь тебе опасно. Поэтому уезжай быстрее, почтенный.

А р ь я к а. Так до свиданья. (*Уезжает.*)

Ч а р у д а т т а.

Плохую оказал услугу я царю,

И больше мне нельзя пробыть здесь ни мгновенья.

Майтрея, поскорей в колодец старый брось

Ты эту цепь: ведь каждый царь — всевидящ;

Его шпионы — не глаза ль его?

(*У Чарудатты дергается левое веко.*)

Друг Майтрея, я жажду видеть Васантасену. Пойми,

Я милую сегодня не увидел,

И левое чуть дергается веко,

И сердце ждет чего-то и трепещет,

Объятое испугом беспричинным...

Так иди же! Мы уйдем отсюда. (*Идет.*) Как! Я вижу, нам
навстречу идет монах-буддист. (*Задумывается.*) Пусть он
проходит этой дорогой, а мы пойдем той. (*Уходят.*)

Конец седьмого действия

ВОСЬМОЕ ДЕЙСТВИЕ

УБИЙСТВО ВАСАНТАСЕНЫ

Входит буддийский монах с мокрой рясой,
висящей на руке.

М о н а х. Эй, невежды! Накаплийте заслуги благочестия!

Затягивайте туже животы
И бодрствуйте при барабанном бое,
Зовущем к погруженью в созерцанье!
Ведь чувства, словно воры, похищают
У нас благочестивые заслуги,
Добытые в течение долгих лет!

Я сохраняю свои заслуги, только сознавая непостоянство
всего сущего.

Кто победил пятерых врагов —
Чувства свои,
Кто уничтожил супругу свою —
Глупость свою,
Кто сохранил селенье свое —
Тело свое,
Чандалу жалкого кто убил —
Свой эгоизм, —
Тот безусловно держит свой путь
На небеса!

И еще скажу:

Мы бреем голову, мы бреем и лицо,
Но если на душе у нас нечисто —
К чему тогда бритье? Ответьте мне.
У тех, воистину, побрита голова,
Кто до конца свою очистил душу!

Эта ряса была опущена в красно-желтую краску. Теперь
мне нужно войти в парк правителя — царского шурина,
прополоскать ее там в пруду и как можно скорей убраться
оттуда. *(Входит в парк и полагает рясу в пруде.)*

Г о л о с з а с ц е н о й. Стой, паршивый монах-созерцатель, стой!

Монах (*всматриваясь, в страхе*). Странно! Сюда пришел сам царский шурин Самстханака. Как-то раз один монах провинился перед ним, и с тех пор стоит ему где-нибудь увидеть монаха, как он протыкает ему нос, словно быку, и гонит вон. Где же я, беззащитный, найду себе защиту? Впрочем, сам владыка Будда мой защитник.

Входит Самстханака, с ним приживал,
державший в руках меч.

Самстханака. Стой, ты, паршивый созерцатель! Стой! Я сейчас разможу твою голову, как давят редиску, что валяется на полу посреди питейного заведения! (*Бьет монаха.*)

Приживал. Потаскухин сын! Не пристало тебе бить монаха в красно-желтой рясе, отрешившегося от всего земного. К чему это? Лучше полюбуйся этим радующим душу парком.

Здесь добрые дела творят деревья,
Даря бездомным радостный уют.
Парк всем открыт — он, как злодея сердце,
Живет, не охраняемый никем.
Им каждый может наслаждаться вдосталь,
Как новым царством, взятым без войны.

Монах. Здравствуй! Будь милостив, последователь Будды!

Самстханака. Умнейший, смотри, смотри! Он меня ругает.

Приживал. Что он говорит?

Самстханака. Он меня называет последышем. Разве я какой-нибудь цирюльник?

Приживал. Он прославляет тебя как последователя Будды.

Самстханака. Славь меня, созерцатель, славь!

Монах. Ты безбедный! В тебе добро сокрыто!

Самстханака. Умнейший, он мне говорит: «Ты безбожный! Ты для борова корыто!» Разве я еретик или вымазан пойлом для свиньи?

Приживал. Потаскухин сын, он прославляет тебя, говоря, что ты безбедный и в тебе добро сокрыто.

Самстханака. Умнейший, а зачем он сюда пришел?

Монах. Прополоскать эту рясу.

Самстханака. Ах, паршивый созерцатель! Этот парк Пушпакарандака подарен мне мужем моей сестры.

Этот парк лучше всех других. А ты собираешься полоскать свою вонючую рясу цвета старого горохового супа здесь, в пруду с лотосами, в пруду, из которого пьют воду собаки и шакалы и в котором купаюсь я, лучший из людей и мужей. За это я награжу тебя оплеухой.

П р и ж и в а л. Потаскухин сын! Мне кажется, он недавно стал монахом.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, как ты это угадал?

П р и ж и в а л. А что здесь угадывать? Смотри:

Хоть волос на его голове не осталось,

Но чело не успело покрыться загаром;

Красно-желтую рясу недавно надел он,

А иначе бы шрам на плече был замечен.

Неуклюже он носит свое одеянье:

Грудь повязана крепко, но ткань вся измята, —

Посмотри, как его красно-желтая ряса

Неискусно и плохо плечо облегает.

М о н а х. Последователь Будды! Я недавно стал монахом.

С а м с т х а н а к а. Так почему же ты не стал монахом, как только родился? (*Бьет его.*)

М о н а х. Слава Будде!

П р и ж и в а л. Зачем ты бьешь этого беднягу? Отпусти его, пусть он идет своей дорогой.

С а м с т х а н а к а. Подожди, пока я посоветуюсь.

П р и ж и в а л. С кем?

С а м с т х а н а к а. Со своим сердцем.

П р и ж и в а л. Как? Оно у тебя еще есть?

С а м с т х а н а к а. О мой сын, сердце! Владыка и сын, сердце! Уйти или остаться этому созерцателю? (*Про себя.*) Он не должен ни уйти, ни остаться. (*Вслух.*) Умнейший, я посоветовался со своим сердцем. Мое сердце говорит...

П р и ж и в а л. Что говорит?

С а м с т х а н а к а. Он не должен ни уйти, ни остаться, ни вдыхать, ни выдыхать. Здесь, на этом самом месте, он должен упасть и умереть.

М о н а х. Слава Будде! Умнейший господин, ведь я обратился к тебе за защитой!

П р и ж и в а л. Пусть он уйдет!

С а м с т х а н а к а. При одном условии.

П р и ж и в а л. При каком условии?

С а м с т х а н а к а. Пусть он бросит грязь в пруд так, чтобы вода не загрязнилась. Или пусть он сожмет в комок воду и ее бросит в грязь.

П р и ж и в а л. О, глупость!

Глупцов — тяжелый груз — несет земля;
Они превратно действуют и мыслят;
Подобно скалам, их тела крепки,
Самих же их сравню с деревьями из мяса!

Монах ругается.

С а м с т х а н а к а. Что он говорит?

П р и ж и в а л. Он прославляет тебя, почтенный.

С а м с т х а н а к а. Славь, славь! Славь все время!

Монах славит его и уходит.

П р и ж и в а л. Потаскухин сын! Обрати внимание на великолепия этого сада!

Украшены плодами и цветами
Деревья в этом парке, и обвиты
Упругими лианами вокруг,
И, сторожами царскими хранимы,
В довольстве здесь растенья пребывают,
Как с женами живущие мужья!

С а м с т х а н а к а. Правильно сказано, умнейший!

Земля здесь цветами покрыта всякими,
Деревья под тяжестью их сгибаются,
Лианы свисают с каждого дерева,
И обезьяны на них качаются,
Вроде плодов на хлебном дереве.

П р и ж и в а л. Потаскухин сын, изволь сесть сюда, на камень!

С а м с т х а н а к а. Я уже сел. (*Садится рядом с приживалом.*) Умнейший, я и сегодня еще вспоминаю о Васантасене. Она не выходит у меня из сердца, словно речь злодея.

П р и ж и в а л (*про себя*). Его отвергла женщина, а он все-таки вспоминает о ней. А впрочем,

Отвергнет женщина плохого человека —
Его любовь становится сильнее;
Когда ж отвергнут человек хороший —
Он сам любить ее перестает.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, уже давно сказал я слуге Стхавараке: «Возьми повозку и приезжай как можно скорей!» А он до сих пор не едет. Я ведь давно уже проголодался, а в полдень нельзя ходить пешком. Смотри, смотри!

Поднявшееся к середине неба,
На разъярившуюся обезьяну

Похоже солнце — глаз нельзя поднять!
А почва раскаленная похожа
На Гандхари в отчаянье глубоком,
Утратившую сотню сыновей!

П р и ж и в а л. Да, это так.

В тени погрузились коровы в дремоту
И жвачку роняют они изо ртов,
А лани лесные, томимые жаждой,
Не брезгают теплой водой из пруда.
Дорога, ведущая в город, безлюдна —
Попрятались путники все от жары.
Я думаю — где-нибудь встала повозка,
Чтоб этот полуденный зной переждать.

С а м с т х а н а к а. Умнейший!

Мне лучи светила в голову проникли!
Птицы, пташки, птички прячутся в деревьях,
И народ, и люди от жары чуть дышат,
Ждут они прохлады под защитой крыши.

Умнейший, слуга-то все еще не приехал! Я спою что-нибудь,
чтобы развлечься. (*Поет.*) Умнейший, умнейший, ты слышал, как я пел?

П р и ж и в а л. Что же тут скажешь? Ты, почтенный, пел так, что мне почудилось, будто это гандхарва играет на духовом инструменте.

С а м с т х а н а к а. А разве я мог спеть иначе!

Ведь я надушился смесью духов
Из сока хингу и тмина;
В них есть кипарисовая смола
И сахар с сухим навозом.
Так почему же не петь мне, друг,
И нежно, и сладкогласно!

Умнейший, я спою еще. (*Поет.*) Умнейший, умнейший, ты слышал, как я пел?

П р и ж и в а л. Что же тут скажешь? Ты, почтенный, истинный гандхарва!

С а м с т х а н а к а. Как же мне не быть гандхарвой!

Ведь я недаром ел кукушки мясо,
Отваренное в масле и изрядно
Приправленное хинговой смолой,
А также перцем и топленным маслом, —
Так почему ж не петь мне сладкогласно!

Умнейший, а слуга-то и теперь все не едет!

П р и ж и в а л. Будь спокоен, почтенный! Он, наверно, скоро придет.

Въезжают Васантасена и Стхаваракá в повозке.

С т х а в а р а к а. Я в страхе. Солнце уже достигло середины неба. Царский шурин Самстханака, наверное, теперь разгневался на меня. Так поеду быстрее! Бегите, быки, бегите!

В а с а н т а с е н а. О, горе, горе! Это не голос Вардхаманаки. Кто же это? Может быть, почтенный Чарудатта послал другого человека и другую повозку, чтобы не утомлять свою упряжку? Мое правое веко дрожит. Мое сердце трепещет. Я ничего не вижу вокруг. Все словно кружится.

С а м с т х а н а к а (*услышав стук колес*). Умнейший, умнейший, повозка приехала!

П р и ж и в а л. Как ты это узнал?

С а м с т х а н а к а. Разве ты не видишь, умнейший? Кажется, будто хрюкает старый боров.

П р и ж и в а л (*посмотрев*). Ты прав. Она приехала.

С а м с т х а н а к а. Сыночек, слуга Стхаварака! Ты приехал?

С т х а в а р а к а. Именно так.

С а м с т х а н а к а. И повозка приехала?

С т х а в а р а к а. Именно так.

С а м с т х а н а к а. И волю приехали?

С т х а в а р а к а. Именно так.

С а м с т х а н а к а. И ты приехал?

С т х а в а р а к а (*со смехом*). Господин, я тоже приехал.

С а м с т х а н а к а. Так подведи сюда повозку.

С т х а в а р а к а. По какой дороге?

С а м с т х а н а к а. Через этот пролом в стене.

С т х а в а р а к а. Быки убьются, повозка сломается, и я, твой слуга, тоже погибну.

С а м с т х а н а к а. Так я ведь шурин царя! Подохнут быки — куплю других. Сломается повозка — велю сделать новую. Умрешь ты — у меня будет другой возничий.

С т х а в а р а к а. Все это, конечно, правильно, но я перестану быть самим собой.

С а м с т х а н а к а. Пусть все погибнет, но ты въезжай с повозкой через пролом в стене!

С т х а в а р а к а. Ломайся, повозка! Ломайся вместе с возницей! Нужна новая повозка. Я пойду и доложу об этом господину. (*Въезжает.*) Как! Не сломалась? Господин, вот и повозка.

С а м с т х а н а к а. Не лопнули быки? Не подошли постромки? Да и ты не умер?

С т х а в а р а к а. Именно так.

С а м с т х а н а к а. Пойди сюда, умнейший! Мы с тобой осмотрим повозку. Ты считаешься моим уважаемым близким другом и должен всегда идти впереди всех. Поэтому взойди на повозку первым.

П р и ж и в а л. Хорошо. *(Собирается взойти на повозку.)*

С а м с т х а н а к а. Нет, погоди! Разве это повозка твоего отца, что ты восходишь на нее первым? Я хозяин повозки. Я взойду на нее первым.

П р и ж и в а л. Почтенный, ты ведь сам приказал мне.

С а м с т х а н а к а. Если я даже приказываю такое, благовоспитанность требует, чтобы ты сказал мне: «Взойди ты, господин, первым».

П р и ж и в а л. Изволь взойти, почтенный!

С а м с т х а н а к а. Теперь я взойду на нее. Сыночек, слуга Стхаварака, поверни повозку ко мне.

С т х а в а р а к а *(поворачивая повозку)*. Взойди, господин.

С а м с т х а н а к а *(поднимается на повозку, заглядывает в нее, спрыгивает в ужасе и повисает на шее приживала)*. Умнейший, умнейший, ты погиб! Ты погиб! В повозке или ведьма, или вор. Если там ведьма, она обворует нас обоих, если же вор, он нас обоих сожрет.

П р и ж и в а л. Не бойся! С чего бы ведьме ехать в запряженной волами повозке? Это не так. Полуденное солнце затмило твои глаза, и ты принял за ведьму тень Стхавараки или его одежду.

С а м с т х а н а к а. Сыночек, слуга Стхаварака, ты еще жив?

С т х а в а р а к а. А как же!

С а м с т х а н а к а. Умнейший, в повозке приехала женщина. Посмотри-ка.

П р и ж и в а л. Как, женщина?

Давай скорее убежим отсюда

И головы наклоним, как быки,

Которым бьет в глаза упорный ливень.

Люблю встречать я в людях уважение,

Поэтому глаза свои не смею

На женщину почтенную поднять!

В а с а н т а с е н а *(удивленно, про себя)*. Как! Это ведь царский шурин — горе моих глаз! Я, несчастная, попала в беду! Я, несчастная, приехала сюда, но из этого теперь не выйдет ничего хорошего; ведь горсть семян, упавшая на солончак, не принесет плодов. Так что же мне делать?

С а м с т х а н а к а. Старый слуга испуган и боится заглянуть в повозку. Умнейший, осмотри повозку!

П р и ж и в а л. Что за беда! Ладно. Я сейчас...

С а м с т х а н а к а. Как! Шакалы улетают, а вороны убегают. Пока там умнейшего съедят глазами и осмотрят зубами, я спасусь бегством.

П р и ж и в а л (*увидев Васантасену, горестно, про себя*). Как так! Лань преследует тигра!

Увы, что вижу! Лебедь молодая

Возлюбленного — лебедя — забыла...

Он ждет ее на отмели песчаной,

Он белый весь, как свет луны осенней, —

Она же в гости к ворону пришла!

(*Тихо Васантасене.*)

Васантасена, не годится это и не к лицу тебе.

Самстханаку сначала ты отвергла

И отвернулась от него с презрением —

Теперь к нему пришла ты из-за денег

По настоянию матери своей...

В а с а н т а с е н а. Нет!.. (*Качает головой.*)

П р и ж и в а л.

...Отбросив гордость, ты на все согласна —

По древнему обычаю гетер!

Ведь я уже говорил, почтенная: «Обходись одинаково, добрая, как с милым, так и с немилым!»

В а с а н т а с е н а. Я перепутала повозки и потому приехала сюда. Отдаюсь под твою защиту.

П р и ж и в а л. Не бойся, не бойся! Что ж, я обману его. (*Подходит к Самстханаке.*) Потаскухин сын! Там и вправду ведьма!

С а м с т х а н а к а. Умнейший, умнейший! Если там сидит ведьма, то почему она тебя не обворовала? Если же вор, то почему он тебя не сожрал?

П р и ж и в а л. Зачем нам волноваться? Если мы пойдем в город Удджайини пешком через сады, то разве будем в убытке?

С а м с т х а н а к а. Если мы так поступим, то что из этого выйдет?

П р и ж и в а л. Если мы так поступим, то мы устроим себе прогулку и не утомим быков.

С а м с т х а н а к а. Пусть будет так. Слуга Стхаварака! Уезжай! Хотя нет, постой, постой! Я хожу пешком только перед божествами и брахманами. Нет, нет, я поеду в повозке, чтобы люди издали замечали меня и говорили: «Это едет господин царский шурин».

Приживал (*про себя*). Трудно превратить яд в лекарство. Что ж, придется сказать. (*Вслух.*) Потаскухин сын, Васантасена приехала навестить тебя.

Васантасена. Что за грех! Что за грех!

Самстханак (*радостно*). Умнейший, умнейший! Приехала навестить меня, лучшего человека, мужа, второго Васудеву?

Приживал. Именно так.

Самстханак. Тогда мне выпало невиданное счастье. В тот вечер я разгневал ее, теперь я упаду к ее ногам и умилюсь ей.

Приживал. Ты правильно сказал.

Самстханак. Вот я падаю к ее ногам. (*Приближается к Васантасене.*) Мать, матушка, послушай меня! Выслушай мою просьбу!

Глазастая, я пал к твоим ногам,

Молитвенно я складываю руки!

Ах, у тебя ведь десять есть ногтей,

Во рту твоём чисты и ровны зубы!

Прости меня, прекрасная, за то,

Что согрешить посмел я пред тобою, —

Сам бог любви толкнул меня на грех, —

Прости меня! Рабом твоим я стану!

Васантасена (*гневно*). Убирайся, ты говоришь непотребное! (*Ударяет его ногой.*)

Самстханак (*гневно*).

Знай, целовали голову мою

И матери, и матушки — я даже

Перед богами не склонял ее!

А ты ее ударила ногою —

Шакал в лесу вот так же топчет труп!

Слуга Стхаварака! Где ты ее вретил?

Стхаварака. Господин, проезд по главной улице был закрыт деревенской телегой. Я остановил повозку у сада Чарудатты, сошел с нее, и, мне кажется, пока я помогал менять колесо, почтенная по ошибке села в эту повозку.

Самстханак. Как?! Она приехала, попав в эту повозку по ошибке, а не для того, чтобы посетить меня? Так убирайся из моей повозки! Ты бегаешь к тому нищему купеческому сыну и хочешь ездить на моих быках! Вылезай из повозки, рабыня от рождения, вылезай!!!

Васантасена. Правда, я навещаю почтенного Чарудатту. Твои слова делают мне честь. Теперь будь что будет!

С а м с т х а н а к а.

Вот этими руками, на которых
Подобны ногти лотосам цветущим,
Руками, что даны мне от рожденья
Лишь для того, чтобы ласкать и бить, —
Вот этими руками из повозки
За волосы тебя без промедленья
Я вытащу сейчас, Васантасена,
Как некогда божественный Джатау
Вытаскивал возлюбленную Вали!

П р и ж и в а л.

Почтеннейший! Достойных этих женщин
Нельзя со зла за волосы хватать —
Нельзя лиан, что выросли в саду,
Лишать их листьев!..

Ты встань, а я выведу ее из повозки. Васантасена, изволь
выйти.

Васантасена выходит и становится в стороне.

С а м с т х а н а к а (*про себя*). Огонь гнева, который
она тогда разожгла во мне презрительным отказом, сегодня
заполыхал во мне от удара ее ноги. Теперь я убью ее.
Хорошо... Но пока что скажу так. (*Вслух.*) Умнейший,
умнейший!

Коль хочешь получить ты новый плащ,
Расшитый сотнями блестящих нитей
И многими украшенный кистями,
Коль хочешь вдоволь мясом наслаждаться
И есть его вот так: «Чав-чав, чав-чав...»

П р и ж и в а л. Что тогда?

С а м с т х а н а к а. Сделай мне приятное.

П р и ж и в а л. Охотно, если это не будет преступле-
нием.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, здесь не пахнет престу-
плением, не будет пахнуть и ведьмой.

П р и ж и в а л. Тогда скажи, чего ты от меня хочешь.

С а м с т х а н а к а. Убей Васантасену!

П р и ж и в а л (*схватившись за голову*).

Но если я убью эту безвинную
Гетеру, молодую и прекрасную,
Что город наш украсила собой;
Но если я убью ее, влюбленную,
Ведущую себя подобно женщине
С высокою и чистою душой, —
Скажи, в какой же лодке переправиться

Смогу я через реку, за которою
Для смертного таится мир иной?

С а м с т х а н а к а. Я дам тебе лодку. Кроме того, не забывай, что здесь, в саду, никто не увидит, как ты будешь ее убивать.

П р и ж и в а л.

Все страны света смотрят на меня,
Все божества лесные и речные,
И солнце лучезарное с луной,
Владыка смерти и владыка ветра,
И небо, и душа, что есть во мне,
И вся земля окрест и подо мною —
Свидетели и злых, и добрых дел!..

С а м с т х а н а к а. Тогда накрой ее покрывалом и убей.

П р и ж и в а л. Дурак, для тебя нет ничего святого!

С а м с т х а н а к а. Этот старый боров боится преступления. Ладно, я уговорю Стхавараку. Сыночек, слуга Стхаварака, я дам тебе золотые браслеты.

С т х а в а р а к а. А я их надену.

С а м с т х а н а к а. Я велю сделать тебе золотое кресло.

С т х а в а р а к а. А я в него сяду.

С а м с т х а н а к а. Я буду отдавать тебе все объедки.

С т х а в а р а к а. А я их буду есть.

С а м с т х а н а к а. Я сделаю тебя главным над всеми слугами.

С т х а в а р а к а. И я стану господином.

С а м с т х а н а к а. Так исполни мое приказание.

С т х а в а р а к а. Господин, я готов на все, кроме преступления.

С а м с т х а н а к а. Преступлением здесь и не пахнет.

С т х а в а р а к а. Тогда скажи, господин.

С а м с т х а н а к а. Убей Васантасену.

С т х а в а р а к а. Смилуйся, господин! Я, ничтожный, привез сюда эту почтенную госпожу только потому, что перепутались повозки.

С а м с т х а н а к а. Эй, слуга! И ты мне не подчиняешься?

С т х а в а р а к а. Господин, подчиняется мое тело, но не моя совесть. Поэтому смилуйся, смилуйся, господин! Я ведь боюсь.

С а м с т х а н а к а. Но ты мой слуга. Кого же ты боишься?

С т х а в а р а к а. Того света, господин.

С а м с т х а н а к а. Что такое тот свет?

С т х а в а р а к а. Господин, это воздаяние за хорошие и плохие дела.

С а м с т х а н а к а. Какое воздаяние за добрые дела?

С т х а в а р а к а. Рождаешься таким украшенным золотом господином, как ты.

С а м с т х а н а к а. А каково воздаяние за злые дела?

С т х а в а р а к а. Рождаешься человеком, который живет на чужом хлебе, как я. Поэтому я не совершу преступления.

С а м с т х а н а к а. Так, значит, ты не убьешь ее? *(Сильно бьет его.)*

С т х а в а р а к а. Бей меня, господин! Убивай меня, господин! Я не совершу преступления!

Я от рожденья — раб; тому причиной

Те злодеянья, что творил я прежде.

Но больше накапливать их не хочу я

И преступлений избегаю я!

В а с а н т а с е н а. Умнейший, ты обещал мне защиту!

П р и ж и в а л. Потаскухин сын! Прости его, прости!

Даже этот бедняк, в положении жалком живущий,

После смерти награду желает себе обрести —

А его господин не стремится к посмертной награде.

Почему же не гибнут мгновенно свершившие зло?!

А также:

Судьба несправедливая умело

Отыскивает слабые места —

Владыка ты, а он — твой раб послушный;

Не пользуется он твоим богатством —

Его велям не подвластен ты...

С а м с т х а н а к а *(про себя)*. Старый шакал боится преступлений. Этот раб от рождения боится того света. Я же — царский шурин и лучший муж и человек. Чего мне бояться? *(Вслух.)* Эй, ты, слуга, раб от рождения! Отправляйся куда-нибудь в укромный уголок, отдохни.

С т х а в а р а к а. Как прикажет господин. *(Подходит к Васантасене.)* Почтенная, больше я ничего не могу сделать. *(Уходит.)*

С а м с т х а н а к а *(подтягивая пояс)*. Стой, Васантасена, стой! Я убью тебя!

П р и ж и в а л. Как? Ты хочешь убить ее в моем присутствии? *(Хватает его за горло.)*

С а м с т х а н а к а *(падает на землю)*. Умнейший друг убивает господина! *(Теряет сознание, затем приходит в себя.)*

Не я ли кормил его мясом и маслом,
А ныне, когда мне нужна его помощь,
Когда ему действовать время пришло,
Он стал мне врагом!..

(Раздумывая.)

Ладно, я нашел выход! Этот старый шакал сделал знак головой. Так я ушлю его и убью Васантасену. Скажу так. *(Вслух.)* Почтенный, ведь ты же знаешь, могу ли я, рожденный в роду таком высоком и великом, как бокал, совершить преступление? Я сказал это, чтобы она согласилась.

П р и ж и в а л.

Зря ты о роде речь свою повел,
Не в роде, а в характере здесь дело —
На пышных обработанных полях
Порой сорняк колючий прорастает.

С а м с т х а н а к а. Умнейший, она стыдится твоего присутствия и потому не соглашается на мое предложение. Я избил слугу Стхавараку, и он ушел. Он тут где-то бродит. Пойди-ка приведи его.

П р и ж и в а л *(про себя)*.

Быть может, лишь в присутствии моем
Васантасена подарить не смеет
Глупцу свою любовь? Что ж, я уйду,
Чтоб не смущать ее, — ведь знает каждый:
Любовь всегда к уединенью склонна...

(Вслух.) Пусть будет так. Я ухожу от вас.

В а с а н т а с е н а *(хватает его за одежду)*. Ведь я сказала, что отдалась под твою защиту.

П р и ж и в а л. Васантасена, не бойся, не бойся. Потаскухин сын, я вручаю тебе Васантасену, храни ее.

С а м с т х а н а к а. Конечно, в моих руках она сохранится.

П р и ж и в а л. Это правда?

С а м с т х а н а к а. Правда.

П р и ж и в а л *(немного отойдя)*. Но если я уйду, этот злодей может убить ее. Посэсмусу я спрячусь и посмотрю, что он вздумает делать. *(Останавливается в стороне.)*

С а м с т х а н а к а. Хорошо. Я убью ее. Но этот брахман очень хитер. Старый шакал, наверное, спрятался и, как истый шакал, обманывает меня. А я сделаю так, чтобы обмануть его самого. *(Рвет цветы и украшает себя ими.)* Девушка, девушка! Васантасена! Иди!

П р и ж и в а л. Ну, он охвачен любовью. Что же, я рад и могу уйти. *(Уходит.)*

С а м с т х а н а к а.

Я предлагаю золото тебе,
Твержу тебе слова любви и страсти,
И голову склоняю, и тюрбан
Я пред тобой, — а ты меня не любишь!
Ответь, прекраснотубая, ответь,
Чем не пришелся я тебе по сердцу?
Я жду ответа, твой покорный раб!
Да, нелегко бывает нам, мужчинам!..

В а с а н т а с е н а. В этом нет сомненья. *(Склоняет
лицо и произносит следующие стихи.)*

Злодей! Ты проявил свой низкий нрав —
Теперь прельстить меня деньгами хочешь!
Но разве пчелы покидают лотос,
Забыв цветок и чистый, и прекрасный,
Чтоб улететь неведомо куда?
А человек, которого люблю я,
Во всем подобен лотосу в цвету!
С усердием нам следует служить
Мужчине знатного происхождения
И нрава доброго — пусть даже беден он!
А чистая любовь к подобным людям
Не есть ли украшение гетер?

Так вот: я служила дереву манго и не могу довольствоваться
деревом палаша!

С а м с т х а н а к а. Дочь рабыни, ты величаешь нищего
Чарудатту манговым деревом, а меня назвала палашой и
даже не удостоила сравнить с кимшукот. Но, понося меня
так, помнишь ли ты о Чарудатте?

В а с а н т а с е н а. Могут ли я не помнить о том, кто
овладел моим сердцем?

С а м с т х а н а к а. Сегодня же я убью овладевшего
твоим сердцем вместе с тобой. Так стой же, любовница
нищего купца, стой!

В а с а н т а с е н а. Говори, говори дальше! Твои слова
лучше похвал.

С а м с т х а н а к а. Да спасет тебя этот сын рабыни,
нищий Чарудатта!

В а с а н т а с е н а. Спасет, если увидит.

С а м с т х а н а к а.

Кто он — Шакра? Сын Вали?
Он Индра великий? Сын Рамбхи?
Он Каланеми? Субандху?
Он царь Рудра? Иль Дроны он сын?

Он Джатаю? Чанакья?
Дхуидхумара он? Или Тришанку?
Даже и эти не защитят тебя! Я тебя убью!
Словно Ситу — Чанакья
При жизни потомков Бхараты,
Как Джатаю с Драупади —
Так я рассчитаюсь с тобой!
(Хочет нанести ей удар.)

В а с а н т а с е н а. О мать, где ты? О почтенный Чарудатта, мое желание еще не исполнилось, а меня убивают. Я громко закричу. Хотя Васантасене стыдно кричать громко. Слава Чарудатте!

С а м с т х а н а к а. И теперь еще эта рабыня называет имя этого злодея! (Хватает ее за горло.) Вспоминай о нем, рабыня по рождению! Вспоминай!

В а с а н т а с е н а. Слава Чарудатте!

С а м с т х а н а к а. Умри, рабыня по рождению! Умри!
(Схватив за горло, душил ее.)

Васантасена теряет сознание и замертво падает на землю.

С а м с т х а н а к а (радостно).

Я убил ее — эту корзину с грехами!

Я разрушил обитель нескромности эту!

Эта ведьма к любовнику шла на свиданье,

Но взамен наслаждения смерть получила!

Что сказать мне о доблести рук моих мощных,

Если вздохом своим я убил эту ведьму,

И мертва она — как в «Махабхарате» Сита!

В гневе женщину эту сейчас я убил, —

Как любовь мою смела отвергнуть гетера!

Парк был пуст — и рукой задушил я ее...

Жаль, что брат мой, и мать, и отец, как Драупади,

Лишены были счастья увидеть геройство

И отвагу, что славный их сын проявил!

Что же? Теперь вернется старый шакал. Отойду-ка я в сторону. (Отходит.)

Входят приживал со Стакхаваракой.

П р и ж и в а л. Я привел слугу Стакхавараку. Теперь нужно найти потаскухина сына. (Идет, осматриваясь.) О, здесь на дороге свалилось дерево и задавило женщину. Преступное дерево, зачем ты совершило это злодеяние? Из-за того, что ты, преступное, рухнуло, я стал свидетелем убийства женщины, и мне кажется, словно ты и меня низвергло в преисподнюю, о преступное дерево! Ведь это дурная примета! Значит, не напрасно тревожится моя душа

о Васантасене. Однако боги творят добро всеми средствами.
(Подходит к Самстханаке.) Потаскухин сын, я привел
слугу Стхавараку!

С а м с т х а н а к а. Рад тебя видеть, умнейший! И тебя
тоже, мой сыночек, слуга Стхаварака!

С т х а в а р а к а. И я тоже.

П р и ж и в а л. Верни то, что я тебе отдал на сохране-
ние.

С а м с т х а н а к а. Что ты мне отдал на сохранениѳ?

П р и ж и в а л. Васантасену.

С а м с т х а н а к а. Она ушла.

П р и ж и в а л. Куда?

С а м с т х а н а к а. Вслед за тобой, умнейший.

П р и ж и в а л (в сомнении). Она не могла уйти в ту
сторону.

С а м с т х а н а к а. А в какую сторону ты ходил?

П р и ж и в а л. На восток.

С а м с т х а н а к а. А она ушла на юг.

П р и ж и в а л. И я ходил в южную сторону.

С а м с т х а н а к а. А она на север.

П р и ж и в а л. Ты говоришь очень сбивчиво. У меня
на душе беспокойно. Скажи правду.

С а м с т х а н а к а. Успокой свое сердце. Я ее убил.
Клянусь собственными ногами и твоей головой.

П р и ж и в а л (в ужасе). Правда, что ты ее убил?

С а м с т х а н а к а. Если ты не веришь моим словам,
то посмотри сначала сам, какова доблесть царского шурина
Самстханакки. (Показывает на лежащую без движения Васан-
тасену.)

П р и ж и в а л. О, я, несчастный, убит! (Падает без
чувств.)

С а м с т х а н а к а. Ха, ха! Умнейший друг опочил.

С т х а в а р а к а. Приди в себя, приди в себя, умней-
ший! Ведь сначала убил ее я, недостойный, необдуманно
привезя ее сюда в повозке.

П р и ж и в а л (приходя в себя, жалобно). О, Васан-
тасена!

О, горе! Высох скромности поток!
На небеса вернулось наслажденье!
О лучшее из украшений мира,
Лицо твое красой сияло дивной,
Игрой и лаской ты пленяла всех!
Воистину, рекою доброты,
Где отмели — веселье и отрада,
Текла ты в этом мире; ты была

Прибежищем для всех, кто мне подобен!
О бог любви! Увы, погиб твой рынок,
Товаром на котором было счастье!
(Плачет.)

Увы, увы!

О, как могло свершиться преступление,
Как на него решился ты, злодей!
Ты без вины убил Васантасену —
Ты украшение города убил!
(Про себя.)

О, этот злодей может свалить вину на меня! Поэтому
уйду-ка я отсюда. (Идет.)

Самстханака подходит и задерживает его.

П р и ж и в а л. Не тронь меня, злодей. Довольно мне
с тобой возиться. Я уйду.

С а м с т х а н а к а. Ты же сам убил Васантасену. Зачем
же ты теперь бежишь, сваливая вину на меня?

П р и ж и в а л. Для тебя нет ничего святого!

С а м с т х а н а к а.

Сто золотых я дам тебе
И, может быть, еще добавлю, —
Но пусть геройский подвиг мой
Другим приписан будет людям!

П р и ж и в а л. Тьфу! Он может быть приписан только
тебе.

С т х а в а р а к а. Тьфу, грех!

Самстханака смеется.

П р и ж и в а л.

Да будет вражда между нами отныне!
Не смейся! Не смейся! Презренья достойна
К позору ведущая низкая дружба!
Клянусь, я с тобою встречаться не стану —
Бросаю презренного я человека,
Как сломанный лук с тетивою непрочной!

С а м с т х а н а к а. Умнейший, смилуйся, смилуйся!
Пойдем поиграем в лotosовом пруду!

П р и ж и в а л.

Ты знаешь — не виновен я; но если
По-прежнему тебе служить я буду,
То поневоле станут думать люди,
Что я, как ты, виновен и бесчестен.
Как следовать могу я за тобою,

Ведь ты — убийца женщины! Отныне
Красавицы все наши городские
Коситься будут на тебя и в страхе
Убийцу будут обходить сторонкой.

(Жалобно.)

Услышь меня, услышь, Васантасена,
И в будущем своем перерожденье
Не стань гетерой, а в семье счастливой,
В роду богатом, чистом и достойном,
Родись, прекрасная, для новой жизни!

С а м с т х а н а к а. Куда ты бежишь, убив Васанта-
сену в моем запущенном парке Пушпакарандаке? Пойдем,
ты должен оправдаться перед моим зятем. *(Хватает его.)*

П р и ж и в а л. Стой, подлец! *(Вынимает из ножен меч.)*

С а м с т х а н а к а *(отступая в страхе)*. Ах, ты боишь-
ся? Ну, тогда уходи!

П р и ж и в а л *(про себя)*. Не пристало мне здесь оста-
ваться. Пойду туда, где находятся почтенные Шарвилака,
Чанданака и другие. *(Уходит.)*

С а м с т х а н а к а. Иди на свою погибель! Эй, сыночек
Стхаварака! Что я совершил?

С т х а в а р а к а. Ты совершил большое преступление,
господин.

С а м с т х а н а к а. Эй, слуга! Зачем ты говоришь, что
я совершил преступление? Давай лучше сделаем так. *(Сни-
мает с себя украшения.)* Возьми эти украшения, я отдаю их
тебе. Когда я буду наряжаться, то они мои, в другое время —
твои.

С т х а в а р а к а. Они ведь очень идут тебе, господин.
Зачем они мне?

С а м с т х а н а к а. Ну, иди возьми этих быков и жди
в голубятне на самой верхушке моего дворца, пока я не
вернусь.

С т х а в а р а к а. Как прикажет господин. *(Уходит.)*

С а м с т х а н а к а. Умнейший скрылся, чтобы спасти
себя. Тогда я задержу слугу в голубятне на верхушке
дворца и заключу его в оковы. Так моя тайна будет сохра-
нена. Ну, пойду. Нет, пожалуй сначала, осмотрю ее.
Умерла она или мне убить ее вновь? *(Смотрит.)* Да, она
действительно мертва. Странно. Ну что ж, покрою ее этим
плащом. Но ведь на нем написано мое имя. Кто-нибудь
узнает. Ладно, зарою ее в эту кучу сухих листьев, сорванных
ветром. *(Делает это.)* Пусть будет так. Теперь пойду в суд
и напишу жалобу, что купец Чарудатта привез Васантасену

в мой запущенный парк Пушпакарандаку и убил ее там, намереваясь ограбить.

Я, чтобы уничтожить Чарудатту,
Немедленно обман устрою новый;
Он будет страшен, как скотоубийство,
Свершившееся в городе священном!

Что ж, я пойду. (*Идет, всматривается, затем в испуге.*)
О, что это такое? По той же самой дороге, по которой иду я, идет противный созерцатель и несет выкрашенную в красно-желтый цвет рясу! Он питает ко мне вражду, потому что я продел ему в нос веревку и тянул за нее. Если он меня увидит сейчас, то разгласит всем, что это я совершил убийство. (*Смотрит.*) Что ж, я перепрыгну через эту полуразвалившуюся стену и уйду.

Иду поспешно — так великий Индра
Когда-то направлялся в город Ланку
По небу, по земле и преисподней
И по горе великой Ханумана!
(*Уходит.*)

На сцену выбегает буддийский монах,
бывший массажист.

Монах. Я прополоскал здесь мою рясу, не повесить ли ее сушиться на сук? Не стоит — разорвут обезьяны. Может быть, лучше разостлать ее на земле? Но она запылится. Так где же мне разостлать ее для просушки? (*Смотрит.*) Ах, вот! Расстелю ее здесь на куче сухих листьев, сорванных ветром. (*Делает это.*) Слава Будде! Ладно, произнесу священные слова.

Кто победил пятерых врагов —
Чувства свои,
Кто уничтожил супругу свою —
Глупость свою,
Кто сохранил селенье свое —
Тело свое,
Чандалу жалкого кто убил —
Свой эгоизм, —
Тот, безусловно, держит свой путь
На небеса!

Впрочем, довольно с меня этих небес, пока я не отплату добром Васантасене — той последовательнице Будды, которая выкупила меня за десять золотых у двух игроков в кости. С тех пор мне все кажется, что я куплен ею. (*Всматривается.*) А что это там вздыхает в куче листьев? Пожалуй,

Вода, что течет с моей вымытой рясы,
Смочила те листья, нагретые ветром,

И чудится мне, что лежащие листья
Дрожат, словно перья неведомой птицы...

Васантасена, придя в себя, высовывает руку из груди
листьев.

О, о! Появилась красивая женская рука, покрытая
украшениями. Ну! И вторая рука! (*Всматриваясь.*) Мне
кажется, я узнаю эту руку. Но где я ее видел? Безусловно,
это та рука, которая спасла меня. Все ж посмотрю, кто
это?

Васантасена просит воды.

Как, она просит воды! Пруд далеко. Что же мне делать
теперь? Ах, вот, выжму-ка я над ней свою рясу. (*Делает
это.*)

Васантасена, придя в себя, поднимается.
Монах обмахивает ее краем одежды.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, кто ты?

М о н а х. Последовательница Будды, разве ты меня не
помнишь? Ты же меня выкупила за десять золотых.

В а с а н т а с е н а. Помню, но это не так, как гово-
ришь ты, почтенный. Лучше бы я умерла.

М о н а х. Последовательница Будды, почему?

В а с а н т а с е н а (*в унынии*). Такова участь гетеры.

М о н а х. Встань, встань, последовательница Будды,
держишь за эту свисающую с дерева лиану. (*Подтягивает
лиану.*)

Васантасена цепляется за нее и встает.

В этом монастыре живет моя сестра по вере. Ты, последо-
вательница Будды, отдохнешь там и пойдешь домой. Иди
медленно, последовательница Будды! (*Оба идут, смотрят.*)
Уступите дорогу, почтенные, уступите дорогу! Здесь неж-
ная женщина и монах. Завет моей веры соблюден.

Да, человек воистину лишь тот,
Кто воли не дает рукам, устам и чувствам;
Пред ним бессильны царские дворы —
В руках он держит мир потусторонний!

Все уходят.

Конец восьмого действия

ДЕВЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

СУД

Входит служитель.

С л у ж и т е л ь. Судьи приказали мне пойти в зал заседаний суда и расставить там сиденья. Так я приведу в порядок зал заседаний. (*Идет и смотрит.*) Вот зал заседаний суда. Я войду в него. (*Входит и приводит в порядок сиденья.*) Я убрал зал заседаний суда и расставил сиденья. Доложу об этом судьям. (*Идет и смотрит.*) Как! Сюда идет этот злой и негодный человек — царский шурин! Не следует попадаться ему на глаза. (*Отходит в сторону и останавливается.*)

Входит Самстханак в великолепном наряде.

С а м с т х а н а к а.

Купался я в воде, в водице и во влаге,
Сидел и в рощах, и в садах, и в парках
Средь девушек, девиц, и жен, и женщин,
Тела которых, словно у гандхарвов,
Все были разукрашены чудесно.

И скажу далее:

То волосы свои я в узел завяжу,
То в косы заплету, то распушу их вовсе,
То их на пряди сверху разделю, —
Я — царский шурин, человек умнейший,
Я — выдающийся, разносторонний!

Я искал уязвимое место, словно червь, вползший в волокнистый стебель лотоса, и нашел такое уязвимое место! Так на кого же свалить мне это грязное дело? (*Вспоминает.*) Ах, вспомнил! Я свалю вину на нищего Чарудатту. Как же иначе! Ведь он беден, от него всего можно ждать. Решено! Я пойду в зал заседаний суда и напишу там жалобу, что Чарудатта убил Васантасену. Вот я сейчас и иду. (*Идет и смотрит.*) Вот зал заседаний суда. Войду-ка я в зал. (*Входит и смотрит.*) Как? Сиденья уже расставлены!

Так что ж! Я сяду в этом садике и подожду немного, пока не придут судьи. *(Садится.)*

С л у ж и т е л ь *(выходит с противоположной стороны и смотрит перед собой)*. Вот идут судьи. Я подойду к ним. *(Направляется к судьям.)*

Входит судья в сопровождении старейшины,
писца и других лиц.

Судья. Эй, старейшина и писец!

Старейшина и писец. Изволь приказывать, почтенный!

Судья. Трудно судьям проникнуть в души других людей, когда они ведут тяжбу!

Пристрастные истцы всегда готовы
Открыть суду чужие преступления,
Но о своих делишках и проступках
Они предпочитают умолчать.

Когда ж судья ведет такую тяжбу,
Где обе стороны сильны и обе
На все идут для выигрыша дела,
То тотчас все доходит до царя.
Да, что ни говори, судье трудненько!
Его весьма охотно порицают,
Но о его достоинствах молчат.

К тому же

Порой в своем несправедливом гнев
О тайных преступлениях других
Твердят иные люди неустанно,
Но в преступлениях собственных своих
Суду они совсем не признаются,
Хоть их вина доказана вполне.

А те, кто от чужого преступления
Урон или обиду потерпели, —
Всегда готовы к сотворенью зла.
И вот судью охотно порицают,
Но о его достоинствах — молчат.

Поэтому судья должен быть

Ученым и весьма красноречивым,
Не вспыльчивым, но сдержанным; умелым
В разоблачение всяческих обманов
И беспристрастным к другу и врагу.
Он должен выносить свое решение,
Лишь тщательно расследовавши дело,
Он должен быть защитником всех слабых,

Он должен быть гонителем злодеев,
Всегда быть справедливым, бескорыстным
И делать все на благо честным людям,
Порой смирняя даже гнев царя!..

С т а р е й ш и н а и п и с е ц. Ведь даже в достоинствах почтенного человека порой видят пороки. Раз так, можно сказать, что и при лунном свете бывает темно.

С у д ь я. Добрый служитель, укажи нам путь в зал заседаний суда.

С л у ж и т е л ь. Идите, судьи, идите!

Идут.

Вот зал заседаний суда. Войдите, судьи!

Все входят.

С у д ь я. Добрый служитель, выйди и узнай, не пришел ли кто с жалобой.

С л у ж и т е л ь. Как прикажет почтенный! (*Выходит.*) Судья велел спросить, нет ли здесь кого-нибудь с жалобой.

С а м с т х а н а к а (*радостно*). Судьи пришли! (*Надменно приближается.*) У меня, лучшего из людей, Васудевы в образе человека, шурина правителя и шурина царя, есть дело.

С л у ж и т е л ь (*смущенно*). Как же это так! Первым приходит шурина царя — с жалобой? Ну что ж, почтенный, подожди немного, я доложу судьям. (*Идет к ним.*) Почтенные, дело есть у царского шурина, он пришел судиться.

С у д ь я. Как? Самым первым пришел шурина правителя? Это, как затмение при восходе солнца, предвещает гибель большого человека. Служитель, сегодня предстоит очень запутанная тяжба. Дорогой, выйди и скажи, чтобы он сегодня ушел, его дело сегодня не будет разбираться.

С л у ж и т е л ь. Как прикажет почтенный. (*Выходит и подходит к Самстханаке.*) Почтенный, судьи велели сказать, чтобы ты сегодня ушел. Сегодня твое дело разбираться не будет.

С а м с т х а н а к а (*гневно*). Как! Почему сегодня не будет разбираться мое дело? Если так, я сегодня же скажу об этом моему зятю, царю Палаке, а также сестре и матери, прогоню этого судью и назначу другого. (*Хочет уйти.*)

С л у ж и т е л ь. Почтенный шурина правителя! Подожди немного, я сейчас доложу судье. (*Подходит к судье.*) Шурина правителя разгневан. (*Повторяет слова Самстханаки.*)

Судья. С этого дурака все может стать. Дорогой, скажи ему, пусть он войдет. Его дело будет разбираться.

Служитель (*подходит к Самстханак*). Почтенный, судьи велят сказать, чтобы ты вошел. Твое дело будет разбираться. Войди, почтенный.

Самстханак. Сначала говорят: «Не будет разбираться!», теперь говорят: «Будет разбираться!». Судьи, конечно, перепугались. Я сумею их убедить в истинности всего того, что буду говорить. Что же, я войду. (*Входит, подходит к судьям.*) Я очень счастлив и вам также желаю счастья и не желаю.

Судья (*про себя*). Ну и великолепное же воспитание у этого истца! (*Вслух.*) Изволь сесть.

Самстханак. Эта земля принадлежит мне. Куда хочу, туда и сажусь. (*Старейшине.*) Я сяду здесь. (*Служителю.*) Вот здесь сяду. (*Кладет руку на голову судь.*) Я сяду вот здесь. (*Садится на землю.*)

Судья. У почтенного есть дело?

Самстханак. А как же!

Судья. Тогда изложи его!

Самстханак. Я изложу его тебе на ухо. Ведь я родился в роду, высоком, как бокал.

Отец мой — тесть царя,

Царь — зять отцу, а я

Стал шурином царю:

Царь — муж моей сестры.

Судья. Все это известно.

Зачем о роде речь тут заводить,

Не в роде, а в характере все дело:

На пышных обработанных полях

Порой сорняк колючий прорастает.

Самстханак. Тогда я расскажу. Если я даже совершил преступление, мне никто ничего не сделает. Однажды муж моей сестры, будучи в хорошем настроении, подарил мне лучший из всех парков — запущенный парк Пушпакарандаку, чтобы я играл в нем и охранял его. И я хожу туда каждый день, чтобы смотреть, осушать, чистить, растить и подстригать. По воле судьбы, вижу я, лежит женское тело.

Судья. Известно ли, кто эта убитая женщина?

Самстханак. О судьи, как же я могу не знать такую красу города, украшения которой стоят сто золотых? Какой-то негодяй ради ограбления привел Васанта-сену в запущенный парк Пушпакарандаку и убил ее там, задушив. Но это был не я. (*Запинается и закрывает лицо.*)

Судья. Какая небрежность городской стражи! Старейшина и писец! Напишите, что это не он. Пусть это будет первой записью в судебном протоколе.

Писец. Как прикажет почтенный. (*Пишет.*) Почтенный, я написал.

Самстханакка (*про себя*). Тьфу, я погубил сам себя, как страдающий от жажды путник, который пошел слишком быстро. Ладно, скажу тогда вот что. (*Вслух.*) Судья, я же только сказал, что я ее видел. Чего вы так раскричались? (*Стирает ногой написанное.*)

Судья. Как ты узнал, что ее задушили ради ограбления?

Самстханакка. Я заключаю это потому, что у нее на шее опухлость и вмятина, а на тех местах, где носят украшения, золота нету.

Старейшина и писец. Это похоже на правду.

Самстханакка (*про себя*). О, радость! Я воскрес!

Старейшина и писец. Кого касается это судебное дело?

Судья. В каждом судебном деле следует различать две вещи.

Старейшина и писец. Какие две вещи?

Судья. Во-первых, то, что касается показаний; во-вторых, то, что касается сути самого дела. Когда рассматриваются показания, то привлекаются истец и ответчик. Когда же рассматривается само дело, то все зависит от мудрости судьи.

Старейшина и писец. Тогда это дело касается матери Васантасены.

Судья. Да, это так. Дорогой служитель, позови мать Васантасены, но не волнуй ее заранее.

Служитель. Хорошо.

Уходит, затем входит с матерью гетеры.

Старуха. Моя дочь ушла в дом своего друга, чтобы насладиться своей молодостью. И тут этот человек, да проживет он долго, говорит мне, чтобы я шла, — меня, мол, зовет судья. Мною тогда овладевает волнение. Сердце мое бьется. Почтенный, укажи мне дорогу к залу заседаний суда.

Служитель. Иди, иди, почтенная!

Оба идут.

Вот зал заседаний суда, войди сюда, почтенная.

Оба входят.

Старуха (*приближается к сидящим*). Желаю вам счастья, ученейшие господа!

Судья. Добро пожаловать, дорогая, садись!

Старуха. Хорошо. (*Садится.*)

Самстханакка (*укоризненно*). И ты пришла, старая сводня?

Судья. Ты ведь мать Васантасены?

Старуха. А как же!

Судья. А куда ушла сейчас Васантасена?

Старуха. В дом к своему другу.

Судья. Как зовут этого друга?

Старуха (*про себя*). О, его бедность — позор для меня. (*Вслух.*) Об этом может спрашивать кто угодно, но не судья.

Судья. Не стыдись, тебя спрашивает суд.

Старейшина и писец. Тебя спрашивает суд. В этом нет ничего предосудительного. Говори все, что знаешь.

Старуха. Суд? Ну, если так, слушайте, почтенные ученые господа. Он — внук купца Винаяттты, сын Сагарадаттты. Он носит сулящее счастье имя — почтенный Чарудатта. Живет он в квартале старейшин. С ним моя дочь наслаждается своей молодостью.

Самстханакка. Вы слышали это, почтенные? Запишите эти слова. У меня с Чарудаттой вражда.

Старейшина и писец. В том, что Чарудатта ее друг, нет преступления.

Судья. Это судебное дело касается Чарудатты.

Старейшина и писец. Это так.

Судья. Дханадатта, запиши в начале протокола этого судебного дела, что Васантасена ушла в дом почтенного Чарудатты. Нам нужно позвать почтенного Чарудатту, вернее, потребовать его в суд. Почтенный служитель, иди позови сюда почтенного Чарудатту и скажи ему любезно, спокойно и без признаков замешательства, что судья хочет видеть его.

Служитель. Как прикажет почтенный.

Уходит, затем возвращается с Чарудаттой.

Иди, иди, почтенный!

Чарудатта (*размышляя*).

Царю мое известно поведенье

И род известен мой — не сомневаюсь,

Что в суд меня позвали неспроста.

(*Размышляет про себя.*)

А. может быть, уже известно стало,
Что я того увез в своей повозке,
Кто из тюрьмы недавно убежал,
И, может, царь об этом тоже знает, —
Ведь у царя повсюду есть шпионы —
Его глаза и уши. В суд недаром
Я, словно обвиняемый, иду.

Впрочем, к чему опасения? Ведь я иду сейчас в зал заседаний суда. Почтенный служитель, укажи мне дорогу в суд.

С л у ж и т е л ь. Иди, иди, почтенный!

Оба идут.

Ч а р у д а т т а (*встревоженно*). Что это еще такое?
Советников слуги меня вызывают,
Пронзительно каркает ворон зловеший,
И сильно дрожит мое левое веко --
Я знаю, все это — дурные приметы!

С л у г а. Иди, иди, почтенный, смело и спокойно!

Ч а р у д а т т а (*идет и смотрит вперед*).

Ворон к солнцу головой

Сел на дерево сухое,

Левым глазом на меня

Грозно смотрит этот ворон.

(*Смотрит в другую сторону.*)

О, здесь змея!

Царя всех змей я встретил на пути —

Весь черный-черный, словно мазь глазная,

Спал на моей дороге этот змей

И на меня уставился, проснувшись.

Дрожит его раздвоенный язык,

Блестят его четыре белых зуба,

И в гневе он ползет навстречу мне,

Живот свой раздувая, извиваясь...

И еще вот:

Поставленная на землю стопа

Скользит, хотя земля не отсырела,

И глаз дрожит, и левая рука

Меня сегодня слушается плохо,

И каркает здесь птица, как назло, —

Смерть страшную она мне предвещает.

Но божества помогут мне все-таки!

С л у ж и т е л ь. Иди, иди, почтенный! Войди в зал заседаний суда!

Ч а р у д а т т а (*входит и осматривается*). Зал суда очень красив!

Ведь царский двор с его злодейской шайкой
Могу я уподобить океану:
Советников, в раздумье погруженных,
С водой сравню; двор вестниками полон —
То раковины и морские волны;
Стоящие вокруг царя шпионы —
Суть крокодилы, чудища морские;
Здесь хищное зверье везде толпится,
И здесь же кони бродят со слонами;
А интриганы двор тот украшают,
Как цапли; а писцы в нем — словно змеи;
Политика ж двора — размытый берег,
Обрушиться готовый ежечасно.

Будь что будет! (*Входит, ударяясь головой; размышляет.*)
Ах, вот еще:

Хоть и дрожит мой левый глаз,
И ворон мне беду пророчит,
И путь змея пересекает, —
Пусть, несмотря на все приметы,
Во всем поможет мне судьба!

Я войду. (*Входит.*)

Судья. Это тот самый Чарудатта?

Прям нос его, глаза продолговаты —
А человек с таким лицом приятным
Не склонен к преступленью без причины.
Ведь у слонов, быков и лошадей,
А также у людей — телесный облик
Поступкам соответствует всегда.

Чарудатта. Желаю благополучия судьям! Должностные лица, вам также желаю здоровья!

Судья (*смущенно*). Добро пожаловать, почтенный! Дорогой служитель, пододвинь почтенному сиденье.

Служитель (*пододвигая сиденье*). Вот сиденье. Садись здесь, почтенный.

Чарудатта садится.

Самстханакка (*гневно*). Ты пришел, убийца женщин! Какое справедливое обращение! Какое добропорядочное обращение! Этому убийце женщин предлагают сиденье. (*Гордо.*) Ну что ж, пусть предлагают.

Судья. Почтенный Чарудатта, существуют между тобой и дочерью этой почтенной женщины дружба, любовь или близкие отношения?

Чарудатта. Какой почтенной женщины?

Судья. Вот этой. (*Показывает на мать Васантасены.*)

Чарудатта (*встав*). Приветствую тебя, почтенная!

Старуха. Живи долго, дитя мое. (*Про себя.*) Это и есть тот Чарудатта? Юность моей дочери находится в хороших руках.

Судья. Почтенный, гетера — твоя подруга?

Чарудатта смущается.

Самстханака.

Он из-за страха иль стыда
Скрывает свой дурной поступок,
Ведь из-за денег он убил,
И он теперь скрывает это!
Не так ли, господин судья?

Старейшина и писец. Почтенный Чарудатта, говори, довольно смущаться, ведь здесь суд.

Чарудатта (*смущаясь*). О судьи, как я могу сказать, что гетера — моя подруга? Ведь меня толкнула к ней моя молодость, а не мой образ жизни.

Судья.

Так не мешай же судопроизводству,
Забудь про стыд и правду говори!
Довольно медлить — хитрость бесполезна!

Оставь свой стыд — тебя спрашивает суд!

Чарудатта. Судья, с кем у меня тяжба?

Самстханака (*гордо*). Со мной у тебя тяжба.

Чарудатта. Для меня тяжба с тобой невыносима.

Самстханака. Ты — убийца женщин! Ты убил Васантасену, украшенную сотней драгоценностей, а теперь, лжец из лжецов, ты это скрываешь!

Чарудатта. Ты говоришь бессмыслицу.

Судья. Почтенный Чарудатта, довольно! Скажи правду: гетера — твоя подруга?

Чарудатта. Да, это так.

Судья. Почтенный, а где Васантасена?

Чарудатта. Ушла домой.

Старейшина и писец. Как ушла? Когда ушла? Кто ее пошел провожать?

Чарудатта (*про себя*). Сказать мне, что она ушла тайно?

Старейшина и писец. Почтенный, говори.

Чарудатта. Она ушла домой. Что я могу сказать еще?

С а м с т х а н а к а. Ее привезли в мой запущенный парк Пушпакарандаку и там удавили, чтобы ограбить. Ну что, теперь ты скажешь, что она ушла домой?

Ч а р у д а т т а. Ты говоришь бессмыслицу.
Ты не был окроплен небесной влагой,
Как крылья сойки голубой, когда
Она парила в небе. Почему же
Лицо твое весь блеск свой потеряло,
Как лотос в день пришествия зимы?

С у д ь я *(тихо сидящим около него)*.
Владыку гор не сможет взвесить он,
Вплавь пересечь не сможет океана,
Не сможет ветер на лету поймать, —
Как смеет обвинять он Чарудатту!

(Вслух.) Как мог этот почтенный Чарудатта совершить такое преступление?.. *(Повторяет: «Прям нос его, глаза продолговаты...» и так далее.)*

С а м с т х а н а к а. Как? Ты ведешь судебное дело пристрастно!

С у д ь я. Убирайся, дурак!
Как! Ты о ведах смеешь говорить —
И не боишься, что язык отсохнет?
На солнце ты глядишь в полдневный час —
И не боишься стать слепцом навеки?
Суешь ты руку в яростный огонь —
И не боишься, что калекой станешь?
И, клевета на Чарудатту, ты
Сквозь землю провалиться не боишься?

Как может почтенный Чарудатта совершить такое преступление?

Из моря он сокровища извлек,
И только воду он оставил в море;
Без сожаленья бедным роздал он
Свои богатства; он великодушен,
Сокровищницу благородных чувств
Являет он собой. Так неужели,
Польстясь на деньги, может он пойти
На подлое и злое преступленье,
Которого страшится и злодей?

С т а р у х а. Как может теперь из-за нескольких драгоценностей совершить преступление тот, кто тогда дал ожерелье из жемчуга, лучшего, что родится в четырех морях, за вверенную ему на хранение шкатулку с золотом, которую у него ночью унесли воры! О дитя! О дочь моя! Приди сюда!

Судья. Почтенный Чарудатта, ушла она пешком или уехала в повозке?

Чарудатта. Меня не было дома, когда она уходила, поэтому я не знаю, пошла ли она пешком или уехала в повозке.

Входит взволнованный Вирака.

Вирака.

Пинки, оскорбления и все униженья

Глубокую злобу во мне породили.

Я всю эту ночь горевал безутешно,

И еле дождался я солнца восхода!

Теперь я пришел в зал заседаний суда. (*Входит.*) Желаю вам счастья, почтеннейшие знатоки закона!

Судья. А, это Вирака — начальник городского стражи. Зачем пожаловал?

Вирака. Я искал Арьяку в той сумятице, которую вызвал его побег из тюрьмы. Увидев, что едет закрытая повозка, я захотел выяснить, кто в ней, и сказал старшине Чанданаке: «Ты осматрел ее, теперь я осматрю ее», — а он меня ударил ногой. Я рассказал вам, почтенные, об этом, теперь решайте.

Судья. Дорогой, а ты знаешь, чья это была повозка?

Вирака. Почтенного Чарудатты. В ней Васантасена ехала играть в запущенный парк Пушпакарандаку. Так рассказал мне возничий.

Самстханака. Почтенные, вы слышите?

Судья.

Раху проглатывает луну

С ясным ее сияньем;

Берег подмытый, обрушась вниз,

Мутит чистую воду.

Вирака, мы потом разберем твое дело, почтенный. А сейчас ты садись на лошадь, которая стоит здесь, у дверей суда, поезжай в парк Пушпакарандаку и посмотри, есть ли там где-нибудь убитая женщина или нет.

Вирака. Как прикажет почтенный. (*Уходит, затем возвращается.*) Я съездил туда и видел там труп женщины, который рвут звери.

Старейшина и писец. Как ты узнал, что это была женщина?

Вирака. Я узнал это по остаткам трупа: волосам, пальцам, рукам и ногам.

Судья. О, как трудно судить в этом мире!

Едва успеешь что-нибудь обдумать,

Как сразу же приходит затрудненье,
И хоть ясна судейская премудрость,
Но мысли застревают, как коровы,
Попавшие в глубокое болото.

Ч а р у д а т т а *(про себя)*.

Как пчелы роем летят к цветку,
Едва он успел раскрыться,
Так человека в большой беде
Новые ждут несчастья.

С у д ь я. Почтенный Чарудатта, расскажи правду!

Ч а р у д а т т а.

Лишь злой и недостойный человек
Завидует чужому благородству
И, ослепленный низменной страстью,
Хранит в своей душе любовь к убийству.
И разве должен суд считаться с ним?
Ведь низкое его происхождение
Служить не может оправданьем лжи!
Не должен суд внимать его наветам!

И далее:

Ведь даже и цветущую лиану
К себе я не притягивал ни разу,
Чтобы сорвать цветы. Так разве мог я
Рыдающую женщину убить,
Схватив ее за волосы густые,
Прекрасные, как крылышки пчелы?!

С а м с т х а н а к а. Судьи, почему вы пристрастно разбираете дело? Почему вы еще не прогнали с сиденья этого негодяя Чарудатту?

С у д ь я. Дорогой служитель, сделай это!

Служитель исполняет приказание.

Ч а р у д а т т а. Подумайте, судьи, подумайте! *(Встает с сиденья и садится на пол.)*

С а м с т х а н а к а *(танцуя от радости, про себя)*.
О, совершенное мною преступление свалилось на голову другого! Я сяду там, где сидел Чарудатта. *(Делает это.)*
Чарудатта, смотри, смотри на меня. Признайся, признайся,
что ты убил ее!

Ч а р у д а т т а. О судьи! *(Повторяет сказанное ранее: «Лишь злой и недостойный человек...» и так далее. Затем вздыхает; про себя.)*

О друг Майтрея, что за день несчастный!
О брахманка, супруга дорогая,
Рожденная в семье дважды рожденных!

О Рохасена, ты беды не чувствуешь,
Еще не знаешь о моем несчастье, —
Напрасно ты в игре находишь радость!..

Я послал Майтрею к Васантасене, чтобы узнать о ней и чтобы вернуть ей украшения, которые она дала Рохасене. Почему он задерживается?

Входит М а й т р е я с украшениями в руках.

М а й т р е я. Меня послал почтенный Чарудатта с этими украшениями к Васантасене и сказал: «Почтенный Майтрея, Васантасена подарила маленькому Рохасене свои драгоценности и послала его к матери. Ты должен во что бы то ни стало вернуть ей украшения. Вручи ей их!» Так вот, я иду к Васантасене. (*Идет и смотрит за сцену.*) Как, здесь умнейший Ребхила! Умнейший Ребхила, чем ты так взволнован? (*Прислушиваясь.*) Что ты говоришь? Дорогого друга Чарудатту призывали в зал суда? Ну, это из-за какого-нибудь пустяка. (*Задумывается.*) Лучше я потом схожу к Васантасене, а пока что пойду в зал заседаний суда. (*Идет и смотрит.*) Вот зал заседаний суда. Я войду. (*Входит.*) Желаю счастья судьям! Где мой дорогой друг?

С у д ь я. Вот он.

М а й т р е я. Друг, да будет тебе благополучие!

Ч а р у д а т т а. Возможно, будет.

М а й т р е я. А дела твои хороши?

Ч а р у д а т т а. Возможно, будут.

М а й т р е я. О друг, почему ты так сильно взволнован? Зачем ты вызван сюда?

Ч а р у д а т т а.

Друг, я, как видишь, человек жестокий,

К потусторонней жизни не причастный,

И женщину с богиней любви

Готов я, как ни странно, перепутать...

Вот этот остальное объяснит.

М а й т р е я. Что, что?

Ч а р у д а т т а (*шепчет ему на ухо, затем вслух*).
Вот так.

М а й т р е я. Кто это говорит?

Ч а р у д а т т а (*указывая на Самстханак*). Этот несчастный — только средство. Меня обвиняет судьба.

М а й т р е я (*тихо*). Почему же ты не скажешь, что она ушла домой?

Ч а р у д а т т а. Я сказал это, но, так как я беден, мне не верят.

М а й т р е я. О почтенные, ведь он украсил город Уд-
джайини постройкой башен, храмов, монастырей, часовен,
прудов, колодцев и колонн. Разве он может из-за столь
ничтожной суммы денег совершить такое преступление?
(Гневно.) Ах ты, потаскухин сын, царский шурин Самстха-
нака! Ах ты, сундук людских пороков! Ах ты, обезьяна,
богато украшенная золотом! Ты что, сорвался с цепи?!
Скажи, скажи в моем присутствии, как может мой дорогой
друг совершить такое преступление, губительное для чело-
века и на этом свете, и на том! Ведь он и цветущей ветви
мадхави не наклонит, чтобы сорвать с нее цветок, потому
что боится отломить при этом побег. Подожди, сын сводни,
я разобью тебе голову этой дубиной, кривой, как твое
сердце.

С а м с т х а н а к а (гневно). Слушайте, слушайте, по-
чтенные ученые! У меня вражда, то есть тяжба, с Чарудат-
той. Так почему же эта башка, напоминающая воронью
лапу, собирается разбить мою голову на сто кусков? Не
смей, сын рабыни, паршивый брахман!

Майтрея поднимает палку и повторяет сказанное ранее. Самстхана-
ка встает в гневе и бьет его. Майтрея бьет его в свою очередь. Меж-
ду ними начинается потасовка. У Майтреи из рук выпадают укра-
шения.

С а м с т х а н а к а (поднимая их, осматривает, затем
горестно). Смотрите, смотрите, почтенные! Вот украшения
этой несчастной. (Показывая на Чарудатту.) Он убил ее
из-за этих жалких украшений.

Судьи стоят, опустив головы.

Ч а р у д а т т а (тихо).

Не в добрый час увидели они,
Что по веленью злой моей судьбы
Упали на пол эти украшения:
Паденье их ведет меня к паденью!..

М а й т р е я. Почему же ты не расскажешь, в чем дело?

Ч а р у д а т т а. Друг!

Я знаю, близорукий глаз царя
Не отличит здесь правды от неправды.
К чему мне речи жалкие вести —
Они меня от смерти не спасут,
Но могут сделать смерть мою бесславной!

С у д ь я. О, горе, горе!

В то время как Юпитер в битве с Марсом
Здесь терпит поражение, ополчилась
Еще одна планета на него;
Планета, что весьма с кометой схожа!

Старейшина и писец (*рассматривая украшения и показывая их матери Васантасены*). Почтенная, посмотри внимательно на эту шкатулку с золотом. Это та самая или не та?

Старуха. Она похожа, но не та.

Самстханакка. Ах, старая сводня, твои глаза говорят, а язык молчит.

Старуха. Негодяй, убирайся отсюда!

Старейшина и писец. Скажи точно, эта шкатулка та самая или нет?

Старуха. Почтенный, мой взгляд поражен искусством мастера, но это не та шкатулка.

Судья. Дорогая, а знаешь ли ты эти украшения?

Старуха. Я скажу, что они мне знакомы, но это могут быть копии, которые сделал какой-нибудь искусный мастер.

Судья. Старейшина, посмотри:

Различные изделия бывают
Похожи друг на друга как по форме,
Так и по красоте их обработки;
Ремесленник, увидев образец,
Всегда его скопировать сумеет
При помощи своих искусных рук.

Старейшина и писец. Принадлежат ли они почтенному Чарудатте?

Чарудатта. Нет, нет.

Старейшина и писец. А чьи они?

Чарудатта. Они принадлежат дочери присутствующей здесь почтенной женщины.

Старейшина и писец. А как они попали от нее к тебе?

Чарудатта. От нее они ушли. Вот они.

Старейшина и писец. Почтенный Чарудатта, ты должен говорить здесь правду! Обрати внимание на то,

Что только правдой ты добьешься счастья,
Поведай правду — в этом нет порока,
Всего два слога в кратком слове «правда»,
Не прячь же правду ты свою во лжи!

Чарудатта. Я не знаю, что это за украшения, но знаю, что их принесли из моего дома.

Самстханакка. Сначала ты ее отвез в парк и убил, а теперь скрываешь это при помощи лжи и обмана.

Судья. Почтенный Чарудатта, тебе следует сказать правду!

Теперь на тело нежное твое
Падут бичей тяжелые удары —
И с ними рухнут наши упования.

Чарудатта.

В честной семье я на свет появился
И никогда не совершал преступлений;
Если же мне приписали убийство,
Чем мне поможет моя невинность?

(*Про себя.*)

Да мне и не нужна жизнь, когда я лишился Васантасены.
(*Вслух.*) К чему быть многословным?

Ведь я, как видно, человек жестокий,
К потусторонней жизни не причастный,
И женщину с богиней любви
Готов я, как ни странно, перепутать...
Вот этот остальное объяснит.

Самстханакка. Ты скажи лучше сам: «Я убил ее».

Чарудатта. Ты же сказал это.

Самстханакка. Слушайте, слушайте, господа! Он
убил ее. Этим уничтожены все сомнения. Тело этого нищего
Чарудатты должно подвергнуться наказанию.

Судья. Служитель! Поступи так, как сказал Самстханакка! Эй, царские стражники, схватите этого Чарудатту!

Царские стражники хватают Чарудатту.

Старуха. Смилуйтесь, смилуйтесь, почтенные ученые! (*Повторяет сказанное ею ранее: «Как может теперь из-за нескольких драгоценностей...» и так далее.*) Если моя дочь убита, то она убита. Пусть же тот, кому я пожелала долгой жизни, останется в живых! Кроме того, судебное дело — это дело истца и ответчика. Я здесь истец, и я прошу, чтобы его отпустили.

Самстханакка. Убирайся ты, рабыня от рождения, пошла вон! Разве тебя это касается?

Судья. Почтенная, изволь уйти отсюда. Эй, царские стражники, выведите ее отсюда!

Старуха. О, дитя! О, сыночек! (*Уходит с плачем.*)

Самстханакка (*про себя*). Я поступил с ним так, как велела моя совесть. Теперь я могу уйти.

Судья. Почтенный Чарудатта, нашим долгом было провести расследование. Остальное — дело царя. Но ты, служитель, все же объяви царю Палаке:

Предписывает Ману: этот брахман,
Недавно преступление совершивший,
Не должен быть казнен, а только изгнан

Навеки за пределы государства;
Имущество ж останется за ним.

С л у ж и т е л ь. Как прикажет почтенный. (*Уходит, затем входит вновь, в слезах.*) Почтенные, я ходил туда. Царь Палака распорядился: «Так как он убил Васантасену ради грошовых украшений, то следует привязать эти украшения ему на шею, отвести его с барабанным боем на южное поле, где сжигают трупы, и посадить его там на кол. И каждый, кто совершит такое преступление, должен быть подвергнут этой позорной казни».

Ч а р у д а т т а. О, царь Палака поступает необдуманно! Или, вернее,

Цари, которых их советники
В такой огонь несправедливости
Ввергают, попадают все-таки
В заслуженное, но плачевное,
Безвыходное положение!

А также:

Увы, такие белые вороны,
Позорящие царское величье,
Немало уничтожили безвинных
И ныне губят тысячи людей!

Друг Майтрея, иди передай от меня последний привет матери. Храни также моего сына Рохасену.

М а й т р е я. Разве можно сохранить дерево, когда его корень подрублен?

Ч а р у д а т т а. Не говори так!

Знай: сыновья — живое воплощенье
Отцов их, перешедших в мир иной.
Перенеси, мой друг, на Рохасену
Всю ту любовь, что ты питал ко мне!

М а й т р е я. О друг, я буду твоим другом и продолжу ту жизнь, которую покинул ты.

Ч а р у д а т т а. Покажи мне также еще раз Рохасену.

М а й т р е я. Хорошо, я это сделаю!

С у д ь я. Добрый служитель, выведи отсюда этого парня!

Служитель уводит Майтрею.

Эй, кто там есть! Дайте приказание палачам!

Царские стражники оставляют Чарудатту и уходят.

С л у ж и т е л ь. Иди сюда, почтенный.

Ч а р у д а т т а (*жалостно повторяет*: «О друг Майтрея, что за день несчастный...» и так далее. *В пространство*).

Если б не выдержал я испытанья
Ядом, водой, и огнем, и весами, —
Пусть мое тело распилят сегодня!
Но кто убить меня, брахмана, хочет
Ныне по злому доносу злодея,
Тот пусть низвергнется в ад без пощады,
Пусть сыновья с ним и внуки погибнут!

Я иду!

Все уходят.

Конец девятого действия

ДЕСЯТОЕ ДЕЙСТВИЕ

ВОЗМЕЗДИЕ

Входит Чарудатта в сопровождении двух палачей.

Оба палача.

Разве мы не знаем, как нам быть!

Справимся с преступником любым!

Мастера мы головы рубить

И сажать их на кол — мастера!

Расступитесь! Убирайтесь с дороги, почтенные! Расступитесь! Это идет почтенный Чарудатта.

Венок душистый олеандровый

Уже возложен на преступника,

И держим крепко осужденного

Мы, опытные палачи!

И, уподобленный светильнику,

В который мало масла налили,

Он гаснет на глазах у нас.

Чарудатта (*в ужасе*).

Вороны, каркая зловеще.

Сожрать готовы, словно жертву,

Мое истерзанное тело
В следах сандала ярко-красных,
Облитое слезами тело,
Осыпанное серой пылью,
Цветами убранный тело,
Цветами, что росли, красуясь,
На месте, где сжигают трупы!..

О б а п а л а ч а. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Что вы устались, почтенные,
На человека благородного,
Которого разрубим скоро мы
Смерть приносящим топором!
Был этот муж подобен дереву,
И, словно птицы, люди добрые
Кров находили у него!

Иди, Чарудатта, иди!

Ч а р у д а т т а. Нельзя понять, что определяет судьбу человека. Попал же я в такое положение!

Все тело мое — в отпечатках ладоней,
Ладоней, намазанных красным сандалом;
Мукою и пудрою весь я осыпан,
И хоть человек я, но, волею рока,
Животному жертвенному уподоблен!
(Смотрит перед собой.)

О, как разнятся люди! (Горестно.)

«Позор! Позор!» — горожане кричат,
Из глаз у них слезы льются.
Они мне желают небес достичь,
Спасти же меня — бессильны...

О б а п а л а ч а. Расступитесь, почтенные, расступитесь! Что смотрите?

Нельзя смотреть вам на четыре вещи:
На Индры опускаемое знамя,
И на корову в час ее отела,
И на паденье звезд с небесной выси,
И на плохую смерть людей хороших!

П е р в ы й п а л а ч. Посмотри-ка, друг Ахинта, посмотри!

Не лучшего ли человека в мире
Ведем на казнь сегодня мы с тобою?
Не плачет ли в печали горькой небо,
Не блещет ли в нем молния без туч?

Второй палач. Гоха!

Нет, небо не плачет в печали своей,
Не падает молния с ясного неба, —
Слезами исходит женщин толпа,
Как туча исходит потоками ливня!

И далее:

В то время как приговоренный к смерти
Идет на казнь — кругом все люди плачут,
И, смоченная этими слезами,
Не может пыль подняться над дорогой.

Чарудатта (*смотрит, горестно*).

Из дворцовых высунувшись окон,
Женщины кричат мне: «Чарудатта!»,
Слез потоки в горе проливая...

Оба палача. Иди, Чарудатта, иди! Вот место, где
объявляется приговор. Бейте в барабан, объявляйте приговор! Слушайте, почтенные, слушайте! Это внук купца
Винаядатты, сын Сагарадатты, именуемый почтенным Чарудаттой. Этот преступник привез гетеру Васантасену в безлюдный запущенный парк Пушпакарандаку и убил ее там, задушив, чтобы снять с нее украшения. Он был пойман с краденым и сам признал свое преступление. Тогда царь Палака приказал нам казнить его. Если кто-нибудь совершит такое преступление, осуждаемое как на этом, так и на том свете, то и его тоже царь Палака накажет подобным образом.

Чарудатта (*жалобно, про себя*).

Мой знатный род, очищенный от скверны
Ценою сотен жертвоприношений,
Молитвами, которые читались
У жертвенников среди толп народа, —
Мой знатный род сегодня упомянут
В позорном и жестоком приговоре
Людьми, которые в грехе погрязли
И род мой недостойны называть!

(*Смотрит вверх и хватается за голову*.)

О, милая Васантасена!

Белы твои зубы, как лунного света лучи,
И губы твои, как кораллы, прекрасны и алы,
Из уст твоих пил я нектар в свои лучшие дни, —
Как выпить мне чашу с убийственным ядом
позора?

Оба палача. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Сокровищницу благородных дел;
Мост через все несчастья, что воздвигнут
На благо добрым людям; человека,
Который краше золота душой, —
Выводим мы из города для казни!

А также:

На этом свете почему-то все
Забоятся лишь о счастливых людях;
Но где найдешь такого, кто б помог
Попавшему в несчастье человеку?

Ч а р у д а т т а (*осматривается по сторонам*).
Недавние друзья, прикрыв одеждой лица,
Уходят далеко, чтобы навеки скрыться, —
Ведь первый встречный дружбу предлагает
Тому, кто счастлив, кто преуспевает;
Но вот не повезет, придется туго —
И нет тебе ни помощи, ни друга!..

О б а п а л а ч а. Люди разошлись. Главная улица опустела. Так ведите же его, занятого знаком смертного приговора!

Ч а р у д а т т а (*повторяет со вздохом: «О друг Майтрея, что за день несчастный!..» и так далее*).

Г о л о с з а с ц е н о й. О отец! О дорогой друг!

Ч а р у д а т т а (*прислушиваясь, горестно*). О глава своей касты, я хочу попросить тебя кой о чем.

О б а п а л а ч а. Ты хочешь что-то взять из наших рук?

Ч а р у д а т т а. Избавьте от греха! Ведь чандалы не столь неосмотрительны и жестоки, как Палака. Я прошу вас дать мне увидеть лицо сына, чтобы мне достичь покоя на том свете.

О б а п а л а ч а. Да свершится это!

Г о л о с з а с ц е н о й. О отец, отец мой!

Чарудатта, услышав это, повторяет жалобно:
«О глава своей касты...» и так далее.

О б а п а л а ч а. Эй, горожане! Очистите на время место. Пусть этот почтенный Чарудатта посмотрит на своего сына! (*За сцену.*) Сюда, сюда, почтенный! Иди сюда, мальчик, иди!

Входят Майтрея с мальчиком

М а й т р е я. Быстрее, быстрее, мой дорогой, твоего отца ведут на казнь.

Р о х а с е н а. О отец! О отец мой!

М а й т р е я. О дорогой друг, где я теперь тебя увижу!
Ч а р у д а т т а (*увидев сына и Майтрею*). О, сын!
О, Майтрея! (*Горестно.*) О, горе!

Когда уйду в потусторонний мир,
Я долго буду там страдать от жажды —
Ведь слишком мал пока что тот сосуд,
В котором будут подавать мне воду!..

Что я могу дать сыну? (*Осматривает себя, замечает жертвенный шнур.*) Это пока у меня еще есть.

Это — брахманов украшение,
Не жемчужное, не золотое,
С его помощью воздается
Дань богам и душам усопших.

(*Дает Рохасене жертвенный шнур.*)

П е р в ы й п а л а ч. Иди, Чарудатта, иди!

В т о р о й п а л а ч. Ты обращаешься к почтенному
Чарудатте просто по имени? Смотри:

В несчастье и счастье, и ночью и днем
Судьба беспрепятственно шествует в мире,
Как волю почуявший конь молодой!

И еще:

Что ж, что померкла слава Чарудатты,
Но головы свои мы, как бывало,
Должны пред ним с почтеньем преклонять —
Луну хоть и проглатывает Раху,
Но для луны позора в этом нет!

Р о х а с е н а. Эй, палачи, куда вы ведете моего отца?

Ч а р у д а т т а. Дитя!

Олеандров душистых гирлянд
Сегодня несу я на шее,
Кол несу на плече,
Груз печали на сердце несу.
К месту казни ведут меня,
Словно козла на закланье,
Словно в жертву богам
Жизнь мою принесут палачи!..

П е р в ы й п а л а ч. Мальчик!

Ты злодеями нас не считай,
Хоть и чандалы мы по рождению;
Мальчик, знай, что злодей — это тот,
Кто хороших людей притесняет!

Р о х а с е н а. Зачем вы хотите убить моего отца?

П е р в ы й п а л а ч. Да будет твоя жизнь долгой. Это
мы делаем по приказу царя, а не по нашей охоте.

Р о х а с е н а. Убейте меня, но отпустите отца!

Первый палач. Раз ты так говоришь, я желаю тебе, чтобы жизнь твоя была долгой.

Чарудатта *(со слезами обнимает сына)*.

Любовь — сокровище, доступное
Равно богатому и бедному,
Она — бальзам всеисцеляющий
Для сердца, хоть и не примешаны
К ней ни ушира, ни сандал!..

(Повторяет: «Олеандров душистых гирлянду...» Смотрит, затем повторяет про себя: «Недавние друзья, прикрыв одеждой лица...» и так далее.)

Майтрея. Эй, добрые люди, отпустите дорогого друга Чарудатту, казните меня!

Чарудатта. Что ты, это грех! *(Смотрит вокруг, про себя.)* Теперь я понимаю. *(Повторяет: «Недавние друзья, прикрыв одеждой лица...» и так далее. Вслух повторяет: «Из дворцовых высунувшись окон...» и так далее.)*

Первый палач. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

Довольно вам глазеть на Чарудатту,
На благороднейшего человека,
Надежду потерявшего на жизнь
Из-за того, что был он обесславлен!
Подобен он кувшину золотому,
Что из-за оборвавшейся веревки
В колодце погружается на дно...

Чарудатта грустно повторяет: «Белы твои зубы, как лунного света лучи...» и так далее.

Второй палач. Огласи приговор вновь!

Первый палач вновь оглашает приговор.

Чарудатта.

В печальное попал я положение,
И смертью увенчается оно,
И этот приговор мне мучит душу —
Я слышу в нем, что я ее убил!

Стхаварака находится во дворце, закованный в цепи.

Стхаварака *(услышав приговор, удрученно)*. Как! Безвинный Чарудатта будет казнен, а я закован в цепи моим господином. Ладно, я закричу громко. Слушайте, почтенные, слушайте! На самом деле это так: я, злосчастный, привез Васантасену в запущенный парк Пушпакарандаку из-за того, что она перепутала повозки. После этого мой господин убил ее — задушил за то, что она не отве-

чала взаимностью на его любовь. Как? Меня никто не слышит — все слишком далеко от меня! Так я прыгну вниз. (*Раздумывает.*) Если я это сделаю, то почтенный Чарудатта не будет казнен. Хорошо, я выпрыгну из голубятни отсюда с верхушки дворца через это ветхое оконце. Пусть лучше я разобьюсь, чем погибнет почтенный Чарудатта. Ведь он — защитник добрых людей — подобен дереву, на котором находят приют птицы. Если я убьюсь при падении, то, безусловно, попаду в иной мир. (*Выпрыгивает.*) Странно, я не убится. Оковы же мои разбиты. (*Смотрит и подходит к палачам.*) Эй вы, палачи, расступитесь, расступитесь!

Оба палача. Кто это зовет нас расступиться?

Стхаварака повторяет сказанное им ранее.

Чарудатта.

О, кто явился в этот горький час,
Когда я нахожусь в преддверье смерти?
Сравню пришельца с тучей дождевой
Над нивою, от зноя изнемогшей!

Вы слышали, почтенные, —

Я смерти не боюсь, мне только жаль,
Что клеветою род мой опозорен.
Будь я оправдан — смерть приму свою
С отрадой, словно первенца рожденье!

А также

Мне жаль, что полоумным подлецом
Погублен я, хоть зла ему не делал;
Подобен он отравленной стреле:
Убийца он — и он же обвинитель!

Оба палача. Стхаварака, ты говоришь правду?

Стхаварака. Правду. Чтобы я не рассказал ее никому, меня заковали в цепи и поместили в каморке на самой верхушке дворца.

Входит Самстханак.

Самстханак (*радостно*).

Я пообедал в собственном доме,
Мяса отведал в соусе остром,
Ел я похлебку, овощи, рыбу,
Рис по-домашнему, рис подслащенный...

(*Прислушиваясь.*)

Речь палачей звучит как надтреснутый медный рог. Я слышу также бой барабанов, извещающий о смертной казни. Из этого я заключаю, что нищего Чарудатту ведут к месту казни. Так пойду туда посмотреть! Гибель врага —

огромная радость для моей души. Я слышал также, что тот, кто увидит, как убивают его врага, в следующем рождении будет избавлен от глазных болезней. Я полз, как червь в стебле лотоса, и искал уязвимое место. Я добился гибели Чарудатты. Теперь я поднимусь на мою голубятню на самой верхушке дворца, чтобы испытать свое мужество. *(Поднимается и смотрит.)* Ха-ха! Если сейчас, когда ведут на казнь этого нищего Чарудатту, собралась такая большая толпа, то какое же множество народа соберется в тот час, когда поведут на казнь такого превосходного человека, как я?! *(Всматривается.)* Как? Его ведут в южную сторону, украсив как быка? Но почему же, поровнявшись с моей голубятней на самой верхушке дворца, начали читать приговор, но до конца не дочитали? *(Осматривается по сторонам.)* Как, здесь нет моего слуги Стхавараки? Только бы он не убежал и не выдал бы тайну! Я его поищу. *(Спускается и направляется к толпе.)*

С т х а в а р а к а *(увидев Самстханакку)*. Добрые люди, вот он явился!

О б а п а л а ч а.

Расступитесь! Дорогу! Дорогу!

На запор закрывайте ворота!

Берегитесь! Злой бык сюда мчится,

И рога его острые — грубость!

С а м с т х а н а к а. Эй, эй! Расступитесь, расступитесь! Сыночек, слуга Стхаварака, иди ко мне! Уйдем отсюда! !

С т х а в а р а к а. Ах, недостойный, ты не удовлетворился тем, что убил Васантасену. Теперь ты стараешься убить еще и почтенного Чарудатту — это волшебное дерево, исполняющее все желания друзей.

С а м с т х а н а к а. Я, подобный кувшину с драгоценностями, не убиваю женщин!

В с е. Так это ты убил, а не почтенный Чарудатта!

С а м с т х а н а к а. Кто это сказал?

В с е *(показывая на Стхавараку)*. Вот этот достойный человек.

С а м с т х а н а к а *(в испуге, про себя)*. О, горе, горе! Разве я не заковал слугу Стхавараку в цепи? Ведь он — свидетель преступления. *(Раздумывая.)* Вот как я поступлю! *(Громко.)* Это ложь, господа! Этого слугу я уличил в краже золота. Тогда я его избил, побил и отколотил и заключил в оковы. Поэтому он на меня зол. Разве может быть правдой то, что он говорит? *(Незаметно передает Стхавараке золотое ожерелье. Тихо Стхавараке.)* Сыночек, слуга Стхаварака, возьми это и скажи, что все было по-другому.

С т х а в а р а к а (*берет ожерелье*). Смотрите, смотрите, добрые люди, он хочет соблазнить меня золотом.

С а м с т х а н а к а (*вырывая у него золотое ожерелье*). Вот это золото, за которое я заковал его в цепи. (*Гневно.*) Эй, палачи, я назначил его охранять мою сокровищницу, и, когда он стал воровать золото, я его побил и избил и отколотил. Если не верите этому, посмотрите на его спину.

О б а п а л а ч а (*поглядев на спину Стхавараки*). Великолепно сказал! Почему бы наказанному слуге не солгать?

С т х а в а р а к а. Увы, таков удел слуг, что они никого не могут убедить в правоте своих слов. (*Горестно.*) Почтенный Чарудатта, это все, что я мог сделать. (*Падает к его ногам.*)

Ч а р у д а т т а (*горестно*).

Встань, бескорыстный друг, пришедший мне на

помощь,

Встань, сострадательный и честный человек!

Чтобы спасти меня, ты сделал все, что мог,

Но ты бессилён — и всемогущ рок!..

О б а п а л а ч а. Господин, избежь этого слугу и прогони его.

С а м с т х а н а к а. Убирайся! (*Отталкивает его.*) Эй, палачи! Что вы медлите? Казните его!

О б а п а л а ч а. Если ты спешишь, казни его сам.

Р о х а с е н а. Эй, палачи! Казните меня, отпустите отца!

С а м с т х а н а к а. Казните же его вместе с сыном!

Ч а р у д а т т а. От этого дурака всего можно ждать. Сынок, иди к маме!

Р о х а с е н а. Что же я буду делать, если уйду?

Ч а р у д а т т а.

Дитя, не медли! С матерью своей

Из города беги в места глухие —

Чтоб по вине безвинного отца

Тебя судьба такая ж не постигла!

М а й т р е я. О друг, ты ведь знаешь, что без тебя я не смогу жить.

Ч а р у д а т т а. Жизнь твоя зависит от тебя. Тебе не следует оставлять ее.

М а й т р е я (*про себя*). Не следует делать этого. Однако без моего доброго друга я не смогу жить. Поэтому я вручу мальчика матери и покину эту жизнь, чтобы следовать за своим дорогим другом. (*Вслух.*) Друг, я сейчас

уведу его. *(Обнимает Чарудатту и падает к его ногам. Рохасена тоже плачет и падает.)*

С а м с т х а н а к а. Ведь я же сказал, казните Чарудатту вместе с сыном.

Чарудатта испуган.

О б а п а л а ч а. У нас нет на то царского приказа-ния, чтобы казнить Чарудатту вместе с сыном. Уходи, мальчик, уходи! *(Рохасену уводят.)* На этом месте приговор должен быть прочитан в третий раз. Бейте в барабан! *(Снова читают приговор.)*

С а м с т х а н а к а *(про себя)*. Почему эти горожане не верят? *(Вслух.)* Эй, парень Чарудатта, не верят горожане, поэтому ты скажи собственными устами, что ты убил Васантасену.

Чарудатта молчит.

Эй вы, люди, палачи, парень Чарудатта не говорит. Бейте его расщепленной бамбуковой палкой и заставьте говорить.

П е р в ы й п а л а ч *(собираясь ударить)*. Эй, Чарудатта, говори!

Ч а р у д а т т а *(горестно)*.

Низвергнутый судьбой в несчастий океан,
Не знаю больше я ни горестей, ни страха,
И лишь одна меня смущает мысль —
Боюсь, всеобщей ненависти пламя
Сожжет меня, едва произнесу,
Что это я убил Васантасену!

Самстханака повторяет сказанное им.

Ч а р у д а т т а. О горожане! *(Снова повторяет: «Друг, я, как видишь, человек жестокий...» и так далее.)*

С а м с т х а н а к а. Говори: «Я убил ее сам».

Ч а р у д а т т а. Ну что ж!

П е р в ы й п а л а ч. Ты должен казнить его!

В т о р о й п а л а ч. Нет, ты!

П е р в ы й п а л а ч. Тогда давай бросим жребий.

Несколько раз бросают жребий.

Если я должен казнить его, то пусть он немного подождет.

В т о р о й п а л а ч. Зачем?

П е р в ы й п а л а ч. Когда мой отец умирал, он на-казывал мне: «Если тебе придется казнить, не убивай при-говоренного сразу же».

В т о р о й п а л а ч. Почему?

П е р в ы й п а л а ч. Может быть, найдется какой-нибудь добрый человек, заплатит деньги и выкупит приго-

воренного к казни. Или у царя родится сын, и по поводу такой большой радости все приговоренные к казни будут помилованы. Или сорвется с цепей пойманный слон, и тогда во всеобщем смятении приговоренный сбежит, или произойдет смена царя, благодаря чему все приговоренные к казни будут помилованы.

С а м с т х а н а к а. Что? Что? Произойдет смена царя?

Пер в ы й п а л а ч. Это мы здесь бросаем жребий и толкуем между собой.

С а м с т х а н а к а. Быстрее убивайте Чарудатту. (*Отходит со слугою в сторону.*)

Пер в ы й п а л а ч. Почтенный Чарудатта! Тебя казнит воля царя, а не мы, чандалы. Вспомни о том, о чем ты хочешь вспомнить.

Ч а р у д а т т а.

Пусть я унижен силой власть имущих
По воле злой неправедной судьбы,
Но если до сих пор имеют силу
Те добрые дела, что я творил, —
Пусть та, что ныне в неизвестном крае
Иль во дворце царя богов живет,
Позор с меня своею властью смоет
И роду славу добрую вернет!..

Куда мне идти?

В т о р о й п а л а ч. Вон виднеется на юге поле, где сжигают трупы. Стоит только осужденному на смерть ступить туда, как он без промедленья растает с жизнью. Смотри, смотри —

Ты видишь? Половину трупа
Терзают тощие шакалы;
Его другая половина,
Что на колу торчит, похожа
На маску с дикою усмешкой...

Ч а р у д а т т а. Погиб я, несчастный! (*В волнении садится.*)

С а м с т х а н а к а. Я пока что не уйду. Я посмотрю, как будут казнить Чарудатту. (*Идет и смотрит.*) Как, он сел?

Пер в ы й п а л а ч. Чарудатта, ты испугался?

Ч а р у д а т т а (*быстро встав*). Глупец! (*Снова повторяет: «Я смерти не боюсь, мне только...» и так далее.*)

Пер в ы й п а л а ч. Почтенный Чарудатта, даже солнцу и луне, чье место в небе, не избежать беды. Что же говорить о нас, смертных! Каждый, кто родился на земле, тем самым обречен на гибель, а каждый умерший должен

вновь родиться. Для души возникновение и гибель тела подобны смене платья. Помни это и крепись. (*Второму палачу.*) На этом месте приговор должен быть оглашен в четвертый раз. Огласи его!

Снова повторяют приговор.

Ч а р у д а т т а. О милая Васантасена! (*Снова повторяет:* «Белы твои зубы, как лунного света лучи...» и так далее.)

Входят в смятении Васантасена и монах.

М о н а х. Удивительно! Как кстати стал я странствующим монахом, раз мне довелось вести и ободрять столь измученную Васантасену. Куда вести тебя, последовательница Будды?

В а с а н т а с е н а. Только в дом почтенного Чарудатты. Дай мне хоть взглянуть на него! Я буду счастлива, как лотос, увидевший луну.

М о н а х (*про себя*). По какой дороге мне идти? (*Раздумывая.*) Пойду главной улицей. Последовательница Будды, пойдем вот здесь, по главной улице. (*Прислушиваясь.*) Что там за страшный шум на главной улице?

В а с а н т а с е н а (*смотрит вперед*). Почему перед нами такая огромная толпа народа? Почтенный, узнай, что там происходит. Кажется, под тяжестью толпы сам город Удджайини склонился набок, как неравномерно нагруженный корабль.

В т о р о й п а л а ч. На этом месте приговор должен быть оглашен в последний раз. Бейте в барабан! Оглашайте приговор!

Раздается барабанный бой, и палач читает приговор.

Ну, держись, Чарудатта! Не бойся. Твоя смерть будет мгновенной!

Ч а р у д а т т а. О, великие божества!

М о н а х (*услышав это, взволнованно*). Последовательница Будды, здесь говорят, что Чарудатта убил тебя, и за это его ведут на казнь.

В а с а н т а с е н а (*взволнованно*). О, горе! О, горе! Как, из-за меня, несчастной, хотят казнить почтенного Чарудатту?! Скорее, скорее покажи мне дорогу!

М о н а х. Спеши, последовательница Будды, спеши утешить почтенного Чарудатту, пока он жив. Расступитесь, почтенные, расступитесь!

В а с а н т а с е н а. Расступитесь! Расступитесь!

Первый палач. Почтенный Чарудатта! Тебя казнят по приказанию царя. Вспоминай, о чем ты хочешь вспомнить.

Чарудатта. К чему быть многословным? (*Повторяет*: «Пусть я унижен силой власть имущих...» и так далее.)

Первый палач (*вынимая меч из ножен*). Почтенный Чарудатта, будь спокоен и стой прямо! Одним ударом мы лишим тебя жизни и отправим на небо.

Чарудатта выпрямляется. Палач хочет нанести удар,
но меч выпадает у него из рук.

Как!

Хоть рукоять я крепко сжал в руке,
Но почему-то меч мой смертоносный
На землю, словно молния, упал!..

Из этого я заключаю, что почтенный Чарудатта не будет казнен. О богиня, обитательница гор Сахья, смилуйся, смилуйся, пусть Чарудатта будет спасен! Окажи эту милость нашему роду палачей!

Второй палач. Давай поступим, как нам было приказано.

Первый палач. Хорошо, мы сделаем это.

Оба палача хотят посадить Чарудатту на кол. Чарудатта снова повторяет: «Пусть я унижен силой власть имущих...» и так далее.

Монахи Васантасена (*увидев это, вместе*).
Почтенные, погодите, погодите!

Васантасена. Почтенные! Это я — та несчастная, из-за которой он приговорен к казни.

Первый палач (*увидев Васантасену и монаха*).

Кто эта женщина, спешащая
С распущенными волосами?
Бежит она с руками поднятыми,
Кричит: «Помедлите! Помедлите!»

Васантасена. Почтенный Чарудатта! Что это?
(*Падает на землю*.)

Монахи. Почтенный Чарудатта, что это? (*Падают к ногам Чарудатты*.)

Первый палач (*испуганно подходит к ним*). Как? Это Васантасена! Мы чуть не казнили ни в чем не повинного человека!

Монахи (*встает*). Чарудатта жив!

Второй палач. Он будет жить сто лет!

Васантасена (*радостно*). И я ожила вновь.

Оба палача. Мы пойдем и доложим об этом событии царю, который пребывает сейчас в саду, где совершаются жертвоприношения.

Оба палача собираются уходить.

Самстханакка (*увидев Васантасену, в страхе*). О горе! Кто воскресил эту рабыню по рождению? Жизнь покидает меня. Что же, надо мне спастись бегством. (*Убегает.*)

Оба палача (*приблизившись*). Нам приказано царем казнить того, кто убил ее. Поэтому мы поймаем царского шурина.

Оба палача уходят.

Чарудатта (*изумленно*).

Кто ты, пришедшая сюда, подобно ливню
На засухой иссушенную ниву,
Пришедшая в тот страшный миг, когда
Был поднят меч и был я в пасти смерти?
(*Всматриваясь.*)

Кто это, кто? Двойник Васантасены?
Или сама она спустилась с неба?
Иль это только краткое виденье,
Рожденное мятущейся душой?
Иль это прежняя Васантасена —
И никогда она не умирала?

Или, может быть,

Сошла она с неба, чтоб жизнь мне спасти?
Иль это другая небесная дева
Явилась на землю, приняв ее облик, —
И схожи они как две капли дождя?

Васантасена (*встает и, плача, падает к его ногам*). Почтенный Чарудатта, это я, греховная, я, из-за которой ты оказался в таком плачевном положении.

Голос за сценой. О, чудо, чудо! Васантасена жива!

Все повторяют это.

Чарудатта (*услышав это, быстро встает; глаза его закрыты, лицо выражает счастье. Он радостно и быстро говорит*). Милая Васантасена, это ты?

Васантасена. Да, это я, несчастная!

Чарудатта (*рассматривая ее, обрадованно*). Так это же Васантасена! (*Радостно.*)

Потоком слез твоя омыта грудь...

Любимая моя, ответь, откуда

Явилась ты, подобно заклинанию,
И гибель отвратила от меня?!

Милая Васантасена!

Спасла ты жизнь мою! Она могла
Из-за тебя угаснуть. Что за сила
Таится в этой встрече двух влюбленных!
Кто и когда из мертвых воскресал?!

А также, милая,

Смотри: и этот красный плащ,
И осужденного венок
Ты в украшенья жениха
Своим приходом превратила!
Ты слышишь барабанов бой?
О казни он оповещал,
Но ты явилась — и теперь
О свадьбе он оповещает!

В а с а н т а с е н а. Почтенный, в какую беду ты попал
по своему редкостному великодушию?

Ч а р у д а т т а. Милая, ведь здесь сказали, что я тебя
убил!

Могущественный враг, достойный ада,
Давно возненавидевший меня,
Едва меня сейчас не уничтожил!..

В а с а н т а с е н а (*хватаясь за голову*). Прочь от
греха! Ведь этот царский шурин едва не убил меня.

Ч а р у д а т т а (*увидев монаха*). А это кто?

В а с а н т а с е н а. Тот злодей меня убил, но этот доб-
рый человек вернул мне жизнь.

Ч а р у д а т т а. Кто ты, бескорыстный друг?

М о н а х. Ты не узнаешь меня, почтенный? Я — тот
массажист, который всегда заботился о том, чтобы расте-
реть ноги тебе, почтенный! Я был схвачен игроками за
долги, но меня выкупила эта почтенная женщина, потому
что я принадлежал тебе. Пресытившись игрой, я стал мона-
хом-созерцателем. А эту почтенную женщину я вновь уви-
дел уже после того, как она, перепутав повозки, приехала
в парк Пушпакарандаку и была задушена тем негодяем.

Г о л о с з а с ц е н о й.

Да здравствует, да будет славен тот,
Кто ныне жертвоприношение Дакши
Навеки ниспроверг и уничтожил!
И знамя то, где бык изображен!
Враг Краунчи будь славен шестиустый,
Что разрубил его!

Да будет славен

Царь Арьяка, пусть землю завоеует!
На знамени его не зря сияет,
Белея, Кайласа гора! Отважно
Врагов могучих он сразил в бою!

Быстро входит Шарвилака.

Шарвилака.

Палаку — злого царя — я убил,
Арьяку быстро на царство помазал,
И, возлагая себе на главу,
Словно венок, приказанье владыки,
Я к Чарудатте на помощь спешу!

А также:

Сразив врага, оставленного войском,
Покинутого всей придворной кликой,
И успокоив горожан Аванти,
Стал Арьяка владыкой всей земли —
Как Индра, он вознесся над врагами!

(Смотрит вперед.)

Хорошо! Он, наверное, там, где собралась эта толпа народа. О, если бы начало царствования Арьяки ознаменовалось спасением почтенного Чарудатты! *(Быстро подбегает к толпе.)* Разойдитесь, негодяи! *(Увидев Чарудатту, радостно.)* Чарудатта с Васантасеной живы! Желание нашего владыки исполнилось!

Какое счастье — вновь его я вижу!
Благополучно выплыл Чарудатта
Из океана горя и печали
При помощи подруги бескорыстной
И полной многочисленных достоинств!
Она его спасла, подобно лодке,
Которую тянули на канате!
Он вновь сверкает перед нами, словно
Освобожденный от затмения месяц!

Ведь я совершил великий грех, как же я подойду к нему?
Впрочем, откровенность нравится всем. *(Подходит, почти-
тельно складывает ладони, вслух.)* Почтенный Чарудатта!

Чарудатта. Кто ты, почтенный?

Шарвилака.

Я тот, кто, проломав дыру в стене,
Проник в твой дом и утащил оттуда
Шкатулку с драгоценными вещами,
Которую ты принял на хранение...
И, совершив великий этот грех,
К тебе же обращаюсь за защитой!

Ч а р у д а т т а. Это не так, мой друг, ты оказал мне этим только доверие. *(Обнимает его.)*

Ш а р в и л а к а. И, кроме того,
Знай, благородный Арьяка,
Хранитель чести рода,
Царя-злодея Палаку
Убил у алтаря,
У алтаря, где в жертву
Животные приносятся!

Ч а р у д а т т а. Как?!

Ш а р в и л а к а.

Тот, кто в твоей повозке укрывался,
Кто в трудный час к твоей прибеж защите,
Убил сегодня Палаку-злодея,
Как жертвенных животных убивают!

Ч а р у д а т т а. Шарвилака, это ты освободил Арьяку, когда Палака велел привезти его из деревни и безвинно посадил в тюрьму?

Ш а р в и л а к а. Все так, как ты сказал, почтенный.

Ч а р у д а т т а. Приятно мне слышать приятное.

Ш а р в и л а к а. Как только друг твой Арьяка пришел к власти в Удджайини, он назначил тебя правителем города Кушавати, что на берегу реки Вены. Изволь принять это первое проявление дружеской любви. *(Оборачиваясь.)* Ведите сюда этого злого и хитрого царского шурина.

Г о л о с з а с ц е н о й. Делайте, как приказывает Шарвилака.

Ш а р в и л а к а. Почтенный, теперь царь Арьяка велит сказать тебе, что он добился власти благодаря твоим достоинствам. Поэтому не стесняйся принять его милость.

Ч а р у д а т т а. Разве он получил царство благодаря моим достоинствам?

Г о л о с з а с ц е н о й. Эй, царский шурин, иди, иди, вкуси плод своего злодеяния!

Входит С а м с т х а н а к а с руками, связанными за спиной, в сопровождении толпы.

С а м с т х а н а к а. Удивительно!

Казалось мне, я убежал далеко,
Как с привязи сорвавшийся осел,
А получилось, что меня обратно,
Как злого пса, приводят на цепи!..
(Осматривается по сторонам.)

Меня, родственника царя, окружили со всех сторон. Так к кому же я, беззащитный, обращусь теперь за защитой? *(Раздумывает.)* Ладно, я могу обратиться только

к тому, кто милостив к просящим защиты. (*Подходит к Чарудатте.*) Почтенный Чарудатта, спаси меня, спаси!

Г о л о с з а с ц е н о й. Оставь его, оставь, мы казним его!

С а м с т х а н а к а (*Чарудатте*). О опора беззащитных, спаси меня!

Ч а р у д а т т а (*сочувственно*). Да будет спасен тот, что ищет защиты!

Ш а р в и л а к а (*сердито*). Уведите его от Чарудатты! (*Чарудатте.*) Изволь сказать, что сделать с этим злодеем:

Связать его и по земле влечь,
Или отдать собакам на съеденье,
Или немедленно на кол посадить,
Иль распилить его пилой прикажешь?

Ч а р у д а т т а. Сделаете ли вы с ним то, что я скажу?

Ш а р в и л а к а. Какое в этом может быть сомнение!

С а м с т х а н а к а. Владыка Чарудатта! Я обратился к тебе за защитой, так спаси меня, спаси! Сделай то, что достойно тебя! Я не буду делать такого вновь!

Г о л о с з а с ц е н о й. Казните его, зачем оставлять в живых этого грешника?

Васантасена снимает венок приговоренного к смертной казни с шеи Чарудатты и надевает его на Самстханаку.

С а м с т х а н а к а. Дочь рабыни по рождению! Я не буду больше убивать! Спаси меня!

Ш а р в и л а к а. Эй, уведите его! Почтенный Чарудатта, изволь приказать, что сделать с этим злодеем.

Ч а р у д а т т а. Сделаете ли вы, как я скажу?

Ш а р в и л а к а. Какое может быть в этом сомнение?

Ч а р у д а т т а. Это правда?

Ш а р в и л а к а. Правда.

Ч а р у д а т т а. Раз так, пусть он скорее будет...

Ш а р в и л а к а. Убит?

Ч а р у д а т т а. Нет! Нет! Отпущен.

Ш а р в и л а к а. Зачем?

Ч а р у д а т т а.

Врага преступного, просящего защиты,

Припавшего к ногам, нельзя казнить мечом...

Ш а р в и л а к а. Правильно, его следует отдать на съеденье собакам!

Ч а р у д а т т а. Нет.

Его казнь я милостью своей!

Ш а р в и л а к а. Странно! Что же делать мне с ним? Скажи, почтенный!

Ч а р у д а т т а. Изволь его отпустить.

Ш а р в и л а к а. Да будет он свободен.

С а м с т х а н а к а. Удивительно! Я ожил снова! (*Уходит вместе с толпой.*)

Ш а р в и л а к а. Почтенная Васантасена! Царь доволен тобой и разрешает именовать тебя его супругой.

В а с а н т а с е н а. Почтенный, мое желание исполнилось.

Ш а р в и л а к а (*набрасывает на Васантасену покрывало, затем обращается к Чарудатте*). Почтенный, а как отблагодарить этого монаха?

Ч а р у д а т т а. Монах, что тебе милее всего?

М о н а х. Когда я только что еще раз увидел, как изменчиво все земное, доля монаха-подвижника мне стала вдвое дороже.

Ч а р у д а т т а. Друг, его решение непоколебимо. Поэтому пусть он станет главою всех буддийских монастырей в нашей стране.

Ш а р в и л а к а. Да будет так, как ты сказал, почтенный!

М о н а х. Приятно мне слушать приятное.

В а с а н т а с е н а. Мне кажется, что жизнь вновь вернулась ко мне.

Ш а р в и л а к а. А что сделать со Стхаваракой?

Ч а р у д а т т а. Этого достойного человека следует сделать свободным. Те палачи пусть станут старшими над всеми чандалами. Чанданака пусть будет начальником над всеми стражниками, и пусть ему поручат те дела, которыми ведал царский шурин.

Ш а р в и л а к а. Почтенный, да будет все, как ты сказал, но Самстханак-то ты мне обязательно отдай. Я убью его.

Ч а р у д а т т а. Да спасется тот, кто просит у меня защиты. (*Повторяет: «Врага преступного, просящего защиты...» и так далее.*)

Ш а р в и л а к а. Тогда изволь сказать, что еще приятное я могу для тебя сделать.

Ч а р у д а т т а. Разве есть что-нибудь более приятное, чем это?

Вернул себе я славу человека,
Ведущего достойный образ жизни,
И враг, который пал к моим ногам,
Сегодня мной отпущен на свободу!
Царь Арьяка — мой драгоценный друг —
Своих врагов навеки вырвал с корнем

И получил господство над страной,
А я опять обрел Васантасену,
Возлюбленную верную свою!
И ты, почтенный, снова встретил друга.
Чего ж еще достичь мне остается,
Чего бы в мире мог я пожелать,
О чем бы мог просить тебя, почтенный?

А также:

Одних разоряет бесстыдно судьба,
Других одаряет богатством чрезмерным;
Одних возвышает над всеми людьми,
Других же приводит к позору, к падению;
Но вновь она милость им дарит, когда
Они безысходно отчаялись в жизни.
Она поучает, что все на земле —
Всего лишь случайное соединенье
Враждебных друг другу мятущихся сил,
И нами играет она; без разбору
Нас вертит и крутит, как будто бы мы —
Кувшины на водочерпальных колесах!..

Но все-таки пусть совершится в заключение вот что:

Пусть коровы дают молоко в изобилие!
Пусть богатые будут у всех урожаи!
Пусть Парджанья нам вовремя дождь посылает!
Пусть все ветры нам будут благоприятны!
Пусть живут в вечной радости и ликование
Все, кому в мире выпала доля родиться!
Каждый брахман в своем благочестии добром
Уважаем пусть будет и здравствует долго!
Пусть цари, соблюдая во всем справедливость,
Берегут свои земли, врагов устрашая!

Все уходят.

Конец десятого действия

К о н е ц

Махендравикрамаварман

ХМЕЛЬНЫЕ
ЗАБАВЫ

Фарс
в одном действии

Перевод В. Эрмана

Стихи в переводе Н. Голя

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

В ПРОЛОГЕ:

Руководитель труппы.
Актриса.

В ФАРСЕ:

Сатьясома, капалин.
Бабхрукальпа, пашупат.
Нагасена, буддийский монах.
Юродивый.
Девасома, девица, спутница
капалина.

Действие происходит на улице в городе Канчи.

ПРОЛОГ

По окончании Благословения входит руководитель труппы.

Руководитель труппы.

Он, чей танец воплощает образ жизни трех миров,
слов, одежд, обличий, действий все

многообразье;

Он, чей танец, полный чувства, порождает чувства;

Он, исполненный величья полного познания;

он и зритель, что взирает на дела

вселенной;

Он, объемлющий всю землю славою своею, —

пусть защитою вам будет Бог-Черепносец!

О! Я нашел-таки надежнейшее средство ублажить старшую мою супругу — а она из-за младшей жены дуется -- гедь наконец-то нынче публика поручила нам устроить для нее представление. Пойду-ка я к ней. (*Смстрит в сторону кулис.*) Госпожа! Сюда пожалуй!

Входит актриса.

Актриса (*гневно*). Господин! Придешь ли ты наконец — пора нам представить фарс о хмельных забавах наделенного достоинствами юных лет.

Руководитель труппы. Так мы и сделаем, почтенная.

Актриса. Представь же его вместе с тою, с которой потом предаваться будешь наслаждениям любви.

Руководитель труппы. Решено, что с тобою я дам это представление.

Актриса. Это она тебе так приказала?

Руководитель труппы. Именно так. Более того, если ты примешь участие в представлении, ты обрешь великое благо.

Актриса. Ну, это твое дело.

Руководитель труппы. Почтенная, еще бы это не мое дело! Ведь довольная твоим исполнением публика подарит нам свою благосклонность.

Актриса (*радостно*). Так я заслужила признание благородных господ?

Руководитель труппы. Ну конечно, заслужила.

Актриса. Коли так, чем вознаградить мне тебя за такую приятную весть?

Руководитель труппы. Брось толковать о вознаграждении. Смотри:

Твои щеки заливает румянец,
Брови выгнулись, улыбка сияет.
Нет, не часто ты такую бываешь,
Что ж еще могу желать, дорогая?

Актриса. Что же ныне собирается представить господин?

Руководитель труппы. Да ведь ты сама сказала — фарс о хмельных забавах.

Актриса. Поистине, сам гнев мой подсказал мне это, облек в слова мое подспудное желание. Но какой же поэт, скажи, господин, отличился созданием этой пьесы?

Руководитель. Внемли, о почтенная. То сын Шри-Синхавишнувармана, вершины горного кряжа рода Паллава, возвышающегося в середине земного круга, сын того, кто победил государственной мудростью всех окрестных правителей, мужа, отвагой и славой равного Акханда, превзошедшего Царя царей мощью щедрости своей, его величию соответствующей, то великий царь, именуемый Махендравикрамаварман, подавивший окончательно Шесть врагов и родственный великим стихиям своей преданностью благу других. Более того,
Мудрость и щедрость, достоинство и милосердие,
честность, смиренность и совершенство

И привлекательность, и безграничная смелость —
Все эти качества, чуждые нашему веку,

в сердце героя себе отыскивали обитель.

Так же осколки творения после крушения мира
смогут спасенье найти у Первозданного

духа,

Первоисточника жизни и мироздания.

И далее:

В нем, властелине драгоценнейших
и превосходнейших суждений,
Стихи поэтов, даже слабые,
находят тонкого ценителя.

Актриса. Так что же медлит господин? Раз это новая пьеса, надо поспешить с представлением.

Руководитель труппы. Но я
Песней полон и повествовань
О певце мою пленило душу...
Голос за сценой. Милая! Девасома!
Руководитель труппы.
...Как пленило вино капалина,
Обладателя нищенской чаши,
Спотыкаясь, с девицей бредущего.

Оба уходят.

Конец пролога

Входит капалин со спутницей.

Капалин (*изображает опьянение*). Милая! Девасома! Ведь истинно: подвижничеством обретается дар перевоплощения. Вот и ты соблюденьем высшего обета смогла во мгновение ока перевоплотиться в иной, прекраснейший образ. Ведь

На лице твоём капельки пота,
а лианы бровей изогнулись,
Речь бессвязна, смех беспричинен,
Шаг неверен, глаза блуждают,
В каждом взгляде твоём — согласие,
по плечам рассыпаны пряди,
И венок, из цветов сплетенный,
в волосах небрежно рассыпан.

Девасома. Преподобный, как о пьяной, как о пьяной ты говоришь обо мне.

Капалин. Что ты говоришь, почтенная?

Девасома. Да я совсем ничего не говорю.

Капалин. Так я, выходит, пьян?

Девасома. Преподобный, земля кружится, кружится! Я, кажется, валюсь вперед. Поддержи меня!

Капалин. Да будет так, милая. (*Поддерживая ее, падает.*) Милая! Сомадева! Ты что, сердисься на меня? Почему, когда я приближаюсь, чтобы поддержать тебя, ты отступаешь?

Девасома. Увы, поистине, гневается на тебя Сомадева и отступает, хоть ты и клонишь голову, чтобы умиловить ее.

Капалин. Ну конечно, ты — Сомадева! (*Подумав.*) Да нет, Девасома.

Девасома. Конечно, такая уж она у тебя любимица, Сомадева, что меня ты не устаиваешь назвать моим именем.

Капалин. Почтенная, это не я, а хмель мой тебя обидел — из-за него у меня, как это часто случается, заплетается язык.

Девасома. Слава богу, что не ты.

Капалин. И как это хмель ввел меня во искушение? Ну ладно, ладно. С сегодняшнего дня я отвращаюсь от пьянства.

Девасома. Преподобный! Не надо, не надо из-за меня нарушать свой обет и тем губить плоды подвижничества! (*Падает к его ногам.*)

Капалин (*поднимая ее и обнимая, радостно*). Дхрирна, дхрирна, слава Шиве! Милая!

Так будем пить вино, смотреть в глаза любимой

И рубище носить поярче, почудней.

Склонитесь пред Владыкою трезубца,

Открывшим этот путь к спасению души!

Девасома. Не говори так, преподобный. Архаты описывают путь к спасению иначе.

Капалин. Любезная, да ведь это ложные учения! Почему?

Они полагают, что бrenную душу спасают,

Твердя, будто действие, мол, однородно с причиной,

Они утверждают, что счастье родится в страданье,

И этим, несчастные, губят самих же себя.

Девасома. Боже, избави, боже, избави от греха!

Капалин. Боже, избави, боже, избави от греха! Да эти грешники не достойны того, чтобы их даже ради хулы поминали, мучают только людей — понуждают их к воздержанью да к бритью головы, отвращают от чистоты, есть велят только в назначенные сроки, одеваться заставляют

в грязные рясы и все тому подобное. Вот я и осквернил свой язык рассказом об этих еретиках, надо бы его теперь обмыть вином.

Д е в а с о м а. Ну, так пойдем в другой кабак.

К а п а л и н. Да будет так, милая!

Обходят сцену.

О, поистине, бесподобно великолепие города Канчи! Здесь с громами из туч, отдыхающих на кровлях его дворцов, соперничает бой тамбуринов; роскошь цветочного рынка затмевает весну в ее полном расцвете, а бубенчики на поясах красавиц звенят в лад их поступи, словно возвещающая о победах бога любви, разящего сердца стрелами-цветами. Более того,

Беспредельное, вечное, непревзойденное счастье,
Ты открыто обычно лишь мудрым из мудрых,
все в мире постигшим.

Здесь же ты нам во всей полноте своей зримо,
но странно,

Что, доступное духу, ты здесь и для плоти доступно.

Д е в а с о м а. О преподобный! Словно богиня Варуни, безусловно прелестна наша Канчи!

К а п а л и н. Милая, смотри, смотри! Этот кабак великолепием подобен священному месту жертвоприношений! Вывеска — его жертвенный столб, вино — его сома, пьяницы — его жрецы, чаши с вином — его жертвенные чаны, мясо, жаренное на вертеле, и всяческие закуски — его жертвоприношения богам, хмельные речи — его молитвы, разгульные песни — его священные гимны, винные кувшины — его обрядовые ложки, жажда вина — его священный огонь, а кабатчик — жертвователь.

Д е в а с о м а. А милостыня, которую мы здесь получим, будет долей бога Рудры!

К а п а л и н. Ах, любо смотреть на забавы хмельные: как они пляшут под мерный бой тамбуринов, рукою приподняв край платья; разнообразны их телодвиженья, речи, игра бровей; а музыка прерывается то и дело на мгновенье, пока подберут они спадающее платье, и звенья ожерелий распадаются и рассыпаются у них на шеях!

Д е в а с о м а. Ах, наставник мой — истинный поэт!

К а п а л и н. А эта богиня Варуни, изливающаяся из кубков, поистине, она есть отрешение от побрякушек, примирение любовных ссор, отвага юности, жизнь чарующих утех. Да что там еще толковать!

Это сказки, будто взглядом пламенным своим
Бог треокий тело Камы в пепел обратил —
Растворившись в страшном жаре,

превратился Кама

В эту влагу, что сегодня нас пьянит любовью.

Д е в а с о м а. Так оно и есть, преподобный! Не стал
бы губить мир творец мира, о благе мирском радеющий.

Оба колотят себя по щекам.

К а п а л и н. Подай милостыню, почтенная!

Г о л о с з а с ц е н о й. Преподобный, вот милостыня.
Да примет ее преподобный.

К а п а л и н. Я приму. Милая! Где моя чаша для милостыни?

Д е в а с о м а. Я ее тоже не вижу.

К а п а л и н (*подумав*). Ага! Наверно, мы забыли ее
в том кабаке. Ладно, вернемся и поищем ее.

Д е в а с о м а. Преподобный, неблагочестиво было бы
не принять милостыню, столь учтиво предложенную. Что
нам теперь делать?

К а п а л и н. Последуем правилу, предусмотренному
на случай нужды, и примем милостыню в этот коровий рог.

Д е в а с о м а. Верно, преподобный! (*Принимает милостыню.*)

Оба обходят сцену и осматриваются.

К а п а л и н. Как?! И здесь я ее не вижу. (*Изображает
отчаянье.*) О собратья, почитатели Великого Владыки!
Вы не видели здесь, уважаемые, нашу чашу-череп для сбира-
ния милостыни? Что вы говорите, уважаемые? «Да нет,
мы не видели»? Увы, горе мне! Пропало мое подвижниче-
ство! Какой же я теперь капалин без чаши-капалы? О, беда!

Я грущу по чистой чаше:

Для еды и возлияний

Ты была необходима,

Без тебя я, как без друга!

(*Падает и бьет себя по голове.*)

Ладно. Это ведь всего лишь название. Звания капалина
я все равно не лишился. (*Встает.*)

Д е в а с о м а. Преподобный! Кто же стащил твою чашу-
череп?

К а п а л и н. Милая, в ней было жареное мясо, и потому
я думаю, это или собака была, или буддийский монах-
бродяга.

Д е в а с о м а. Тогда пойдем искать ее по всему городу Канчи!

К а п а л и н. Хорошо, милая.

Обходят сцену.

Входит буддийский монах с чашей в руке.

М о н а х. Ах, ни в одном другом доме не встретишь такого величия щедрости, как у нашего собрата-мирянина Дханадасы! Вот, получил я от него подаяние, разнообразные яства из рыбы и мяса, приятные на вкус, на запах и на цвет. А теперь я пойду в царский монастырь. *(Обходя сцену, про себя.)* О! Господь наш Будда, преисполненный высшего милосердия, явил благоволение свое монашеской общине, разрешив нам проживать в богатых домах, спать на мягких постелях, вкушать пищу с утра, а пополудни пить вкусные напитки, жевать бетель, приправленный пятью разными специями, носить одежды из тонких тканей. Почему же не догадался он предписать нам пить вино и жениться? Как он, всезнающий, до этого не додумался? Я полагаю, наверняка это происки злонамеренных трусов-старейшин: завидуя нашей молодости, они вымарали из священных книг предписания, разрешающие общение с женщинами и винопитие. Где же мне теперь найти священное писание в его подлинном виде? Я бы облагодетельствовал общину, поведав миру слово Будды во всей его полноте. *(Обходит сцену.)*

Д е в а с о м а. Смотри, смотри, преподобный! Вон на главной улице средь доверчивого люда снует торопливо монах в красной рясе. Смотри, как он крадется там, скрючившись всем телом и озираясь.

К а п а л и н. Так и есть, милая! Эге, да у него что-то в руке, что-то он прячет под полой своей рясы!

Д е в а с о м а. Преподобный, давай же догоним его немедленно и посмотрим, что это у него.

К а п а л и н. Верно, почтенная! *(Приближаясь.)* Эй, монах, погоди!

М о н а х. Кто это ко мне так обращается? *(Останавливается и оглядывается.)* А, это негодный капалишка из Экамры. Ну нет, я не хочу подвергаться его пьяным наскокам! *(Поспешно удаляется.)*

К а п а л и н. Ага, милая, нашлась моя чаша! При виде меня он так испугался и заспешил, что, нет сомнения, это изобличает в нем вора. *(Быстро приближается и заговаривает ему дорогу.)* Ах, мошенник! Куда это ты собрался?

М о н а х. Не говори, не говори так, брат капалин! В чем дело? (*Про себя.*) Ого, какая хорошенькая сестрица!

К а п а л и н. Эй, монах, покажи-ка, что у тебя в руке, что ты там прячешь под полою, я хочу посмотреть.

М о н а х. А чего там смотреть? Это сосуд для сбирания милостыни.

К а п а л и н. Вот на него-то я и хочу посмотреть!

М о н а х. Ах, не говори так, брат. Ведь его не полагается выставлять напоказ.

К а п а л и н. Ну конечно, Будда и предписал вам носить такие длинные рясы, чтобы можно было под ними всякое такое прятать.

М о н а х. Это истина.

К а п а л и н. Ну да, это истина ограниченная. А ты Расскажи-ка мне о высшей и полной истине.

М о н а х. Ладно, хватит с меня твоих насмешек. Время собирать милостыню проходит. Я пошел. (*Трогается с места.*)

К а п а л и н. Ах, мошенник, куда ты? Отдавай мою чашу! (*Хватает его за полу рясы.*)

М о н а х. Слава Будде!

К а п а л и н. Скажи лучше: слава Кхарапате, сочинителю учебника для воров. Впрочем, по этой части ваш Будда превзошел самого Кхарапату. Почему?

Понакрав из Веданты да из «Махабхараты»,

Сколотил он себе состоянье украдкой от брахманов.

М о н а х. Боже, избави, боже, избави от греха!

К а п а л и н. Ну как же не избавить от греха такого примерного отшельника!

Д е в а с о м а. Преподобный, ты выглядишь усталым. Видать, нелегко будет тебе выцарапать свою чашу. Выпей-ка вина из этого рога, а потом, восстановив силы, продолжай с ним спорить.

К а п а л и н. Да будет так.

Девасома дает вина капалину.

(*Выпив.*) Милая, тебе тоже надо подкрепиться.

Д е в а с о м а. Хорошо, преподобный. (*Пьет.*)

К а п а л и н. Этот нас обидел. Но в учении нашем главная заповедь — делиться с ближним. Отдай остаток достопочтенному.

Д е в а с о м а. Как преподобный прикажет. Прими, преподобный.

М о н а х (про себя). Ого, вот привалило счастье! Одно досадно — на виду у толпы. (Вслух.) Не надо, не надо, почтенная. Нам это не подобает. (Облизывает губы.)

Д е в а с о м а. Да пропади ты! Где тебе еще так повезет?

К а п а л и н. Милая, да у него слюнки текут, вот язык у него и заплетается и произносит речи, противные его желанию.

М о н а х. Сжалишься ли ты наконец надо мною?

К а п а л и н. Если я поддамся жалости, где же будет мое отрешение от страстей?

М о н а х. Уж если ты отрешился от страстей, ты должен отрешиться и от гнева.

К а п а л и н. Я отрешусь от гнева, если ты отдашь мне то, что мне принадлежит.

М о н а х. Что тебе принадлежит?

К а п а л и н. Чаша-капала.

М о н а х. Какая чаша-капала?

К а п а л и н. «Какая чаша-капала» — он еще спрашивает! Впрочем, это понятно.

Он сын того, кто мнил обманом чувств

Существование сущего всего:

Земли, воды, и гор, и остального.

Ужель признает он такую мелочь,

Как чаши-черепа существование?

Д е в а с о м а. Преподобный, если ты будешь с ним нянчиться, он ее тебе никогда не отдаст. Вырви ее у него из рук, и пойдем дальше.

К а п а л и н. Верно, милая! (Пытается вырвать чашу.)

М о н а х. Пропади ты, негодный капалишка! (Отталкивает его рукой и пинает ногой.)

К а п а л и н. Что это? Я упал.

Д е в а с о м а. Смерть тебе, рабий сын! (Пытается вцепиться монаху в волосы, но, не найдя, за что вцепиться, падает.)

М о н а х (про себя). Поистине, мудр был Будда, написавший нам ходить бритоголовыми! (Вслух.) Вставай, вставай, сестрица! Вставай. (Помогает Девасоме встать.)

К а п а л и н. Смотрите, смотрите, почитатели Великого Владыки! Этот негодяй Нагасена, называющий себя монахом, предлагает руку моей возлюбленной!

М о н а х. Не говори, не говори так, брат мой! Вера наша призывает нас сострадать попавшим в беду.

Капалин. Это вера вашего Всеведущего, что ли? Но я-то упал первый! Да что там! Вот я сейчас сделаю себе новую чашу из твоего черепа!

Все дерутся.

Монах. Караул! Караул!

Капалин. Смотрите, смотрите, почитатели Великого Владыки! Этот негодяй, называющий себя монахом, украл у меня чашу для сбирания милостыни и сам же зовет на помощь. Ладно, тогда я тоже буду вопить. Святотатство! Оскорбление брахмана!

Входит пашупат.

Пашупат. Ты что это кричишь, Сатьясома?

Капалин. О Бабхрукальпа, этот негодяй Нагасена, называющий себя монахом, украл мою чашу для сбирания милостыни и не хочет ее отдавать.

Пашупат (про себя). Что нам полагалось сделать, сделали гандхарвы. Этот злодей,

Как телку клочком соломы, цирюльникову служанку Монеткою из-под рысы, гляди, от меня переманит!

Подогрею теперь этого сводника и тем сокрушу противника. (Вслух.) О Нагасена, так ли это, как он говорит?

Монах. И ты туда же, преподобный! Да ведь воздержание от воровства — наша заповедь. Воздержание от лживых речей — наша заповедь. Воздержание от прелюбодеяния — наша заповедь. Воздержание от смертоубийства — наша заповедь. Воздержание от трапезы в неурочное время — наша заповедь. Я прибегаю к вере учителя нашего Будды, да будет она мне защитой!

Пашупат. Сатьясома! Такой и вправду у них обычай! Что ты можешь возразить?

Капалин. Но не наш ли обычай — не произносить лжи?

Пашупат. Оба утверждения истинны. Как же решить задачу?

Монах. Есть ли причина монаху, исповедующему слово Будды, красть сосуд с вином?

Пашупат. Но ведь единым суждением не доказывается истина в споре.

Капалин. Нет смысла рассуждать о причинах в случае очевидности.

Пашупат. В чем здесь очевидность?

Девасома. Преподобный, он ведь прячет чашу под полрой рысы!

П а ш у п а т. Ты слышал, почтенный?

М о н а х. О преподобный, это не чужая чаша!

К а п а л и н. Ну, так покажи ее!

М о н а х. Пожалуйста. *(Показывает.)*

П а ш у п а т. Смотрите, почитатели Великого Владыки, вы видите несправедливость этого капалишки и добродетельность буддийского брата!

М о н а х. Воздержание от воровства — наша заповедь... *(Повторяет сказанное раньше.)*

Капалин и Девасома танцуют.

Ай-ай! Стыда у него нет — еще танцует!

К а п а л и н. Да кто танцует? А, ну конечно, он принял за танец трепетание лианы моей радости, колеблемой южным ветром нетерпеливого желания узреть мой утраченный сосуд для сбирания милостыни.

М о н а х. Так что же ты не смотришь, преподобный? Взгляни, о преподобный, какого она цвета, эта чаша?

К а п а л и н. Что тут скажешь? Эта чаша черней вороны.

М о н а х. Вот, ты сам согласен, что это моя чаша.

К а п а л и н. Правда, я согласен, что ловок ты — перекрасил ее. Смотри:

Твоя одежда по происхождению

Должна быть цвета лотосова стебля —

А ты ее, искусник, перекрасил

В цвет золотисто-розовой зари!

Более того —

Ты душой и телом черен. Почему б тогда и чаше,

Хитро спрятанной под рясой, не покрыться чернотой?

Д е в а с о м а. Увы, горе мне, злосчастной! Эта чаша со счастливыми знаками была великолепна, как чело Лотосотронного бога, блистала, как месяц в ночь полнолуния, всегда благоухала вином. Теперь же, запачканная его грязными лохмотьями, смотрите, во что она превратилась! *(Плачет.)*

К а п а л и н. Не надо, не надо убиваться, милая. Она опять будет чистой. Ведь сказано: великие очищаются от пятен грехов обрядами искупления. Так ведь Голову Прародителя когда-то отсек наш бог —

тот, кто во лбу месяц носит взамен бриллианта; Но, тяжкий обет исполнив, он снял с себя грех великий. Так же царь небожителей, убивший во время оно трехглавого сына Тваштара, святость себе вернул, Сотнею жертв принесенных от зла себя отрешив.

Разве не так, о Бабхрукальпа?

П а ш у п а т. Истинно, изреченное тобою отвечает верочению.

М о н а х. Хорошо, пусть я ее покрасил. А форму и объем ее кто изменил?

К а п а л и н. Недаром же вы происходите от сына Майи — Колдовства!

М о н а х. Сколько мне еще с тобой препираться, почтенный? Уж ладно, заberi ее!

К а п а л и н. Истинно, совершенство щедрости являл и сам Будда!

М о н а х. К чьей защите прибегнуть мне теперь, когда так обернулось дело?

К а п а л и н. Конечно, к Будде, Вере, Общине.

П а ш у п а т. Мне этой тяжбы не решить. Придется вам обратиться в суд.

Д е в а с о м а. Ну, если так, преподобный, — прощай наша чаша!

П а ш у п а т. Ты что имеешь в виду?

Д е в а с о м а. Конечно, он деньгами, приобретенными с доходов множества монастырей, заткнет рты судейским плакальщикам, когда пожелает. Но с чем идти в суд нам, слугам бедняка-капалина, чье единственное богатство — змеинная шкура да зола на теле?

П а ш у п а т. Это не так.

Честны, добры, неподкупны,

любезны, высокородны

Праведники, которые служат опорой закону,

словно колонны — дворцу.

К а п а л и н. Хватит об этом! Человеку благого поведения нечего бояться.

М о н а х. Так ступай же впереди нас, преподобный.

П а ш у п а т. Не премину.

Все обходят сцену.
Входит ю р о д и в ы й.

Ю р о д и в ы й. Вот он, вот он, скверный пес! Схватил чашу с жареным мясом и бежать! Куда ты, рабий сын? Теперь он бросил чашу и мчится мне навстречу, хочет меня сожрать. *(Оглядывается по сторонам.)* Вот я сейчас выбью ему зубы этим камнем. Как, теперь ты удираешь? И чашу оставил? Бешеный, скверный пес! Ты разозлился на меня за то, что я так отважен! Верхом на деревенском кабане воспрянул до небес Океан и, сокрушив Равану,

взял в плен Тимингалу, сына Индры! Эй, касторовое дерево! Что ты говоришь? «Неправда, неправда»? Да разве не свидетель мне эта лягушка с толстыми и длинными, как палицы, лапами? Но слава о храбрости моей разносится по вселенной — зачем мне свидетель? Я вот что сделаю. Съем кусок мяса, оставшийся после собаки. (*Ест и шатается.*) Увы, увы! Слезы меня душат, убивают! (*Плачет и оглядывается.*) Кто это бьет меня? (*Осматривается.*) Скверные мальчишки! Я ведь племянник этого, как его... он мне как Бхимасена Гхатоткаче. И еще, послушайте.

Сотни бесов многоликих, колями вооруженных,

В животе моем живут.

Сотню тигров полосатых изо рта я извергаю

И десятки страшных змей.

Что это они все мучают меня? Смилуйтесь, смилуйтесь, благородные мальчишки! Не надо мучить меня из-за этого кусочка мяса! (*Смотрит вперед.*) О, это же наш наставник Шуранандин! Пойду-ка к нему. (*Бежит.*)

П а ш у п а т. Эге! Этот юродивый устремился к нам. Это он,

Одетый в пестрые обноски,

весь в колтунах, покрытых

пылью

И разукрашенных цветами, давно увядшими в грязи,

Он стаи вранов привлекает,

привыкших к запаху отбросов,

Он весь — ходячая помойка и лишь отчасти — человек.

Ю р о д и в ы й. Подойду-ка я к нему. (*Приближается.*) Преподобный, прими эту чашу, полученную мною от добродетельнейшего пса, принадлежащего некоему чандале.

П а ш у п а т (*бросает взгляд*). Преподнеси ее кому-нибудь более достойному.

Ю р о д и в ы й. Яви мне милость, великий брахман!

М о н а х. Сей великий пашупат, конечно, заслуживает такого дара.

Ю р о д и в ы й (*подходит к капалину, кладет чашу на землю и, обойдя его почтительно слева направо, падает ему в ноги*). Великий боже, яви мне милость! Я кланяюсь тебе, сложив ладони!

К а п а л и н. Да это наша чаша-капала!

Д е в а с о м а. Она самая!

К а п а л и н. Милостью господ я снова стал капалином! (*Хочет взять чашу.*)

Ю р о д и в ы й. Наешься яду, рабий сын! (*Вырвав у него чашу, идет прочь.*)

Капалин (*преследуя его*). Этот слуга Ямы похищает жизнь мою! Помогите мне, почтенные, вы оба!

Оба. Ладно! Мы будем тебе подмогой.

Все преграждают дорогу юродивому.

Капалин. Эй, стой, стой!

Юродивый. Почему вы не пускаете меня?

Капалин. Отдай нашу чашу и тогда ступай себе.

Юродивый. Глупец! Разве ты не видишь, что этот сосуд — золотой?

Капалин. Кто же мог сделать такой сосуд из золота?

Юродивый. Это тот, кого называют золотых дел мастером и кто носит платье золотого цвета, сделал его, преподобный. Говорю тебе, это золотой сосуд!

Монах. Что ты говоришь?

Юродивый. Что это золотой сосуд.

Монах. Он что, сумасшедший?

Юродивый. Уже много раз я это слышал: сумасшедший, сумасшедший. Возьми это, только покажи мне сумасшедшего. (*Отдает капалину чашу.*)

Капалин (*схватив чашу*). Вон он там, прячется за оградой. Беги за ним скорей!

Юродивый. Премного тебе благодарен. (*Поспешно уходит.*)

Монах. О, удивительно! Удача моего противника радует меня.

Капалин (*обнимая чашу*).

Безраздельно преданный Шиве,

Я служил ему неизменно.

Вновь явил он пропавшую чашу —

И исчезла боязнь наказания.

Девасома. Преподобный! Как вечер, сочетающийся с луною, ты радуешь мой взор!

Пашупат. Поздравляю с удачей, почтенный.

Капалин. Это твой успех, почтенный.

Пашупат (*про себя*). Видно, правду говорят: невинному нечего бояться, коли этому монаху удалось нынче спастись из пасти тигра. (*Вслух.*) Сердце у меня исполнено радости за успех моего друга, и теперь я посвящу свою жизнь ожиданию того часа, когда вознесусь в пламени Господа, пребывающего на Восточной равнине. И да отныне

Пусть сведшая вас вражда станет залогом дружбы —

Крепкой и нерушимой, как у Арджуны с Киратой было.

(*Уходит.*)

Капалин. О Нагасена! Если я обидел тебя, прошу у тебя прощения.

Монах. Нужно ли просить об этом? Что могу я сделать для тебя приятное?

Капалин. Если преподобный простил меня, чего мне еще желать?

Монах. Ну, тогда я пошел.

Капалин. Ступай, почтенный, до свиданья.

Монах. До свиданья. (*Уходит.*)

Капалин. Милая Девасома! Пойдем и мы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПЬЕСЫ

Пусть на благо человека вечно
 полыхает жертвенное пламя,
Пусть жрецы сильны пребудут верой,
 а коровы — молоком обильны,
Пусть пока луна и звезды светят,
 будет беспечален и безбеден
Мир, где каждый крепко долгу верен,
 где царит — могучий Шатрумалла.

Оба уходят.

К о н е ц

КОММЕНТАРИИ

Подобно тому как античная, а за ней и вся европейская литература, начиная с эпохи Возрождения, насыщена образами и реминисценциями, почерпнутыми из мифологии и эпоса Древней Греции и Рима, индийская классическая литература опирается на древнеиндийскую мифологию и великие эпические поэмы «Махабхарату» и «Рамааяну». Разъяснению связанных с ними ассоциаций посвящается большая часть следующего ниже комментария. Дается он в самой концентрированной форме, поскольку за более подробными сведениями читатель имеет теперь возможность обратиться к недавно вышедшим у нас книгам: Э. Н. Темкин, В. Г. Эрман. Мифы древней Индии. М.; Наука, 1982; Три великих сказания древней Индии. М.; Наука, 1978.

Для экономии места постраничным примечаниям предпослан алфавитный словарь, куда вынесены собственные имена, географические названия и неприводимые термины. При комментировании специально оговаривается неуместность тех курьезных сопоставлений, которыми пестрит речь комического персонажа «Глиняной повозки» Самстханаки.

* * *

Аванти — государство, существовавшее на западе Центральной Индии в середине I тысячелетия н. э., а также одно из названий его столицы.

Агни — ведический бог священного огня, возжигавшегося при жертвоприношениях и торжественных церемониях.

Айравана, или Айравата, — гигантский небесный слон, на котором ездит бог Индра.

Акхандала — эпитет Индры.

Анкуш — крюк в виде коротенького багра, с помощью которого погонщик управляет слоном.

Арджуна — один из Пандавов (см.), славился как стрелок из лука.

Архат (букв.: достойный человек) — высший чин в буддийской духовной иерархии. Термин применяется также и к джайнам (например, в «Хмельных забавах»).

Ахалья — жена мудреца Гаутамы. Индра, влюбившись в нее, спустился к ней с небес в облике ее мужа. За прелюбодеяние он был проклятием Гаутамы обречен на бесплодие, а Ахалья превратилась в камень.

Ашваттхаман — сын Дроны, один из главных противников Пандавов в «Махабхарате», перебивший ночью их спящих сыновей, когда он тайно пробрался во вражеский лагерь, чтобы рассчитаться с убийцей своего отца — Дхриштадьумной.

Ашока — дерево с красными цветами.

Баладева — брат Кришны, считавшийся покровителем земледелия и облакавшийся в синие одежды

Богини-матери (обычно семь) — женские божества из свиты Шивы (Сканды), в основе почитания которых лежит культ душ усопших.

Брахма — бог-творец, член «великой триады» (см. *Шива*).

Брахман — член высшей, жреческой, касты.

Брахмачарин — молодой неженатый брахман, обучающийся священным наукам. Один из эпитетов Шивы.

Брихаспати — мудрый наставник богов, божество планеты Юпитер.

Будха (букв.: мудрец, что в «Перстне Ракшасы» может быть понято как эпитет Чанакьи) — название планеты Меркурий.

Бхадрапитха — разновидность крупной мухи.

Бхарата — легендарный родоначальник двух великих царских родов — Кауравов и Пандавов (особенно часто это имя соотносится с последними), борьба между которыми описана в «Махабхарате». Индия, по ее традиционному имени (Бхаратварша, Бхарат), считается царством потомков Бхараты.

Бхима, или Бхимасена, — один из Пандавов, обладавший сокрушительной силой и умением сражаться врукопашную.

Вали — царь обезьян (см. также *Джатаю*). Его сын Ангада выступает в «Рамаяне» союзником Рамы.

Варанаси (он же Бенарес, или Каши) — город в среднем течении Ганга, столица одноименного древнего царства.

Варуни — супруга бога Варуны, воплощение хмельного вина.

Васава — эпитет Индры.

Васудева — эпитет Кришны, весьма популярного в позднейшие времена божества, понимаемого как воплощение Вишну.

Ватса — одно из государств раннебуддийской Индии (середина I тыс. до н. э.); имело столицей город Каушамби. Ватсами именовалось и его население.

Веданта — одна из шести школ классической индийской философии. Так же могут именоваться Упанишады — философские тексты ведийского периода.

Веды — сборники священных гимнов, древнейшие и авторитетнейшие памятники индийской словесности (XV—X вв. до н. э.). Самый ранний и важный из них «Ригведа»; во втором — «Самаведе» — гимны организованы по мелодиям; третий — «Яджурведа» — содержит тексты, связанные с жертвоприношениями; в четвертом — «Атхарваведе» — собраны заклинания.

Венувана — букв.: бамбуковый лес.

Вина — струнный музыкальный инструмент, род лютни.

Виндхья — горная цепь, отделяющая п-ов Декан от Северной Индии. В древности была покрыта непроходимыми лесами.

Вишну — один из членов «великой триады» богов, бог-хранитель. В различных обликах он неоднократно спускался на землю, чтобы спасти ее от грозивших ей бедствий. Так, в образе вепря он поднял на клыке землю, утопавшую в водной пучине. Раковина, служащая боевой трубой, — его атрибут. В течение сезона дождей (конец лета) Вишну почивает на тысячеголовом змее Шеше (см.) и просыпается с наступлением осени.

Вришни (также Ядавы, или Мадхавы) — название древнего рода, из которого произошел Кришна. Согласно «Махабхарате», царица Гандхари (см.) прокляла Кришну, допустившего взаимное истребление Кауравов и Пандавов, и в результате Ядавы перебили друг друга, а сам Кришна, последний из них, пал в лесу от стрелы охотника.

Гандива — волшебный лук Арджуны (см.).

Гандхарвы — небесные певцы, танцоры и музыканты. Считались соперниками женихов и соблазнителями невест перед свадьбой.

Гандхари — жена Дхритараштры (см.), сто сыновей которой погибли в битве с Пандавами.

Гаруда — мифический царь птиц, безжалостно истребляющий змей.

Гауда — древнее название центральной части Бенгалии.

Гаури (букв.: светлая) — эпитет богини Парвати, супруги Шивы.

Гаутама — мудрец (см. *Ахалья*).

Готра — род, фратрия (пережиток родового строя, регулировавший заключение браков); родовое имя.

Гхатоткача — могучий воин, сын демоницы Хидимбы от Бхимы. Как гласит «Махабхарата», Карна, царь страны Анга, убил его неотразимым волшебным копьем («шакти») бога Индры. Это копье, которым можно было воспользоваться всего один раз, Карна целил в своего главного противника — Арджуну, но того спасло вмешательство Кришны.

Дакиша — один из сыновей Брахмы, отец Сати — супруги Шивы. Устроив большое жертвоприношение для богов и мудрецов, Дакша не позвал на него Шиву с Сати. Сати явилась без приглашения и

- в знак протеста бросилась на жертвенник и сгорела. Узнав об этом, Шива уничтожил жертвоприношение Дакши.
- Дарбха* — декоративный пучок травы куша, широко использовавшейся в религиозных обрядах.
- Десятиголовый*. — См. *Равана*.
- Джамадагни* — отец Парашурамы, одного из воплощений Вишну.
- Джатаю* — царь грифов (как и Вали, царь обезьян, он фигурирует в «Рамаяне», но никак с ним не сталкивается; с Драупади, героиней «Махабхараты» он тоже не связан).
- Драупади* — жена Пандавов и постоянная свидетельница их героических подвигов (никак не связана ни с Рамой, ни с Чанакьей, ни с Джатаю).
- Дрона* — отец Ашваттхамана (см.).
- Дурга* — жестокая ипостась супруги бога Шивы. В числе ее многочисленных кровавых подвигов — уничтожение братьев-демонов Шумбхи и Нишумбхи. Считается покровительницей касты чандалов.
- Дурьёдхана* — старший из братьев-Кауравов, отличавшийся высокомерием.
- Духиасана* — один из Кауравов. Он грубо схватил за волосы Драупади, проигранную Пандавами при игре в кости с Кауравами, и за это впоследствии поплатился жизнью.
- Дхарма* — религиозная заслуга.
- Дхирна* — своего рода магическое благословение у капалинов.
- Дхритараштра* — слепой царь, отец Кауравов.
- Дхундхумара* — один из царей «золотого века», победитель страшного демона Дхундху.
- Индра* — глава ведического пантеона, владыка грома и молнии; ездит на слоне Айраване; согласно одной из легенд, он был пленен сыном Раваны (см.) Мегханадой, но впоследствии освобожден другими богами. Также название горы или части света.
- Индрадатта* — планета Меркурий.
- Ишвара* (букв.: владыка) — эпитет Шивы.
- Йоджана* — мера расстояния, по разным источникам — от 4 до 25 км.
- Кайласа* — мифическая гора в Гималаях, обитель Шивы.
- Каланеми* — имя демона.
- Кама*, или *Камадева*, — бог любви. Он поразил Шиву любовным желанием, когда тот был погружен в созерцание. За эту дерзость Шива испепелил Каму пламенем взора своего волшебного (скрытого) третьего глаза, но затем позволил ему возродиться.
- Канчи* — древний священный город на юге Индии (совр. Канчипурам).
- Капалин* — шиваит-подвижник, живущий подаянием, которое он собирает в чашу-капалу, изготовленную из человеческого черепа,

Религиозная практика секты капалинов включала в себя оргиастические моменты: пьянство, распутство и т. п.

Капиттха — «обезьянье дерево», имеющее несъедобные крепкие плоды.

Карна — царь страны Анга, один из главных сторонников Кауравов.

Карнаты — современная народность каннада. В древней Индии имели репутацию гордых и вспыльчивых людей.

Карттикея. — См. *Сканда*.

Кауравы — сто братьев противников Пандавов в «Махабхарате».

Каушамби — древний город, находившийся на берегу реки Джамны западнее современного Аллахабада.

Каши — название древней страны и ее столицы (см. *Варанаси*).

Кету — комета, трактуемая мифологически как хвост дракона, который присоединяется к Раху (см.) в его охоте за солнцем и луной. В «Перстне Ракшасы» также сокращение имени Малаякету.

Кешава (букв.: прекраснокудрый) — один из эпитетов Кришны как ипостаси Вишну.

Кешиин (букв. гривастый) — демон, обитавший в лесах в образе дикого коня и устранивший пастухов. Их покровитель — Кешава-Кришна — убил его, как о том рассказывает «Махабхарата».

Кимишука — иное название дерева палаша (см.).

Кираты — эпическое племя лесных охотников, отождествляемое с одной из неарийских групп населения Северо-восточной Индии. В облике кираты перед Арджуной предстал бог Шива, вступивший с ним в борьбу и в награду за отказ одаривший его могучим оружием.

Кокила — индийская кукушка; индийская литературная традиция считает ее пение чарующим.

Краунча — демон, сраженный Скандой.

Кроша — расстояние, на которое слышен человеческий голос (около 3 км).

Кубера — бог богатства

Кунти — мать Пандавов — героев «Махабхараты» (к Раване и Раме, персонажам «Рамаяны», отношения не имеет).

Кусуманпура (букв.: город цветов). — См. *Паталипутра*.

Куша — трава с длинными острыми стеблями, употреблявшаяся при религиозных церемониях и жертвоприношениях и считавшаяся священной.

Кушавати — древний город, основанный, по преданию, сыном Рамы — Кушей. Стоял на южном притоке Ганга, недалеко от Удджайини.

Кишатрии — второе (после брахманов) сословие древнеиндийского общества; воинская аристократия, из которой формировалась армия и выходили правители.

Лакшми. — См. *Шри*.

Лодхра — растение, пыльца которого служила косметическим целям.

Мадхави — выющийся жасмин, цветущий ранней весной.

Мандари — мифическая гора, которую боги и демоны, вырвав из земли, использовали как мутовку при пахтании океана (см. *Нилакантха*).

Мантрин — министр, царский советник.

Ману — мифический прародитель человеческого рода. Ему приписывается составление наиболее авторитетного древнеиндийского свода законов.

Накиштра — в индийской астрономии созвездие лунного зодиака.

Нандана — парк при небесной столице Индры, куда возносятся после смерти героические души царей и воинов.

Нарада — мифический мудрец, считавшийся изобретателем вины.

Нармада (совр. Нарбада) — река, текущая вдоль южных склонов гор Виндхья (см.); в древности считалась границей «цивилизованных» земель.

Нила — демонический слон, шкуру которого носит на себе победивший его Шива.

Нилакантха (букв.: синешей) — эпитет Шивы. Связан с легендой о пахтании богами и демонами мирового океана с целью добыть из него напиток бессмертия — амриту. Первым продуктом пахтанья оказался, однако, страшный яд, грозивший отравить землю. Яд этот был выпит Шивой, отчего у того посинела шея.

Палаша — дерево, обладающее красивыми цветами без запаха и не приносящее съедобных плодов. Также — имя демона

Паллавы — южноиндийская династия, к которой принадлежал Махендравикрамаварман (VI в.) — автор «Хмельных забав».

Пандавы (сыновья Панду) — пять братьев, главных героев «Махабхараты», соперничество которых с Кауравами (сыновьями Куру) составляет основное содержание поэмы.

Парвати — супруга бога Шивы, выступающая под этим именем в милостливой своей ипостаси (см. *Дурга*).

Парджанья — ведический бог дождя, позднее отождествленный с Индрой.

Паталипутра (совр. Патна) — столица страны Магадха, бывшей в IV—III вв. до н. э. центром могучей империи Маурья, владения которой доходили до Афганистана.

Паиупат — член одноименной шиваитской секты.

Пракриты — в противовес литературному санскриту, разговорные языки раннесредневековой Индии. На стилизованной разновидности пракрита шаурасени, отражающего язык двуречья Ганга и Джамны, в классической драме говорят женщины и комические персонажи.

Равана — десятиголовый царь демонов-ракшасов, владыка страны Ланка, выступающий в «Рамаяне» противником Рамы и похитителем его жены Ситы.

Радха — приемная мать Карны, заменившая ему родную мать — *Кунти Ракшаса* — демон.

Рама — главный герой эпической поэмы «Рамаяна».

Рамбха — прекрасная небесная дева (по-видимому, спутана Самстханой с Радхой — см.).

Ратнашашти — праздник в шестой день полнолуния.

Раху — демон, с которым индийская мифология связывает солнечные и лунные затмения. Когда боги и демоны добыли амриту (см. *Нилакантха*), между ними началась битва за то, кому ею владеть. Боги победили; прогнав демонов, они принялись пить амриту, и тут к ним присоединился Раху, принявший вид бога. Но солнце и луна опознали чужака и донесли о нем богам. Те тут же отсекли Раху голову, но так как он уже успел набрать амриты в рот, голова его обрела бессмертие. С тех пор она гоняется по небосводу за солнцем и луной, глотает их в отместку за предательство, но они тут же выскальзывают из перерубленного горла.

Ригведа. — См. *Веды*.

Рудра — древнейшее имя Шивы. По ведийскому ритуалу, остатки любого жертвоприношения считались долей Рудры.

Сала (сал) — распространенное в Индии крупное дерево (иногда название используется как нарицательное для дерева вообще).

Самаведа. — См. *Веды*.

Саманта — вассальный царь, уплачивающий дань верховному царю.

Сахья — хребет в Западных Гхатах, мифическая обитель Дурги.

Свастика — эмблема благополучия. Само это слово может переводиться как пожелание: «Счастливого существования».

Сита — супруга Рамы, героиня «Рамаяны» (никак не связана с Чанакьей — см. о нем «Перстень Ракшасы»).

Сканда, или Карттикея, — бог войны. Считался также покровителем воров и мошенников. Родился чудесным образом из вод Ганга. Иногда изображается с шестью головами.

Сома — священный наркотический напиток, употреблявшийся в ведийском ритуале.

Субандху — легендарный мудрец, почитаемый одним из авторов «Ригведы».

Субхадра — сестра царя Кришны, увезенная Арджуной (ни к Хануману, персонажу «Рамаяны», ни к полубогу Вишнавасу отношения не имеет).

Суганга — царский дворец в Паталипутре на берегу Ганга.

Сумеру — мифическая гора, обитель богов.

Сура — крепкий хмельной напиток.

Тамала — тamarинд. Имеет темную кору и листву и белые цветы.
Тими — фантастическая океанская рыба гигантских размеров.
Трипура — мифический город демонов, разрушенный Шивой.
Тришанку — самовлюбленный царь, пожелавший живым попасть на небо богов, но не достигший его и превратившийся в созвездие.
Тумбуру — гандхарва, прославившийся своим сладкогласием.
Турья — музыкальный инструмент.

Удаяна — легендарный царь Ватсы, романтические похождения которого явились популярным сюжетом древнеиндийской литературы (см.: С о м а д е в а. Повесть о царе Удайне. Пять книг из «Океана сказаний». М., Наука, 1967).

Ушанас (Шукра) — один из высших древнеиндийских авторитетов в области политической науки в эпоху до Маурьев.

Ушинара — народ, которым правил Шиби (см.).

Ушира — растение, из корня которого изготовляли душистый бальзам.

Хануман — обезьяна, мудрый советник царя обезьян, выступает среди героев «Рамаяны». Как союзник Рамы, он перепрыгнул с горы Махендра (букв.: великий Индра) на остров Ланку в одноименную столицу царя демонов Раваны, чтобы поджечь ее и посеять панику в стане врага. (Самстханака, как обычно, перепутал все имена.)

Хари — одно из имен Вишну.

Хидимба — демоница, мать Гхатоткачи.

Химаван — Гималайские горы.

Чакора — птица, которая, согласно индийским поверьям, питается лунным светом. Славится красотой глаз.

Чамара, или гаури. — белый султан из хвоста яка, знак царского достоинства.

Чампака — дерево с большими пахучими желтыми цветами.

Чанакья — политический советник и министр Чандрагупты (см.).

Чандала — представитель наиболее отверженной и презираемой касты. Чандалы, считавшиеся неприкасаемыми, исполняли в древности обязанности палачей.

Чандра — луна (также — сокращение имени Чандрагупта).

Чандрагупта (конец IV в до н. э.) — основатель империи Маурья, объединившей Северную Индию. Согласно большинству источников, он происходил из варны шудр — низшего сословия древнеиндийского общества. Отсюда его прозвище — Низкороджденный.

Читрагупта --- помощник и писец бога смерти Ямы, ведущий учет добрым и злым делам каждого человека и следящий, чтобы никто не преступил положенного ему срока жизни.

Шакра — эпитет бога Индры.

Шамбху (букв.: благодетельный) — эпитет Шивы.

Шанкара (букв.: успокаивающий) — эпитет Шивы.

Шарва (букв.: вооруженный стрелами) — эпитет Шивы.

Шветакету — один из древних мудрецов. Это имя используется и как эпитет Арджуны.

Шеша — гигантский тысячеголовый змей, согласно индийской космогонии, несущий на себе весь мир; олицетворение вечности. Клобуки голов Шеси, подобные клобуку кобры, украшены, по поверьям, сверкающими драгоценными камнями.

Шибхи — легендарный царь, прославившийся щедростью и милосердием. Популярна легенда о том, как он, желая спасти голубя от ястреба, накормил хищную птицу собственным мясом. В другой легенде он отдал свои глаза слепому нищему.

Шива — один из наиболее почитаемых в индуизме богов. В «великой триаде», включающей также Брахму — творца и Вишну — хранителя, Шива олицетворяет разрушительное начало. Имеет в числе атрибутов ожерелье из человеческих черепов и трезубец. Часто изображается в своем мистическом танце (тандава), выступая сам же и его зрителем-созерцателем. Признается божественным прообразом и покровителем танцоров-мимов.

Шлока — двусложные с 16 слогами в строке, обычный размер санскритской эпической поэзии. Эту форму имеют многие стихотворные афоризмы.

Шона, или *Сона* (букв.: Красная) — река, впадающая в Ганг недалеко от Паталипутры.

Шри — эпитет Лакшми, супруги бога Вишну и богини счастья, удачи, славы, власти, богатства и красоты. Цветок лотоса — постоянный ее атрибут, поскольку в легендах рассказывается, что она выплыла на цветке лотоса из океана, когда его пахтали боги и демоны (см. *Нилакантха*).

Экамра — лес в Ориссе, считавшийся любимым прибежищем Шивы. Там сосредоточены места его почитания.

Югандхара — эпитет Шивы.

Юджиштхира — старший из Пандавов.

Яма — бог смерти, властелин царства мертвых. В назначенный час его слуги приходят за душой человека.

ОБЕТ ЯУГАНДХАРАЯНЫ

С. 22. *Да охранит вас...* — вступительная строфа посвящена богу Сканде, руководителю войска небожителей, который одержал победу над могущественным демоном, угрожавшим царю богов Индре. Благодаря непередаваемой игре слов в строфе, перечисляющей эпитеты Сканды — Царь-дитя, сын Югандхары (Шивы) и др., звучат одновременно имена главных героев драмы: Васавадатты, Прадхоты Могущественного, царя ватсов и Яугандхараяны.

С. 23. *...ленту для гонца.* — Лента с вплетенными в нее цветами, специально приготовленная женщинами, надевалась гонцу на запястье как амулет, предохраняющий от несчастий в пути.

С. 29. *Подобны пустым заботам об освященье коня...* — Имеется в виду обряд освящения оружия, совершавшийся царем перед выступлением в поход.

Но тебя недаром же зовут Виджая! — Это имя переводится как Победная.

С. 35. *Владыки Каши...* — Здесь перечисляются древние царства: Каши (см.), Ванга — современная Бенгалия, Саураштра — современный Гуджарат, Шурасена — двуречье Ганга и Джамны, Магадха и Митхила — юго-восточная и северо-восточная части современного штата Бихар (непосредственно соседствуют с местом действия).

С. 41. *Выделявали их за сценой...* — В бессвязной речи юродивого, как и во всей беседе мнимых нищих, кроются намеки на их истинные цели. «Сласти» здесь — их замыслы; упоминание о сцене намекает на переодевание в роли нищих.

Индра в оковах! — Это восклицание можно одновременно понять и как «Царь в оковах!». Переодетый юродивым Яугандхараяна имеет в виду Удаюну, а самого себя сравнивает со слоном Айраватой.

С. 43. *...обряд благого дня...* — обряд, совершавшийся в определенные, признаваемые благоприятными, дни лунного месяца.

С. 44. *Когда минул восьмой день темной половины месяца...* — Лунный месяц индуистского календаря подразделяется на две половины: темную и светлую, начинающиеся соответственно со дня полнолуния и со дня новолуния.

...ведь нет греха в том, чтобы лицезреть девушку... — В древней Индии замужние женщины высокого общественного положения не показывались открыто в публичных местах.

С. 47. *...чтобы развлечься игрою в воде...* — Игры в воде служили любимым развлечением женщин из царских домов.

С. 54. *Дочь твоя вышла замуж по обычаю кшатрийского рода.* — Пережитки обычая умыкания невесты долго сохранялись в древней Индии и были узаконены в сословии кшатриев — воинской аристократии.

ПЕРСТЕНЬ РАКШАСЫ

С. 57. *Малаякету... правитель Горной Страны.* — Являлся ли Малаякету, как и другие персонажи пьесы, кроме Чандрагупты и Чанакьи, реальным историческим лицом, неизвестно. Царство его не поддается отождествлению; населенное «варварами», то есть индийскими племенами, оно находилось, по-видимому, в Гималаях или Гиндукуше.

С. 58. *Что за счастливицу, супруг, несешь ты на своем челе?..* — В диалоге Шивы и Парвати речь идет о нисхождении «реки богов» Ганги (по-индийски Ганга — женского рода и олицетворяется в образе женщины) с небес на землю. Согласно легенде, три последовательных потомка царя Сагары — Аншуман, Дилипа и Бхагиратха — жестоким подвижничеством, длившимся десятки тысяч лет, склоняли Гангу сойти на землю, чтобы ее священной водой совершить обряд возлияния над прахом 60 000 погибших сыновей Сагары. Когда Ганга наконец согласилась, то, чтобы охранить землю от катастрофических разрушений при падении на нее реки с заоблачных высот, на сцену выступил бог Шива, принявший Гангу на собственное чело.

С. 59. *О правительница дома...* — Перечисленные здесь хвалебные эпитеты женщины-хозяйки имеют и иные значения, характеризующие достоинства государственного деятеля и приложимые к Чанакье. Этим удовлетворяется требование индийской теории драмы о том, чтобы в прологе давались намеки на дальнейшее содержание самой пьесы. Вера (точнее, религиозные заслуги — дхарма), польза (артха) и любовь (кама) — три основных ценности человеческой жизни в традиционной индийской этике. За ними кроется намек на три цели политика: уменьшение, равновесие и возвышение мощи государства.

С. 60. *Злобный вор вместе с Кету врасплох нападает на Чандру...* — Здесь мифологическая картина — погоня демонов Раху (см.) и Кету (см.) за луной, которую спасает Будха (см.), — аллегорически воспроизводит политическую ситуацию: Ракшаса и Малаякету посягают на Чандрагупту, но того поддерживает Мудрый — советник.

С. 61. *...волос развязанную прядь на голове моей.* — Речь идет об обете, данном Чанакьей после того, как он был оскорблен Нандой: он распустил прядь волос, обычно оставляемую брахманами на бритой голове, и поклялся, что не завяжет ее, пока не уничтожит обидчика со всем его родом.

С. 62. *И теперь, уже исполнив обет, не оставляю меча...* — Меч служил атрибутом должности министра.

С. 63. *...умертвил... подослав к нему ядовитую девушку...* — Ядовитая девушка встречается в древнейших индийских сказаниях. Это

красивая женщина, тело которой напоено ядом; сношения с ней ведут к смерти.

С. 68. *Читраварман Кулутский...* — Перечисляются союзники Малайкету, властители реально существовавших государств. Кулута (совр. Кулу) — область, лежащая к юго-востоку от Кашмира в предгорьях Гималаев. Дислокация царства Малайя не вполне ясна; обычно его относят к Гималайской области.

С. 70. *Как раз это приличествует тебе с людьми нашего положения.* — Намек на близость Чанданадасы к министру Ракшасе.

С. 74. *...и пчелы на запах мускуса слетаются к нему.* — В период спаривания из желез на висках слона выделяется пахучая жидкость, привлекающая насекомых. Пчела, летящая на этот запах — популярнейший образ древнеиндийской поэтики.

С. 76. *Про себя, перейдя на санскрит.* — Персонажу не нужно перед самим собой притворяться низкороджденным заклинателем змей, которому в драме положено говорить на пракрите. Тем самым он обнаруживает свою высокую касту.

С. 78. *...показывает, что у него дергается левое веко.* — Подергивание левого века — дурная примета для мужчины в поверьях древних индийцев.

С. 79. *Пчела соберет нектар...* — В подлиннике игра на созвучии слов «нектар» и «толки», позволяющая соотнести соглядатая с пчелой.

О, Вира... (*Запинается*). — Ракшаса спохватился, что не следует называть при слуге подлинное имя своего шпиона.

С. 80. *...пришли скифы, греки, кираты...* — Скифы (шака) здесь явный анахронизм — они впервые появились в Индии почти через три века после Чандрагупты; греки (явана) — остатки войск Александра Македонского или же бактрийцы; кираты — горные племена из центральной части Гималаев; *камбоджийцы* — жители древней страны, лежавшей к северу или же к западу от Панджаба; *Балх* — область в северном Афганистане.

С. 86. *Я нес гирлянду смертника на шею...* — Осужденного на казнь украшали подобно жертвенному животному. В частности, на шею ему надевали цветочную гирлянду и умащали его благовониями.

С. 91. *Десять стран небес реке подобны.* — Десять сторон света — поэтическая вольность. Обычно индийцы различают их восемь.

Даже злобный нрав павлиний ты смирить сумела... — Злая закосчивость павлина — обычный образ санскритской поэзии. Считается, что осень, признаваемая в Индии приятнейшим временем года, умиротворяет и эту птицу.

С. 93. *Вот камень, чтоб им кизяки разбивать...* — Характеризуя скромность жилища Чанаки, четверостишие вместе с тем указывает

на высокий брахманский сан его хозяина. Об этом говорят кизяки, трава куша и дрова, необходимые для совершения жертвоприношений и доставляемые брахману его учениками.

С. 95. *Бык меж царей...* — Сравнение доблестного героя с быком обычно для индийского эпоса. Здесь же оно усугубляется созвучием слова «бык» по-санскритски с прозвищем Чандрагупты — Низкорожденный.

С. 96. *Белизной облаков свод небесный покрыт...* — В санскритской поэзии осень обычно характеризуется белым цветом. Вся строфа построена на ассоциациях традиционных эпитетов осени и канонических атрибутов бога Шивы.

С. 99. *Разве до празднования дня полнолуния сейчас, когда нужно заняться приготовлениями к обороне?* — Следующая за сезоном дождей осень, когда просыхали дороги и разлившиеся реки возвращались в свои берега, считалась в древней Индии наиболее благоприятным временем для начала военных действий.

С. 104. *...я даже возлияния воды не совершил в память о его душе...* — Согласно древнеиндийскому ритуалу, в память умершего полагалось совершать жертвоприношения. Малаякету откладывает их до расплаты с врагом.

С. 120. *Посылка такова: дым виден над холмом.* — В подлиннике приводится теоретическое рассуждение, построенное по правилам индийской средневековой логики «ньяя» и оперирующее отвлеченными терминами. Для удобопонятности это рассуждение в переводе заменено традиционным индийским силлогизмом, обычно используемым в качестве его иллюстрации.

Я так решил: пойдут за мною следом магадские и кхасские войска. — В дополнение к упоминавшимся ранее народам (см. примеч. к с. 80) здесь названы кхасы — горные племена, обитавшие на севере Бенгалии. Гандхара — область на границе современных Пакистана и Афганистана.

С. 138. *...последовать за своим супругом.* — Самоубийство добродетельной жены (сати), готовой взойти на погребальный костер мужа, считалось весьма похвальным поступком с точки зрения религиозной морали, и случаи самосожжения вдов имели в Индии место вплоть до нового времени.

ГЛИНЯНАЯ ПОВОЗКА

С. 148. *Поэтом лучшим среди рожденных дважды считался он...* — Дважды рожденные — представители трех высших варн (каст) древнеиндийского общества: жреческой, воинской и торгово-ремесленной, — имевшие доступ к образованию, приобретение которого расценивалось как второе рождение.

С. 149. *Он жертвоприношение коня под старость совершил с успехом полным.* — Жертвоприношение коня в древней Индии устраивалось царями по очень значительным поводам и было доступно лишь самым могущественным властителям, так как до заклания конь должен был свободно бродить в течение года, и целое войско сопровождало его, чтобы никто не смел воспрепятствовать его движению через любые границы.

С. 151. *Так пропади ж ты!* — Согласно комментаторам, это проклятие, адресованное актрисе, выступающей далее в роли Васантасены, и вызывает злключения героини драмы.

...чтобы в следующем нашем рождении именно ты стал моим мужем. — Здесь отражается доктрина кармы — верование в перерождение души, последующее существование которой определяется благими или злыми деяниями в настоящем.

...приглашу брахмана, который подходил бы людям нашего круга. — Ввиду низкого кастового статуса актеров, брахманы, особенно богатые, уклонялись от участия в их церемониях.

С. 154. *...месяц молодеет и хорошеет, когда боги выпивают из него амброзию.* — В индийской мифологии луна представляется прозрачным сосудом с амброзией, которую пьют боги и души усопших, вызывая этим убывание диска луны.

С. 157. *Я, видно, напрасно перечислял все десять ее наименований...* — Перечисление эпитетов божества в Индии считается одним из путей к тому, чтобы снискать его благоволение.

...бежишь, подобно города богине... — Сравнение с богиней города, храм которой был открыт как прибежище для любого пришельца, содержит намек на профессию Васантасены.

С. 158. *...зови же сразу всю весну!* — Имя Васантасена значит: «та, чье войско весна».

С. 161. *Я считаю, что бедность — шестой величайший порок.* — Древнеиндийские законы называют пять великих пороков: убийство брахмана, питье вина, сожительство с женой наставника, воровство, кровосмешение.

С. 165. *Он древом был, покорно исполнявшим желанья бедняков...* — Чарудатта сравнивается с мифическим деревом, исполняющим желания, которое было добыто богами в числе прочих сокровищ при пахтании океана (см. *Нилакантха*).

С. 166. *...череп твой напоминает мне воронью лапу.* — Комические персонажи индийской драмы носили маски с причудливыми выражениями.

С. 175. *...ты заключен в круг игрока.* — Символическая форма ареста, поддерживавшаяся авторитетом властей, получавших свою долю с дохода игорных домов.

С. 189. *Ведь Сканда... указал четыре способа взламывать сте-*

ны. — Здесь и ниже, возможно, цитируется один из существовавших в древней Индии трактатов об искусстве воровства.

Жертвенный шнур для брахмана тоже очень важная вещь... — Священный жертвенный шнур, надевавшийся кольцом через левое плечо под правую руку и употреблявшийся в ритуальных церемониях, был неременной принадлежностью костюма брахмана.

С. 191. *О друг, заклинаю тебя любовью к коровам...* — Корова у индуистов является священным животным.

С. 197. *...твоя мать велит сказать тебе...* — На матери гетеры лежала обязанность устраивать дела дочери, то есть искать ей состоятельных содержателей и следить, чтобы она не заводила недостаточного богатых поклонников, что вредило профессиональному престижу.

С. 206. *Я же, брахман, не совершал никаких аскетических подвигов и все же шествую в сопровождении шлюхи.* — В подлиннике игра на слове «пушпака», являющемся одним из наименований гетеры, а также названием волшебной колесницы, способной летать по воздуху. Эту колесницу царь демонов Равана отнял у своего брата Куберы с помощью сверхъестественной силы, приобретенной им тяжкими подвигами воздержания.

С. 208. *...будто это валяются звезды с неба, когда израсходованы все их прежние заслуги.* — По мифологическим представлениям, звезды — это праведники, вознесенные на небо и пребывающие там, пока не истощатся их заслуги, после чего следует падение на землю и новое рождение.

С. 211. *Тут растут золотой жасмин...* — Далее перечисляются декоративные цветущие растения.

С. 217. *А ты-то почему каркаешь, как влюбленный ворон на празднике Индры.* — По некоторым мифам, вороны считались детьми Индры, вследствие чего им разрешалось поедать приносимые этому богу жертвы.

С. 229. *Мы войдем с тобой во внутренние покои.* — Внутренние покои, святая святых дома, были открыты только для членов семьи. Приглашением войти туда Чарудатта ставит гетеру вровень с женой.

С. 237. *Мы понимаем языки многих чужих народов...* — Следует перечень, в котором перемежаются названия реальных и мифических народов. Смешение мужского и женского рода отражает реальную особенность языков не столько Южной, сколько Восточной Индии.

С. 238. *Ты, людям делаая прически, работал ножницами рьяно...* — Оскорбительный намек на принадлежность к низкой касте цирюльников.

С. 239. *Как, я, Чанданака, кожевник?* — Кожевники принадлежали к низкой касте и считались неприкасаемыми.

С. 254. *Скажи, в какой же лодке переправиться смогу я через реку...* — Речь идет о Вайтарани — мифической реке, лежащей на пути в загробный мир.

С. 263. *...держись за эту свисающую с дерева лиану.* — Буддийским монахам не полагалось касаться женщин.

С. 265. *Входит судья в сопровождении старейшины...* — Старейшина купцов должен был присутствовать в суде при разборе имущественных конфликтов.

С. 268. *Стирает ногой написанное.* — Предварительная запись показаний велась на черной доске, откуда они затем переносились в протокол.

С. 270. *Весь черный-черный, словно мазь глазная...* — Глазная мазь, содержащая сурьму, — весьма популярное в Индии косметическое и гигиеническое средство.

С. 273. *Владыку гор не сможет взвесить он...* — Владыкой гор обычно именуют Гималаи.

С. 281. *Пусть сыновья с ним и внуки погибнут!* — Проклятие адресовано царю Палаке, вынесшему смертный приговор Чарудатте. Согласно комментаторам, оно вызвало падение Палаки.

С. 284. *О глава своей касты...* — Называть касту низкородящего, например чандалы, считалось невежливым.

Я прошу вас дать мне увидеть лицо сына, чтобы мне достичь покоя на том свете. — Согласно древнеиндийским поверьям, сын оставался на земле предстателем за отца, и на него ложилось совершение необходимых обрядов и жертв (поэтому Чарудатта далее сетует, что сын его еще мал).

С. 292. *Я буду счастлива, как лотос, увидевший луну.* — В индийской поэтике лотос и луна символизируют пару влюбленных.

С. 299. *Царь доволен тобой и разрешает именовать тебя его супругой.* — Такое разрешение символизировало освобождение от профессии гетеры.

ХМЕЛЬНЫЕ ЗАБАВЫ

С. 304. *...наделенного достоинствами юных лет.* — Это эпитет автора пьесы, принимаемый как его литературное имя (Джовванагунабхара).

С. 305. *Царь царей* — эпитет Куберы, бога богатства.

...подавивший окончательно Шесть врагов... — Шесть грехов в индуизме: желание, гнев, алчность, сладострастие, гордость, распутство. *Великие стихии* — огонь, вода, земля, эфир, воздух.

С. 307. *...ведь это ложные учения!* — Далее излагаются некоторые принципы религиозно-философского учения джайнов, проповедовавших, в частности, крайний аскетизм как средство освобождения души от уз материи.

Стр. 309. *...почитатели Великого Владыки (Шивы)!* — Так именовались члены одной из шиваитских общин, которым вменялся в обязанность контроль за доходами церкви, распределением пожертвований и подаяний.

С. 311. *Ну да, это истина ограниченная.* — Здесь иронически обыгрывается буддийское учение о различении истины «ограниченной» (феноменальной) и «высшей» (трансцендентной).

С. 312. *Он сын того, кто мнил...* — Учение буддизма говорило об иллюзорности материального мира.

С. 313. *Что нам полагалось сделать, сделали гандхарвы.* — Пословица, намекающая на счастливого соперника в любви или на неверность невесты (см. *Гандхарвы*).

С. 314. *Лотосотронный бог* — Брахма.

Но, тяжкий обет исполнив, он снял с себя грех великий. — Капалин ссылается на два известных мифа: 1) о том, как Шива в борьбе за власть с Брахмой (Прародителем) отсек одну из его пяти голов, за что вынужден был нести покаяние, и 2) об убийстве царем небожителей Индрой трехглавого дракона Вишварупы, что явилось тяжким грехом, поскольку Вишварупа был облечен саном божественного жреца.

С. 315. *Недаром же вы происходите от сына Майи...* — Игра слов: майя — магические способности богов и демонов, и это же слово является именем матери Будды.

Верхом на деревенском кабане воспрянул до небес Океан... — Речь юродивого, подобно репликам Самстханаки («Глиняная повозка»), построена на нелепых ассоциациях. Деревенский кабан, очевидно, — реминисценция мифа о воплощении Вишну в образе вепря. *Океан* — бог морской стихии.

С. 317. *...вознесусь в пламени господя, пребывающего на Восточной равнине.* — Речь идет о погребальном костре. Такие костры, обслуживать которые было обязанностью пашупатов, горели, очевидно, при каком-то шиваитском святилище к востоку от Канчи.

М. Воробьева-Десятовская, Г. Зограф, В. Эрман

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В Эрман. Предисловие</i>	3
<i>Бхаса. Обет Яугандхараяны. Перевод В. Эрмана. Стихи в переводе Н. Голя</i>	19
<i>Вишакхадатта. Перстень Ракшасы.* Перевод В. Эрмана. Стихи в переводе Н. Голя</i>	55
<i>Шудрака. Глиняная повозка.* Перевод В. Воробьева-Десятковского. Стихи в переводе В. Шефнера</i>	155
<i>Махендравикрамаварман. Хмельные забавы. Перевод В. Эрмана. Стихи в переводе Н. Голя</i>	301
<i>Комментарий</i>	319

КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Редактор Н. Толстая
Художественный редактор В. Куприянов
Технический редактор М. Шафрова
Корректор М. Зиминая

ИБ № 2818

Сдано в набор 05.09.83. Подписано в печать 21.02.84. Формат 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр.-отт. 18,48. Уч.-изд. л. 19,50. Тираж 50 000 экз.
Изд. № Л VII-49. Заказ 103 Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение, 191186 Ленинград, Д-186, Невский пр., 28

Набрано и сматрицировано в орден Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15. Отпечатано в Ленинградской типографии № 2-головном предприятии ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29.

КЛАССИЧЕСКАЯ ДРАМА ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

КЛАССИЧЕСКАЯ
ДРАМА
ДРЕВНЕЙ
ИНДИИ

